4° Pol. g. 258 v

<36621064660019

<36621064660019

Bayer. Staatsbibliothek

Ф54/31844

СИСТЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКАГО РАВНОВѢСІЯ И ЛЕГИТИМИЗМА
И
НАЧАЛО НАЦІОНАЛЬНОСТИ
ВЪ ИХЪ ВЗАИМНОЙ СВЯЗИ.

ИСТОРИКО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ВСЕВОЛОДА ДАНЕВСКАГО

Доцента Харьковскаго Университета, члена-сотрудника Гентскаго Института Международнаго Права.

Bayerische Staatsbibliothek München

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Р. Голике, Невскій, 106.
1882.

4° Pol.g. 258 v

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FgT/195/7574

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе III—VII

ОТДѢЛЪ I.

Система политическаго равновѣсія.

ГЛАВА I.

Политическое равновѣсіе въ исторіи и трактатахъ.

1. Историческій очеркъ 1
2. Политическое равновѣсіе въ трактатахъ 7

ГЛАВА II.

Критика системы политическаго равновѣсія и его литература.

1. Критика системы политическаго равновѣсія 15
2. Политическое равновѣсіе въ литературѣ 36

ОТДѢЛЪ II.

Начало легитимизма.

А. Историческое развитіе легитимизма въ Европѣ.

1. Общій очеркъ 46

ГЛАВА I.

Періодъ первый.

Эпоха реставраціи во Франціи.

1. Реставрація съ международной точки зрѣнія 51
2. Отношеніе Франціи къ Бурбонамъ и реставраціи . . . 63

ГЛАВА II.

Періодъ второй.

Отъ вѣнскаго конгресса до конгресса въ Ахенѣ (съ 1814 по 1818 г.).

1. Трактаты и начала, предложенные для руководства конгрессу 73

стр.

2. Роль и планы важнѣйшихъ державъ, участвовавшихъ на конгрессѣ 86
3. Основанія рѣшеній конгресса и сдѣланныя имъ территоріальныя раздѣленія 96
4. 100 дней . 112
5. Критическія замѣчанія о вѣнскомъ конгрессѣ 138
6. Священный союзъ 150
7. Ахенскій конгрессъ. 158

ГЛАВА III.

Періодъ третій.

Отъ Карлсбадскихъ переговоровъ до конгресса въ Веронѣ (съ 1819 по 1823 г.).

1. Карлсбадскіе переговоры. 168
2. Неаполь и Пьемонтъ. Конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ. 182
3. Испанія и Веронскій конгрессъ. 195

В. Теорія легитимизма въ литературѣ и его критика.

ГЛАВА I.

Легитимизмъ въ литературѣ. 206

ГЛАВА II.

Критика легитимизма 219

ОТДѢЛЪ III.

Начало національности.

ГЛАВА I.

Національность въ исторіи и въ оффиціальныхъ актахъ.

1. Появленіе и развитіе національностей въ политической исторіи 238
2. Процессъ выдѣленія, объединенія и измѣненія государственныхъ формъ подъ вліяніемъ національной идеи. 248
3. Попытки къ оффиціальному признанію начала національности. 260

ГЛАВА II.

Установленіе начала національности и его опредѣленіе . . 268

ГЛАВА III.

Возраженія противъ начала національности. 297

ГЛАВА IV.

Національность и право завоеванія 311

ВВЕДЕНІЕ.

Наблюдая современныя отношенія между государствами, замѣчается въ нихъ, прежде всего, *постоянство* и нѣкоторая *правильность*. Такъ, государства сносятся между собою, регулируютъ свои политическія отношенія, защищаютъ частные интересы своихъ подданныхъ, экономическіе интересы цѣлаго государства или отдѣльныхъ его провинцій. *Интересы* эти, при всей исторической измѣнчивости понятія о ихъ *содержаніи*, сами по себѣ постоянны, а это постоянство требуетъ и постоянства и нѣкоторой правильности сношеній между заинтересованными въ ихъ охраненіи государствами. Среди этихъ интересовъ, часто противоположныхъ, можно найти и такіе, которые общи всѣмъ государствамъ извѣстной высокой ступени культуры, почему охрана и поддержаніе ихъ одинаково необходимы для всѣхъ государствъ. А постоянство и правильность отношеній между державами обезпечиваютъ защиту лишь экономическихъ, нравственныхъ и духовныхъ интересовъ, общихъ всѣмъ государствамъ. Установляется извѣстный порядокъ, болѣе или менѣе совершенный; степени его совершенства различествуютъ, смотря по степенямъ сознанія интересовъ, а сама степень сознанія прямо пропорціональна высотѣ культуры, на которой стоитъ та или другая историческая эпоха. Порядокъ этотъ, обезпечиваемый правильностью и постоянствомъ отношеній, регулируемыхъ правомъ,

не всегда поддерживается; столкновенія съ государствами, оканчивающіяся часто войною, расшатываютъ этотъ порядокъ. Но сама конечная цѣль войнъ—возстановленіе *порядка*, хотя бы съ измѣненіями, вынужденными новыми отношеніями и жизненными интересами. Гуманизація же самыхъ способовъ веденія войны, пропорціональная повышенію человѣческой культуры, сама ведетъ къ тому, что опасность сильнаго поколебанія или конечной гибели порядка во время войны постоянно уменьшается.

Итакъ, существуетъ въ отношеніяхъ между государствами извѣстный порядокъ, поддерживаемый и охраняемый правильностью и постоянствомъ сношеній между государствами, приблизительно, одной степени культуры, дающей имъ возможность сознательно относиться къ этому порядку и понимать его необходимость. Эта необходимость лежитъ въ природѣ человѣка, который, постоянно улучшая свой физическій организмъ путемъ естественнаго подбора, исторически улучшаетъ и повышаетъ нужды, физическія потребности человѣка, а также духовныя, такъ какъ послѣднія увеличиваются вслѣдствіе качественнаго и количественнаго увеличенія способностей человѣка, постоянно возрастающихъ притомъ пропорціонально усовершенствованію самаго организма. Удовлетворенія различныхъ потребностей и развитія способностей своихъ человѣкъ ищетъ въ различныхъ формахъ общежитія, которыя болѣе или менѣе сложны и совершенно соотвѣтственны большей или меньшей наличности потребностей и способностей человѣка въ ту или другую историческую эпоху. Естественно, что высшіе союзы могли появиться въ болѣе совершенныхъ формахъ только съ того момента, когда наросшія потребности и способности не могли быть удовлетворяемы совсѣмъ или въ достаточной степени прежде существовавшими общеніями. Этимъ объясняется, почему высшій союзъ—между государствами — появился позднѣе всѣхъ прочихъ. Чѣмъ ниже и тѣснѣе человѣческіе союзы, тѣмъ больше они охватываютъ человѣка и тѣмъ болѣе вліяютъ на него; такъ, человѣкъ больше охваченъ союзомъ государственнымъ, чѣмъ союзомъ международ-

нымъ, въ которомъ связи между отдѣльными людьми сознаются меньше и не столь непосредственно воздѣйствуютъ на людей и низшія общенія.

Но всѣ формы общенія имѣютъ въ виду человѣка, съ его потребностями и способностями. Если узы общенія слишкомъ стянуты, если человѣкъ теряетъ въ немъ свою личность, извѣстную свободу дѣйствій, общеніе уже нарушаетъ цѣли своего существованія, скорѣе препятствуетъ, чѣмъ удовлетворяетъ развитію способностей и удовлетворенію потребностей человѣка. Человѣкъ можетъ и долженъ уступить изъ своей свободы, изъ своихъ личныхъ правъ только то, что необходимо для достиженія общихъ цѣлей союза, для обезпеченія солидарности интересовъ между его членами. Низшіе союзы, входя въ составъ высшихъ, тоже должны сохранять нѣкоторую свободу и свою самостоятельную сферу дѣйствія. Напр., государство должно признавать союзъ семейный и предоставить ему извѣстную самостоятельность и свободу. Восходя, такимъ образомъ, до союза международнаго, въ которомъ воплощается идея постоянства и правильности сношеній между государствами, мы увидимъ, что отдѣльные его члены, государства, всегда требовали и пользуются въ дѣйствительности значительною долею свободы и самостоятельности. При частыхъ нарушеніяхъ этого принципа, которыя мы встрѣчаемъ во всемірной исторіи, все же конечный результатъ всегда благопріятствовалъ идеѣ свободы и самостоятельности (напр., всѣ попытки ко всемірной монархіи оказались недостижимыми). Поэтому сознаніе человѣчества пришло къ необходимости допустить право государствъ, т. е. субъектовъ, дѣйствующихъ въ международномъ союзѣ, на нѣкоторую самостоятельность и свободу. Они ограничены только настолько, насколько это необходимо для поддержанія общаго порядка, при помощи котораго охраняются общіе всѣмъ членамъ интересы, обезпеченіе которыхъ есть гарантія для достиженія въ этихъ упорядоченныхъ отношеніяхъ всего необходимаго для развитія человѣческихъ способностей и удовлетворенія его потребностей, повышающихъ въ свою очередь человѣческій

типъ *). Свободныя и самостоятельныя государства въ организованномъ порядкѣ, зиждущемся на постоянствѣ и правильности отношеній между государствами, регулируемомъ правомъ—вотъ на чемъ долженъ покоиться международный союзъ. Международное же право будетъ совокупностью *юридическихъ отношеній между государствами и ихъ подданными, входящими въ организованный порядокъ, поддерживающій постоянство и правильность этихъ отношеній.*

Первое стремленіе, естественно присущее государствамъ, входящимъ въ международный союзъ, есть желаніе обезпечить себѣ по возможности пользованіе независимостью и свободою. А какъ безчисленныя историческія причины препятствовали иногда этому пользованію и вели къ грубымъ нападеніямъ на самое существованіе независимыхъ государствъ, то первою мыслью, на которую напалъ международный союзъ, связанный первоначально только весьма слабыми узами, было изысканіе средствъ, системы охраненія этой независимости и свободы государствъ. Тогда создалась, такъ называемая, система политическаго равновѣсія, какъ гарантія существованія свободныхъ и независимыхъ государствъ.

Имѣя, главнымъ образомъ, въ виду охрану субъективнаго принципа международнаго права (права государствъ, субъектовъ международнаго права, на самостоятельность и свободу), система равновѣсія преслѣдовала въ конечной цѣли и идею охраны порядка. Понятно, что если система эта не могла обезпечить первой, то она не достигала и второй своей цѣли, такъ какъ обѣ (идея независимости частей и организованнаго между ними порядка), тѣсно связаны: нарушеніе первой влекло за собою потрясеніе послѣдней. Система равновѣсія и всѣ попытки къ ея устроенію оказались несостоятельными: механическая теорія и искусственные планы, связанные съ нею, были произвольны, давали оправданіе насилію. Она не устранила

*) См. подробно нашу статью «Принципы международнаго права» въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», за май 1880 г.

ни войнъ, ни попытокъ ко всемірной монархіи, свелась къ нарушенію того, что желала охранять — независимости и свободы государствъ, вносила разстройство и крайнюю неустойчивость въ международный порядокъ, совсѣмъ расшатавшійся въ эпоху революціи и имперіи.

Съ вѣнскаго конгресса отживавшій и непригодный принципъ политическаго равновѣсія начинаетъ вытѣсняться. Международный союзъ, вѣрнѣе, главные его руководители пытаются возстановить расшатанный порядокъ. Не отказываясь еще, подъ вліяніемъ старыхъ традицій, отъ идеи политическаго равновѣсія, онъ направилъ свои силы главнымъ образомъ на поддержаніе *порядка,* который хотѣли создать и обезпечить на началахъ *легитимизма* во внутренней и въ международной жизни государствъ. Всѣ силы, всѣ мысли устремились на эту сторону; ее развили, искали укрѣпить порядокъ всѣми способами. И если прежняя исторія международныхъ сношеній забывала и игнорировала идею порядка, ради идеи свободы и независимости, то съ вѣнскаго и особенно послѣдующихъ конгрессовъ начинается эпоха, въ которой преобладала мысль *охраны цѣлаго,* путемъ созданія и обезпеченія легитимнаго порядка, которой приносили въ жертву идею права составныхъ частей цѣлаго на нѣкоторую свободу и независимость. Послѣдующіе за вѣнскимъ конгрессы довели это стремленіе до крайности, и хотѣли убить даже внутреннюю свободу государствъ. Система политическаго равновѣсія не касалась, по крайней мѣрѣ, внутренней государственной сферы; система, построенная на началахъ легитимизма, коснулась и внутренней свободы государствъ; она хотѣла создать *вѣчный порядокъ* подавленіемъ личности. Результатомъ ея было подавленіе прогресса, изгнаніе идеи поступательнаго развитія государственной жизни, насиліе надъ личною свободою гражданъ и правомъ государствъ. Но порядокъ, не признающій идеи свободы частей, его составляющихъ, не можетъ существовать. Онъ расшатался очень скоро. Новая идея—національности, появившаяся еще при французской революціи, сломила косность легитимнаго порядка и проявилась съ особенною силою съ начала второй половины нашего столѣтія. Она выра-

жала собою реакцію тому направленію, которое хотѣло задушить начало свободы индивидуума и государствъ; но прогрессъ не допустилъ ее ограничиться ролью борца за сохраненіе государствъ стараго образца и за обезпеченіе ихъ правъ на существованіе, проявляющееся въ свободѣ и самостоятельности. Ненормальный составъ многихъ государственныхъ тѣлъ, давившихъ свободу коллективныхъ личностей (національностей), нашелъ себѣ осужденіе въ новомъ началѣ, которое стремилось пересоздать порядокъ на основѣ свободы и самостоятельности государствъ, *построенныхъ* на *національномъ фундаментѣ*. Новая идея стремится къ тому, чтобы націи (nation) совпали съ понятіемъ о народѣ (Volk) въ государственномъ смыслѣ, т. е., чтобы границы національностей и государствъ совпадали между собою. Она имѣетъ въ виду охранить это *новое*, *національное* государство, и въ этомъ смыслѣ начало національности измѣнило прежнюю идею свободы и самостоятельности государства, т. е., выразило собою принципъ прогресса въ исторіи разрушеніемъ понятія о прежнемъ государствѣ, образовавшемся завоеваніемъ, дареніемъ, куплею-продажею, мѣною и другими способами, посредствомъ которыхъ сливали въ одно цѣлое различныя по національностямъ провинціи. Но, разрушая старый порядокъ, основанный на прежнемъ государствѣ, новое начало хочетъ создать болѣе *прочный* порядокъ организаціи, въ которую войдутъ отдѣльные члены (національныя государства), удовлетворенные въ естественныхъ своихъ стремленіяхъ. А это удовлетвореніе сократитъ поводы къ столкновеніямъ между народами, умиротворитъ то, что находилось прежде въ состояніи раздора, создастъ цѣльность стремленій, укрѣпитъ правильность въ отношеніяхъ между государствами, среди которыхъ не будетъ уже державъ, отдѣльныя провинціи которыхъ, съ ихъ часто противоположными интересами, препятствуютъ имъ вносить въ международный союзъ цѣлостность и единство интересовъ.

ОТДѢЛЪ I.

Система политическаго равновѣсія.

ГЛАВА I.

Политическое равновѣсіе въ исторіи и трактатахъ.

1. Историческій очеркъ.

Идея защиты свободы и самостоятельности государствъ не могла проникнуть въ общее сознаніе народовъ древняго міра. Древность отрицала въ самомъ принципѣ идею независимости государствъ. Сосѣдъ считался неприкосновеннымъ, поскольку онъ фактически могъ защищать свою свободу отъ покушеній сильнѣйшаго. За отдѣльнымъ лицомъ чуждой націи не признавалось права личной неприкосновенности и свободы; тѣмъ меньше право это могло признаваться за цѣлою націею или государствомъ. Отсюда—нападеніе на сосѣдей и завоеваніе ихъ территоріи, уничтоженіе государственной независимости по праву сильнаго. Это было общераспространеннымъ сознаніемъ древности.

Но отдѣльные, выдающіеся умы древности, особенно государственные люди, дорожа независимостью родины, должны были напасть на мысль объ отысканіи средствъ для борьбы противъ завоевательныхъ поползновеній сосѣдей. Нѣкоторые изъ правителей и политическихъ людей древности, побуждаемые сперва инстинктивнымъ стремленіемъ спасти независимость родины, сознательно возвысились до идеи равновѣсія силъ. Историкъ Юмъ [1]) утверждаетъ про древнихъ, что если они и не имѣли опредѣленной теоріи равновѣсія силъ между державами, то она все же практи-

[1]) *Wheaton*. «Histoire», tome I, стр. 13—17.

ковалась ими. Такъ, Ѳемистоклъ видѣлъ въ лигѣ, составленной противъ аѳинянъ до пелопонезской войны, примѣненіе этого принципа. Позднѣе, когда спартанцы и ѳивяне враждовали между собою изъ-за господства надъ Греціей, аѳиняне пытались поддерживать равновѣсіе, присоединяясь къ слабѣйшей сторонѣ и мысль эта нашла защитника въ Демосѳенѣ. Великій ораторъ въ одинаковой степени понималъ опасность, угрожавшую Греціи отъ Филиппа Македонскаго. Онъ желалъ, чтобы даже Персія приняла участіе въ лигѣ противъ Филиппа. Цари персидскіе слѣдовали, будто бы, всегда политикѣ, которую указалъ Тизаферну Алкивіадъ: поддерживать въ гражданскихъ войнахъ Греціи самую слабую партію. Благодаря этой-то политикѣ Персія могла продолжить свое существованіе еще на цѣлое столѣтіе. Отказавшись отъ этой мудрой политики, не ополчившись противъ Филиппа, она пала съ невѣроятною быстротою. Преемники Александра Великаго слѣдовали политикѣ персовъ: Птоломеи поддерживали попеременно лигу ахейскую и Спарту, чтобы уравновѣсить силу царей македонскихъ. Скоро народилось могущество Рима. Но Египетъ, Сирія и Македонія не поняли необходимости соединиться съ маленькими государствами Греціи противъ Рима. Когда Карѳагенъ и Римъ столкнулись, было ясно, что они спорятъ за всемірное господство. Но ни одно изъ заинтересованныхъ въ исходѣ борьбы государствъ не вмѣшалось и Филиппъ II Македонскій остался нейтральнымъ. Лига ахейская и „мудрый" островъ Родосъ слѣдовали той же губительной политикѣ. Исключеніе изъ правила представлялъ собою Гіеронъ II-й, царь сиракузскій. Историкъ Полибій говоритъ о немъ, что свободу и независимость Карѳагена онъ считалъ необходимыми, какъ для сохраненія своего господства въ Сициліи, такъ и для сохраненія дружбы своей съ Римомъ. Гіеронъ боялся, что съ паденіемъ Карѳагена Римъ, оставшись безъ соперниковъ, не найдетъ уже сопротивленія своимъ планамъ. Поэтому Гіеронъ подавалъ помощь Карѳагену, считаясь въ то же время союзникомъ Рима.

Полибій, одобряя эту систему Гіерона, говоритъ, что „могущество никогда не должно быть оставляемо въ рукахъ одного только государства такъ, чтобы сосѣди были поставлены въ невозможность защищать противъ него свои права". По поводу этихъ словъ Юмъ замѣчаетъ, что принципъ равновѣсія основанъ на столь простомъ соображеніи и такъ присущъ общему сознанію, что онъ не остался внѣ разумѣнія и проницательности древнихъ. Онъ оказывалъ большое вліяніе на поведеніе государей и госу-

дарственныхъ людей, одаренныхъ нѣкоторымъ умомъ и опытомъ [1]).

Впрочемъ, самъ Юмъ прибавляетъ, что принципъ равновѣсія „не былъ въ древности такъ общепризнанъ, какъ въ настоящее время". Этого и не могло быть въ виду вышеуказаннаго нами отрицанія древностью самой идеи независимости сосѣда и уваженія къ его свободѣ. Поэтому можно отчасти согласиться съ Weaton'омъ [2]), который утверждаетъ, что начало вмѣшательства для поддержанія равновѣсія между державами, хотя и было принято государственными людьми и историками, „не было однако достаточно общеприложимо". Мы прибавили бы отъ себя, что начало это не было достаточно *общераспространенно*, основная идея его—защита независимости государствъ—не проникла въ общее сознаніе, была достояніемъ отдѣльныхъ, рѣдкихъ умовъ, систематично не выдерживалась и не проводилась на практикѣ.

Среднимъ вѣкамъ удалось временно установить единство, выражавшееся въ идеѣ, въ тѣсномъ и полномъ единеніи христіанскаго міра въ лицѣ императора и папы. Миръ „totius mundi christianorum" былъ идеальною цѣлью этого „вѣчнаго и незыблемаго" союза свѣтской и духовной власти. Идеалъ этотъ—единство для достиженія мира—не могъ быть осуществленъ: идея единства вырождалась въ открытое стремленіе ко всемірной монархіи съ рѣзко теократическимъ характеромъ; вскорѣ къ этому присоединилась открытая вражда двухъ властей. Средневѣковое единство, сильно подорванное къ концу XIV столѣтія, не могло понять и развить идею, лежащую въ основѣ системы равновѣсія. Обѣ власти въ своей совокупности и каждая въ отдѣльности, стремясь ко всемірному господству, отрицали тѣмъ самымъ начало независимости и свободы государствъ и народовъ, такъ какъ послѣдніе разсматривались какъ вассалы или же были невѣрными, осужденными на истребленіе или покореніе. XVI вѣкъ (реформація) окончательно разрушилъ идею единства. Изъ-подъ развалинъ этого послѣдняго начали проявляться и постепенно укрѣпляться націи. Но элементы будущихъ національностей находились еще въ зародышномъ состояніи. Почти всюду организуется сильная королевская власть, борящаяся и сокрушающая феодализмъ; власть эта постепенно усиливается и стремится къ объединенію внутри и къ расширенію предѣловъ государственной территоріи. Представители

[1]) Wheaton. Ibidem, 17.
[2]) Ibidem.

націй, государи, представляли ихъ, какъ говоритъ Лоранъ, весьма дурно: личныя цѣли, тщеславіе, честолюбіе, страсть къ войнѣ — отличительные признаки усилившейся королевской власти. Ясно, что эти условія были благопріятны честолюбивымъ планамъ всемірной монархіи. Съ большею или меньшею сознательностью къ ней начали стремиться нѣкоторыя изъ государствъ, поставленныхъ, въ силу счастливыхъ условій, въ особо благопріятное положеніе для осуществленія этой цѣли. Принципу независимости государствъ стала угрожать опасность. Инстинктъ самосохраненія вынуждаетъ слабыхъ искать путемъ союза между собою и съ другими сильнѣйшими державами, соперничавшими съ общимъ для нихъ врагомъ, защиты и средствъ для борьбы съ опасными честолюбцами. Тогда-то начали поговаривать объ „уравновѣшеніи силъ"; нарождается мало-по-малу и быстро распространяется идея политическаго равновѣсія.

Раньше всего о политическомъ равновѣсіи заговорили въ Италіи. Послѣ нападенія на Италію Карла VIII, итальянскія государства заключаютъ между собою оборонительные союзы для защиты отъ нашествія иноплеменниковъ [1]). А итальянскій историкъ, Гвиччардини, свидѣтельствуетъ, что Медичи во Флоренціи заботились объ установленіи равновѣсія между державами Аппенинскаго полуострова и разсматривали это равновѣсіе, какъ гарантію безопасности республики и авторитета собственной ихъ власти. Средствомъ же для достиженія этой цѣли были въ ихъ глазахъ, миръ и удаленіе всего, что могло нарушить его [2]).

Въ XVI вѣкѣ Испанія, достигшая высокой степени политическаго могущества, руководимая Карломъ V, почти открыто добивается всемірной монархіи. Слабыя державы противодѣйствуютъ ей союзами; въ концѣ царствованія Филиппа II Испанія обезсилена, хотя ей и удалось временно унизить Францію (при Францискѣ I). Роль Испаніи беретъ на себя австрійскій домъ, освоившійся съ неблагодарной задачей возсозданія средневѣковаго единства міра, съ императоромъ и папою во главѣ. Франція, оправившаяся послѣ погромовъ, предводимая всесильными королями и великими государственными людьми (Ришелье и Мазирини) вступаетъ съ Австріей въ упорную борьбу. Въ концѣ концовъ и здѣсь-таки не повезло идеѣ всемірной монархіи: инстинктъ самосохраненія государствъ, отстаивавшихъ свою независимость, взялъ

[1]) Wheaton. Ibidem, § 2.

[2]) *Laurent*. «Etudes» tome X, стр. 47.

верхъ. Австрія унижена; вестфальскій миръ, почитаемый обыкновенно за эпоху видимаго осуществленія и укрѣпленія идеи равновѣсія, отнялъ у Габсбурговъ ихъ первенствующее значеніе. Повидимому, въ Европѣ должны были воцариться миръ и благодать, установленные на началахъ такъ-называемаго политическаго равновѣсія. Но дѣло въ томъ, что вестфальскій миръ никакого равновѣсія силъ не создалъ, а передалъ бразды руководительства отъ ослабленныхъ Габсбурговъ въ мощную десницу честолюбивыхъ французскихъ королей, замыслы которыхъ умѣрялись нѣсколько, впрочемъ только на короткое время, Швеціею, получившею вѣсъ и значеніе вслѣдствіе борьбы Густава-Адольфа и канцлера Оксенштирна за протестантизмъ. Ришелье, безжалостно гнавшій протестантовъ во Франціи, покровительствовалъ имъ въ Германіи и Австріи для того, чтобы ослабить послѣднюю. Но преемники его быстро позабыли свою роль „спасителей и хранителей" свободы Европы. Людовикъ XIV превзошелъ въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ Карла V, Филиппа II и Габсбурговъ. Правда, христіаннѣйшій король не думалъ уже серьезно ни о какомъ средневѣковомъ единствѣ; но тѣмъ не менѣе онъ весьма осязательно хотѣлъ расширить предѣлы Франціи захватами у сильныхъ и слабыхъ сосѣдей и навязать свою верховную волю остальнымъ какъ бы вассальнымъ государствамъ Европы. Англія, отчасти Голландія явились тогда оплотомъ европейскихъ державъ противъ хищничества Франціи. Участь замысловъ послѣдней рѣшилась на Утрехтскомъ конгрессѣ (1714 г.) [1]). Вѣрно замѣтилъ Гентцъ, что Франція по смерти Людовика XIV хотя и принимала участіе въ войнахъ, но существенно уже не угрожала сосѣдямъ, едва пыталась дѣлать новыя завоеванія и играла въ великихъ событіяхъ того времени не только не рѣшающую, но часто даже подчиненную роль [2]). Въ это же время всѣ остальныя европейскія державы увеличивали свои владѣнія, военныя силы и политическое вліяніе, почему тяжесть Франціи на вѣсахъ относительнаго могущества значительно уменьшилась. Въ концѣ же царствованія Людовика XV Франція была уже настолько безсильна, что Людовикъ „едва одними протестами могъ отвѣчать на самыя смѣлыя предпріятія другихъ державъ" [3]).

Французская революція вновь подняла политическое значеніе

[1]) *Wheaton*, ibidem, § 2; *Laurent*. «Études», tome X, § 4.
[2]) «*Briefe und vertraute Blätter von Freiherr von Gentz*». Изданіе Gustav'a Schlesier'a. Mannheim. 1838. См. Theil II, стр. 419.
[3]) Ibidem, стр. 419.

Франціи, понемногу распространившей идеалы революціи по всей Европѣ путемъ пропаганды и силою оружія. Въ чемъ бы ни лежала причина страшныхъ успѣховъ французскаго оружія [1]), должно констатировать фактъ быстро усиливавшагося политическаго могущества Франціи, перешедшаго при Наполеонѣ императорѣ въ самый вопіющій деспотизмъ и произволъ надъ Европою (кромѣ Англіи). Опять почуяли народы опасность; самостоятельность государственныхъ тѣлъ великихъ, среднихъ и малыхъ вновь была поставлена на карту. Послѣ повторенныхъ неудачныхъ попытокъ отстоять свободу, образовался наконецъ большой, непобѣдимый союзъ. Воззвали къ народамъ, пригласили ихъ соединиться и помочь правительствамъ низвергнуть тяжкое и постыдное иго. Дѣло сдѣлано; вѣнскій конгрессъ, умаливъ Францію, распорядился съ картою Европы очень произвольно. Въ общемъ же и цѣломъ конгрессъ „для возстановленія порядка, зиждущагося на законности и политическомъ равновѣсіи“ усилилъ Англію на морѣ, признавъ ее чуть не открыто владычицей морей, Австрію, Пруссію и Россію—на европейскомъ континентѣ. Долго думали и гадали вѣнскіе заправители надъ тѣмъ, какъ бы не усилить одной изъ трехъ державъ въ ущербъ другимъ и установить между ними равновѣсіе: всѣ боялись и недовѣряли другъ другу. Послѣдовавшая за конгрессомъ эпоха выдвинула и укрѣпила новое начало—легитимизмъ, за которымъ на время позабыли о равновѣсіи. Къ нему вновь вернулись въ 30-хъ годахъ (по поводу Бельгіи и Голландіи); здѣсь пришлось отмѣнить „незыблемыя“ постановленія Вѣнскаго конгресса. Съ новою силою схватились за идею равновѣсія по поводу восточныхъ дѣлъ. Усиленіе Россіи и роль ея по отношенію къ Турціи, Греціи и балканскимъ славянамъ привели Англію, Францію, Австрію и Италію къ тому, что они вообразили себя вынужденными силою остановить возрастаніе могущества „сѣвернаго колосса“. Парижскій трактатъ 1856 г. унизилъ Россію, пытался дать жизнь и усилить разлагавшуюся Турцію. Послѣдняя восточная война и берлинскій конгрессъ вновь оживили въ лицѣ Англіи и Австріи такъ-называемую идею политическаго равновѣсія, которая съ 1814 года видимо стала отходить на второй планъ, потеряла свое обще-европейское значеніе, вытѣсненная сперва легитимизмомъ, потомъ началомъ національности. О политическомъ же равновѣсіи, начавшемъ терять свой общій характеръ, стали упоминать только въ исключительныхъ, частныхъ случаяхъ.

[1]) V. Gentz, ibidem, стр. 420—421.

2. Политическое равновѣсіе въ трактатахъ.

Если извѣстная идея сдѣлалась господствующею въ международныхъ сношеніяхъ, проникла въ юридическое сознаніе народовъ, то весьма естественно встрѣтить выраженіе ея въ международныхъ договорахъ.

Хотя вестфальскій миръ разсматривается обыкновенно какъ начало эры господства политическаго равновѣсія въ Европѣ, тѣмъ не менѣе въ самомъ мирномъ актѣ, закончившемъ занятія конгресса, не встрѣчается никакихъ ссылокъ на „политическое равновѣсіе“. Первый международный трактатъ, въ которомъ договаривающіяся стороны упоминаютъ о немъ, есть извѣстный утрехтскій трактатъ, именно договоръ о дружбѣ и мирѣ (pacis et amicitiae), заключенный 2 (13) іюля 1713 года въ Утрехтѣ между Анной, королевой Великобританіи и Филиппомъ V испанскимъ. Здѣсь (Art. II) прямо выражено, что „война была ведена вслѣдствіе опасности, которая угрожала свободѣ и благоденствію *всей Европы* отъ предстоящаго соединенія королевствъ Испаніи и Галліи“, миръ же заключенъ „для укрѣпленія и упроченія мира и спокойствія христіанскаго міра *справедливымъ равновѣсіемъ силы, которое есть лучшее и наиболѣе прочное основаніе взаимной дружбы и продолжительнаго согласія*“ [1]). Здѣсь „справедливое равновѣсіе силъ“ прямо положено въ основаніе согласія и дружбы между договаривающимися сторонами и можно сказать, что дипломатія въ послѣдующія эпохи никогда не высказывалась съ большею на этотъ счетъ опредѣленностью и ясностью.

Послѣ заключенія утрехтскаго мира вплоть до 1813 года, т. е. въ теченіи цѣлаго столѣтія, мы не встрѣчаемъ [2]) ни въ одномъ сколько-нибудь важномъ международномъ трактатѣ ни малѣйшей ссылки на это равновѣсіе. Между тѣмъ, въ этотъ столѣтній періодъ Европа видѣла не мало войнъ, хищническихъ захватовъ территорій среди открытаго мира; нѣкоторыя государства неумѣренно усилились (Пруссія), политическое могущество другихъ замѣтно пало (Франція); другими словами, не разъ

[1]) *Schmaus*. Corpus juris gentium academicum. Tome II, глава CCLXI, стр. 1419: «ad firmandam stabilien dam que pacem ac tranquilitatem Christiani orbis, *justo potentiae aequilibrio* (quod optimum et maxime solidum mutuae amicitiae et duraturae concordiae fundamentum est).

[2]) Объ одномъ исключеніи будетъ упомянуто нами ниже.

представлялся поводъ похлопотать о „возстановленіи погибшаго равновѣсія“ и формально выразить эту мысль въ договорахъ заинтересованныхъ державъ. И однако упоминаніе о равновѣсіи встрѣчается послѣ 1713 года только въ 1813 году. Въ трактатѣ объ оборонительномъ союзѣ, заключенномъ между Австріей и Россіей въ Теплицѣ (9 сентября 1813 г.), цѣль самаго договора опредѣляется такъ: „положить предѣлъ страданіямъ Европы и упрочить ея будущій миръ *возстановленіемъ* справедливаго равновѣсія силъ“. Буквально то же повторено въ союзномъ договорѣ вѣнскаго и прусскаго кабинетовъ (тоже въ Теплицѣ, 9 сентября 1813 г.); почти буквальное повтореніе этихъ же выраженій найдемъ и въ трактатѣ Великобританіи и Австріи (Теплицъ, 30 октября 1813 г.), но прибавлено при этомъ, что „справедливое равновѣсіе между государствами устанавливаетъ *спокойствіе и счастіе* Европы на солидныхъ и продолжительныхъ основаніяхъ“. Маленькую перефразировку послѣдней мысли обрѣтемъ мы въ прелиминарномъ трактатѣ Австріи и Баваріи (8 октября 1813 г.). Наконецъ, дворы вѣнскій и неаполитанскій берутъ на себя (трактатъ 11 января 1814 г.) задачу споспѣшествовать всѣми подходящими средствами къ достиженію Европою и *особенно народами Италіи* „состоянія продолжительнаго мира, основаннаго на равновѣсіи и *независимости*“ [1]). Далѣе, въ *первомъ парижскомъ мирѣ* (23 апрѣля 1814 года), во введеніи къ конвенціи, заключенной графомъ Артуа, въ качествѣ генералъ-лейтенанта королевства Франціи, съ Австріей, Пруссіей, Россіей и Англіей, говорится, что „союзники желаютъ основать покой Европы на *справедливомъ распредѣленіи силъ между государствами, ее образующими*“ [2]).

Слово „равновѣсіе“ здѣсь не упоминается, но самая мысль о немъ выражена въ приведенныхъ словахъ очень ясно. Весьма опредѣленно выражается добавочный и секретный параграфъ къ парижскому трактату 30 мая 1814 года: *распредѣленіе* территорій, отъ которыхъ отказывается христіаннѣйшій король, и *отношенія*, изъ которыхъ должна произойти *система реальнаго и продолжительнаго равновѣсія* въ Европѣ, будутъ опредѣлены на конгрессѣ“. И далѣе: установленіе *справедливаго равно-*

[1]) *Martens*. «Nouveau Recueil de traités», tome I (онъ же—Supplément au recueil», tome V), № 67, стр. 596; 600 и 607; № 68. стр. 610 и 660. Смотри также въ Сборникѣ трактатовъ *Schoell*, tome III, стр. 125, 128, 212, и tome IV, стр. 322.

[2]) Martens et Cussy. «Recueil manuel», tome III, стр. 8—9.

въсія въ Европѣ [1]) требуетъ, чтобы Голландія получила размѣры, которые дали бы ей возможность поддерживать свою независимость своими собственными средствами" [2]). Самый же окончательный актъ вѣнскаго конгресса содержитъ упоминаніе о равновѣсіи: во-первыхъ—въ отдѣлѣ, касающемся германской конфедераціи (№ 9), а во-вторыхъ—въ трактатѣ Австріи съ королемъ Нидерландовъ (№ 10), подписанномъ въ Вѣнѣ 31 мая 1815 года.

Въ первомъ случаѣ, самое образованіе „вѣчной германской конфедераціи" поставлено въ связь съ убѣжденіемъ, которое питаютъ государства и вольные города Германіи относительно „выгодъ, проистекающихъ изъ ихъ прочнаго и постояннаго союза, какъ для безопасности и независимости Германіи, такъ и для *равновѣсія Европы*" [3]). Трактатъ же Австріи и Нидерландовъ, ссылаясь на договоръ 30 мая 1814 года (парижскій), упоминаетъ о „справедливомъ равновѣсіи въ Европѣ", какъ о причинѣ, побудившей союзниковъ образовать Нидерландское королевство [4]). Союзникамъ особенно улыбалась мысль о важномъ значеніи этого послѣдняго для европейскаго равновѣсія. Не прошло и пятнадцати лѣтъ послѣ того, какъ вѣнскій конгрессъ соединилъ бельгійскія провинціи съ Голландіею, воображая доставить бельгійцамъ „двойное благодѣяніе свободныхъ учрежденій и торговли, обильной для нихъ богатствомъ и промышленнымъ развитіемъ", а пяти великимъ державамъ пришлось уже въ 1831 году разрушить это соединеніе. Въ засѣданіи лондонской конференціи, отъ 19 февраля 1831 года, уполномоченные пяти великихъ державъ, соглашаясь на отдѣленіе бельгійскихъ провинцій, выражаютъ свое сожалѣніе по этому поводу и подтверждаютъ, что временное занятіе бельгійскихъ провинцій войсками четырехъ великихъ державъ имѣло единственною цѣлью побудить эти провинціи „принять участіе въ возстановленіи справедливаго равновѣсія въ Европѣ и и въ поддержаніи общаго мира". „Но", читаемъ мы дальше въ протоколѣ (№ 19), „соединеніе Бельгіи съ Голландіей порвалось (l'union se brisa); державамъ надлежитъ обезпечить то *спокойствіе Европы*, однимъ изъ основаній котораго было соединеніе Бельгіи съ Голландіей. Державы имѣли право, а *событія на-*

[1]) *Martens et Cussy*, tome III, стр. 22: «L'établissement d'un juste équilibre en Europe».

[2]) У *Bulmerincq*. Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts (см. отдѣлъ о политическомъ равновѣсіи) совсѣмъ не упоминается объ этой тайной статьѣ къ парижскому трактату 30 мая 1814 года.

[3]) *Martens et Cussy*, tome III, стр. 144.

[4]) Ibidem, стр. 153.

лагали на нихъ обязанность воспрепятствовать тому, чтобы бельгійскія провинціи, сдѣлавшись независимыми, *не нанесли ущерба общей безопасности и европейскому равновѣсію*" [1]).

Въ 1850-мъ году, по почину Даніи созывается въ Лондонѣ конференція (изъ представителей Австріи, Франціи, Англіи, Даніи, Швеціи и Россіи) для торжественнаго провозглашенія цѣлости и нераздѣльности датской монархіи и для устроенія будущаго престолонаслѣдія въ Даніи. Въ засѣданіи 4 іюля 1850 года представители Россіи, Франціи и Швеціи объявили, что „нераздѣльность (intégrité) датской монархіи разсматривается ихъ правительствами какъ дѣло общаго интереса въ сохраненіи мира и европейскаго равновѣсія" [2]). Пруссія долго не рѣшалась подписывать протоколы этой конференціи. Мысль, выраженная въ приведенныхъ словахъ протокола, легла въ основу трактата, заключеннаго тѣми державами съ Даніей (8 мая 1852 года). Къ этому договору постепенно присоединились Сардинія, Испанія, Нидерланды, Бельгія, Греція, Португалія, Неаполь и многія германскія государства. Другія (Саксонія) приступили къ трактату съ оговорками, нѣкоторыя же, напр. Баварія, Баденъ, совсѣмъ отказались отъ присоединенія къ договору 8 мая 1852 г., хотя баденскій министръ, напр., выразилъ въ своей нотѣ полное сочувствіе своего правительства къ идеѣ „поддержанія европейскаго равновѣсія", руководившей державами-контрагентами [3]).

Съ 50-хъ годовъ въ трактатахъ, протоколахъ конференцій и въ депешахъ Англія и Франція фигурируютъ всякій разъ, когда дѣло идетъ о „политическомъ равновѣсіи". Такъ, въ 1851 году Франція и Англія опротестовали въ нотахъ, первая—предъ державами, подписавшими вѣнскій трактатъ, вторая — предъ германской конфедераціей, инкорпорацію австрійскихъ провинцій, не бывшихъ германскими, въ составъ германскаго союза. При этомъ въ англійской нотѣ было выражено, что „это событіе, хотя и не связанное ни съ какимъ пріобрѣтеніемъ новой территоріи, нарушило бы очевидно равновѣсіе" [4]). Когда же въ 1864 году Пруссія, потянувъ за собою на буксирѣ Австрію, задумала отобрать у маленькой Даніи Шлезвигъ-Голштейнъ, т. е.

[1]) *Martens*. N. R. tome IV, стр. 197 и 198.
[2]) Ibidem, tome XVII, partie II, стр. 303—304.
[3]) Ibidem, стр. 327.
[4]) *Phillimore* «Commentaries upon the international law», изданіе I (1854 г.), vol. I, глава—balance of power.

нарушить начало неприкосновенности и нераздѣльности датской монархіи, въ Лондонѣ опять собралась конференція державъ, подписавшихъ трактатъ 1852 года. Англія и Россія особенно хлопотали о предотвращеніи войны и неминуемаго послѣдствія ея — захвата Шлезвигъ–Голштейна и обезсиленія Даніи. Какъ извѣстно, конференція эта не привела ни къ чему; уполномоченный Англіи (лордъ Россель) прочелъ въ заключительномъ засѣданіи (25 іюня 1864 года) декларацію, въ которой пришлось удовольствоваться выраженіемъ „искренняго желанія дворовъ Франціи, Великобританіи, Россіи и Швеціи видѣть Данію *независимою*, такъ какъ сохраненіе этого государства образуетъ элементъ *равновѣсія на сѣверѣ*". То же повторилъ въ своей деклараціи и датскій министръ, упиравшій на трактатъ 1852 года, главное основаніе и цѣль котораго заключались въ поддержаніи политическаго равновѣсія въ Европѣ [1]).

Англія и Франція выдвигаются особенно рѣзко въ качествѣ защитницъ равновѣсія въ Европѣ въ нѣкоторыхъ трактатахъ, имѣющихъ связь и вызванныхъ войною 1854—55 годовъ. Если вѣрить дипломатіи союзниковъ, взявшихъ на себя защиту Турціи, то задача коалиціи ихъ противъ Россіи заключалась въ томъ, чтобы „найти средства связать существованіе Оттоманской имперіи съ европейскимъ равновѣсіемъ и положить предѣлъ перевѣсу Россіи на Черномъ морѣ". Рѣзкую формулу эту изрекъ Друэнъ-де-Льюисъ на вѣнской конференціи (въ засѣданіи 21 апрѣля 1855 года [2]). Съ большею опредѣленностью выражаются союзный договоръ (Великобританія, Франція и Турція) отъ 12 марта 1854 года, конвенція первыхъ двухъ государствъ отъ 10 апрѣля того же года и наконецъ трактатъ ихъ съ Швеціей, подписанный въ Стокгольмѣ 21 ноября 1855 года. Въ первомъ изъ нихъ договаривающіяся стороны высказываютъ свою полную увѣренность въ томъ, что „существованіе Оттоманской Порты *существенно необходимо* для поддержанія равновѣсія силъ между государствами Европы" [3]); во второй, тѣ же державы характеризуютъ войну Россіи съ Турціей какъ столкновеніе, которое „безъ дѣятельнаго ихъ (Англіи и Франціи) вмѣшательства угрожало бы существованію европейскаго равновѣсія" [4]). Въ третьемъ, наконецъ,

[1]) См. protocole № 12 у *Martens*, N. R. Continuation, tome XVII, partie II, стр. 448.
[2]) *Martens*. Continuation, vol. XV, стр. 680.
[3]) Ibidem, стр. 566.
[4]) Ibidem, стр. 568.

трактатѣ союзники говорятъ о „нераздѣльности (intégrité) королевства Швеціи и Норвегіи“, договариваются между собою насчетъ обезпеченія этой цѣлости соединеннаго королевства Швеціи-Норвегіи, чтобы „предупредить всякое осложненіе, могущее обезпокоить европейское равновѣсіе“. Съ этою цѣлью Швеціи обѣщана союзниками помощь для „противодѣйствія претензіямъ и нападеніямъ Россіи“; съ своей стороны Швеція обязуется не уступать, не обмѣнивать Россіи, и даже не допустить послѣднюю до занятія какой бы то ни было территоріи, принадлежащей коронѣ Швеціи и Норвегіи; мало того—Швеція обязуется даже „не уступать Россіи права пастбища (droit de pâturage) и рыбной ловли на тѣхъ территоріяхъ или на берегахъ Швеціи и Норвегіи“ [1]). И все это во имя поддержанія равновѣсія между государствами Европы!

Далѣе Англія, никогда не стѣснявшаяся захватомъ и присоединеніемъ чужихъ территорій при каждомъ удобномъ случаѣ, энергично протестовала въ 1860 году противъ присоединенія Савойи и Ниццы къ Франціи, наносившаго, по ея мнѣнію, ущербъ равновѣсію. Франція же считала себя въ правѣ требовать уступки Савойи и Ниццы въ виду того, что голосованіе національныхъ собраній Тосканы, Пармы, Модены и нѣкоторыхъ папскихъ областей повлекло за собою присоединеніе этихъ земель къ Сардиніи, что весьма увеличило политическое могущество савойскаго дома, т. е. разстроило равновѣсіе въ ущербъ Франціи. Впрочемъ, по § 11 трактата было постановлено, что императоръ французовъ прійдетъ по этому предмету къ соглашенію съ державами, участвовавшими въ вѣнскомъ конгрессѣ, а также со Швейцаріею [2]).

Изъ представленнаго очерка усматривается, что весьма многіе трактаты ссылались на равновѣсіе, упоминали о немъ; нѣкоторые изъ нихъ прямо и категорично кладутъ достиженіе равновѣсія въ основу мирнаго или союзническаго договора. Но не слѣдуетъ идти слишкомъ далеко въ этомъ направленіи и спѣшить заключеніями. Дѣло въ томъ, что весьма многіе международные договоры, притомъ существенно важные, совсѣмъ не упоминаютъ о равновѣсіи. Происходили войны, въ которыхъ нѣкоторыя государства замѣтно усиливались, получали перевѣсъ и преобладающее вліяніе. И однако, при заключеніи мира дипломатія какъ бы забывала торжественно предъ лицомъ всего міра провозгласить не-

[1]) *Martens*. Continuation, vol. XV, стр. 628—631.
[2]) *Phillimore*, Commentaries, изд. II, tome I, стр. 505—506.

зыблемость и святость системы, на которой она мечтала построить „счастіе и спокойствіе Европы“. Такъ, для примѣра, главная часть заключительнаго акта вѣнскаго конгресса не упоминаетъ о немъ ни единымъ словомъ во введеніи (introitus). А между тѣмъ, казалось бы, тутъ-то и при этомъ высокоторжественномъ случаѣ и упомянуть о системѣ, на которую побѣдители ссылались въ отдѣльныхъ постановленіяхъ, приложеніяхъ, секретныхъ статьяхъ и т. д. А съ утрехтскаго трактата до самаго 1813 года, какъ мы уже видѣли, цѣлая масса иногда весьма важныхъ трактатовъ совсѣмъ даже не обмолвились словомъ „равновѣсіе“, которое однако почиталось дипломатіей краеугольнымъ камнемъ европейской системы. Пражскій миръ 1866 года, учинивъ въ центрѣ Европы обширную пертурбацію, существенно затронувшую интересы Франціи, изгнавъ Австрію изъ германскаго союза и на половину объединивъ дотолѣ разрозненную Германію, тоже глухъ и нѣмъ къ „равновѣсію“: дипломатія 1866 года какъ будто позабыла о самомъ понятіи! Еще ранѣе того Вилла-франкскій миръ ослабилъ Австрію, увеличивъ территорію Сардиніи; кто же изъ старой школы дипломатовъ не скажетъ, что „равновѣсіе въ Европѣ нарушилось“ и, пожалуй, прибавилъ бы: „оно нуждается въ возстановленіи“. И однако—мирный инструментъ совсѣмъ игнорируетъ равновѣсіе, забываетъ о немъ и примиряется съ фактомъ, совершившимся въ силу историческаго закона! Франко-германская война 1870—71 годовъ поразительно усилила военное и политическое могущество Пруссіи; Франція раздавлена, унижена, низведена надолго въ роль второстепенной державы (въ международно-политическомъ смыслѣ). Которая изъ великихъ державъ заговорила о „явно нарушенномъ равновѣсіи“? Всѣ преклонились предъ событіемъ исторически-разумнымъ, а франкфуртскій мирный трактатъ, весьма подробно исчисляя всѣ пріобрѣтенія побѣдителя, не счелъ нужнымъ употребить слово равновѣсіе, которое было бы явною насмѣшкою надъ поражающею дѣйствительностью. Одинъ Тьеръ взывалъ къ Европѣ во имя нарушеннаго политическаго равновѣсія; голосъ его остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ французской и англійской дипломатіи нашего времени еще далеко не исчезли, хотя понемногу и пропадаютъ уже, представленіе и вѣра въ необходимость существованія и цѣлости Турціи для равновѣсія въ Европѣ. Послѣдняя восточная война дала намъ не мало жалобныхъ писаній, рѣчей, воплей и проклятій противъ Россіи, попирающей равновѣсіе, ради котораго нужно спасти и лелѣять Турцію. Англія очень явно, Австрія полуявно, Германія скрытно,

но всѣ три постарались на берлинскомъ конгрессѣ спасти „больного человѣка". Но въ протоколахъ конгресса нѣтъ ссылокъ на „политическое равновѣсіе", какъ нѣтъ ихъ и въ парижскомъ трактатѣ 30 марта 1856 года, заключенномъ послѣ войны, прямо веденной въ „защиту и охрану нарушаемаго Россіей равновѣсія". Самъ берлинскій трактатъ тоже краснорѣчиво умалчиваетъ о равновѣсіи. Однимъ словомъ — начиная съ 1815 года самые важные международные трактаты, затрогивающіе весьма существенные интересы многихъ и притомъ сильныхъ контрагентовъ, совсѣмъ молчатъ о немъ, изгоняютъ самое слово равновѣсіе. Исключенія менѣе важныя приведены нами выше. Наше столѣтіе, какъ кажется, начинаетъ разставаться съ этимъ понятіемъ.

Бывали случаи, что державы, подписывая какой-нибудь важный международный актъ, служившій послѣ основаніемъ для пересозданія карты Европы и для послѣдующей политики контрагентовъ, не оправдывая надеждъ приверженцевъ разсматриваемой нами системы, отдѣлывались на этотъ счетъ весьма неопредѣленными фразами. Въ примѣръ можно привести парижскій миръ (30 мая 1814 года). Трактатъ этотъ подписанъ Франціей и союзниками; Испанія, Португалія и Швеція были разсматриваемы какъ контрагенты этого договора, послужившаго, между прочимъ, основаніемъ для работъ вѣнскаго конгресса. И что же мы читаемъ въ немъ? Art. I весьма торжественно провозглашаетъ, что „высокія договаривающіяся стороны употребятъ всѣ свои усилія, чтобы поддержать не только между собою, но, насколько это зависитъ отъ нихъ, и между всѣми государствами Европы *гармонію и доброе согласіе,* столь необходимыя для ея (Европы) спокойствія" (la bonne harmonie et intelligence si nécessaire à son repos) [1]). Совсѣмъ ничего похожаго на равновѣсіе! Намеки болѣе близкіе къ понятію о равновѣсіи находимъ мы въ протоколѣ ахенскаго конгресса (отъ 15 ноября 1818 года). Въ немъ пять великихъ державъ объявляютъ о своемъ намѣреніи „гарантировать за Франціей мѣсто, принадлежащее ей въ системѣ Европы и связать ее съ мудрыми и благими видами всѣхъ государей для утвержденія общаго спокойствія" [2]); § 3 обязываетъ Францію „содѣйствовать на будущее время поддержанію и укрѣпленію системы, *которая дала миръ Европѣ* и которая одна только можетъ гарантировать его продолжительность" [3]). Наконецъ въ самой деклараціи отъ того

[1]) *Ch. Martens et Cussy.* Recueil, tome III, стр. 11.
[2]) *Martens.* N. R. tome IV, стр. 554.
[3]) Ibidem, стр. 555.

же числа сообщается, что выполненіе Франціею обязательствъ, принятыхъ на себя трактатомъ 20 ноября 1815 года, разсматривается государями какъ „исполненіе дѣла мира и дополненіе къ *политической системѣ, предназначенной къ тому, чтобы упрочить миръ*“ [1]).

Мысль, выраженная въ приведенномъ протоколѣ, изложена недостаточно ясно. Всякій согласится, что подъ „системой Европы“ можно понимать и водворявшуюся тогда систему легитимизма; что же касается до самой ахенской деклараціи, то мысль о политическомъ равновѣсіи просвѣчиваетъ въ ней яснѣе; но и здѣсь безъ особенныхъ натяжекъ можно истолковать эту „систему, давшую миръ Европѣ“, какъ систему легитимизма, которую нѣкоторые изъ союзниковъ старались насадить въ Европѣ, разсматривая ее какъ основу благоденствія и залогъ порядка въ Европѣ.

ГЛАВА II.

Критика системы политическаго равновѣсія и его литература.

1. Критика системы политическаго равновѣсія.

Политическое равновѣсіе сводилось въ сущности къ созданію системы противодѣйствія, посредствомъ равномѣрнаго распредѣленія матеріальныхъ силъ между государствами, державамъ, покушавшимся на свободу и независимость другихъ государствъ. Цѣль намѣчаемая теоріею системы равновѣсія, т. е. защита независимости государствъ, вполнѣ объясняется естественными законами существованія и развитія международнаго союза. Другое дѣло способъ, *средства* для достиженія намѣченной цѣли. Съ этой-то стороны, т. наз. политическое равновѣсіе оказалось крайне несостоятельнымъ. Съ исторической точки зрѣнія оказалось невозможнымъ создать такія комбинаціи силъ между державами, которыя сдѣлали бы ихъ въ данное время равными или даже приблизительно равными по политическому могуществу. И это сдѣлается понятнымъ, если принять въ соображеніе, что количественное отношеніе силъ, зависящее отъ пространства территоріи и числа населенія, не вліяетъ исключительно на политическое могущество государства, не образуетъ само по себѣ силы или слабости его,

[1]) *Martens*. N. R. стр. 560—561.

не дѣлаетъ его опаснымъ или безвреднымъ для сосѣда. Между тѣмъ мысль эта (о матеріальномъ равновѣсіи) лежитъ, въ сущности говоря, въ основѣ всей системы, и была особенно любима въ XVIII вѣкѣ; въ началѣ этого столѣтія, говоритъ Блунчли, аббатъ Sait Pierre воплощаетъ эту мысль въ новой картѣ Европы. Какъ увидимъ ниже, и начало XIX вѣка благопріятствовало проектамъ подобнаго рода, весьма безцеремонно перестраивавшимъ карту Европы для „обезопасенія мира на землѣ и устраненія всякой опасности отъ всемірной монархіи“. Самая мысль о такомъ равновѣсіи ложна уже потому, утверждаетъ Блунчли, что, „пренебрегая духовными силами, которыхъ нельзя не принимать въ разсчетъ, хочетъ устроить искуственное равновѣсіе тамъ, гдѣ сама природа указываетъ на большія и продолжительныя различія“ [1]). Сами по себѣ объемъ территоріи и число народонаселенія еще не даютъ права утверждать, что такое-то государство политически могущественно, а другое, рядомъ лежащее, политически слабѣе. Франція въ концѣ царствованія Людовика XIV пріобрѣла новыя территоріи со значительнымъ приростомъ населенія; и однако еще Гентцъ (см. выше) весьма вѣрно замѣтилъ, что политическое могущество Франціи въ концѣ этого царствованія было менѣе значительно, чѣмъ въ началѣ его. Съ этимъ соглашается и Блунчли, ссылающійся еще на примѣръ Пруссіи: при Фридрихѣ Вильгельмѣ II она значительно увеличилась, но была менѣе могущественна нежели при Фридрихѣ Великомъ [2]). Еще характернѣе примѣръ Пруссіи послѣ войны 1870—71 годовъ. Видимое могущество ея, въ связи съ остальными германскими государствами, достигло колоссальныхъ размѣровъ. Франція урѣзана; она лишилась Эльзаса и части Лотарингіи, выплатила 5 милліардовъ контрибуціи. И что же оказывается? Германія, и Пруссія въ особенности, бѣднѣетъ не по днямъ, а по часамъ; экономическое состояніе Франціи растетъ въ еще большей пропорціи и съ большею быстротою. Само собою разумѣется, что когда рѣчь идетъ объ относительномъ могуществѣ той и другой, о средствахъ обороны и нападенія, то нельзя не принять въ соображеніе этой экономической разницы, которая можетъ существенно повліять на самый исходъ борьбы между двумя странами. Разсматриваемое, само по себѣ, неумѣренное расширеніе предѣловъ государственной территоріи, особенно при посредствѣ колоніальныхъ владѣній, чувствительно уменьшаетъ политическое могуще-

[1]) *Bluntschli*. «Das moderne Völkerrecht», § 95.
[2]) Ibidem, § 95, примѣчаніе.

ство государства, его оборонительныя и наступательныя силы. Напр., соединенное королевство Великобританіи со всѣми ея колоніями находится именно въ этомъ положеніи: Англія лишена возможности дѣятельно и энергично вмѣшиваться въ дѣла континента, потому что силы ея разбиваются для защиты колоній отъ внѣшнихъ нападеній и внутреннихъ возстаній.

Предположимъ даже, что равновѣсіе между державами временно водворилось бы посредствомъ искуственнаго раздробленія Европы на равныя по пространству и населенію государства. Но, чтобы осуществить это раздробленіе, пришлось бы уменьшить, частью же увеличить всѣ существующія уже государственныя тѣла, уничтожить нѣкоторыя изъ нихъ. Другими словами, пришлось бы затронуть интересы нынѣ организованныхъ и дѣйствующихъ членовъ международнаго союза, т. е. сдѣлать нападеніе на ихъ независимость, цѣлость и неприкосновенность. Т. е., для охраненія независимости пришлось бы нападать на нее! Кромѣ того, комбинація эта была бы фактически невозможна: не нашлось бы державы настолько незаинтересованной въ новой комбинаціи, чтобы она могла приняться, не рискуя своими интересами, за ея осуществленіе, страны настолько сильной, чтобы побѣдить сопротивленіе коалиціи слабѣйшихъ. Если бы даже—допустимъ невозможное—комбинація осуществилась, то она рухнула бы весьма скоро потому уже, что въ составѣ *видимо* равныхъ по силѣ государствъ нѣкоторыя оказались бы неминуемо богаче энергіею, въ экономическомъ отношеніи и т. д. Сверхъ того, это искуственное созданіе численно равныхъ политическихъ тѣлъ возможно было бы только при условіи грубаго нарушенія національнаго начала. Одна и та же національность была бы раздроблена и пришлось бы выдѣлить части ея изъ одного цѣлаго и распредѣлить по государствамъ, большинство населенія которыхъ не имѣетъ ничего общаго съ чуждою ей національностью. Различныя національности были бы перемѣшаны самымъ случайнымъ образомъ. Отсюда—броженіе и борьба національностей, постоянныя возстанія, войны и въ концѣ—разрушеніе искуственнаго созданія.

Замѣчательно, что „политическое равновѣсіе" никогда не уважало національныхъ стремленій; это понятно: во имя политическаго равновѣсія казалось необходимымъ, игнорируя національныя стремленія къ независимости и объединенію, подавлять эти стремленія, сплачивать, сшивать различныя національности въ одномъ государственномъ тѣлѣ и раздроблять одну національность по различнымъ политическимъ тѣламъ. Во имя „равновѣсія" бельгій-

скія провинціи отошли къ австрійскому дому; вѣнскій конгрессъ изуродовалъ Италію, отдалъ Венецію Австріи, Польшу раздробилъ между тремя сосѣдями, создалъ „для равновѣсія“ слабую германскую конфедерацію и посѣялъ этимъ созданіемъ яблоко раздора между Пруссіей и Австріей, которыхъ желали держать въ состояніи равновѣсія. При всѣхъ этихъ дѣлежахъ и распредѣленіяхъ территорій руководились большею частью однимъ произволомъ, если только произволъ этотъ совпадалъ съ интересами сильнѣйшихъ, руководившихъ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, еще при Наполеонѣ I дипломатія мечтала сдѣлать изъ Германіи центръ равновѣсія въ Европѣ; въ 1803 году составленъ былъ весьма произвольный планъ передѣла германскихъ земель. 18 августа 1803 года „незаинтересованные и безпристрастные посредники“, представители Франціи и Россіи (князь Куракинъ) передали германскому сейму декларацію, въ которой, ссылаясь на § 7 люневильскаго трактата, предлагается „общій планъ вознагражденія, составленный по исчисленіямъ самаго строгаго безпристрастія, который, давая вознагражденія, вмѣстѣ съ тѣмъ споспѣшествовалъ бы сохраненію среди важнѣйшихъ домовъ Германіи равновѣсія, существовавшаго до войны“ [1]). О „равновѣсіи“ толковалъ и планъ, его разрабатывалъ Талейранъ, представитель Франціи, не мало поживившейся на счетъ Германіи. Въ рапортѣ Талейрана императору Наполеону и въ засѣданіи сената (21 августа 1803 года) планъ возстановленія равновѣсія въ Германіи развивается и подробно мотивируется. Предложенный планъ, говорится тамъ, имѣетъ въ виду упрочить миръ Европы посредствомъ возможнаго уменьшенія шансовъ войны. Для этого въ планѣ озаботились о томъ, чтобы „избѣжать всякаго соприкосновенія территорій между двумя державами, которыя чаще всего окровавливали Европу своими ссорами“ [2]). Для этого постарались поставить вознагражденіе Пруссіи внѣ соприкосновенія съ Франціей и Баваріей, Австріи же дана громадная выгода концентрированія всѣхъ ея владѣній. Пруссія должна была образовать въ новой германской системѣ „существенное основаніе необходимаго противовѣса“ [3]). Чтобы добиться всего этого пришлось ни болѣе, ни менѣе—покончить съ независимостью духовныхъ князей Германіи; территоріи ихъ послужили объектомъ при распредѣленіи добычи. „Посредники“,

[1]) Koch et Schoell. «Histoire des traités», etc., tome V, стр. 262—264.
[2]) Ibidem, стр. 278—279.
[3]) Ibidem, стр. 279.

въ числѣ которыхъ находилась и непосредственно заинтересованная въ цѣлой комбинаціи Франція, „хотѣли“, говоритъ Schoell, „равновѣсія противъ перевѣса Австріи, столбами котораго должны были служить Пруссія и Баварія“. Но, спрашивается, было ли самое равновѣсіе, о возстановленіи котораго мечтала Франція, разстроено потерями, понесенными Пруссіей и Баваріей при заключеніи мирнаго договора съ Франціей? Но первая пожертвовала только весьма небольшою частью монархіи, пріобрѣтя въ замѣнъ ея въ продолженіи войны новыя провинціи южной Пруссіи и княжество Франконію. Обращаясь къ количественному изображенію силъ Пруссіи, усматриваемъ, что въ 1792 году Пруссія обладала 3,600 кв. милями территоріи, съ 7 милліонами жителей и 31 мил. рейхсталеровъ дохода. Послѣ же люневильскаго мира у Пруссіи образовалось 5,400 кв. м., 9 мил. жителей и 36 мил. талеровъ дохода. Слѣдовательно, *равновѣсіе было нарушено не вслѣдствіе ея ослабленія*. Что же касается до Баваріи, то электоръ потерялъ уступкою лѣваго берега Рейна 186 кв. миль, равныхъ $^1/_5$ части всей его территоріи, съ 580 т. жителей, равныхъ четвертой части всего числа его подданныхъ, съ $^1/_3$ его доходовъ. Въ замѣнъ этого, электоръ получилъ территоріи, давшія ему возможность концентрировать свои силы; провинціи, предназначенныя ему, округляли его владѣнія, между тѣмъ какъ потерянныя имъ земли были удалены отъ центра его власти [1]). Очевидно, что если что и угрожало равновѣсію, то не съ этой стороны, а, главнымъ образомъ, усиленіемъ Австріи (присоединеніе большей части венеціанской области со всѣмъ важнымъ торговымъ и промышленнымъ значеніемъ этой территоріи). Между тѣмъ цѣль Франціи заключалась въ томъ, чтобы, усиливъ Пруссію и Баварію, предоставить имъ довольно большое вліяніе на дѣла Германіи, чтобы уравновѣсить вліяніе Австріи. Притомъ французской дипломатіи нужно было, усиливъ значеніе нѣкоторыхъ германскихъ державъ, все же поставить германское дѣло такъ, чтобы оно не могло обойтись безъ протекціи Франціи. „Тогда-то, замѣчаетъ Schoell, Парижъ сдѣлался очагомъ всѣхъ интригъ, рынкомъ, гдѣ продавались церковныя имущества“ [2]), прибавимъ отъ себя: „подъ предлогомъ осуществленія равновѣсія въ Германіи и обезпеченія мира въ Европѣ“.

„Возстановленіе равновѣсія“ въ силу естественныхъ законовъ

[1]) *Schoell et Koch*. Histoire, etc. tome V, стр. 281—283.
[2]) Ibidem, tome V, стр. 284—285.

выпадало всегда на долю того или тѣхъ, которые оказывались сильнѣйшими, т. е. побѣдителями. При незначительномъ же развитіи въ дипломатіи чувства мѣры и сознанія права, слѣдовательно и обязанностей предъ побѣжденнымъ и остальною Европою, оказывалось, что сильнѣйшій изъ союзниковъ, ополчившихся противъ нарушителя равновѣсія, самъ становился на мѣсто послѣдняго, бралъ на себя его роль и повторялась старая исторія. Такъ, послѣ ослабленія Испаніи, перевѣсъ переходитъ къ австрійскому дому. Франція сломила могущество послѣдняго, „возсоздала", говоря языкомъ старой дипломатіи, „равновѣсіе". Но вскорѣ пришлось другимъ подумать о „возстановленіи равновѣсія", нарушеннаго уже Франціею. Добились и этого, смирили и Францію. Послѣ революціи и имперіи, подарившихъ Европу новыми попытками ко всемірному преобладанію, на мѣсто сломленной Франціи стали Россія и Австрія. Всегда и всѣ попытки къ чувствительному, деспотическому преобладанію одной державы надъ другими рушились, но не потому, чтобы образовавшимся противъ преобладающаго государства коалиціямъ удалось осуществить систему, сокрытую въ идеѣ равновѣсія, т. е. дѣйствительно уравновѣсить силы разныхъ державъ, а единственно лишь въ силу присущаго международному союзу инстинкта самосохраненія и самозащиты, охраны независимости его членовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ борьбы съ Карломъ V, Людовикомъ XIV, Наполеономъ I, приходилось изыскивать способы, средства обороны и нападенія, выбирать союзниковъ и устраивать вообще такія комбинаціи, которыя оказывались лучшими и наиболѣе цѣлесообразными въ каждомъ данномъ случаѣ. Нельзя было и нельзя будетъ и впредь обобщать эти средства, оказавшіяся пригодными для того или другого спеціальнаго случая. Не создалось и не создастся никакой *системы*, предполагающей извѣстную *опредѣленность* и *постоянство*.

Дѣйствительно, ни исторія, ни литература (см. ниже) не дали намъ никакихъ опредѣленныхъ правилъ для рѣшенія вопросовъ о томъ, когда нарушается равновѣсіе между государствами, въ чемъ и гдѣ существенный признакъ этого нарушенія, когда можно и должно приступить къ оборонительному или наступательному союзу противъ общаго врага; не болѣе поддаются рѣшенію и опредѣленію вопросы о послѣдующемъ за счастливою войною измѣненіи въ распредѣленіи территорій между заинтересованными государствами, о количествѣ, качествѣ этихъ перетасовокъ въ политической картѣ. И дѣйствительно, было бы весьма нелегко указать хоть

на одинъ трактатъ, закончившій войну изъ-за такъ-называемаго равновѣсія, который распредѣлилъ бы территоріи и населеніе такъ, чтобы равновѣсіе между государствами оказалось осуществившимся фактомъ. Гдѣ и въ чемъ, въ какомъ существенномъ условіи лежитъ масштабъ политическаго могущества государства? И не лежитъ ли это могущество въ совокупности всѣхъ условій государственнаго бытія, въ которыхъ число населенія и количество территоріи являются только одними изъ факторовъ. Кто возьмется измѣрить отношеніе между тѣми различными факторами (количествомъ территоріи и населенія, экономическимъ благосостояніемъ страны, просвѣщеніемъ ея, характеромъ народа, и т. д.) и вычислить, сколько территоріи и населенія должно приходиться на долю такого-то государства, чтобы оно могло разсматриваться какъ нормальное, не угрожающее равновѣсію? Предположимъ, что Европа примиряется въ данное время съ извѣстнымъ политическимъ „statu quo“, которое разсматривается, какъ приблизительно удовлетворяющее равновѣсію между державами. Но тогда логика требовала бы упрочить это состояніе навсегда, т. е. укрѣпить извѣстное положеніе, чтобы создать миръ между государствами, который является въ этой системѣ средствомъ. Но „миръ, какъ средство поддержать данное положеніе, есть“, говоритъ Лоранъ, „самая нераціональная изъ всѣхъ концепцій и самая неосуществимая. Онъ стремится къ тому, чтобы сдѣлать человѣчество неподвижнымъ, укрѣпить его навсегда въ извѣстномъ положеніи“ [1]). Но, спрашивается, какое же это должно быть положеніе? То относительное положеніе, въ которомъ государства находились въ XVI, XVII, XVIII или въ настоящемъ вѣкѣ, и почему именно одного вѣка, а не другаго? Если равновѣсіе существовало когда-нибудь, то во всякомъ случаѣ система эта есть только „фактъ, воздвигнутый въ право, притомъ фактъ произвольный, какъ онъ существовалъ благодаря случаю“ [2]). Но это укрѣпленіе и освященіе „факта“ на вѣчныя времена физически невозможно. Недостижимо оно потому, во-первыхъ, что многія государства и въ настоящее время составлены, путемъ завоеванія и другихъ исчезающихъ историческихъ причинъ, изъ столь разнородныхъ и несогласимыхъ элементовъ (Турція), что осуждены на конечное разрушеніе самою исторіею и системѣ равновѣсія пришлось бы бороться съ непреодолимою силою, сражаться съ закономъ историческаго прогресса. Во-вторыхъ,

[1]) *Laurent*, «Etudes», tome X, стр. 43.

[2]) Ibidem.

естественный ростъ и здоровое развитіе государствъ могутъ, въ относительно незначительный періодъ, увеличить весьма значительно населеніе и богатство одного и ослабить экономически и въ численномъ отношеніи другое государство, и тѣмъ нарушить „равновѣсіе“. Въ-третьихъ, непреодолимыя національныя стремленія могутъ восторжествовать надъ предразсудками равновѣсія и отторгнуть одну—двѣ провинціи отъ одного изъ членовъ международнаго союза, для соединенія съ другимъ, сходнымъ по національности съ провинціею отторгнувшейся. Всему сказанному бывали примѣры. Изъ-за равновѣсія поддерживали Турцію; но составныя части ея постепенно отпадали и позволительно спросить, зачѣмъ союзники вели упорную войну „для поддержанія цѣлости имперіи, необходимой въ равновѣсіи европейскомъ“, когда Турціи все же насталъ конецъ и она давно уже заживо разлагается?

Вѣнскій конгрессъ роздалъ итальянскія земли Бурбонамъ и Габсбургамъ. И что же? Рядъ войнъ и революцій уничтожилъ свѣтскую власть папы, отнялъ Ломбардо-венеціанскую область у Австріи, изгналъ князьковъ раздробленной Италіи, объединилъ послѣднюю, т. е. создалъ такое положеніе вещей, которому всѣми силами старались помѣшать на вѣнскомъ конгрессѣ. Боялись объединить Германію, сдѣлать ее сильнымъ, сплоченнымъ тѣломъ, способнымъ самозащищаться; мечтали объ уравновѣшеніи силъ Австріи и Пруссіи. Результатъ—изгнаніе Австріи изъ Германскаго союза, созданіе сперва сѣверо-германскаго союза, потомъ объединенной Германіи съ Пруссіею во главѣ.

Ослабляя Россію, отняли у нея устья Дуная, и позволили ей только любоваться Чернымъ моремъ; но уже въ 1870 году лондонская конференція—tempora mutantur!—возвратила ей право пользоваться тѣмъ, что ей принадлежало по праву, а 1878 годъ отдалъ нашему отечеству и устья Дуная, заставивъ друзей Турціи и враговъ Россіи подумать и поплакаться надъ ничтожествомъ и превратностью всѣхъ земныхъ комбинацій. Обращаясь къ фактамъ большаго или меньшаго увеличенія населенія разныхъ государствъ, въ силу естественныхъ законовъ и условій, увидимъ, что законы размноженія населенія, продуктивная способность германской и французской націй оказываются весьма различными, притомъ не въ пользу Франціи. Такъ, съ 1817 по 1864 годы (за 47 лѣтъ) населеніе Пруссіи увеличилось на 82 проц. на 100, а во Франціи только на 25 на 100. Ни въ другихъ государствахъ Германскаго союза, ни въ Англіи, прогрессъ въ увеличеніи населенія не былъ столь значителенъ и не превосходилъ 50 проц.

на 100 [1]). Дюпонъ-Уайтъ полагаетъ даже, что Пруссія сообщитъ своимъ новымъ подданнымъ (писано въ 1867 году) это плодородіе, это могущество воспроизведенія, эту „военную силу“, такъ какъ говорить о населеніи или объ арміи—одно и то же [2]). Между тѣмъ, во Франціи населеніе возрастаетъ очень медленно: съ 1846 по 1864 годъ (18 лѣтъ) оно увеличилось всего на 5 проц., что поразило и французовъ и иностранцевъ.

Къ сожалѣнію, фактъ этотъ не есть явленіе случайное; „оно правильно, естественно во Франціи, что-то въ родѣ галлицизма“ [3]). За столѣтіе прогрессъ всего на 28% и процентъ этотъ, повидимому, нормальный: въ XVII вѣкѣ населеніе съ 14 мил. поднялось только на 18, а въ XVIII съ 18 до 24 (въ обоихъ случаяхъ не принимаются въ разсчетъ земли завоеванныя) [4]).

Теперь уже оказывается, что Пруссія и Германія весьма сильно опередили Францію и сдѣлаютъ въ недалекомъ будущемъ очень существеннымъ различіе въ количествѣ населенія, а слѣдовательно и военныхъ силъ обѣихъ державъ [5]). Слѣдовательно, политическое могущество Франціи явилось бы значительно ослабленнымъ, „равновѣсіе нарушеннымъ“. Если оставаться логичнымъ, то придется потребовать для Франціи приращенія въ населеніи посредствомъ приращенія въ территоріи „для возстановленія нарушеннаго равновѣсія“. Но, принявъ въ соображеніе другія условія, комбинирующіяся съ сейчасъ разсмотрѣннымъ для образованія политическаго могущества страны, можно убѣдиться, напр., что въ Германіи сильно свирѣпствуетъ эмиграція, достигающая грозныхъ размѣровъ, во Франціи же совсѣмъ не знаютъ эмиграціи массами; увидимъ также, что экономическое благосостояніе Франціи значительно превосходитъ германское и это превосходство будетъ продолжаться, вѣроятно, десятки лѣтъ.

Все это пришлось бы принять въ разсчетъ при измѣреніи политическаго могущества Франціи и Пруссіи, и было бы болѣе чѣмъ странно заговорить чрезъ 10 — 15 лѣтъ о нарушенномъ равновѣсіи потому только, что населеніе Германіи оказалось бы значительнѣе французскаго.

Итакъ, вся система равновѣсія въ „ея простотѣ и наивномъ

[1]) *Dupont-Whit* «Les droits et les devoirs de la France dans la situation actuelle de l'Europe» (Revue contemporaine, 1867 г., январь и февраль, стр. 419).

[2]) Ibidem, стр. 419—420.

[3]) Ibidem, стр. 422.

[4]) Ibidem, стр. 423 и 425.

[5]) По переписи 1879 г. Германская имперія насчитываетъ уже около 45 милліоновъ населенія, т. е. на 7 слишкомъ мил. болѣе противъ Франціи.

эгоизмѣ“ сводилась къ сохраненію существующихъ государствъ, что не могло быть идеаломъ человѣчества потому уже, что многія изъ государствъ образовались благодаря злоупотребленію силы и вопреки праву [1]). Наконецъ убѣдились, что при всемъ желаніи нечего и думать о закрѣпленіи на вѣчныя времена государствъ въ извѣстныхъ, неизмѣнныхъ территоріальныхъ границахъ. Покинувъ эту недосягаемую крайность, примиряются на компромиссѣ. Такъ, напр., Филлиморъ дѣлаетъ о политическомъ равновѣсіи слѣдующія замѣчанія: „поддержаніе этой доктрины должно заключаться не въ томъ, что всѣ существующія державы должны сохранить въ точности *неприкосновенными ихъ настоящія территоріальныя владѣнія*, но въ томъ, чтобы ни одному государству не было позволено возрастать въ такой степени, которая угрожала бы свободѣ другого“ [2]).

Въ этомъ же смыслѣ высказывается и Блунчли; онъ добавляетъ, что „международное право должно признать преобразовательную силу исторіи“ [3]). Съ этимъ согласны и многіе другіе писатели. Всѣ они, очевидно, обобщаютъ факты, давно пріобрѣтшіе себѣ право гражданства въ исторіи. Такъ, выше мы видѣли, что Франція требовала себѣ Савойи и Ниццы, ссылаясь на чрезмѣрное усиленіе Италіи и необходимость уравновѣсить силы обоихъ сосѣдей. Но эта система „пропорціональнаго увеличенія территорій“ [4]) заинтересованныхъ въ поддержаніи равновѣсія державъ подрываетъ прежде всего въ самомъ корнѣ начало охраненія существующаго порядка, возводитъ исключительныя пропорціональныя увеличенія въ правило. Но гдѣ же предѣлъ этому увеличенію и кто будетъ судьею въ рѣшеніи спора о томъ, нарушило ли новое пріобрѣтеніе сосѣда равновѣсіе силъ или нѣтъ, дастъ ли оно право другому требовать себѣ увеличенія территоріи? А если да, то гдѣ предѣлъ количественныхъ приращеній и не получаютъ ли и всѣ остальные члены международнаго союза пропорціональныхъ ихъ силамъ и значенію правъ на „округленіе“, „приращеніе“, „добавленіе“ ихъ владѣній? Въ концѣ концовъ система эта приходила къ полной перетасовкѣ всей политической карты и вынуждаетъ иногда давать удовлетвореніе самымъ чудо-

[1]) *Laurent*. «Etudes», tome X, стр. 47.
[2]) *Phillimore*. «Commentaries», I изданіе, vol. I, стр. 482.
[3]) *Bluntschli*. «Das moderne Völkerrecht», § 96 и § 98.
[4]) «Système copartageant; см. о ней дѣльныя замѣчанія у *Julius Schmelzing* «Europ. Völkerrecht». Rudolstadt, 1818. I Theil, § 109, стр. 122—123.

вищнымъ претензіямъ и узаконяетъ всѣ существующіе передѣлы и пріобрѣтенія территорій, лишь бы только они исходили изъ воли сильныхъ. Стоитъ только прикрыться словами „нужно поддержать политическое равновѣсіе“; понятіе же, вложенное въ этихъ словахъ, такъ неопредѣленно, шатко, комбинаціи системы столь произвольны, что дипломатія никогда не затруднялась добиваться, маскируясь равновѣсіемъ, осуществленія своихъ эгоистическихъ интересовъ — усилить извѣстное государство, урвать кусочекъ у слабаго, чтобы пріобрѣсти рѣшающее вліяніе и убѣдительный голосъ въ международныхъ комбинаціяхъ. А отличительныя свойства разбираемой системы — *шаткость*, *неопредѣленность*, *случайность и произвольность ея*—давали дипломатіи полную возможность созидать одну комбинацію „ради равновѣсія“ и затѣмъ разрушать ее подъ предлогомъ неудовлетворительности созданнаго положенія, т. е. пользоваться понятіемъ о равновѣсіи сообразно выгодѣ, представлявшейся въ томъ или иномъ случаѣ. Для примѣра, возьмемъ извѣстный уже намъ случай съ трактатомъ 1852 года. Никто, повидимому, не сомнѣвался въ томъ, что договоръ этотъ поставилъ себѣ цѣлью обезпечить цѣлость датской монархіи, признанной договаривающимися сторонами необходимою въ системѣ европейскаго равновѣсія. Между тѣмъ, лондонская конференція 1864 года, желавшая предотвратить войну Австріи, Пруссіи и Германіи съ Даніей, даетъ намъ любопытный и поучительный образчикъ отношенія Пруссіи къ безспорному и ясному смыслу трактата. Въ засѣданіи 12 мая 1864 г. присутствовали уполномоченные Австріи и германской конфедераціи (обѣ шли за Пруссіей), Франціи, Великобританіи, Россіи, Швеціи-Норвегіи и Даніи. Въ отвѣтъ на вопросъ, предложенный графомъ Кларендономъ, прусскій уполномоченный выразилъ мнѣніе, что „трактатъ 1852 года, никогда не бывшій совершеннымъ, кажется ему потерявшимъ свое значеніе, и что онъ, графъ Бернсторфъ, желалъ бы лучше прибѣгнуть къ другимъ, новымъ комбинаціямъ“. На это баронъ Бринновъ (отъ Россіи) возражаетъ, что прежде чѣмъ отказываться отъ договора, ратификованнаго державами, которыя подписали его въ интересахъ Европы, нужно было бы „выставить съ *общаго согласія* основанія, которыя были бы признаны достаточными. Трактатъ 1852 года имѣлъ предметомъ своимъ упроченіе мира на сѣверѣ и *поддержаніе европейскаго равновѣсія*“. Можно, конечно, при измѣнившихся обстоятельствахъ, попытать новыя комбинаціи, лишь бы только послѣднія „представили европейскому миру гарантіи, рав-

ныя тѣмъ, на которыхъ *система общаго равновѣсія* основывается въ настоящее время“ [1]. Графъ Бернсторфъ даетъ уклончивый отвѣтъ; баронъ Брунновъ настаиваетъ на томъ, что „принципъ трактата 1852 года все еще продолжаетъ существовать, такъ какъ общій интересъ, вызвавшій его заключеніе, остается попрежнему“. Прусскій представитель не соглашается съ этимъ; по его мнѣнію, „трудно допустить, чтобы европейское равновѣсіе зависѣло отъ лондонскаго трактата 1852 года: событія достаточно доказали, что самое существованіе этого невозможнаго для исполненія трактата поставило равновѣсіе въ опасность“. Нужно было, разумѣется, свалить вину на Данію и сдѣлать ее отвѣтственною: „Данія“, говорилъ Бернсторфъ,—„постоянно отказывалась отъ соблюденія началъ трактата 1852 года, и никогда не желала даже признавать обязательствъ этого трактата, связующихъ ее“ [2]. Разумѣется, датскій представитель упорно отвергаетъ это обвиненіе и доказываетъ, что Данія „свято выполнила свои обязательства“ [3]. А баронъ Бейстъ (отъ германскаго союза) отвергаетъ обязательность комбинаціи 1852 года для германской имперіи, такъ какъ трактатъ былъ предложенъ на разсмотрѣніе германской конфедераціи и косвенно отвергнутъ сеймомъ (въ засѣданіи 25 февраля 1864 года). Самъ же трактатъ „сдѣлался зерномъ войнъ и затрудненій вмѣсто того, чтобы быть залогомъ мира“ [4]. Наконецъ уполномоченный de Biegeleben рѣзко характеризуетъ трактатъ 1852 г. словами: „онъ не удовлетворилъ ни одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя *никогда не* могли согласиться насчетъ его настоящаго смысла“ [5]. Кончилось тѣмъ, что державы, ближайшіе интересы которыхъ не были затронуты въ спорѣ (Англія, Франція, Россія и Турція), высказались, въ извѣстной уже намъ декларацiи (отъ 25 іюня 1864 г.), за трактатъ 1852 г., такъ какъ „сохраненіе Даніи образуетъ элементъ равновѣсія на сѣверѣ“; Пруссія же, Австрія и Германія наводнили своими войсками Шлезвигъ-Гольштейнъ. Вышеуказанныя четыре державы, одинъ энергичный и совмѣстный протестъ которыхъ могъ бы остановить это нашествіе, оставались на время равнодушными зрительницами нападенія и отторженія отъ Даніи

[1] *Martens*. N. R. «Continuation», vol. 17, partie II, стр. 357—363; особенно стр. 359.
[2] Ibidem, стр. 359.
[3] Ibidem, стр. 360.
[4] Martens, N. R. vol. 17, стр. 361.
[5] ibidem.

значительной части ея территоріи, цѣлость которой торжественно признавалась ими же необходимою для равновѣсія на сѣверѣ". Намъ скажутъ, что это исключеніе, что державы въ данномъ случаѣ ошиблись въ разсчетахъ, не отнеслись серьезно къ послѣдствіямъ ослабленія Даніи. Охотно допускаемъ это, но не безусловно. Такихъ случаевъ можно насчитать не мало и значительная доля отвѣтственности за эти ошибки и случайности падаетъ всецѣло на начало равновѣсія, дающее сильнымъ возможность, благодаря неопредѣленности, случайности или шаткости своихъ комбинацій, оправдывать выгодныя имъ комбинаціи, отрицать опасность ихъ для Европы, ссылаться на эту систему при извѣстныхъ обстоятельствахъ и отказываться отъ нея при всякомъ удобномъ случаѣ. Случалось также, что во время переговоровъ одна держава требовала чего-нибудь у побѣжденной, которая въ свою очередь старалась отдѣлаться отъ навязываемой, невыгодной ей сдѣлки, и при этомъ обѣ стороны ссылались въ подкрѣпленіе своихъ соображеній на требованіе „политическаго равновѣсія". Наприм., на вѣнской конференціи 1855 г. (засѣданіе 21 апрѣля) русскій уполномоченный (Титовъ), возражая на проектъ союзниковъ, изгонявшій Россію съ Чернаго моря, настаиваетъ на томъ, что „комбинація союзниковъ, допускающая существованіе съ одной стороны пролива (Дарданельскаго) самыхъ значительныхъ въ мірѣ флотовъ, и уничтожающая съ другой стороны (съ русскаго берега) противовѣсъ, заключающійся въ русскомъ флотѣ, будетъ угрожать независимости Порты и *европейскому равновѣсію*" [1]).

Заявленіе это не осталось безъ отвѣта со стороны барона Буркеней, второго представителя Франціи: „перевѣсъ (prépondérance) Россіи на Черномъ морѣ, которому конференція должна положить предѣлъ, является въ русскомъ проектѣ какъ бы абсолютною необходимостью для *европейскаго* равновѣсія". Князь Горчаковъ, соглашаясь съ тѣмъ, что проектъ его „имѣетъ недостатки", полагаетъ все же, что онъ „лучше плана Друэнъ де Льюиса, проектъ котораго стремится поддержать *не равновѣсіе силъ, а унизить Россію*". [2]) Друэнъ де Льюисъ не оставилъ безъ отвѣта этого замѣчанія русскаго посла: „задача коалиціи и вѣнской конференціи", возразилъ онъ, „состоитъ въ отысканіи средствъ связать существованіе Турціи съ европейскимъ равновѣсіемъ и

[1]) Martens. N. R. Continuation, vol. XV, стр. 678.
[2]) Ibidem, стр. 680.

положить предѣлъ перевѣсу Россіи на Черномъ морѣ" [1]). Весьма поучительно то, что два совершенно противоположные проекта, изъ которыхъ одинъ оставлялъ за Россіею ея суверенныя права надъ Чернымъ моремъ, а другой ограничивалъ ихъ, дѣйствительно, унижая Россію, исходили изъ одного начала „равновѣсія". Это понятіе оказывалось настолько неопредѣленнымъ и шаткимъ, что давало полную возможность выводить изъ него самыя противоположныя комбинаціи, причемъ одна сторона считала возможнымъ позаботиться на этой почвѣ о своемъ усиленіи, другая же—объ обезсиленіи противника. На дѣлѣ же вышло, что сильнѣйшій продиктовалъ условія мира слабѣйшему, побѣжденному. Во имя политическаго равновѣсія учинялись самыя необыкновенныя, противоположныя комбинаціи. Имъ можно было оправдывать всякія насилія, подводить всякую сдѣлку подъ требованія, вытекавшія, будто бы, изъ условій существованія и охраненія равновѣсія. Самое поэтическое, самое случайное распредѣленіе территорій оправдывалось и рекомендовалось какъ якорь спасенія, какъ умиротвореніе Европы, благодѣяніе міру и т. д.; нужно было только взывать къ началу „политическаго равновѣсія", черпать въ этой бездонной бочкѣ остроумныя комбинаціи и подносить планъ на благоусмотрѣніе торжествующей дипломатіи, опиравшейся на самомъ дѣлѣ и на началахъ равновѣсія, а на арміяхъ, готовыхъ окрестить мечомъ и огнемъ всякую систему. Замѣчая, напримѣръ, усиленіе Пруссіи въ ущербъ Франціи и констатируя фактъ быстраго въ ней роста населенія, Дюпонъ-Уайтъ ищетъ средствъ для уравновѣшенія ослабленной Франціи съ возрастающимъ могуществомъ Пруссіи и Германіи. И вотъ, чтобы Франція „не перестала жить", чтобы она „не могла никогда услышать языка, подобнаго тому, съ которымъ обращаются къ туркамъ", приходится искать для нея *пріобрѣтенія извнѣ*; нужно позаботиться объ отчужденіи въ ея пользу какой-нибудь территоріи, по сосѣдству обрѣтающейся, чтобы „пріобрѣсти подкрѣпленіе въ населеніи, которое было бы драгоцѣнно въ случаѣ войны съ Германіей" [2]) (писано въ 1867 году). Территорія эта находится: Бельгія есть тотъ именно лакомый кусочекъ, о которомъ мечтали французы издавна, и еще недавно при Наполеонѣ III. Оправдывается же это присоединеніе очень остроумно и нѣтъ недостатка въ доказательствахъ. „Европа во всѣхъ трактатахъ,

[1]) Martens N. R., vol. XV, стр. 680.
[2]) Dupont-Whit. См. вышеприведенную статью его, стр. 439—440.

заключенныхъ ею съ республикой и имперіей, признала бельгійцевъ французами; въ 1815 году она сдѣлала ихъ голландцами; послѣ 1830 года независимыми. Вѣроятно ли среди современныхъ усложненій и переворотовъ, чтобы въ этомъ было послѣднее ея слово? Равновѣсіе европейскихъ силъ, скажетъ намъ Европа, нарушено, и прежде чѣмъ оно будетъ возстановлено, будущность наша сведется къ тому, чтобы служить полемъ сраженій между Франціей и Германіей"[1]). Въ ожиданіи французы „вынуждены законами равновѣсія протянуть руку бельгійцамъ", чтобы привлечь ихъ „въ самый интимный союзъ съ Франціею". Но если Бельгія откажется отъ предлагаемаго ей „интимнаго союза", сводящагося просто къ инкорпораціи ея" Франціею? Въ виду этого возможнаго результата, Дюпонъ-Уайтъ не останавливается предъ угрозами. „Трактаты не вѣчны, вы, бельгійцы, привыкли пользоваться нашими рынками, имѣете торговлю съ нами на 330 мил. франковъ. Мы закроемъ наши французскіе рынки и порвемъ наши торговые трактаты съ вами. Правда, это будетъ актомъ враждебнымъ, но..." [2]) и т. д., и т. д. Самъ авторъ сознается, что присоединеніе Бельгіи къ Франціи вызвало бы „сейчасъ же войну съ Англіей"[3]), а Пруссія могла бы тогда бросить свои взгляды на протестантскую Голландію" (равновѣсіе, слѣдовательно, опять было бы нарушено). Правда, онъ мечтаетъ достигнуть желаемаго при посредствѣ указаннаго выше полунасильственнаго воздѣйствія на Бельгію, несогласіе которой „можно предвидѣть". Но очевидно, что Дюпонъ-Уайтъ не остановился бы и предъ войною, настолько заманчива для него идея уравновѣсить Францію и Пруссію присоединеніемъ къ первой независимой Бельгіи. Но тутъ же упускается изъ виду, что равновѣсіе это мигомъ исчезло бы, какъ только „взоры Германіи падутъ на протестантскую Голландію". Учрежденія, свобода, религіозныя распри и особенно династія, умѣвшая примѣниться къ режиму Бельгіи, могутъ удерживать ее отъ соединенія съ Франціею. Это признается и авторомъ" [4]). Но онъ не останавливается передъ этимъ затрудненіемъ и находитъ выходъ изъ него въ идеѣ „вооруженныхъ націй", замѣнившихъ, по иниціативѣ Пруссіи, постоянныя арміи. Оборонительная сила современныхъ государствъ должна быть найдена и почерпнута изъ всѣхъ классовъ общества, т. е. въ идеѣ общей воинской повинности, съ сокращенными сроками

[1]) Dupont-Whit, стр. 441.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, стр. 440.
[4]) Ibidem, стр. 442.

службы. Послѣдняя же, въ свою очередь, повлечетъ къ важному *политическому послѣдствію*; политическая идея, живучая среди солдатъ, имѣющихъ выйти изъ нѣкоторыхъ классовъ общества, перенесется ими подъ знамя. Тогда укрѣпится сознаніе „политической свободы" и это приблизитъ французовъ къ бельгійцамъ; этимъ облегчится союзъ между ними [1]). Замѣчая же, что у бельгійцевъ нѣтъ „suffrage universel" (всеобщаго голосованія), положеннаго въ основу политическаго устройства Франціи, авторъ, готовый пожертвовать весьма многимъ для осуществленія своего плана, подвергаетъ критикѣ господствующую во Франціи систему выборовъ и, осуждая ее безусловно, рекомендуетъ французамъ двухъ-степенную систему выборовъ, принятую въ Бельгіи. Эта перемѣна въ смыслѣ приближенія къ бельгійскимъ обычаямъ и политическому режиму повліяетъ вмѣстѣ съ первой реформой (общей воинской повинности) въ смыслѣ возможности осуществленія слiянiя Бельгіи съ Франціею [2]). Вотъ на что приходится рѣшаться для того, чтобы „возстановить равновѣсіе", которое можетъ рухнуть чрезъ какія-нибудь 5—6 лѣтъ!

Пылкій и широкаго полета человѣкъ, если только ему суждено жить въ эпоху большихъ политическихъ переворотовъ, можетъ создать самый вычурный планъ дѣлежа и распредѣленія территорій, если только фантазія и личное его раздраженіе противъ утѣснителя будутъ черпать свои комбинаціи въ безпредѣльномъ и растяжимомъ понятіи о равновѣсіи. Приведемъ въ заключеніе содержаніе одного политическаго памфлета, относящагося къ 1814 году [3]), подтверждающаго эту мысль нашу. Брошюра посвящена всѣмъ монархамъ и князьямъ и принадлежитъ перу мекленбургскаго полковника *Карла фонъ-Шейтгера* [4]). Писаніе автора проникнуто сильнымъ озлобленіемъ противъ Франціи и Наполеона и тою ненасытимою жаждою мести противъ Франціи, которыя господствовали до и во время вѣнскаго конгресса. „Многіе", говоритъ намъ Гентцъ, „требовали погубить Францію вполнѣ и навсегда и именно тѣ, въ глазахъ которыхъ злоупотребленіе перевѣсомъ силы приравнивалось государственной мудрости, а слѣпая

[1]) Dupont-With, стр. 443—444.

[2]) Ibidem, стр. 447.

[3]) Появилась, какъ видно изъ ея содержанія, до начала вѣнскаго конгресса и до перваго парижскаго мира.

[2]) *Carl Friedrich von Scheither:* Was hatte Europa zu erwarten wenn Napoleon Bonaparte das Buder in Frankreich behielt und wie kann das Gleichgewicht Europas her gestellt werden? Брошюра эта найдена мною въ британскомъ музеѣ.

зависть—любви къ отчизнѣ. Въ этомъ смыслѣ раздавались голоса со всѣхъ концовъ Германіи, которые напередъ уже осуждали плодъ столь разностороннихъ размышленій и усиленныхъ работъ (вѣнскаго конгресса), если бы только въ нихъ оказалось, что въ основаніе всѣхъ переговоровъ не положено отторженіе отъ французской территоріи трехъ-четырехъ пограничныхъ провинцій“ [1]. Особенно же „Рейнскій Меркурій“ и другія нѣмецкія газеты и брошюры жаловались на то, что Альзасъ и Лотарингія не отдѣлены отъ Франціи [2]. Всѣ эти-то требованія, не нашедшія себѣ полнаго сочувствія у вѣнскаго конгресса, воплотились въ памфлетѣ фонъ-Шейтгера.

„Небеса, которыя съ непостижимымъ долготерпѣніемъ смотрѣли на ужасныя, позорныя и постыдныя дѣла и убійства корсиканскаго чудовища и французской націи, услышали наконецъ плачъ и вопли человѣчества и наказали ихъ (т. е. то чудовище и французскую націю) своимъ заступничествомъ, великою устойчивостью благороднаго британскаго правителя, энергіею русскаго и прусскаго монарховъ и націй [3]). Послѣ этой патетической прелюдіи полковникъ высказывается противъ мира съ Наполеономъ; „мы“, говоритъ онъ, „не обезопасены отъ новаго возвращенія опустошеній и ужасовъ, покуда Наполеонъ существуетъ какъ управитель націи. Боже упаси человѣчество и Германію отъ мира съ Наполеономъ!“ [4]). Полковникъ даетъ волю накопившейся въ немъ и его соотечественникахъ ненависти къ Франціи и разражается противъ нея слѣдующей филиппикой: „выродившаяся, отрицающая всякія человѣческія чувства французская нація, дозволяющая Наполеону руководить собою посредствомъ суетныхъ глупостей и слѣпыхъ поступковъ, позволяетъ вести себя изъ страсти къ грабежу и глупой храбрости ко всѣмъ жестокостямъ, разбою, убійству и позорнымъ дѣламъ; она (французская нація), не обладая ни чувствами, ни религіей, равнодушна къ благу и жизни сосѣдей и своихъ собственныхъ братій“ [5]). Съ такими-то чувствами къ Франціи и съ такимъ-то объективизмомъ приступаетъ фонъ Шлейтгеръ къ облагодѣтельствованію Европы посредствомъ распредѣленія территорій между ея государствами для возстановленія между ними равновѣсія!

[1]) *Briefe von Fr. von Gentz*, изданіе Schlesier, Theil II, стр. 407.
[2]) Ibidem, стр. 415.
[3]) Von *Schleither*, стр. 7.
[4]) Ibidem, стр. 8 и 10.
[5]) Ibidem, стр. 8.

Прежде всего, конечно, союзникамъ нужно разсчитаться съ Наполеономъ и заточить куда-нибудь этого опаснаго человѣка и его ближайшихъ сотрудниковъ. Полковникъ требуетъ отъ Франціи выдачи всей этой братіи, „мучившей все человѣчество и Германію". Жизни ихъ лишать не слѣдуетъ; нѣтъ, они сами себя должны пожрать и должны быть каждые 14 дней мучимы *раскаленными зубьями.* „Не достаточно", восклицаетъ свирѣпый авторъ, „и тысячелѣтій, чтобы искупить ихъ преступленія!" [1]). „А какъ Наполеонъ", язвительно замѣчаетъ полковникъ, „такъ охотно желалъ посѣтить Англію, то онъ и долженъ быть навсегда отвезенъ вмѣстѣ съ убійцею и поджигателемъ Волдомомъ, напр., въ Ботанибей. Здѣсь слѣдуетъ всѣхъ ихъ содержать подъ строжайшимъ надзоромъ, чтобы *не утекли* и не испортили тамошнее благородное общество (каторжниковъ)" [2]). Но, вотъ, пора приниматься и за дѣло, т. е. озаботиться ослабленіемъ Франціи и награжденіемъ союзниковъ „для возстановленія равновѣсія". Франція должна отдать все, что она ограбила у Германіи на лѣвомъ берегу Рейна и все, взятое ею у Италіи. Въ прокламаціяхъ предводителей войскъ великихъ союзныхъ монарховъ говорится, что союзники ничего не хотятъ требовать отъ Франціи. „Но я", говоритъ полковникъ, „считаю хорошимъ, *выгоднымъ и необходимымъ* для большей безопасности *соединить съ Германіей все, что говоритъ по-нѣмецки*, включая сюда Альзасъ, Лотарингію и Бургундію" [3]). Лучше всего отдать эти земли Баваріи, въ замѣнъ чего одна часть Баваріи отошла бы къ Австріи, а другая часть—къ Пруссіи. Полковникъ оправдываетъ эту комбинацію такъ: „чѣмъ больше будетъ Баварія, тѣмъ лучше для нѣмецкой имперіи, Австріи и для Пруссіи, такъ какъ Баварія получитъ тогда интересъ крѣпко связать себя съ Германіей" [4]). Но авторъ предвидитъ, что державы могутъ и не согласиться на эту комбинацію. „Тогда", находчиво замѣчаетъ онъ, „какой-нибудь изъ австрійскихъ принцевъ могъ бы получить Альзасъ, Лотарингію и Бургундію, какъ королевство или курфюршество, съ причисленіемъ его къ германскому союзу. Только старая граница можетъ опять обезопасить Германію!" [5]).

Далѣе Франція отдаетъ всю Голландію, Фландрію, Бра-

[1]) Von *Schleither*, стр. 11.
[2]) Ibidem, стр. 12.
[3]) Ibidem, стр. 34.
[4]) Ibidem.
[5]) Ibidem.

бантъ, Люксембургъ. А арсеналъ Антверпена предусмотрительный полковникъ передаетъ Англіи вмѣстѣ со всѣми имѣющимися въ немъ кораблями. Франція заплатитъ всѣ контрибуціи, вытянутыя ею отъ всѣхъ земель и городовъ (слѣдуетъ длинное ихъ перечисленіе), должна вновь выстроить Гамбургъ и вознаградить жителей его, Любека, Магдебурга и Данцига за весь причиненный ею вредъ, заплатить Россіи за опустошенія 20 мил. рублей. Возвращая все, захваченное у Испаніи и Португаліи, Франція отдаетъ еще Испаніи весь островъ Доминго въ видѣ вознагражденія [1]). Отдаетъ она Германіи крѣпость Ландау, да освободитъ она немедленно королевскую испанскую семью, всѣхъ плѣнныхъ нѣмцевъ и англичанъ и, хорошо одѣвъ ихъ, да отпуститъ на родину, снабдивъ необходимыми деньгами. Полковникъ приказываетъ ей „разоружиться на морѣ и не строить болѣе крѣпостей и флота", не препятствовать нигдѣ англійской торговлѣ и заключить торговый трактатъ съ Англіей [2]). Франціи указано далѣе „отнюдь не вмѣшиваться въ дѣла Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи и Испаніи" [3]) и т. д. и т. д. Но въ одномъ случаѣ полковникъ почему-то справедливъ къ Франціи; онъ не хочетъ, чтобы какая-нибудь держава *вмѣшивалась въ дѣла Франціи.* Онъ предоставляетъ ей „*избрать себѣ достойнаго суверена по собственному желанію*", но немедленно по заключеніи мира, чтобы онъ могъ быть признанъ всѣми державами и подписать миръ" [4]). Нѣмцы того времени вообще мало заботились о насажденіи легитимизма во Франціи, совсѣмъ не думали о реставраціи Бурбоновъ.

Распорядившись съ Франціей, что не представляло особыхъ затрудненій въ виду того, что она была страной побѣжденной, автору предстояла болѣе трудная задача: надѣливъ и вознаградивъ „спасителей", возстановить притомъ и упрочить справедливое между ними равновѣсіе". Въ этой-то части проекта встрѣчаемъ мы не мало курьезовъ и произвола. Полковникъ начинаетъ съ Россіи, которая, правда, ничего не потеряла во всѣхъ войнахъ ея съ Франціей, даже выгадала Финляндію, одинъ округъ прусской Польши и Галиціи, выиграла, значитъ, отъ денежной добычи, но ея издержки въ защиту отъ непріятельскаго

[1]) Von Schleither, стр. 12.
[2]) Ibidem, стр. 13.
[3]) Ibidem, стр. 13—14.
[4]) Ibidem, стр. 14.

вторженія даютъ ей право на вознагражденіе отъ Франціи (денежное); другія же державы не должны противиться тому, чтобы Россія получила Молдавію, часть Валахіи, Болгарію и Румелію *вмѣстѣ съ Константинополемъ, въ доказательство благодарной признательности* [1]). Хорошее вознагражденіе, приноситель котораго и не подумалъ о томъ, что всѣ эти земли составляли частью вассальныя, частью же совершенно подчиненныя земли турецкой империи, ничѣмъ не провинившейся противъ союзниковъ, и что для „возстановленія и упроченія равновѣсія" совершалось самое грубое нападеніе на независимость и цѣлость Турціи, которую, немного спустя, стали тщательно оберегать отъ Россіи опять же въ виду поддержанія равновѣсія!

Но больше всѣхъ потеряли Австрія, Пруссія и германскія государства (особенно Ганноверъ и Ольденбургъ). Понятно, что карта Европы вполнѣ готова къ ихъ услугамъ. Австрія, напр., получаетъ всѣ земли Италіи и Германіи, бывшія у нея до 1790 г.; Венецію, Далмацію, Геную, Зальцбургъ и Пассау. Но и этого полковнику кажется мало: Боснія, Сербія съ Никополемъ и Софіей (?), часть Молдавіи (до рѣки Демновитцы), вся *Греція* и свободное судоходство по Дунаю и Дарданелламъ плюсъ императорская германская корона — вотъ львиная доля, выпадающая габсбургскому дому. Турція, какъ видно, стирается съ лица земли; сомнительно, правда, чтобы свободное и въ то время еще достаточно могущественное государство покорилось безъ сопротивленія предначертанной ему горькой участи. Но полковникъ „для прочнаго умиротворенія Европы возстановленіемъ въ ней равновѣсія" ничуть не намѣренъ останавливаться предъ войною, благо союзники, интересы которыхъ въ этомъ планѣ предполагаются вполнѣ солидарными, достаточно сильны, чтобы игнорировать претензіи Турціи на независимое существованіе.

Не малая добыча достается и бранденбургскому дому: все герцогство Варшавское съ принадлежащею сюда частью Галиціи, все курфюршество Саксонское, общины бамбергская, нюрнбергская и вюрцбургская до Майнца [2]). А курфюрстъ Саксонскій вознаграждается за потерю наслѣдственныхъ земель австрійскимъ Брабантомъ, Фландріею, Люксенбургомъ, Геннегау и т. д.

Было бы утомительно перечислять остальныя распредѣленія территорій между различными средней руки и мелкими герман-

[1]) Von Schleither, стр. 17.
[2]) Ibidem, стр. 17—18.

скими государствами. Въ общемъ и цѣломъ поражаешься крайнею искусственностью и произвольностью территоріальнаго раздѣленія. Но нельзя не обратить вниманія на то, что актъ вѣнскаго конгресса *во многомъ* удовлетворилъ требованіямъ и указаніямъ автора брошюры. Въ немъ можно видѣть выразителя извѣстной части общественнаго мнѣнія Германіи или же допустить, что авторъ памфлета былъ близокъ къ руководящимъ сферамъ союзниковъ и получилъ отъ нихъ внушенія въ извѣстномъ направленіи; къ этимъ даннымъ можно еще прибавить ревность, увлеченіе самого автора, богатая фантазія котораго не остановилась даже предъ дѣлежемъ Турціи, о которомъ союзники серьезно никогда не помышляли ни до, ни во время вѣнскаго конгресса. Разсмотрѣнная брошюра положительно чужда всякихъ легитимистическихъ теорій и плановъ; въ этомъ ея рѣзкое отличіе отъ плановъ и дѣйствительныхъ постановленій вѣнскаго ареопага. Поэтому, если допустить, что авторъ ея получилъ внушенія отъ заправилъ, рѣшавшихъ судьбы Европы, то придется тѣмъ самымъ принять и другое предположеніе, именно то, что въ періодъ, близкій къ появленію этого памфлета, Австрія, Пруссія и Россія еще не мечтали о легитимизмѣ, не думали облагодѣтельствовать имъ Францію и Европу.

Что авторъ памфлета человѣкъ не глупый и искренно увлеченный идеею мира и благоденствія Европы, и особенно Германіи, видно, между прочимъ, изъ разработаннаго имъ плана созданія германской конфедераціи. Проектъ его въ этомъ отношеніи отличается строгою аристократичностью: курфюрсты рѣшаютъ и намѣчаютъ все, что „признается ими за благо имперіи", а другіе князья должны только *примѣнять* въ предѣлахъ своей территоріи постановленія курфюрстовъ. Князья имѣютъ право совѣщаться между собою только по поводу исполненія того, что отъ нихъ требуется курфюрстами, причемъ величина ихъ территорій и число подданныхъ дастъ норму. Главою же каждаго округа, въ которомъ имѣются владѣнія князей, является курфюрстъ, земли котораго независимы и составляютъ центръ, около котораго соединяются владѣнія мелкихъ князей. Курфюрстъ же является и главнымъ начальникомъ войска, въ которомъ кромѣ его собственной арміи соединяются и контингенты князей его курфюрстскаго округа. Не касаясь подробностей предлагаемаго авторомъ плана, достаточно будетъ замѣтить, что въ общемъ и цѣломъ предложенная имъ система германскаго союза построена на началахъ единства и стремится дать Германіи силу, необходимую для обороны отъ

внѣшняго врага, создать систему прочную, которая могла бы, по его словамъ, „поддержать равновѣсіе въ Европѣ“ [1]). Авторъ не задумываясь высказывается также противъ возстановленія духовныхъ владѣтелей имперіи и хочетъ обновить княжескій элементъ Германіи созданіемъ новыхъ династій, изъ числа министровъ и генераловъ союзниковъ, наиболѣе отличившихся въ борьбѣ противъ Франціи. Таковы, напримѣръ, министры Меттернихъ, Гарденбергъ, Штейнъ, Нессельроде, Блюхеръ и друг., которые получаютъ у него владѣнія въ Германіи съ различными титулами и съ правами имперскихъ князей „какъ вознагражденіе за потерянные ими доходы и въ видѣ благодарности за ихъ рвеніе къ великому дѣлу“ [2]).

Обратимъ еще вниманіе на то, что полковникъ меньше всего заботится объ Англіи и бывшихъ независимыхъ владѣтеляхъ Италіи. Послѣднихъ, напримѣръ короля Неаполитанскаго и герцога Моденскаго, онъ возстановляетъ въ ихъ владѣніяхъ и достаткахъ; относительно же Англіи лаконически замѣчаетъ: „она сохраняетъ Мальту и получаетъ островъ Кандію“. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что Австрія, Россія и Пруссія были ближайшими и главными виновниками разгрома Франціи, почему и должны были получить львиную долю, причемъ надлежало позаботиться о „равновѣсіи“ между ними, Англія же по своему островному положенію не могла имѣть особеннаго значенія въ континентальномъ равновѣсіи и ей всецѣло предоставлялось господствовать на морѣ.

II. Политическое равновѣсіе въ литературѣ.

Неопредѣленность и шаткость — отличительныя черты изслѣуемой нами системы — встрѣтимъ мы и въ литературѣ, т. е. у редставителей науки, и во мнѣніяхъ государственныхъ людей.

Филлиморъ приводитъ выдержки изъ XXII тома сочиненій Фенелона, въ которомъ встрѣчается цѣлая глава: „sur la nécessité de former des allniaces, tant offensives que défensives contre une puissance étrangère qui aspire à la monarchie universelle“ [3]). По его мнѣнію, все, что опрокидываетъ равновѣсіе и даетъ рѣ-

[1]) Von *Schleither*, стр. 35—38.
[2]) Ibidem, стр. 30—31.
[3]) *Phillimore*, Commentaries, I édition, vol. I, Appendice, см. также *Wheaton*, Histoire, I vol., § 2.

шающее значеніе для возможности достиженія всемірной монархіи (напр. положеніе Испаніи временъ Карла V и Филиппа II относительно другихъ державъ) не можетъ быть справедливо, если бы даже оно было основано на писанныхъ законахъ извѣстной страны, напримѣръ на правѣ династическаго наслѣдованія, такъ какъ „эти законы (частное право) не должны стоять выше *естественнаго закона общей свободы и безопасности*, начертаннаго въ сердцахъ всѣхъ другихъ народовъ". Всѣ державы вправѣ соединиться для того, чтобы предупредить совмѣстными усиліями опасное для свободы другихъ увеличеніе государства. Но для законности этихъ союзовъ, которые могутъ быть при извѣстныхъ случаяхъ и наступательными, необходимо, чтобы „опасность была дѣйствительная и настоятельная". Фенелонъ намѣчаетъ далѣе отдѣльные случаи, дающіе право на образованіе лиги и пытается указать на условія, оправдывающія оборонительныя и наступательныя дѣйствія для возстановленія равновѣсія. Вся эта часть отличается казуистичностью; самая же теорія его совершенно справедлива, но она констатируетъ только тотъ безспорный фактъ, что нарушеніе однимъ государствомъ свободы и независимости другихъ даетъ послѣднимъ право обороняться противъ утѣснителя сообразно обстоятельствамъ мѣста и времени. Но объ этомъ безполезно и распространяться, такъ какъ исторія давно уже доказала невозможность всемірной монархіи, встрѣчающей отпоръ со стороны государствъ, защищающихъ *всѣми отъ нихъ зависящими способами* свое право на независимое существованіе.

Въ общемъ и цѣломъ мнѣнія Фенелона держится и Филлиморъ [1]), признающій самозащитою право государствъ „блюсти надъ равновѣсіемъ силъ между существующими государствами, чтобы предупредить нападенія и завоеваніе какой-нибудь державы", и т. д. Филлиморъ не указалъ и не могъ указать системы постоянныхъ средствъ и способовъ для этой самозащиты уже потому, что они крайне разнообразны и случайны и примѣненіе ихъ указывается обстоятельствами каждаго спеціальнаго случая. Представленный же имъ историческій очеркъ равновѣсія доказываетъ какъ разъ противное, т. е., что равновѣсія никогда не существовало, что всѣ комбинаціи во имя его оказались несостоятельными, установлялись трактатами послѣ продолжительныхъ войнъ и вскорѣ же отмѣнялись другими договорами. Впрочемъ, уже выше мы имѣли случай убѣдиться въ томъ, что Филлиморъ не является

[1]) *Phillimore*, Commentaries, I édition, vol. I, стр. 447—448.

приверженцемъ абсолютнаго statu quo, но допускаетъ измѣненія въ территоріальныхъ владѣніяхъ государствъ [1]). Въ цѣломъ и Блунчли сходится съ Филлиморомъ; мы видѣли уже, что и этотъ ученый видитъ равновѣсіе не въ томъ, чтобы государства были „одинаково велики по объему территоріи, количеству населенія и одинаково могущественны“ [2]), не въ томъ также, чтобы „существующія государства навсегда оставались неизмѣнными“ [3]), или чтобы „увеличеніе территоріи одного государства давало право другому, хотя бы и сопернику перваго“, требовать и съ своей стороны увеличенія [4]). Но что же такое—равновѣсіе? Блунчли дѣлаетъ попытку къ его опредѣленію: „настоящее равновѣсіе означаетъ мирное сосуществованіе (Nebeneinander bestehen) различныхъ государствъ“ [5]). Но эта формула не есть прежде всего опредѣленіе равновѣсія, а скорѣе въ приведенныхъ выраженіяхъ констатируется только фактъ существованія международнаго союза, нормальное состояніе котораго характеризуется именно «*мирнымъ* сосуществованіемъ народовъ». Спрашивается теперь, когда же нарушается это настоящее равновѣсіе? „При несоотвѣтственномъ перевѣсѣ одного государства, угрожающемъ свободѣ и безопасности прочихъ“ [6]); при „стремленіи ко всемірному господству“ [7]); наконецъ, даже „частичнымъ перевѣсомъ одного государства, особенно при чрезмѣрномъ перевѣсѣ одного изъ государствъ на морѣ“ [8]).

И у этого писателя, слѣдовательно, начало свободы и независимости государствъ даетъ право слабѣйшимъ принимать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ извѣстныя мѣры для противодѣйствія государству, покушающемуся на основныя права членовъ международнаго союза. Но и ему не удалось ни доказать существованія равновѣсія, ни указать составные элементы этого понятія.

Сизифова работа, которая не была по плечу ни новѣйшимъ, ни стариннымъ писателямъ и еще менѣе дипломатамъ.

Не болѣе удачны и опредѣленія покойнаго нѣмецкаго профессора *Гефтера*. Въ политическомъ равновѣсіи между націями онъ усматриваетъ нѣкоторую, случайную гарантію международнаго права; равновѣсіе заключается въ томъ, что „отдѣльное государство, пытающееся

[1]) *Phillimore*. Commentaries. I édit. I vol., стр. 482—483.
[2]) *Bluntshli*. «Das moderne Völkerrecht», § 95.
[3]) Ibidem, § 96.
[4]) Ibidem, § 97.
[5]) Ibidem, § 98.
[6]) Ibidem, § 98.
[7]) Ibidem, § 99.
[8]) Ibidem, § 100.

нарушить международное право по отношенію къ другому, возбудитъ реакцію со стороны непосредственно угрожаемаго и другихъ государствъ, заинтересованныхъ въ общей международной системѣ государствъ, чтобы воспрепятствовать всякому опасному колебанію установленныхъ политическихъ отношеній“ [1]). Въ приведенныхъ строкахъ имѣется объясненіе обстоятельствъ, дающихъ государствамъ право стремиться къ поддержанію „установленныхъ политическихъ отношеній“. Но самъ же авторъ безжалостно уничтожаетъ «систему политическаго равновѣсія»: „на практикѣ“, говоритъ онъ, „система эта не предполагаетъ *непремѣнно матеріальнаго равновѣсія государствъ, примѣровъ котораго и не существовало въ* исторіи“ [2]) (онъ даетъ весьма вѣское объясненіе этому факту). Можно ли лучше и въ немногихъ словахъ осудить эту доктрину! Но въ чемъ же заключается защищаемая имъ система? Она состоитъ „въ особенности въ коллективной и моральной гарантіи, представляемой ассоціацією неравныхъ государствъ. Цѣль ея — вынудить членовъ ассоціаціи противодѣйствовать верховенству одного посредствомъ соединенныхъ силъ всѣхъ“ [3]). Первая часть этого положенія совсѣмъ неопредѣленна и ничего не объясняетъ „въ системѣ равновѣсія“, и трудно согласиться, чтобы въ исторіи прошлаго *нравственная гарантія* являлась началомъ, предупреждавшимъ хищническія поползновенія сильныхъ и защищавшимъ слабыхъ. Самъ Гефтеръ понимаетъ это: «само собою разумѣется, что *физическая сила* или моральная, необходимыя для противодѣйствія болѣе сильному, не должны отсутствовать“. Но если такъ, то, опуская здѣсь слово „моральная“, только путающее мысль цѣлаго предложенія, приходится все же опираться, для полученія равновѣсія, на силу физическую. А если послѣдняя является рѣшающею, то моральныя гарантіи не могутъ уже почитаться существенною стороною системы равновѣсія. Самъ Гефтеръ сознается, что „принципъ политическаго равновѣсія, вытекающій изъ законнаго права защиты, *далъ въ свою очередь поводъ къ частымъ злоупотребленіямъ*; но практическая реализація этой идеи была съ XIV вѣка важнѣйшею задачею европейской политики“ [4]). Всѣ усилія Гефтера видимо сводятся

[1]) *Heffter*. «Le droit international public de l'Europe», изд. Jules Bergson, § 5. См. и русскій переводъ барона Таубе подъ редакціею пр. Ф. Мартенса. (Съ самаго послѣдняго франц. изданія, просмотрѣннаго авторомъ).

[2]) Ibidem, § 5.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem. § 6.

къ желанію примирить какъ-нибудь выяснившуюся и для него историческую несостоятельность (даже несуществованіе) равновѣсія съ представлявшимся ему почему-то необходимымъ теоретическимъ созданіемъ и обоснованіемъ системы равновѣсія; но разрѣшеніе этой неблагодарной задачи привело его къ шаткимъ и противорѣчивымъ выводамъ и обобщеніямъ.

Но едва ли не самыми ревностными защитниками системы равновѣсія являлись дипломаты старой школы. Почетное мѣсто среди нихъ принадлежитъ по праву *Гагерну*, одному изъ дѣятелей вѣнскаго конгресса. Защитѣ политическаго равновѣсія посвящено имъ не мало мѣста въ его извѣстной „Kritik des Völkerrechts“ [1]. Равновѣсіе опредѣляется имъ какъ „способность къ сопротивленію, противоположеніе перевѣсу“ (скорѣе объясненіе, а не опредѣленіе). Оно основано „на самой природѣ, которая не любитъ гигантскаго, чрезмѣрно великаго“ [2]. Изъ дальнѣйшаго изложенія Гагерна явствуетъ, что онъ основываетъ равновѣсіе на принципѣ „самосохраненія“, „которое“, возражаетъ онъ Гуго Гроцію, „не есть дѣло пользы, но права“ [3]. „Ничего не можетъ быть слабѣе, запутаннѣе, абсурднѣе и противомужественнѣе“, восклицаетъ старый дипломатъ, „какъ порицаніе, осмѣяніе и отрицаніе равновѣсія, его посылокъ, элементовъ и требованій. Безъ равновѣсія было бы истинно и желательно противоположное ему состояніе—универсальная монархія или полнѣйшая анархія“ [4]. Далѣе авторъ выражается еще сильнѣе: „вездѣ трусы и чуждые идей люди могутъ болтать такой вздоръ противъ *идеи и системы* равновѣсія“ [5]. До сихъ поръ, однако, Гагернъ только *возмущался* противъ отрицателей и защищаемой имъ системы, но не доказалъ ея существованія, не уяснилъ ея „посылокъ и элементовъ“, подтвердивъ еще разъ безспорную истину, что каждое государство имѣетъ право на самосохраненіе и, слѣдовательно, противиться нападеніямъ сильнѣйшихъ, направленнымъ противъ его независимости. Онъ чувствуетъ, впрочемъ, необходимость привести въ пользу защищаемой имъ системы болѣе вѣскіе аргументы. Онъ утверждаетъ, что „ни Мильтіадъ и Ѳемистоклъ, ни Марбодъ и Филиппъ Великодушный, ни принцы оранскаго дома, ни Меттернихъ и Штейнъ, и т. д. (слѣдуетъ перечисленіе извѣстныхъ государственныхъ

[1]) *Von Gagern*. «Kritik des Völkerrechts» 1840, глава X.
[2]) Ibidem. стр. 80—81.
[3]) Ibidem, стр. 82.
[4]) Ibidem, стр, 92.
[5]) Ibidem.

людей и полководцевъ всѣхъ націй) не думали такъ" (т. е. какъ „трусы и люди, лишенные идей"). „Посредствомъ твердости въ сопротивленіи сломили они злую волю сильнѣйшихъ *и вновь возстановили, всякій по своему способу* (?), *равновѣсіе*. Вотъ почему исторія и не знаетъ всемірной монархіи или хоть сколько-нибудь продолжающагося перевѣса" [1]). Но ссылки автора на дипломатовъ и государственныхъ людей ничего сами по себѣ не доказываютъ. Средневѣковая богословская схоластика насчитываетъ цѣлыми сотнями имена людей, занимавшихся исчисленіемъ количества ангеловъ, могущихъ умѣститься на концѣ булавочной головки; но никому изъ нихъ не удалось исчислить ихъ, и странно было бы приводить списокъ именъ этихъ средневѣковыхъ богослововъ, какъ доказательство существованія ангеловъ или возможности перечисленія количества ихъ, могущаго умѣститься на концѣ иглы. Съ древнѣйшихъ временъ пересчитываетъ Гагернъ неудавшіяся попытки ко всемірной монархіи; но этимъ онъ отнюдь не доказалъ того, чтобы попытки ко всемірной монархіи рухнули оттого, что имъ противупоставляли систему равновѣсія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ самъ ослабляетъ значеніе своей системы, выставляя читателямъ всю неопредѣленность и произвольность ея содержанія. Онъ говоритъ именно, что рѣшеніе вопроса о равновѣсіи оставляетъ двѣ большія проблемы: 1) „когда и гдѣ необходимость или степень высшей цивилизаціи (?) управомочиваютъ требовать чужой территоріи или давать предписанія"; вторая проблема — „какъ нарушается равновѣсіе, какъ охранять его и противодѣйствовать перевѣсу, гдѣ и въ чемъ признаки злонамѣренности, указаніе на nation malfaisante" [2]). Другими словами, Гагернъ признается въ невозможности установить правила для рѣшенія этихъ существенныхъ вопросовъ, т. е. создать систему. По крайней мѣрѣ мы затрудняемся видѣть удовлетворительное рѣшеніе поставленной Гагерномъ задачи въ слѣдующемъ положеніи его: „самосохраненіе даетъ право на употребленіе дозволенныхъ средствъ защиты, но послѣднія отнюдь не могутъ быть употреблены противъ правомѣрнаго (справедливаго) роста могущества" [3]).

Исчисленныя нами свойства „системы равновѣсія" объясняютъ уже сами по себѣ фактъ отрицательнаго отношенія къ ней многихъ даже изъ старинныхъ писателей.

Такъ, еще Гуго Гроцій не допускалъ, чтобы международное

[1]) *Gagern*. «Kritik des Völkerrechts», стр. 93.
[2]) Ibidem, стр. 95.
[3]) Ibidem, стр. 95.

право дозволяло „взяться за оружіе для уменьшенія возрастающей силы державы, которая, сдѣлавшись слишкомъ могущественною, могла бы повредить“. Онъ допускаетъ, что при совѣщаніи о войнѣ и это принимается въ соображеніе, но оно подходитъ не подъ понятіе о правѣ, но подъ понятіе о пользѣ; одна возможность потерпѣть насиліе не даетъ права употребить насиліе, такъ какъ это совершенно чуждо всякихъ соображеній о справедливости [1]). Ту же мысль Гроція развиваетъ далѣе *Христіанъ Вольфъ* [2]), различающій между причинами, управомочивающими на войну (rationes justificae), и соображеніями полезности (rationes sucsoriae). Справедливымъ основаніемъ войны онъ тоже не считаетъ „возрастающее могущество сосѣдняго народа и страхъ предъ сосѣднею властью“ [3]); отъ „неопредѣленныхъ страховъ (опасеній) можно требовать защиты только у божественнаго провидѣнія“ [4]). Объяснивъ затѣмъ понятіе о равновѣсіи [5]), Вольфъ категорически заявляетъ, что „сохраненіе равновѣсія между народами не есть справедливое основаніе войны“, ибо, поясняетъ онъ, „если ни страхъ предъ сосѣдней державой, ни одна польза не суть причины для справедливой войны, то и сохраненіе равновѣсія между народами не можетъ быть справедливою производящею причиною войны“ [6]). Впрочемъ, Вольфъ самъ нѣсколько путается ниже: „открытое стремленіе одной державы“, говоритъ онъ, „подчинить себѣ другіе народы даетъ остальнымъ право сломить силою оружія эту возрастающую мощь“ [7]). Съ этимъ нельзя бы не согласиться, но Вольфъ вставляетъ еще слова „для сохраненія равновѣсія“, „которое“ продолжаетъ онъ далѣе, „должно быть охраняемо между народами“ во имя закона природы, требующаго „мудрости для предупрежденія опасности“ [8]).

Послѣдователь Вольфа *Ваттель* даетъ о равновѣсіи нѣсколько довольно неопредѣленныхъ замѣчаній, и мы не видимъ достаточныхъ основаній къ причисленію его къ защитникамъ или отрицателямъ изслѣдуемой системы [9]).

[1]) *Gugo Grotius*. «Die jure belli ac pacis», см. отличный нѣмецкій переводъ отъ 1769 года, книга I, глава I. § XVII.

[2]) *Wolf*—Jus gentium methodo scientifico per-tractatum, § 621.

[3]) Ibidem, § 640.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem, § 642—«равновѣсіемъ между народами называютъ такое состояніе многихъ взаимно между собою сносящихся народовъ, посредствомъ котораго могуществу одного изъ нихъ или нѣсколькихъ вмѣстѣ равны (противопоставляются) соединенныя силы другихъ».

[6]) Ibidem, § 646.

[7]) Ibidem, § 651.

[8]) Ibidem, § 651.

[9]) *Vattel* «Le droit des gens», Livre III, chap. III, § 42.

Противниковъ доктрины политическаго равновѣсія можно насчитать не мало и между публицистами нашего столѣтія. Они указывали и подмѣчали слабыя стороны этой системы. Такъ, Шмельцингъ еще нѣсколько колеблется. Онъ не признаетъ возможнымъ разсматривать ее какъ „химеру или политическое шарлатанство", не считаетъ возможнымъ и отбросить ее какъ безполезную или противную праву" [1]); но далѣе, онъ же отрицаетъ ея *практическое примѣненіе* и логическія изъ нея выводы [2]), отказываясь отъ установленія общихъ основныхъ положеній [3]), и предоставляя все усмотрѣнію „политики отдѣльныхъ кабинетовъ" [4]). *Георгій Мартенсъ* упрекаетъ эту систему въ „неопредѣленности, колебаніяхъ и произвольности ея основъ" [5]); въ ней часто „господствовали не справедливость, а эгоистическая политика и частные интересы" [6]). „Разсматриваемая съ правовой и политической точекъ зрѣнія", говоритъ Клюберъ, „система политическаго равновѣсія была неопредѣленной идеей. Но зависть, недовѣріе и соображенія цѣлесообразности часто давали поводъ, какъ бы управомочивали правительства трактовать о поддержаніи или возстановленіи равновѣсія въ Европѣ, на сѣверѣ, востокѣ, западѣ, въ Германіи, Италіи и на морѣ, на сушѣ, въ судоходствѣ и торговлѣ" [7]). *Оппенгеймъ* называетъ ее „системою зависти и обоюднаго ослабленія, употреблявшейся не только въ защиту самостоятельности, но и противъ самостоятельности другихъ. Она *вызвала войнъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько должна была предотвратить ихъ*" [8]). „Равновѣсіе", утверждаетъ Ganesco, — „никогда не существовало; само слово это употреблялось механически въ протоколахъ и публицистами, или же *всякій понималъ его по-своему*, сообразно требованіямъ личнаго интереса" [9]).

Самое незначительное зло ея состоитъ въ томъ, что она „не

[1]) *Julius Schmelzing* «Europ. Völker». I-er Theil, § 102; ту же мысль см. у *Woltmann*, «Geschichte und Politik», Berlin, 1801 г.

[2]) Ibidem, § 109.

[3]) Ibidem, § 108.

[4]) Ibidem.

[5]) G. F. de *Martens*, § 120.

[6]) Ibidem, § 121.

[7]) *Klüber*, «Europäisches Völkerrecht» 1821 г., § 42.

[8]) *Oppenheim*. «System des Völkerrechts», 2 изданіе, 1866 г., стр. 27, 30 и 223.

[9]) *Ganesco*. «Diplomatie et nationalité». Paris. 1856 г., стр. 16 и слѣд. (Bolmerinck Praxis, Theorie, etc., стр. 47).

признавала внутренняго движенія націй“ (Ришаръ) [1]; эта „филантропическая утопія предшествовавшихъ вѣковъ очень понравилась завоевателямъ“ [2]. Настоящаго политическаго равновѣсія „съ исторической точки зрѣнія до сихъ поръ еще не существовало“ (Амори) [3]; оно можетъ существовать только тогда, „когда каждый народъ сполна будетъ пользоваться своею автономіею, завоюетъ свою собственную національность и будетъ хозяиномъ у себя дома“ [4]; оно (политическое равновѣсіе) всегда давало „какъ силѣ, такъ и слабости во всякое время основаніе и противооснованіе для измѣненія системы европейскихъ государствъ; оно оказалось невѣрнымъ средствомъ охраны прежней системы государствъ: мощь, сконцентрированная въ рукахъ геніальнаго полководца, могла ниспровергнуть ее. Помимо невѣрности самаго содержанія этого ученія, практическія попытки къ его примѣненію не принимали въ соображеніе противоположныхъ династическихъ правъ и національныхъ притязаній“ (Брокгаузъ) [5], и т. д., и т. д.

Было бы утомительнымъ повтореніемъ приводить мнѣнія другихъ публицистовъ pro и contra разсматриваемой доктрины; еще безполезнѣе приводить и опровергать казуистическія и запутанныя исчисленія обстоятельствъ, указующихъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ правовѣдовъ, на „разстройство въ равновѣсіи“ и на средства для его поддержанія [6], или распространяться о примѣненіи нѣкоторыми публицистами „общей системы равновѣсія въ Европѣ“ къ важнѣйшимъ географическимъ частямъ ея, утверждающими притомъ, что восточнымъ, западнымъ, южнымъ и сѣвернымъ народамъ *особенно присуще* стремленіе поддерживать равновѣсіе и между собою [7]. Вѣрно то, что *всѣ публицисты безъ исключенія*, признавая самозащиту выводомъ изъ начала самостоятельности государствъ, допускаютъ во имя ея употребленіе различныхъ средствъ (напр. союзы оборонительные и насту-

[1]) *Eugène Richard*. «Etude sur les nationalités». Genève et Bale. 1870 г., стр. 72.

[2]) Ibidem.

[3]) Carnazzo *Amori*. «Sol equilibrio politico», Catana 1868. Вкратцѣ см. въ «Revue de droit international», 1873 г., tome V, стр. 538—540.

[4]) Ibidem, стр. 538.

[5]) *Brockhaus* «Das Legitimitäts-princip.», Leipzig, 1868 г., стр. 13 и 20.

[6]) Напр., *Schmalz*. «Europäisches Völkerrecht», стр. 206 и слѣд.

[7]) Таковы, напр., *Pfeifer* «Das Deutsche Gleichgewicht», Mannheim, 1788 (объ особенномъ равновѣсіи германскихъ государствъ); *Günther*—«Europäisches Völkerrecht», Theil I, стр. 375 и слѣд. (о спеціальномъ равновѣсіи итальянскихъ государствъ); *Schmauss* — «Einleitung in die Staatsmisseuschaften», Theil II; см. у *Schmelzing*'а, «Eur. Völk.», § 106, стр. 120.

пательные), особенно же для защиты отъ стремленій ко всемірной монархіи. Въ этомъ сходятся всѣ безъ исключенія противники и защитники системы политическаго равновѣсія. Но далѣе нѣкоторые изъ ученыхъ и дипломатовъ (преимущественно старой школы) пытаются выставить систему равновѣсія способомъ для этой самозащиты; но всѣ ихъ попытки доказать существованіе этой системы въ монархіи, указать на ея элементы и опредѣлить ее — оказались тщетными. Другіе же ученые, ближе стоящіе къ исторической истинѣ, отрицаютъ эту систему. Такимъ образомъ исторія вопроса, изслѣдованіе его въ трактатахъ и въ литературѣ даютъ намъ право резюмировать наше изслѣдованіе о политическомъ равновѣсіи такъ:

Идея самозащиты государствъ, вытекающая изъ принципа ихъ независимости и самостоятельности, давно проникла въ Европу, сперва инстинктивно, а затѣмъ сознательно въ дипломатіи и въ наукѣ (попреимуществу); она не была даже чужда отдѣльнымъ умамъ древности, но особенно распространилась въ новое время (съ XVII вѣка по XIX). Но система, которую называли политическимъ равновѣсіемъ, и въ которой многіе усматривали систему организованной защиты противъ нападеній сильнѣйшаго и стремленій ко всемірной монархіи, никогда не существовала въ исторіи. Понятіе и элементы ея шатки; она неопредѣленна, случайна. Поэтому въ понятіе это вкладывали все, что кому было угодно „вложить въ нее сообразно личнымъ интересамъ и обстоятельствамъ времени и мѣста; отъ этого ею злоупотребляли сильные противъ слабыхъ и обѣ стороны съ видимо одинаковымъ основаніемъ взывали къ ней.

Въ самой идеѣ своей эта система осудила бы Европу на состояніе вѣчнаго внѣшняго покоя и однообразія, на мертвенность, въ которыхъ національности съ ихъ правами приносились въ жертву случайнымъ территоріальнымъ распредѣленіямъ. Допуская же исключенія изъ системы, имѣющей statu quo своимъ идеаломъ, получимъ неустойчивость, вмѣняемость политическихъ комбинацій, постоянныя передѣлы территорій и войны, какъ результатъ, котораго система эта старалась по возможности избѣгнуть. Шаткость, противорѣчіе и запутанность встрѣчаемъ мы поэтому и у публицистовъ, выступившихъ защитниками этой отживающей свой вѣкъ утопіи, которую мы не можемъ назвать филантропическою потому лишь, что она причинила человѣчеству больше золъ, чѣмъ могла бы дать добра въ томъ случаѣ, если бы получила практическое осуществленіе.

ОТДѢЛЪ II.

Начало легитимизма.

А. Историческое развитіе легитимизма въ Европѣ.

I. Общій очеркъ.

Эпоха господства легитимизма въ Европѣ, начинающаяся съ возстановленія Бурбоновъ во Франціи и достигающая кульминаціоннаго своего пункта въ 1823 году, на конгрессѣ въ Веронѣ, можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько періодовъ. Первый, предшествующій вѣнскому конгрессу, знакомитъ насъ съ переговорами и интригами роялистовъ предъ союзниками,—окончившимися возстановленіемъ Бурбоновъ на французскомъ престолѣ. Реставрація, явленіе совершенно случайное, была если не прямо навязана Франціи, то во всякомъ случаѣ фактомъ, не проистекавшимъ изъ сознательнаго къ ней отношенія Франціи, которая не была легально спрошена, не была приглашена высказать свое желаніе относительно самой реставраціи и будущей формы правительства. Однако Россія, которой въ лицѣ императора Александра принадлежало тогда главенство и руководящее вліяніе среди союзниковъ, споспѣшествуя возвращенію Бурбоновъ, хотѣла сочетать реставрацію съ гарантіями свободы и прогресса; послѣдствіемъ этого направленія русской политики, соотвѣтствовавшаго либеральному настроенію русскаго государя, явилась партія, долженствовавшая построить государственный режимъ Франціи на началахъ *конституціоннаго легитимизма*, въ которомъ пытались примирить дорогія французамъ преданія и общепринятыя начала революціи съ началами древняго режима. При этомъ самое возстановленіе Бурбоновъ и конституціонная партія были обставлены такими формальностями, которыя не нарушали прямо принципа неза-

висимости Франціи, но отнимали у недовольныхъ право жаловаться на вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла независимой державы (Франціи). „Въ эту эпоху союзники совсѣмъ еще не думали и не рѣшались проводить въ жизнь начало строгаго легитимизма, не пришли еще къ принципу вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ въ виду „интересовъ международнаго союза“. Легитимизмъ только еще зарождался, онъ вступалъ еще въ соглашенія съ началами свободы и прогресса, не развился и не выродился въ реакціонное начало, давившее свободу и прогрессъ въ Европѣ.

Однако новому правительству Франціи, возстановленному наполовину по принципу стараго ея режима, пришлось покончить съ началами революціи, выдѣлить послѣднія изъ искусственно созданнаго для нея *конституціоннаго легитимизма*, вернуться къ чистому легитимизму, къ старому режиму. Это направленіе ея внутренней политики она пыталась внести на *вѣнскій конгрессъ*, ограничиваясь впрочемъ только стремленіемъ къ возсозданію вездѣ легитимизма *монархій*, разрушенныхъ эпохами революціи и имперіи.

Второй періодъ—съ вѣнскаго конгресса до ахенскихъ постановленій включительно (1818 годъ) — характеризуется борьбою начала легитимизма, выдвинутаго Франціей, съ принципомъ политическаго равновѣсія, нарушеннаго, по мнѣнію дипломатіи, войнами и завоеваніями революціи и имперіи. Вооружась этимъ послѣднимъ началомъ и его требованіями, державы, воротилы конгресса, противопоставляли его началу легитимизма. Не вооружаясь противъ послѣдняго, въ которомъ они должны были усматривать уже въ силу традицій войнъ, веденныхъ ими съ революціей и имперіей, элементъ антиреволюціонный, начало законности и порядка, державы-союзницы урѣзывали, ограничивали, измѣняли и отмѣняли это начало, когда дѣло шло о полномъ и послѣдовательномъ его приложеніи къ европейскимъ государствамъ. При этомъ становились по видимости на точку зрѣнія „политическаго равновѣсія“: хотѣли упрочить миръ справедливымъ распредѣленіемъ силъ между государствами Европы. На самомъ же дѣлѣ компромиссъ между требованіями легитимизма и политическаго равновѣсія почти всегда нарушался въ пользу *права сильнаго*, прикрывавшагося политическимъ равновѣсіемъ.

Главные руководители конгресса озаботились прежде всего о томъ, чтобы подъ видомъ справедливаго вознагражденія и уравновѣшенія ихъ силъ получить для себя какъ можно больше изъ

того, что они считали себя въ правѣ получить по такъ-называемому завоеванію. Интриги и дипломатическая ловкость, сила рѣшали вопросъ о законности, и количествѣ и качествѣ вознагражденія. Франція же, отодвинутая на конгрессѣ на второй планъ, не могла провести всецѣло выдвинутаго имъ начала легитимизма, который согласовался бы съ старинными традиціями (дореволюціонными) поддержанія бурбонскихъ династій. Борьба противоположныхъ интересовъ, среди которой все-же проглядывало стремленіе покончить по возможности съ традиціями революціи и произведенными ею территоріальными измѣненіями, чуть не вызвала войны между соперниками. Случай—бѣгство Наполеона и 100 дней—спасли дѣло конгресса и союзниковъ, вновь возстановившихъ Бурбоновъ опять безъ согласія и даже вопреки желанію французовъ. Періодъ этотъ заканчивается ахенскимъ конгрессомъ. Здѣсь державы, убѣжденныя, что онѣ обезопасили себя со стороны Франціи, торжественно примиряются съ нею посредствомъ очищенія ея территоріи отъ союзническихъ войскъ, принимаютъ ее въ интимный союзъ съ ними и заканчиваютъ свои совѣщанія торжественною декларацією, въ которой, ссылаясь на заключенный въ 1815 году актъ священнаго союза, построенный на началахъ монархіи божественнаго права, заявляютъ въ довольно неопредѣленныхъ и шаткихъ выраженіяхъ о своемъ желаніи *поддерживать* созданный ими порядокъ и положеніе въ Европѣ. Но это profession de foi державъ еще стоитъ на теоретической почвѣ; въ ней нѣтъ прямыхъ угрозъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла сосѣдей, т. е. нападенія на принципъ независимости государствъ, легитимизмъ не является здѣсь связаннымъ съ реакціею и подавленіемъ свободы и прогресса. Послѣднее—плодъ *третьяго періода*, начинающагося карлсбадскими постановленіями 1819 года и оканчивающагося 1823,—годомъ знаменитаго въ лѣтописяхъ первой четверти нашего столѣтія веронскаго конгресса. Начала французской революціи и конституціонный режимъ, задавленные было реставраціею и политическими пертурбаціями 1814—15 годовъ, вновь выступаютъ на сцену. Вниманіе общества французскаго, германскаго и народовъ Италіи, отвлеченное сперва крупными событіями и перетасовками разсмотрѣнныхъ эпохъ, вновь устремлено на внутреннія дѣла. Неотвратимыя требованія времени предъявляютъ программу реформъ въ смыслѣ конституціонной свободы общепризнаннаго просвѣщенною частью всѣхъ европейскихъ обществъ дара революціонной эпохи. Начинаются въ этомъ смыслѣ внутреннія движенія въ Германіи и Италіи, поддержан-

ныя нравственно-либеральною прессою и общественнымъ мнѣніемъ Франціи. Но правительства Австріи и Пруссіи, успокоенныя и до нѣкоторой степени удовлетворенныя территоріальными измѣненіями и полученными ими на вѣнскомъ конгрессѣ вознагражденіями, являютъ изъ себя элементъ реакціи, вступающій въ борьбу съ „духомъ времени". Начало *абсолютнаго легитимизма*, не знающаго никакихъ уступокъ требованіямъ времени и прогресса, выдвигается ими въ борьбѣ съ недовольными элементами. А какъ интересы всѣхъ почти легитимныхъ монархій являлись въ этомъ отношеніи солидарными, то къ этой охранительной лигѣ, построенной на легитимизмѣ самомъ строгомъ и узкомъ, приступаетъ и Россія, въ направленіи верховнаго вождя которой произошла рѣшительная перемѣна, благопріятная видамъ Австріи, Пруссіи и большинства государей Германіи, которые успѣли около 1819 года издать постановленія, обязательныя для германской конфедераціи и направленныя противъ либеральныхъ поползновеній и мечтаній нѣмецкаго общества. Во имя „общаго интереса" права федеральнаго правительства расширены и санкціонированъ во имя порядка и для борьбы съ анархіей принципъ вмѣшательства во внутреннія дѣла германскихъ государствъ. А когда въ 1820 году вспыхиваетъ возстаніе въ Пьемонтѣ и Неаполѣ, Австрія, которой съ этой минуты принадлежитъ вліятельнѣйшая и почти рѣшающая роль на континентѣ, заручившись Россіей, громко провозглашаетъ принципъ вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдей и, развивая легитимизмъ до крайнихъ его предѣловъ, провозглашаетъ его стоящимъ подъ охраною международнаго союза, насаждаетъ этотъ *абсолютный* легитимизмъ, въ которомъ исчезли уже всякія смягченія, взятыя изъ началъ революціонной эпохи,—въ Пьемонтѣ, Неаполѣ, угрожаетъ имъ всей Европѣ. Подавленіе свободы, борьба съ прогрессомъ, застой на основахъ монархіи божественнаго права—вотъ знамя „европейской палаты пэровъ" (Австрія), сдерживающей „общины Европы"! Революція въ Испаніи даетъ легитимизму поводъ и благопріятный случай дойти до кульминаціоннаго пункта своего развитія. Россія, уже совершенно оставившая либеральныя основы политики, выразившейся въ ея участіи въ образованіи и принятіи хартіи Людовикомъ XVIII, сдѣлалась вмѣстѣ съ Австріею оплотомъ этого легитимизма. Франція, все болѣе и болѣе вступавшая внутри на путь стараго режима, логически вынуждена поддерживать легитимизмъ и *внѣ*, принята въ интимный союзъ Россіи, Пруссіи и Австріи и рѣшается на вооруженное вмѣшательство въ дѣла Ис-

4

паніи, возстановляетъ въ ней абсолютную власть легитимнаго Бурбона (Фердинанда VII). Оправданіемъ ей и основою политики четырехъ мощныхъ державъ служатъ извѣстныя циркулярныя депеши и деклараціи Россіи, Австріи и Пруссіи изъ Лайбаха, Троппау и Вероны, въ которыхъ мы найдемъ теоретическія основанія и апологію дѣйствій державъ, поклявшихся стереть съ лица земли всякій зародышъ „революціонныхъ элементовъ“ и „анархіи“ для „мира, счастія Европы“, „государей“ и „блага ихъ подданныхъ“. Одна Англія, вѣрная ея конституціоннымъ традиціямъ, отступаетъ отъ коалиціи.

Дальше этого нельзя было идти: все должно было облечься въ мертвыя формы легитимнаго statu quo; всякій прогрессъ и неразрывно связанныя съ нимъ измѣненія въ формахъ и строѣ общественнаго и государственнаго быта должны были на вѣки перейти въ область утопическихъ надеждъ. Но не такъ судила исторія. Присущая живымъ существамъ идея прогресса пробилась съ неудержимою силою сквозь плотное и хорошо охраняемое сѣрое зданіе легитимизма: революція 1830 года, замѣнившая легитимную монархію монархіей избирательной; революція Бельгіи, покончившая съ искуственнымъ созданіемъ королевства Нидерландовъ; возстаніе Греціи и необходимость провозгласить ея независимость... вотъ событія, близко слѣдовавшія одно за другимъ, нанесшія легитимизму смертельный ударъ, отъ котораго онъ не могъ больше оправиться. Нечего и говорить о послѣдующихъ за ними не менѣе важныхъ событіяхъ, которыя показали, что легитимизмъ веронскаго конгресса похороненъ на вѣки!

ГЛАВА I.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Эпоха реставраціи во Франціи.

I. Реставрація съ международной точки зрѣнія.

Князь Меттернихъ пишетъ, что еще въ 1810 году Наполеонъ заявилъ ему въ интимномъ разговорѣ, что если онъ, императоръ, долженъ будетъ исчезнуть вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы, то никто кромѣ одного изъ Бурбоновъ не могъ бы сѣсть на его мѣсто [1]). Въ меморіяхъ Святой Елены упоминается о желаніи самого Наполеона (послѣ конгресса въ Шатильонѣ), обезсиленнаго и обезкураженнаго неудачами, спасти Францію *призваніемъ въ нее Бурбоновъ*, что должно было, по его мнѣнію, остановить нашествіе коалиціи на Францію; но, по небольшомъ размышленіи, Наполеонъ, будто бы, бросилъ эту мысль: „изгнанная династія никогда не прощаетъ, ничего не забываетъ по своемъ возвращеніи" [2]). Сомнительно, конечно, чтобы Наполеонъ искренно питалъ подобное намѣреніе, о которомъ почти до послѣдней минуты не мечтали сами союзники, при всемъ ихъ горячемъ желаніи добиться прочнаго и продолжительнаго мира. Сами Бурбоны серьезно не мечтали о томъ; они произносили, правда, отъ времени до времени въ интимныхъ бесѣдахъ разныя фразы, въ которыхъ можно было найти намеки на „лучшія времена", на „возможность реставраціи" [3]); но уже одно отношеніе союзниковъ къ ихъ правамъ на престолъ лишало ихъ всякой серьезной на это надежды. Забытый давно государями континента, Людовикъ XVIII хотѣлъ возбудить у Александра I, котораго событія дѣлали главою коалиціи, воспоминанія о его дѣлѣ и личности. Попытка въ этомъ родѣ

[1]) «Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne». Par M. G. *Pallain*. 2-me édition. Paris. 1881. См. Préface, стр. XII.

[2]) Ibidem, стр. XI—XII.

[3]) *Achille de Vaulabelle*, «Histoire des deux Restaurations», 7-me édition, Paris. 1868. См. tome I, стр. 130—131.

сдѣлана имъ въ 1812 году; Людовикъ написалъ императору письмо, въ которомъ молитъ его за французскихъ плѣнныхъ, „какъ за дѣтей своихъ, хотя они и дрались подъ другимъ знаменемъ“ [1]). Но Александръ I ограничился передачею чрезъ de Noaill'a нѣсколькихъ общихъ увѣреній въ интересѣ, который онъ, государь, питаетъ къ личности претендента. Не лучшій успѣхъ имѣлъ и герцогъ Орлеанскій, глава младшей линіи Бурбоновъ: когда успѣхъ оружія окончательно склонился на сторону союзниковъ, онъ, пребывавшій долгое время на испанской территоріи, сталъ на сторону временнаго правительства и кортесовъ въ Кадиксѣ, поддержанныхъ англійскою арміею. Явившись въ Кадиксъ, онъ просилъ дать ему *регентство королевствомъ*, но получилъ въ отвѣтъ предписаніе выѣхать изъ Испаніи въ 24 часа. Не думала о Бурбонахъ и Австрія; собираясь приступить къ коалиціи противъ Наполеона, она, напуганная неудачами союзниковъ при Лутценѣ и Баутценѣ, вступила съ императоромъ въ переговоры насчетъ нейтралитета. При этомъ случаѣ произошло весьма интересное и характерное объясненіе между Наполеономъ и княземъ Меттернихомъ, передаваемое почти въ одинаковыхъ чертахъ въ мемуарахъ князя Гарденберга (прусскаго канцлера) и въ Récits de Sainte-Hélène (графа de Montholon'a). Въ бесѣдѣ этой Наполеонъ, увлекшись, попрекнулъ, будто бы, Меттерниха, сказавъ ему: „я далъ вамъ 20 милліоновъ, дамъ еще 20; сколько же вамъ дала Англія“ [2]). Этотъ неделикатный упрекъ такъ раздражилъ Меттерниха, что послѣдній сдѣлался съ той минуты врагомъ Наполеона. Значительно иначе передается этотъ разговоръ Меттернихомъ; онъ увѣряетъ, что почувствовалъ себя въ рѣшительный моментъ объясненія „представителемъ и защитникомъ всего европейскаго общества“ противъ Наполеона, казавшагося ему въ ту минуту „мизернымъ“ [3]). Во всякомъ случаѣ изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ, равно какъ изъ мемуаровъ самого Меттерниха явствуетъ, что Австрія въ то время совсѣмъ еще не помышляла о Бурбонахъ. О Бурбонахъ не было и рѣчи; когда же Наполеонъ спросилъ Меттерниха: „императоръ Францъ хочетъ свергнуть съ престола свою дочь?“ Меттернихъ отвѣчалъ весьма уклончиво, что его государь „знаетъ только свои обязанности суве-

[1]) *Vaulabelle*, ibidem, стр. 131—132, также стр. 134.

[2]) Ibidem, стр. 147—149.

[3]) См. «Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich», publiés par son fils le prince Richard de Metternich, classés et réunis par M. A. de Klinkowstraem. 3 me édition. Paris. 1881, 4 volume; см. tome I, стр. 146—154, особенно стр. 148 и 152.

рена и интересы своихъ народовъ". Послѣдовавшіе за тѣмъ переговоры Наполеона съ союзниками въ *Прагѣ* (открылись 5 іюля 1813 года, чрезъ de St. Aignan'a (9 ноября 1813 года), переговоры шатильонскіе (открылись 4 февраля 1814 года) и другіе были крайне неблагопріятны дѣлу Бурбоновъ: Европа положительно забыла о нихъ и государи и не думали считать ихъ дѣло своимъ дѣломъ [1]). Они рѣшительно отказали графу de Bruges'у, уполномоченному претендента, въ правѣ присутствовать на конгрессѣ въ Шатильонѣ, чтобы представлять на немъ интересы бурбонскаго дома [2]). А англійскій генералъ (Веллингтонъ) не только упрекалъ роялистовъ, учинившихъ демонстрацію въ Бордо, за „неблагоразуміе и ничтожность этой тщетной демонстраціи", но объявилъ, что онъ, Веллингтонъ, вѣроятно переступитъ предѣлы своихъ обязанностей, если дастъ ихъ дѣлу малѣйшую поддержку [2]). Что общественное мнѣніе Европы не заботилось о правахъ легитимной династіи, и что послѣдняя не имѣла шансовъ—видно между прочимъ изъ того, что королевскій принцъ Швеціи (Бернадоттъ) почти не скрывалъ съ конца 1813 года своихъ видовъ на корону Франціи [3]). Во всякомъ случаѣ можно утверждать безошибочно на основаніи извѣстныхъ по настоящее время оффиціальныхъ документовъ и мемуаровъ, что до *марта мѣсяца 1814 года оффиціально не помышляли объ окончательномъ низверженіи Наполеона, тѣмъ менѣе о возстановленіи Бурбоновъ*. По мѣрѣ успѣховъ оружія союзники постепенно увеличивали свои требованія, уменьшали территоріальныя границы Франціи; но они весьма старались о заключеніи мира съ Наполеономъ. Нѣкоторыя же изъ лицъ, близкихъ къ руководящимъ сферамъ союзниковъ, напримѣръ Гентцъ, предпочитали миръ на умѣренныхъ условіяхъ продолженію войны съ Наполеономъ [4]).

Если вѣрить Меттерниху, *неоффиціально* мысль о реставраціи возникаетъ у австрійскаго кабинета и у императора Франца въ самомъ началѣ 1814 года, или немного ранѣе. Такъ, онъ положительно утверждаетъ, что до истеченія конгресса шатильонскаго реставрація Бурбоновъ и возвращеніе Франціи къ ея древнимъ границамъ казались ему и императору Францу *единственно возможнымъ рѣшеніемъ*, такъ какъ только оно могло обезпечить продолжительный миръ. Въ этомъ основномъ пунктѣ Австрія

[1]) *Vaulabelle*, стр. 151, 189, 219, 269.
[2]) Ibidem, стр. 237.
[3]) *Metternich*, tome I, стр. 167.
[4]) См. письма Гентца къ Меттерниху, tome I, стр. 242—252.

вполнѣ согласовалась съ британскимъ правительствомъ, отчасти и съ прусскимъ, которое было болѣе расположено раздѣлять „нашу точку зрѣнія касательно семьи, которую нужно посадить на престолъ Франціи, чѣмъ присоединиться къ романическимъ идеямъ императора Россіи" [1]). Но если такъ, то чѣмъ же объяснить рядъ переговоровъ съ Наполеономъ, имѣвшихъ повести къ заключенію мира съ нимъ при непремѣнномъ условіи сохраненія за нимъ его суверенныхъ правъ? Оригинальный отвѣтъ на это находимъ у Меттерниха въ слѣдующихъ словахъ: „Я слишкомъ хорошо зналъ чувства массы французскаго народа и духъ французской арміи, съ другой же стороны я слишкомъ хорошо читалъ въ мысляхъ Наполеона, чтобы не видѣть великихъ выгодъ въ каждой попыткѣ къ соглашенію, не рискуя притомъ отсрочить возвращеніе лучшаго порядка вещей посредствомъ несвоевременной сдѣлки" [2]). Этою мыслію онъ руководился, будто бы, съ самаго 1813 года. Но ничего нельзя было подѣлать для достиженія этой цѣли (возстановленія Бурбоновъ) безъ содѣйствія императора Александра, безъ котораго коалиція была бы крайне ослаблена, даже невозможна. А между тѣмъ, не легко было заручиться согласіемъ и поддержкою Александра I. „Революціонеры", говорилъ Меттернихъ, „окружавшіе этого государя, оказывавшіе въ то время столь пагубное и рѣшительное вліяніе на направленіе его ума, *давно* уже работали въ смыслѣ противоположномъ легитимнымъ притязаніямъ бурбонскаго дома, не переставая представлять возвращеніе низложенной монархіи какъ абсолютную невозможность" [3]). И вотъ, когда союзники вошли въ Лангръ (Langres), еще 25 января 1814 года, Меттернихъ началъ приготовлять русскаго государя къ возможности реставраціи Бурбоновъ: „уже въ это время", говоритъ Меттернихъ, „императоръ былъ очень возбужденъ въ виду необходимости принять рѣшеніе касательно формы правительства, которую нужно было *дать* Франціи, *такъ какъ паденіе Наполеона было окончательно* неизбѣжно" [4]). Въ этомъ-то мѣстечкѣ и произошло весьма интересное объясненіе австрійскаго канцлера съ Александромъ I, о которомъ впервые Меттернихъ сообщаетъ намъ въ своихъ мемуарахъ. Изъ разсказа его явствуетъ, что государь считалъ общественное мнѣніе Франціи противнымъ реставраціи. Желать возстановленія Бурбоновъ на престолѣ, кото-

[1]) См. письма Гентца къ Меттерниху, т. 1, стр. 188.
[2]) *Metternich*, стр. 188—189.
[3]) и [4]) Ibidem, стр. 181—182.

рый они не съумѣли сохранить, могло бы повлечь для Франціи и Европы новыя революціи, послѣдствія которыхъ были бы неисчислимы. *Выбрать же новаго государя* для Франціи было бы, по мнѣнію Александра, предпріятіемъ весьма отвѣтственнымъ. Поэтому онъ, государь, рѣшился во что бы то ни стало завладѣть Парижемъ, при приближеніи же этого желаннаго момента нужно адресовать французскому народу декларацію, въ которой союзники сообщатъ ему о твердомъ ихъ рѣшеніи не *вмѣшиваться* ни въ форму правительства, ни въ выборъ государя. Въ то же время надлежало бы созвать первоначальныя избирательныя собранія (assemblées primaires) и потребовать отъ нихъ посылки въ Парижъ извѣстнаго числа депутатовъ, которые произнесутъ свое рѣшеніе по поводу указанныхъ двухъ вопросовъ. На эту вѣрную въ существѣ своемъ мысль князь-канцлеръ отвѣтилъ выраженіемъ опасенія предъ возстановленіемъ принциповъ революціи, побѣжденной Бонапартомъ, которые привели бы въ проектѣ созванія депутатовъ *„ко второму изданію“* конвента и къ новому разгулу революціонныхъ страстей. Императоръ не оставилъ этихъ замѣчаній безъ энергическаго отвѣта: арміи союзниковъ достаточно многочисленны, чтобы устранить агитаторовъ; депутаты же націи должны будутъ произнести свое рѣшеніе только по вышепоставленнымъ двумъ вопросамъ. Государь же, котораго выберетъ себѣ сама нація, будетъ имѣть менѣе всего трудностей для установленія своего авторитета, *котораго болѣе нѣтъ у Наполеона.* Существенно, конечно, хорошо руководить собраніемъ, но для исполненія этой деликатной задачи „можно назначить Лагарпа“.

Пораженный настойчивостью императора, Меттернихъ, уже окончательно повидимому порѣшившій съ низверженіемъ Наполеона и призваніемъ Бурбоновъ, сталъ угрожать рѣшительнымъ противодѣйствіемъ этому плану со стороны императора Франца и даже своею отставкою, на случай, если бы Францъ поколебался въ своемъ сопротивленіи плану, который „приготовитъ Франціи и Европѣ длинный рядъ замѣшательствъ и страданій“. Могущество Наполеона разбито; въ этомъ—судьба всѣхъ *властей фактическихъ* въ минуту кризиса; въ день же паденія имперіи возможно только возвращеніе Бурбоновъ, вновь вступающихъ во владѣніе своимъ неотъемлемымъ правомъ“. Само собою разумѣется, что императоръ Францъ одобрилъ мысли своего министра, и Меттернихъ, вооружившись еще поддержкою Нессельроде и Поццо-ди-Борго, передалъ вскорѣ послѣ того Александру въ еще болѣе настойчивыхъ и категорическихъ выраженіяхъ мнѣніе австрійскаго двора, про-

тивное планамъ Александра; онъ резюмировалъ свое объявленіе очень лаконически: „о чемъ разсуждать—*легитимный король налицо*". Тогда и царь сталъ колебаться и объявилъ, что „не настаиваетъ болѣе на своемъ проектѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ противенъ видамъ его союзниковъ. Время сдѣлаетъ все и покажетъ кто правъ". Воспользовавшись такою уступчивостью, Меттернихъ сталъ тутъ же развивать ему мысли объ опасности, предстоящей для *основъ соціальнаго порядка* и всей Европѣ отъ плана, предложеннаго Александромъ. Послѣдній представлялъ, правда, возраженія и замѣчанія Меттерниху; но, заканчиваетъ послѣдній, „мы разстались друзьями" [1]). Александръ I былъ наполовину пріобрѣтенъ для Бурбоновъ!

Между тѣмъ участь кампаніи быстро приближается къ развязкѣ. Самые рьяные изъ роялистовъ начинаютъ подымать голову. Главная квартира союзниковъ перешла въ Troyes. Ни въ Парижѣ руководящія сферы съ удаленіемъ изъ него императора ничего не знали о планахъ союзниковъ, ни послѣдніе въ точности не знали о настроеніи „всемірнаго города" и положеніи дѣлъ въ немъ. Одинъ изъ преданнѣйшихъ Бурбонамъ роялистовъ, de Vittrolles, посылается Талейраномъ, по совѣту Dalberg'а, въ Шатильонъ, гдѣ тогда еще разыгрывалась скучная комедія переговоровъ между союзниками и Наполеономъ, чтобы развѣдать о положеніи дѣлъ и планахъ союзниковъ. Въ Troyes посланецъ, человѣкъ ловкій и изворотливый, воспользовался свиданіемъ съ Нессельроде и Меттернихомъ и, знакомый только съ мыслью свѣта, въ которомъ онъ жилъ, не колеблясь заявляетъ имъ о *роялистическихъ симпатіяхъ всей Франціи*, жаждущей мира и прочнаго порядка. А когда министры замѣтили ему, что заявленію его противорѣчатъ несомнѣнные факты преданности Наполеону и энергическаго сопротивленія, оказываемаго всюду союзникамъ, находчивый de Vittrolles возразилъ, что „если бы союзники представили Франціи бѣлое знамя и *произнесли* имя Бурбоновъ, то Наполеонъ былъ бы уже низложенъ и миръ подписанъ". Это было съ руки Меттерниху, если вѣрить его мемуарамъ; онъ устраиваетъ свиданіе посланца съ Александромъ. 17 марта de Vittrolles, находчиво и краснорѣчиво, защищаетъ предъ государемъ дѣло Бурбоновъ. Александръ, еще колебавшійся, не смотря на разговоръ съ Меттернихомъ (въ Лангрѣ), высказываетъ сперва отвращеніе къ дѣлу Бурбоновъ, „которые забыты, о которыхъ никто не думаетъ, за

[1]) *Metternich*, tome I, стр. 183—186.

которыхъ не высказывается ни одинъ голосъ". Но de Vittrolles съ жаромъ настаиваетъ на *своевременность* возвращенія древнихъ государей, важнаго какъ для интересовъ Франціи, такъ и для покоя Европы.

Безспорно энергическая и увѣренная рѣчь посланца имѣла вліяніе на Александра, который если и не былъ еще *всецѣло* пріобрѣтенъ Бурбонами, то во всякомъ случаѣ пересталъ уже быть ихъ врагомъ. Александръ не зналъ Франціи; а тутъ ему пришлось выслушивать доводы человѣка, увѣрявшаго его, что не въ провинціи, а въ Парижѣ настоящій центръ роялистическаго мнѣнія и очагъ всего сопротивленія правительству Наполеона и что многочисленные роялисты Парижа не побоятся высказаться открыто въ тотъ день, когда войска союзниковъ появятся предъ стѣнами города. Тогда государь потребовалъ отъ de Vittrolles'а указанія лицъ, могущихъ стать во главѣ движенія; на это преданный Бурбонамъ человѣкъ обѣщалъ содѣйствіе большинства законодательнаго корпуса и части сената, а среди высшихъ чиновниковъ имперіи, рѣшившихся, будто бы, высказаться въ этомъ же смыслѣ, онъ сослался на Талейрана, Дальберга, аббата de Pradt'а и барона Louis. Пораженный этими данными, императоръ объявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи идти на Парижъ и тамъ рѣшить вопросъ между Наполеономъ и союзниками [1]).

Союзники, не перестававшіе вести переговоры съ Наполеономъ, при чемъ условія мѣнялись сообразно успѣхамъ или временнымъ неудачамъ оружія, вступаютъ въ Парижъ. Въ первый же день всѣ *случайныя обстоятельства* сложились такъ, чтобы настроить Александра I окончательно въ пользу Бурбоновъ. Пораженный различными внѣшними признаками, принятыми имъ за выраженія сочувствія населенія къ Бурбонамъ и манифестаціей небольшой группы роялистовъ, императоръ окончательно убѣждается и у него вырывается слово — „Франція хочетъ Бурбоновъ". Въ тотъ же день вечеромъ произошло совѣщаніе, рѣшившее окончательно участь императора Наполеона и подарившее Франціи Бурбоновъ.

Роль нѣкоторыхъ участниковъ этого великаго историческаго момента, ихъ настоящія намѣренія, степень искренности и вліянія до сихъ поръ еще, по нашему мнѣнію, не выяснились окончательно. Такъ, напр., *Achille Vaulabelle* рисуетъ намъ Талейрана интриганомъ, измѣнившимъ имперіи въ послѣднюю, рѣшительную

[1]) *Vaulabelle*, Tome I, стр. 282—287.

минуту. По его мнѣнію Талейранъ, видя неизбѣжность паденія облагодѣтельствовавшаго и возвысившаго его человѣка, заботился только о томъ, чтобы создать такое положеніе дѣлъ, въ которомъ онъ могъ бы играть выдающуюся и первенствующую роль, отнятую у него въ послѣднее время Наполеономъ. Онъ желалъ регентства Маріи-Луизы; но когда комбинація эта не могла состояться, онъ рѣзко повернулъ къ реставраціи, пожелалъ выставить предъ Людовикомъ XVIII свою роль въ качествѣ рѣшающей и тѣмъ обязать послѣдняго. Въ то же время онъ хотѣлъ обставить это возвращеніе Бурбоновъ конституціонными формами, связать Людовика XVIII либеральной партіей и дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ на Александра, у котораго онъ хотѣлъ отнять всякую возможность отступленія. Vaulabelle думаетъ также, что Талейранъ еще не былъ роялистомъ и не думалъ серьезно о реставраціи въ ту минуту, когда Vittrolles такъ смѣло сослался на него во время своихъ переговоровъ съ министрами въ Troyes. Изъ переписки Талейрана съ Людовикомъ XVIII во время вѣнскаго конгресса, въ которой впрочемъ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на этотъ счетъ, явствуетъ скорѣе, что Талейранъ былъ искреннимъ другомъ Бурбоновъ и конституціоннаго легитимизма. Съ другой стороны *de Pradt* пытается выставить себя давнишнимъ и горячимъ поклонникомъ реставраціи, убѣжденнымъ роялистомъ, что совсѣмъ уже не гармонируетъ съ увѣреніями Vaulabelle'а, утверждающаго, что онъ, Талейранъ, Дальбергъ и баронъ Louis были упомянуты de Vittrolles'омъ въ Troyes случайно, на его, увлекшагося de Vittrolles'а, страхъ и рискъ, и что они сдѣлались роялистами въ день совѣщаній союзниковъ въ Парижѣ, сообразивъ выгоду ихъ новаго положенія и окончательно понявъ, что часъ Наполеона пробилъ. Vaulabelle думаетъ, что всѣ они громко протестовали бы противъ лжи de Vittrolles'а, если бы, съ перемѣною обстоятельствъ, реставрація не удалась. La Fayette въ своихъ мемуарахъ высказывается хотя очень кратко, но въ смыслѣ близкомъ къ мнѣнію Vaulabell'а.

Мы же полагаемъ, что, на основаніи существующихъ въ настоящее время документовъ и точныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ у различныхъ авторовъ, нельзя составить себѣ опредѣленнаго и безошибочнаго мнѣнія о роли и истинныхъ намѣреніяхъ дѣйствовавшихъ во время самаго совѣщанія въ Парижѣ лицъ. Но можно принять со значительною долею вѣроятности, что Талейранъ имѣлъ на этомъ совѣщаніи рѣшающее значеніе, что de Pradt, Дальбергъ и баронъ Louis, обратившіеся въ роялистовъ съ перемѣною об-

стоятельствъ, были приготовлены Талейраномъ къ защитѣ для Бурбоновъ на томъ собраніи весьма незадолго до наступленія этого рѣшительнаго момента [1]).

Было бы безполезно и это не входитъ въ цѣли наши излагать подробно весь ходъ этого засѣданія, состоявшагося 31 марта подъ предсѣдательствомъ императора Александра. На основаніи различныхъ варіантовъ можно по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла принять слѣдующее за приблизительно вѣрное: Было поставлено на разрѣшеніе совѣта три вопроса: 1) заключить миръ съ Наполеономъ, принявъ противъ него всѣ мѣры для обезпеченія мира и безопасности союзниковъ; 2) установить регентство Маріи-Луизы на время малолѣтства сына Наполеона, и 3) наконецъ, призвать домъ Бурбоновъ. Первая комбинація встрѣчена общимъ несочувствіемъ присутствовавшихъ; самъ Александръ I объявилъ, что „онъ и союзники ведутъ войну съ Наполеономъ, а не съ Франціей, съ врагами свободы французскаго народа“. Вторая комбинація тоже отвергнута, что объясняется, конечно, уже ранѣе сложившимся у Меттерниха мнѣніемъ о необходимости реставраціи. Король прусскій тоже не былъ за эту комбинацію; за нее поднялся одинъ Дальбергъ, настроенный уже Талейраномъ противъ Наполеона, но еще колебавшійся вмѣстѣ съ нимъ между регентствомъ и реставраціею. Онъ горячо защищалъ дѣло Маріи-Луизы, но встрѣтилъ энергичный отпоръ въ Поццо ди Борго, рѣчь котораго не встрѣтила болѣе возраженія въ собраніи. Покончивъ съ этимъ вторымъ вопросомъ перешли къ послѣднему.

Король прусскій, большой почитатель царя, и князь Шварценбергъ играли при этомъ совершенно пассивную роль; всѣмъ руководилъ Александръ. Но тутъ Лихтенштейнъ возстаетъ противъ Бурбоновъ, ссылаясь на ихъ непопулярность и на расположеніе къ Наполеону, высказанное новобранцами французской арміи и жителями департаментовъ, пройденныхъ союзниками. Императоръ опять начинаетъ колебаться. На выручку Бурбонамъ поспѣшаетъ тогда Талейранъ и проситъ Александра выслушать мнѣнія компетентныхъ лицъ—барона Louis и аббата de Pradt'a. Приглашенные въ собраніе, они склонили вѣсы на сторону Бурбоновъ: de Pradt заявилъ, что „мы всѣ роялисты и что такова вся Франція, и что если она не проявила этого, то въ томъ вино-

[1]) *Vaulabelle*—Tome I, стр. 289—300, 342—352; *La Fayette* «Mémoires, correspondance et manuscrits, publiés par sa famille», tome V, стр. 304, примѣчаніе 2; *de Pradt* «Récit historique», стр. 61—63.

ваты только переговоры въ Шатильонѣ, всѣхъ утомившіе, что такъ же думаетъ и Парижъ, за которымъ пойдетъ вся Франція. То же повторилъ и баронъ Louis; молча, наклоненіемъ головы выразили имъ свое сочувствіе король прусскій и Шварценбергъ [1]). Дѣло было рѣшено. Послѣ этого Талейрану и его помощникамъ оставалось только „ковать желѣзо". Онъ позаботился составить о совѣщаніи протоколъ, искусно превратилъ его въ декларацію отъ имени союзниковъ, въ которой они, и особенно Россія, являлись уже связанными принятымъ и обнародованнымъ въ декларапіи рѣшеніемъ не имѣть болѣе дѣла съ Наполеономъ и ни съ кѣмъ изъ членовъ его семьи [2]). Но какъ въ деклараціи говорилось только о низверженіи Наполеона и его семейства, но еще не упоминалось оффиціально о реставраціи, то рьяные роялисты, собравшіеся на совѣщаніе, направились къ Александру, чтобы окончательно заручиться его согласіемъ; Нессельроде успокоилъ ихъ, завѣривъ, что „государь его передастъ корону тому, которому она принадлежитъ". Позаботились о томъ, чтобы прибрать къ руки важнѣйшіе органы прессы, что и удалось сдѣлать чрезъ посредство генерала Сакена, назначеннаго губернаторомъ Парижа. И вотъ газеты, еще 30 марта высказывавшіяся за Наполеона, громко провозглашали 1 апрѣля о роялистическихъ симпатіяхъ, проявленныхъ парижскимъ населеніемъ при встрѣчѣ союзниковъ. Перваго же апрѣля появляется прокламація муниципальнаго совѣта, составленная энтузіастомъ членомъ его Bellart'омъ, возбужденнымъ крикомъ „Vive le roi" [3]). Въ прокламаціи призываются Бурбоны. Но все же главная задача заключалась въ томъ, чтобы пріобрѣсти согласіе сената и законодательнаго корпуса, содѣйствіе которыхъ въ дѣлѣ реставраціи было обѣщано Талейраномъ императору Александру. Безъ труда устроили это въ сенатѣ, не имѣвшемъ никакой популярности, всегда рабски угождавшемъ Наполеону; при этомъ замѣчательно, что низложенія династіи Наполеона потребовали и горячо поддерживали именно тѣ члены собранія, которые были наиболѣе честными и убѣжденными сторонниками свободы. И вотъ сенатъ, сдѣлавшійся совершенно пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ Наполеона, нанесъ ему смертельный ударъ. Но какъ необходимо было имѣть поддержку въ политическомъ тѣлѣ хоть сколько-нибудь популярномъ, то обратились къ законодательному корпусу, имѣв-

[1]) *Vaulabelle*, tome I, стр. 352—355, *de Pradt* «Récit historique», стр. 63—71.

[2]) См. подробности у *Vaulabell'a*, стр. 357—359.

[3]) *Vaulabelle*, ibidem, стр 359—362, 368—370.

шему въ моментъ его распущенія Наполеономъ нѣкоторую симпатію въ буржуазіи. Набрали до 80 бывшихъ его членовъ, случайно находившихся въ Парижѣ, и заставили ихъ утвердить постановленіе сената [1]). Но насколько все приключившееся было случайно и непрочно, усматривается изъ того, что предложеніе Наполеона отказаться отъ престола въ пользу регентства, подкрѣпленное весьма искусно политическими и *стратегическими* соображеніями его уполномоченныхъ (Коленкура, Макдональда и другихъ), чуть было не измѣнило рѣшенія Александра, который, страшась серьезнаго сопротивленія и возможнаго успѣха Наполеона, сталъ было склоняться въ пользу регентства. Роялисты и Талейранъ страшно переполошились; случай и здѣсь выручилъ ихъ: усиленные тайные переговоры, веденные ими съ нѣкоторыми изъ маршаловъ Наполеона, въ которыхъ, впрочемъ, Талейранъ и временное правительство, имъ назначенное, говорили только „о благѣ Франціи и необходимости прочнаго мира“, отнюдь не упоминая о Бурбонахъ, увѣнчались успѣхомъ. Въ критическій моментъ, когда ни просьбы, ни ссылки на декретъ сената о низложеніи не возымѣли должнаго дѣйствія на императора Александра, вдругъ получается извѣстіе о переходѣ корпуса герцога Рагузскаго на сторону временнаго правительства. Тогда государь объявилъ уполномоченнымъ, что фактъ этотъ „вполнѣ измѣняетъ положеніе. Теперь уже не достаточно условнаго отреченія, а необходимо абсолютное“ [2]). Такъ порѣшили реставрацію! Оставалось обдѣлать дѣло конституціонныхъ гарантій, выработать и заставить Людовика XVIII принять къ руководству начала *конституціоннаго легитимизма*. И здѣсь не безъ трудностей; пришлось прибѣгать къ помощи Александра. Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что конституція, принятая сенатомъ 6 апрѣля 1814 года, въ редакціи которой участвовалъ самъ Александръ, принята графомъ Артуа (братомъ Людовика XVIII), назначеннымъ *генеральнымъ лейтенантомъ королевства отъ имени короля* только благодаря настоятельнымъ совѣтамъ русскаго царя, указавшаго графу Артуа на то, что „государи торжественно обѣщали признать и гарантировать конституцію, которую французы дали себѣ“ [3]). Тогда-то генеральный лейтенантъ объявилъ въ отвѣтѣ своемъ на адресъ сената, что монархія должна быть уравновѣшена представитель-

[1]) *Vaulabelle*, tome I, стр. 371—377.
[2]) Ibidem, глава VIII.
[3]) Ibidem, tome II, стр. 33.

нымъ правленіемъ, раздѣленнымъ на двѣ палаты, сенатъ и палату депутатовъ отъ департаментовъ; публичная и индивидуальная свобода должна быть гарантирована; полная свобода прессы съ ограниченіями, необходимыми для порядка и общественнаго спокойствія; отвѣтственность министровъ, которые могутъ быть обвиняемы и преслѣдуемы представителями націи; несмѣняемость судей, независимость судебной власти; публичный долгъ будетъ гарантированъ; сохраняются пенсіи, почести, титулы военные, а также древнее и новое дворянство: всякій французъ будетъ допущенъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ; никто не можетъ быть обезпокоенъ за свои мнѣнія и поданный имъ голосъ; продажа національныхъ имуществъ будетъ неотмѣнна. „Вотъ", закончилъ графъ Артуа, „существенныя основанія, необходимыя для сохраненія всѣхъ правъ, для начертанія всѣхъ обязанностей и гарантіи нашего будущаго".

Но Людовикъ, едва возстановленный на престолѣ предковъ, не успѣвъ еще принять власть, начинаетъ колебаться и, подстрекаемый совѣтами яраго роялиста Blacas'а, даетъ уклончивыя обѣщанія. И странные конституціоналисты съ Талейраномъ во главѣ обращаются къ царю, который, разсматривая конституцію какъ свое твореніе, обѣщалъ Талейрану свое содѣйствіе и даже 30 т. войска, чтобы не впустить Людовика въ Парижъ, если онъ не согласится на поставленныя ему условія. Въ Компьенѣ императоръ имѣлъ свиданіе съ монархомъ Франціи. Изъ отчетовъ о немъ, имѣющихся у роялистическихъ писателей (напр. у Lubis'а) видно, что Людовикъ не могъ примириться съ тѣмъ, что сенатъ взялъ на себя иниціативу конституціи и ставитъ ему, законному государю Франціи, условія. Онъ ссылался при этомъ на *божественное право древней монархіи*, которое одно сдѣлало его по смерти Людовика XVI королемъ Франціи. Этого одного права было достаточно, чтобы вся нація, просвѣтленная наконецъ насчетъ своихъ настоящихъ интересовъ, призвала его на престолъ предковъ. Царь, не оспаривая его правъ, становился на историческую точку зрѣнія и указывалъ Людовику на необходимость принять въ соображеніе измѣненія, народившіяся въ теченіи 20 лѣтъ. Наконецъ самъ братъ короля принялъ отъ его имени конституцію, вотированную сенатомъ и гарантированную союзными государями [1]). Порѣшили на компромиссѣ, не могущемъ имѣть вредныхъ для конституціи *практическихъ послѣдствій*, но удовлетворявшемъ въ *прин-*

[1]) *Vaulabelle*, tome II, стр. 60—63.

ципъ претензіи вновь созданной легитимной монархіи: Людовикъ сохраняетъ титулъ „Божіею милостію король Франціи и Наварры", считаетъ начало своего царствованія со смерти Людовика XVII и, *не желая получать конституціи изъ рукъ сената, имѣетъ провозгласить ее какъ актъ своей собственной воли.* Но даже съ этими уступками, послужившими основаніемъ для послѣдующихъ нарушеній конституціи, король все еще медлилъ признать ее оффиціально. Составленный при участіи Александра Талейраномъ крайне умѣренный проэктъ декларации въ вышеприведенномъ духѣ встрѣченъ королемъ и его совѣтниками враждебно; въ каждомъ словѣ ея видѣли оскорбленіе для короны и нападеніе на ея права. Опять пришлось обращаться къ Александру, который долженъ былъ пригрозить Людовику „не впустить его въ Парижъ, если декларація не будетъ немедленно объявлена" [1]. Она появилась и конституціонный легитимизмъ началъ дѣйствовать. Впослѣдствіи увидимъ, *какъ* онъ дѣйствовалъ и къ чему привелъ Францію.

II. Отношеніе Франціи къ Бурбонамъ и Реставраціи.

Мы разсмотрѣли реставрацію съ внѣшней, международной ея стороны, т. е. указали на совокупность условій, повліявшихъ на рѣшеніе державъ въ благопріятномъ, для возстановленія Людовика XVIII, смыслѣ. Едва ли можно съ точки зрѣнія интересовъ человѣчества и международнаго права оспаривать серьезно право союзниковъ низложить Наполеона. Если даже допустить, что Франція *поголовно* не желала бы разстаться съ Наполеономъ и выдвинутымъ имъ завоевательнымъ началомъ, ея воля должна была бы преклониться предъ положительнымъ и существеннымъ интересомъ всей Европы — низвергнуть режимъ, совершенно несовмѣстимый съ независимостью государствъ Европы, съ ея спокойствіемъ. Принципъ всемірной монархіи, даже одно только осуществившееся стремленіе поставить волю одного государства надъ интересами другихъ членовъ международной семьи, совершенно несовмѣстимый ни съ условіями существованія международнаго союза, ни съ идеею прогресса — должны были встрѣтить энергичный отпоръ со стороны Европы, испытавшей уже непрочность всѣхъ мирныхъ соглашеній съ Наполеономъ. Было вполнѣ законно уда-

[1]) *Vaulabelle*, tome II, стр. 57—58.

лить со сцены этого геніальнаго борца противъ свободы—и интересъ частный (Франціи) долженъ былъ уступить интересу цѣлаго (Европы). Но съ рѣшеніемъ этого вопроса не порѣшался вопросъ о Бурбонахъ. Франція, лишенная суверена, обращалась въ такое состояніе, въ которомъ нельзя было не признать наличности условій, при которыхъ суверенитетъ народа получаетъ фактически и de jure право высказать свою волю. Союзники могли свергнуть династію Наполеона; но они не могли навязывать Франціи никакой формы правленія, не обратившись къ самой націи, безъ согласія послѣдней [1]). Но если бы союзники обратились къ Франціи, то реставрація едва ли была бы мыслима, конечно при условіи согласованія желаній союзниковъ съ волею народа.

Если прислушаться къ голосу нѣкоторыхъ *изъ наиболѣе ревностныхъ роялистовъ*, то можно допустить, что эти послѣдніе не теряли надежды на возвращеніе Бурбоновъ. Такъ еще въ 1801 году появилась брошюра *Flassan'а* [2]), въ которой онъ требовалъ, чтобы корону возложили на чело Людовика XVIII. 31 марта 1814 года, т. е. въ тотъ самый день, когда на совѣтѣ была рѣшена участь реставраціи, появляется надѣлавшій много шуму памфлетъ *Шатобріана* [3]), на которую парижскія газеты, подпавшія подъ контроль роялиста, ссылались (1 апрѣля 1814 года), какъ на выраженіе *общественнаго мнѣнія Парижа о всей Франціи*. Послѣ революціи, говорится въ ней, ниспровергшей религію и мораль, было бы естественно призвать обратно нашихъ легитимныхъ государей; но мы, считая наши ошибки слишкомъ великими, чтобы онѣ могли быть прощены, и не подумали о томъ, что *сердце сына* святаго Людовика являетъ изъ себя неисчерпаемую сокровищницу милосердія. Но мы отдались въ руки узурпатору, который при нѣкоторой умѣренности могъ бы водворить себя и свою расу на первомъ престолѣ міра. Европа же готова была купить покой свой всякою цѣною. Но Богъ не хотѣлъ, чтобы авантюристъ могъ смутить порядокъ королевскаго наслѣдованія и сдѣлаться наслѣдникомъ героевъ. За

[1]) Самъ Шатобріанъ, приверженецъ конституціоннаго легитимизма, сознается, что союзники «не хотѣли реставраціи; взяли Бурбоновъ только благодаря упрямству и заносчивости генія Наполеона». См. его *Congrès de Vérone*. Guerre d'Espagne. Tome II, Paris. 1838. стр. 431.

[2]) *Flassan* (Raxis de).—De la pacification de l'Europe.

[3]) *Chateaubriand*. «De Buonaparte, des Bourbons et de la nécessité de se rallier à nos princes légitimes pour le bonheur de la France et celui de l'Europe». Paris. 1814.

отсутствіемъ правъ рожденія узурпаторъ можетъ узаконить свои претензіи на престолъ только посредствомъ добродѣтелей.

Но что же такое этотъ Бонапартъ? Абсурдный въ администраціи, преступный въ политикѣ, что имѣлъ этотъ корсиканецъ, чтобы увлечь французовъ? Военную славу? Но „онъ потерялъ ее. Правда, онъ мастеръ выигрывать сраженія; но внѣ этого самый плохой генералъ болѣе ловокъ, чѣмъ онъ“ [1]). Авторъ разражается массою обвиненій противъ Наполеона, излагая ихъ въ самыхъ рѣзкихъ, почти бранныхъ выраженіяхъ, и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ памфлета завѣреніемъ, что „легитимный и наслѣдственный король, который обременилъ бы свой народъ незначительнѣйшею долею золъ, которыя ты, Бонапартъ, причинилъ намъ, поставилъ бы въ опасность свой престолъ“ [2]). Затѣмъ уже авторъ переходитъ къ Бурбонамъ. Французъ не знаетъ, не понимаетъ, что такое императоръ, но знаетъ короля, который представляетъ собою французамъ „идею легитимной власти, порядка, мира и законной свободы“; все это привязываетъ француза къ „священному слову *король*“. Безъ сомнѣнія древность, болѣе признательная чѣмъ мы, не замедлила бы „назвать *божественною* расу, которая, начинаясь королемъ храбрымъ и благоразумнымъ, и кончаясь мученикомъ, насчитывала въ теченіи 9-ти вѣковъ 43 монарха, среди которыхъ только *одного* тирана“. „*Сама честь*“, восклицаетъ авторъ, „сидѣла на престолѣ Франціи, какъ на другихъ престолахъ — сила и *политика*“, и мы „ничего не можемъ поставить въ вину Бурбонамъ“. Можно, конечно, „*измѣнить конституцію этой древней монархіи, но никто не имѣетъ права измѣнить самую личность монарха*“. Можетъ, конечно, случиться, что король — жестокій тиранъ,—нарушающій всѣ законы, отнимающій у народа его свободу, низлагается дѣйствіемъ насильственной революціи; но „въ этомъ исключительномъ случаѣ корона переходитъ къ его дѣтямъ или къ ближайшему его наслѣднику“ [3]). Далѣе, проводя параллель между ненавистнымъ ему Бонапартомъ и Людовикомъ XVIII, Шатобріанъ говоритъ, что французы имѣютъ легитимнаго короля, рожденнаго отъ ихъ крови, воспитаннаго среди ихъ, обладающаго ихъ нравами, вкусами и привычками. Но если реставрація необходима для Франціи, то она не менѣе необходима и для цѣ-

[1]) *Chateaubriand*. «De Buonaparte», стр. 4, 7, 31.
[2]) Ibidem, стр. 55.
[3]) Ibidem, стр. 58—61, 65.

лой Европы. Коснувшись этой стороны дѣла, Шатобріанъ объясняетъ читателямъ невозможность для союзниковъ заключить прочный миръ съ Бонапартомъ; они не могутъ полагаться на слово Наполеона, не могутъ забыть гордость этого авантюриста, обращавшагося съ государями съ наглостью, хваставшагося тѣмъ, что давалъ приказы монархамъ, которыхъ держалъ въ своей передней. Мало того — для покоя народовъ, для безопасности коронъ и жизни семьи сувереновъ необходимо, чтобы человѣкъ, „вышедшій изъ нисшихъ слоевъ общества, не могъ безнаказанно садиться на престолъ своего господина и находить себѣ мѣсто среди легитимныхъ государей Европы, обращаться съ ними какъ съ братьями. Разъ данъ подобный примѣръ свѣту — и ни одинъ монархъ не можетъ разсчитывать на свою корону. Между тѣмъ, интересы всѣхъ королей солидарны: всѣ монархи Европы — дѣти одинаковыхъ нравовъ; всѣ короли—братья, связанные христіанскою религіею и древностью воспоминаній. Если эти связующія ихъ черты порваны, новыя расы сядутъ на престолѣ, начнется царство другихъ нравовъ, принциповъ и идей. *Въ нѣсколько лѣтъ общая революція перемѣнитъ наслѣдованіе всѣхъ государей. Поэтому-то короли должны разсматривать защиту дома Бурбоновъ, какъ если бы они защищали свою собственную семью.* Для счастія міра необходимо, чтобы „короны не зависѣли отъ успѣховъ преступленія и игры судьбы“. Для цивилизованной Европы важно также, чтобы Франція была счастлива, цвѣтуща и мирна. А это возможно только при Бурбонахъ, которые „величіемъ своей расы, законностью своихъ правъ и умѣренностью ихъ характера представятъ достаточныя гарантіи трактатамъ, *такъ какъ съ легитимнымъ* государемъ во главѣ *невозможны* злоупотребленія внутри и внѣ“ [1]).

Въ этой замѣчательной брошюрѣ видимъ зародышъ того ученія о легитимизмѣ, которое получило въ общемъ и цѣломъ практическое осуществленіе на послѣдовавшихъ конгрессахъ въ Лайбахѣ и Веронѣ. Меттернихъ являлся въ международномъ смыслѣ проводникомъ идеи „солидарности легитимныхъ государей“. Что же касается до характера и значенія памфлета для реставраціонной эпохи, то, не отрицая, что изображенное въ немъ отношеніе французовъ къ ихъ королямъ охарактеризовано довольно вѣрно для исторической эпохи, *предшествовавшей революціи*, все же Шатобріану, задавшемуся цѣлью вложить жизнь въ скончавшіяся

[1]) *Chateaubriand*, «de Buonaparte», стр. 75—81.

традиціи древняго режима, не удалось доказать самаго главнаго, именно, чтобы новая Франція, пережившая революцію и имперію, еще жила этими традиціями, дорогими автору и его немногочисленнымъ сторонникамъ. Правда, Шатобріанъ заканчиваетъ свой памфлетъ завѣреніями, что „все во Франціи въ пользу Бурбоновъ", что „въ теченіи 6 мѣсяцевъ въ ней только и слышны вопросы— *тамъ ли Бурбоны, гдѣ князья, пріидутъ ли они, если бы увидѣть бѣлое знамя*", и т. д. [1]), но обо всемъ этомъ упоминается имъ вскользь и не приводится въ подтвержденіе существованія этого *желательнаго* ему настроенія французскаго общества никакихъ доказательствъ.

Не болѣе вѣски и доказательства De-Pradt'а, утверждавшаго предъ Александромъ I, что „вся Франція роялистическая" [2]), и *Меттерниха*, сообщающаго, что еще въ январѣ 1814-го года всѣ свѣдѣнія, приходившія къ союзникамъ изъ департаментовъ Франціи, расположенныхъ сзади союзническихъ армій, *а также изъ другихъ мѣстъ страны*, сходились въ томъ, что *чувство, господствовавшее въ народѣ, было желаніе* видѣть войну оконченною (что совершенно вѣрно) и что *значительное большинство* французовъ было благопріятно *возвращенію Бурбоновъ*" [3]). Утвержденіе это, исходящее во всякомъ случаѣ отъ человѣка, поставленнаго въ особо благопріятныя условія для того, чтобы знать истинное настроеніе страны, имѣло бы вѣское значеніе, если бы мы не знали, что Меттернихъ все и всегда видѣлъ въ свѣтѣ, благопріятномъ его абсолютистическимъ тенденціямъ, и если бы авторитетъ приведеннаго мѣста его мемуаровъ не подрывался противоположнаго свойства сообщеніями самого Меттерниха въ тѣхъ же мемуарахъ [4]).

Мы далеки отъ безусловной вѣры въ показанія нѣкоторыхъ писателей, которые (напр. Тьеръ и Vaulabelle) высказываются слишкомъ рѣшительно въ пользу настроенія почти всей Франціи и арміи за Наполеона и продолженіе императорскаго режима. Такъ, Vaulabelle съ большою увѣренностью утверждаетъ, что французы жаждали, правда, мира, что экономическое разстройство страны и многочисленныя конскрипціи, droits réunis, и другіе налоги, установленные для удовлетворенія военныхъ нуждъ, раздражали населеніе, но что оно въ общемъ и цѣломъ было расположено терпѣть и

[1]) *Chateaubriand*. «De Buonaparte», стр. 82.
[2]) *De Pradt*. «Récit historique», стр. 76.
[3]) *Metternich*. Tome I, стр. 187, 197—198.
[4]) Ibidem, стр. 196—197.

далѣе господство Наполеона [1]). Мы думаемъ, что печальное состояніе Франціи (особенно послѣ несчастнаго похода 1812 года) скорѣе даетъ право полагать, что массы, терпѣвшія отъ налоговъ и рекрутчины, лишенныя свободнаго представительства, были серьезно раздражены противъ Наполеона, но боялись проявить это недовольство, примирялись съ своею участью въ ожиданіи почетнаго мира. Этимъ раздраженіемъ союзники могли бы воспользоваться, если бы они не остановились на Бурбонахъ, которые положительно были забыты Франціей. Сами роялисты перестали существовать какъ партія. Двадцатипятилѣтній періодъ времени, протекшаго въ волненіяхъ и переворотахъ революціонной эпохи, войнъ и режима имперіи успѣлъ изгладить въ массѣ воспоминанія о династіи, жившей гдѣ-то за границею и неоставившей въ народѣ и руководящихъ сферахъ общественнаго мнѣнія симпатичныхъ воспоминаній со времени Людовика XV. Существовали, правда, отдѣльные роялисты изъ уцѣлѣвшихъ при террорѣ и изъ вернувшихся эмигрантовъ. Но они были отдѣльными личностями, жившими воспоминаніями и развѣ неопредѣленными надеждами, которыя они не смѣли громко высказывать. Они мало волновались даже изъ ряду выходящими событіями, наносившими ударъ традиціямъ и авторитету древней монархіи. Такъ, напр., казнь герцога Энгіенскаго не только прошла незамѣченною въ массѣ населенія, но даже сами роялисты нигдѣ не проявили своего негодованія по поводу этого убійства младшаго отпрыска дома Бурбоновъ. Никто изъ древнихъ дворянъ, пристроившихся ко двору перваго консула, не бросилъ своей службы [2]). Послѣ несчастной войны 1812 года, казалось бы, наступилъ моментъ благопріятный для проявленій роялистическихъ чувствъ и надеждъ; и однако—ничто не тронулось, не высказывается никакихъ симптомовъ поворота общественнаго мнѣнія въ пользу Бурбоновъ. А когда союзники подступили къ французской границѣ, населеніе, забывъ всѣ тягости наполеоновскаго режима, думало только объ отраженіи союзниковъ, объ успѣшной оборонѣ, которая давала въ перспективѣ миръ на выгодныхъ и почетныхъ для Франціи условіяхъ. Если бы роялисты существовали тогда въ значительномъ числѣ, если бы они были организованною, бодрою духомъ партіей, они не преминули бы воспользоваться тогдашнимъ затруднительнымъ положеніемъ Наполеона и попытались бы, вѣроятно, составить заговоръ

[1]) *Vaulabell*. Tome I, стр. 138, 235—236.
[2]) Ibidem, стр. 92—94.

противъ него, поднять Вандею и Кальвадосъ. Сами союзники долго не рѣшались переходить Рейнъ безъ достаточныхъ силъ, ожидая *сильнаго и общаго сопротивленія* со стороны населенія пограничныхъ департаментовъ и почувствовали себя вынужденными издать прокламацію къ жителямъ, въ которой объявляли, что они ведутъ войну не съ Франціей, а съ игомъ завоеванія, которымъ угрожаетъ имъ императоръ французовъ [1]). Первый публичный симптомъ, благопріятный реставраціи, высказанъ двумя французскими офицерами изъ штаба императора Александра (одинъ эмигрантъ, другой же—бывшій адъютантъ Моро) въ то время, когда союзники стояли уже въ Troyes, т. е. въ то время, когда Меттернихъ уже мечталъ о реставраціи. При этомъ оба офицера жаловались въ небольшомъ кругу старыхъ роялистовъ этой мѣстности на „полное забвеніе, въ которое впало дѣло короля: проникнувъ вглубь Франціи", они не встрѣтили ни одного знака, не слышали ни одного крика, который могъ бы возвѣстить имъ, что еще есть роялисты". Роялисты — слушатели, конечно, начали увѣрять ихъ, что партія ихъ „очень многочисленна, но что они боятся безполезно скомпрометировать себя". Февраля 11 направились они къ императору Александру (8 человѣкъ) и просили отъ имени „всѣхъ честныхъ людей возстановленія королевскаго дома Бурбоновъ"; на ходатайство это воспослѣдовалъ весьма уклончивый отвѣтъ. Населеніе города, видя процессію съ бѣлыми значками, проходившую по улицамъ города, очень удивилось. Но удивленіе это перешло въ единодушное негодованіе, когда жители узнали о цѣли посѣщенія депутаціею императора Александра. „Гнѣвъ", говоритъ Vaulabelle, „былъ столь великъ, что 24 февраля, когда Наполеонъ занялъ городъ, народъ требовалъ мщенія *измѣнникамъ*, изъ которыхъ одинъ, неуспѣвшій бѣжать, и былъ казненъ" [2]). Въ Парижѣ самыя горячія головы, предвидя паденіе имперіи, не смѣли идти дальше надеждъ; и не удивительно ли, что этотъ единичный, изолированный случай демонстраціи въ Troyes и тайное перешептываніе парижскихъ роялистовъ нѣкоторые писатели (напр. Lubis въ „Histoire de la Restauration") превратили въ обширный заговоръ съ цѣлой организаціей и своими вождями. Департаменты, занятые союниками, поднялись и взялись за оружіе противъ врага и конечно въ эту минуту дѣло Наполеона, являвшагося защитникомъ отечества, сдѣлалось весьма популярнымъ.

[1]) *Vaulabelle*, стр. 205—206.
[2]) Ibidem, стр. 231, 234—235.

Союзники грозятъ разстрѣломъ всякому крестьянину, взятому съ оружіемъ въ рукахъ, но населеніе продолжаетъ нападать на отряды союзниковъ. Несомнѣнно, что сами Бурбоны не принимали никакого личнаго участія въ интригахъ и дѣйствіяхъ, приведшихъ къ ихъ призванію; это событіе совершилось далеко отъ нихъ [1]. Всѣ попытки братьевъ и родственниковъ короля затѣять смуты и роялистическое движеніе въ разныхъ частяхъ Франціи потерпѣли почти вездѣ полное фіаско. Такъ герцогъ Беррійскій, засѣвшій на островѣ Джерсей, въ надеждѣ вызвать своимъ присутствіемъ тамъ движеніе въ роялистическомъ смыслѣ со стороны древнихъ провинцій, нѣкогда столь преданныхъ королевскому дому, нашелъ привычки, мнѣнія и интересы населенія столь измѣнившимися, что ничего не могъ сдѣлать. Древніе вандейцы умирали подъ знаменами Наполеона съ криками vive l'empereur! Графъ Артуа едва-едва добился у союзниковъ позволенія войти въ Нанси, гдѣ издалъ манифестъ къ французамъ (въ которомъ говорилъ о томъ, что „день освобожденія насталъ“), не имѣвшій ни малѣйшаго успѣха. Манифестація же, произведенная герцогомъ Ангулемскимъ на югѣ, въ его манифестѣ къ французской арміи, носила даже комическій характеръ: маршалъ Сультъ, командовавшій арміей Наполеона въ этой мѣстности, спросилъ даже „кто могъ быть этотъ неизвѣстный герцогъ“ и заподозрилъ здѣсь англійскую интригу. Веллингтонъ остался не очень-то доволенъ этою манифестаціею: онъ не вѣрилъ въ существованіе мнѣнія или партіи въ пользу Бурбоновъ. Онъ предписалъ герцогу воздерживаться отъ всякихъ политическихъ выходокъ [2].

Болѣе серьезна была манифестація въ Бордо, торговый классъ котораго и адвокатское сословіе были особенно недовольны Наполеономъ (купцы и виноторговцы за континентальную блокаду, высокія пошлины и droits réunis), причемъ это недовольство не переходило однако границъ салонныхъ споровъ и оппозиціи, не имѣло ничего общаго съ роялистическими наклонностями. Но мэръ города, испуганный тріумфомъ союзниковъ и прельщенный вознагражденіемъ со стороны роялиста, исправлявшаго въ Бордо жалкую роль тайнаго королевскаго коммиссара для провинціи Гіэнь (Guienne), сговорился 27 февраля съ послѣднимъ насчетъ посылки къ Веллингтону депутатовъ съ просьбою занять городъ англійскими войсками въ сопровожденіи герцога Ангулемскаго.

[1]) *Vaulabelle*. Tome I, стр. 266—267.
[2]) Ibidem, стр. 269—274.

Англичанамъ, конечно, было интересно захватить въ свои руки такой торговый городъ и портъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Веллингтонъ согласился, занялъ городъ безъ сопротивленія; герцогъ Ангулемскій принялъ владѣніе Бордо *отъ имени короля*, хотя англійскій генералъ и совѣтывалъ ему не торопиться и не заходить такъ далеко. Устроили, конечно, демонстрацію съ криками „vive le roi“, которые встрѣтили сперва слабое эхо среди удивленной толпы, перешедшее, впрочемъ, въ неожиданный энтузіазмъ, когда герцогъ сталъ громко провозглашать: „нѣтъ болѣе войны, конскрипціи, „plus de droits réunis ni d'impôts vexatoires!“ Выдвинули бѣлыя знамена и разукрасили ими публичныя зданія [1]). Что все это движеніе было случайное и не могло имѣть вліянія на возвращеніе Бурбоновъ—констатируется тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что ни одна деревня, ни одинъ городъ территоріи, заключенной между Гаронной и Луарой, не поднялись на защиту дѣла Бурбоновъ, не заразились примѣромъ Бордо, остались глухи ко всѣмъ роялистическимъ демонстраціямъ. Сами роялисты скоро испугались своей смѣлости и герцогъ Ангулемскій сталъ просить Веллингтона о посылкѣ войскъ и денегъ въ Бордо. Генералъ отвѣчалъ на это отказомъ, ссылаясь между прочимъ на то, что манифестація въ Бордо далеко „не единодушна и что *роялистическія чувства не высказываются нигдѣ, даже въ Вандеѣ* [2]). Бурбоны положительно были забыты Франціей.

Мы видѣли уже, что небольшая группа роялистовъ устроила по вступленіи союзниковъ въ Парижъ демонстрацію предъ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Нѣсколько горячихъ головъ пытались даже разрушить вандомскую колонну. На все это народъ смотрѣлъ частью съ удивленіемъ и недоумѣніемъ, частью съ полнымъ равнодушіемъ. Больше съ любопытствомъ и удивленіемъ, чѣмъ съ энтузіазмомъ, встрѣченъ былъ парижскимъ населеніемъ и графъ Артуа [3]). Одни національные гвардейцы, контингентъ которыхъ набирался изъ буржуазіи, нелюбившей Наполеона, кричалъ — „да здравствуетъ король, да здравствуютъ Бурбоны“. Декларація Людовика XVIII, объявленная наканунѣ его въѣзда въ Парижъ, давая въ глазахъ просвѣщенныхъ классовъ и буржуазіи залогъ продолжительнаго мира и свободы, не могла не повліять *благо-*

[1]) *Vaulabelle*; tome 1, стр. 275—278.
[2]) Ibidem, стр. 279.
[3]) Ibidem, tome II, стр. 29.

пріятнымъ образомъ на встрѣчу короля; любопытство же привело сюда и рабочіе классы [1]). И однако самъ Меттернихъ описываетъ намъ „тяжелое впечатлѣніе“, произведенное на него отношеніемъ населенія къ Людовику во время его торжественнаго въѣзда. „*Самыя противоположныя чувства читались на лицахъ;* они высказывались въ крикахъ „да здравствуетъ король“, испускаемыхъ роялистами, *но проявлялись не менѣе и въ гробовомъ молчаніи враговъ королевства.* Я (заканчиваетъ Меттернихъ) находилъ почти, *что король слишкомъ поспѣшилъ отвѣчать поклонами на столь противоположныя манифестаціи*“ [2]).

Итакъ, Франція, за исключеніемъ небольшого числа неисправимыхъ приверженцевъ стараго режима, не хотѣла реставраціи. Союзники должны были бы воззвать къ народу и предоставить ему избрать форму и главу правительства. Разныя случайности привели руководителя коалиціи къ ошибочному представленію о настроеніи французовъ въ пользу Бурбоновъ, которые и были возвращены Франціи. Но вернувъ Бурбоновъ, союзники (особенно Александръ I) обязали ихъ извѣстными конституціонными гарантіями въ пользу населенія. Этимъ съ одной стороны высказывалось нѣкоторое недовѣріе союзниковъ къ Бурбонамъ, съ другой же—державы освящали какъ бы отъ имени всего международнаго союза нѣкоторыя начала, пріобрѣтенныя французскимъ обществомъ въ эпоху революціи, вошедшія и до нѣкоторой степени признанныя юридическимъ сознаніемъ просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія Европы. Но были ли эти начала гарантированы французамъ коалиціей, возстановившей легитимизмъ не абсолютный, а конституціонный? Къ несчастію сдѣлка между возстановленными Бурбонами и союзными дворами, выразившаяся въ формѣ мирнаго трактата 30 мая 1814 года (первый парижскій миръ) являлась договоромъ одностороннимъ. Въ немъ имѣлись въ виду *интересы* союзниковъ, т. е. гарантіи международному союзу, построенныя между прочимъ на возвращеніи Бурбоновъ, но упущена изъ виду другая не менѣе важная сторона дѣла—интересы французскаго населенія; державы и не подумали о томъ, чтобы гарантировать въ трактатѣ конституціонныя обязательства, наложенныя на Людовика XVIII какъ conditio sine qua non его возвращенія на престолъ предковъ. Трактатъ, уступая союзникамъ всѣ пріобрѣ-

[1]) *Vaulabelle.* Tome II, стр. 63.
[2]) *Metternich.* Tome I, стр. 196—197.

тенія Франціи за 22 года, 53 укрѣпленныя мѣста, 12,600 орудій, арсеналы съ оружіемъ и амуниціей, порты съ многочисленными военными судами [1]) и т. д., и т. д., обезсиливая Францію предъ коалиціей, не заключаетъ въ себѣ никакихъ обязательствъ предъ французскимъ народомъ о поддержаніи авторитетомъ Европы его новой конституціи. Въ этомъ проявился, конечно, принципъ невмѣшательства Европы во внутреннія дѣла независимой страны, *добровольно*, по мнѣнію обманувшихся союзниковъ, призвавшей Бурбоновъ. Но дѣло въ томъ, что послѣдующія событія доказали, какъ необходима была эта гарантія *на пользу свободы*, которая могла бы быть оправдана не менѣе, если не болѣе позднѣйшихъ вмѣшательствъ той же коалиціи во внутреннія дѣла другихъ независимыхъ государствъ *для подавленія личной свободы*.

ГЛАВА II.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

От вѣнскаго конгресса до конгресса въ Ахенѣ (съ 1814 по 1818 г.).

1. Трактаты и начала, предложенные для руководства конгрессу.

Что должно было, по мнѣнію союзниковъ, быть положено въ основаніе для постройки европейскаго зданія на вѣнскомъ конгрессѣ?

Прежде всего, конечно, трактатъ 30 мая 1814 года, по которому Франція возвращена къ границамъ 1 января 1792 года, а всѣ территоріи, отобранныя отъ нея, равно какъ и тѣ, которыя остались вакантными послѣ переворотовъ 1813—14 годовъ, должны были быть распредѣлены между различными европейскими государствами по *соглашенію между союзниками*. Трактатъ этотъ носилъ на себѣ, по мнѣнію Меттерниха, печать умѣренности государей. Цѣль его — установить между державами

[1]) *Vaulabelle*. Tome II, стр. 42—43.

возможно совершенное политическое равновѣсіе [1]) посредствомъ осужденія системы завоеванія и допущенія принципа *возвращенія* (restitutions) и *эквивалентовъ* для возстановленія древнихъ королевствъ и государствъ; причемъ созданіе германской конфедераціи являлось даже conditio sine qua non самаго участія Австріи въ союзѣ [2]).

Но кромѣ этого главнаго основанія для предстоящихъ переговоровъ на конгрессѣ, созваніе котораго указано въ самомъ трактатѣ, были еще трактаты, напр. калишскій (1813 года) между Пруссіей и Россіей, въ которомъ Россія гарантировала Пруссіи владѣніе Саксоніею [3]); также трактатъ Австріи съ королемъ Неаполя Іоакимомъ Мюратомъ (отъ 11 и 8 января 1814 года) [4]). Наконецъ, державы ссылались не разъ во время вѣнскихъ переговоровъ на цѣли и основанія ряда союзническихъ трактатовъ, заключенныхъ ими въ 1813 году для совмѣстной борьбы противъ Франціи.

Ясно, что разъ миръ съ Франціей подписанъ, послѣдняя не могла уже быть разсматриваема какъ врагъ, но должна была принять участіе и имѣть равный съ прочими великими державами голосъ при вѣнскихъ совѣщаніяхъ насчетъ распредѣленія вакантныхъ территорій. Но не такъ думали союзники, недовѣрявшіе Франціи и жаждавшіе порѣшить между собою, келейно, участь вакантныхъ и завоеванныхъ ими во время войны земель. И хотя постановленія будущаго конгресса имѣли цѣлью только „дополнить постановленія трактата 30 мая 1814 года“ [5]), союзники принялись устранять Францію отъ участія въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ Европы. Такъ, изъ протокола отъ 2 сентября 1814 года усматривается, что *союзники*, ссылаясь на духъ § 1 (сепаратнаго и секретнаго) парижскаго трактата, намѣревались *редактировать* планъ территоріальнаго распредѣленія, согласно принципамъ, выраженнымъ въ этомъ трактатѣ, и признаннымъ *Франціей* и *сообщить* эту работу ихъ Франціи и Испаніи [6]). Такимъ образомъ *инициатива* въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ,

[1]) *Charles Martens et Cussy*—стр. 22 (article séparé et secret).
[2]) *Metternich*. Tome I, стр. 200—203.
[3]) Ibidem,—стр. 206.
[4]) *Koch et Schoell*. «Histoire abrégé des traités», tome XI, стр. 322 и G. de *Martens*—Supplément au récueil, tome V, стр. 660.
[5]) См. протоколъ засѣданія четырехъ уполномоченныхъ (Англіи, Австріи, Россіи и Пруссіи) отъ 22 сентября 1814 года. Correspondance inédite du prince de *Talleyrand*, стр. 341.
[6]) Ibidem, стр. 342.

признанныхъ „великими интересами Европы“, должна была принадлежать исключительно четыремъ великимъ державамъ. Въ мотивахъ приведеннаго рѣшенія говорится, что только четыре державы имѣютъ право договариваться между собою о распредѣленіи провинцій, которыми располагаютъ благодаря послѣдней войнѣ и парижскому миру; другія же двѣ державы (Франція и Испанія) должны быть допущены *послѣ*, чтобы заявить свое мнѣніе и представить свои возраженія, которыя и будутъ подвергнуты тогда обсужденію совмѣстно съ этими двумя державами. Въ виду этого уполномоченные четырехъ государствъ постановляютъ „не входить въ конференціи съ уполномоченными Франціи и Испаніи до тѣхъ поръ, пока *они совершенно не покончатъ и не прійдутъ къ совершенному между собою соглашенію относительно территоріальнаго распредѣленія герцогства Варшавскаго, Германіи и Италіи*. Но какъ Франція перешла подъ власть легитимнаго правительства, то *союзники* не желаютъ удалять ее и Испанію отъ всякихъ преній по поводу распредѣленія территорій, насколько эти двѣ державы имѣютъ въ немъ свой частный интересъ, или когда дѣло касается *интереса* всей Европы; поэтому державы-союзницы остановились на слѣдующемъ: „допустить Францію къ преніямъ только послѣ того, какъ союзницы уже согласятся между собою“. Допустить ее къ совмѣстному обсужденію дѣлъ съ *„полнымъ равенствомъ вліянія“* было бы равносильно предоставленію Франціи возможности „благопріятствовать или противодѣйствовать тому или другому государю, сообразно ея частнымъ видамъ“, а это послужитъ для маленькихъ князей Германіи поводомъ къ начатію „интригъ, въ значительной степени причинившихъ несчастіе послѣднихъ лѣтъ“ [1]). Это одностороннее и несправедливое рѣшеніе не препятствовало Меттерниху, подписавшему протоколъ, думать, что задача конгресса, состоявшая „въ возстановленіи политическаго зданія Европы“, была не совмѣстима „со всякимъ предпріятіемъ, исключительно внушеннымъ личными мотивами“ [2]).

Планъ четырехъ союзниковъ рушился отчасти благодаря ловкости Талейрана на конгрессѣ, но еще болѣе отъ взаимнаго недовѣрія и страха Австріи и Англіи предъ усиленіемъ могущества Россіи и честолюбивыми и опасными планами Пруссіи на инкорпорацію всей Саксоніи. Этимъ взаимнымъ недовѣріемъ союзниковъ

[1]) *Talleyrand*—Correspondance, стр. 343—346.
[2]) *Metternich*. Tome I, стр. 207.

съумѣлъ воспользоваться Талейранъ и ему удалось даже составить коалицію изъ Франціи, Австріи и Англіи (секретная конвенція отъ 3 января 1815 года), направленную противъ Россіи и Пруссіи, которая могла бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ разразиться войною между ними. Естественно, что въ виду этого Франція стала играть нѣкоторую, даже довольно значительную роль на конгрессѣ, хотя все же не столь рѣшающую и вѣскую, какою изображаетъ ее Талейранъ въ своей перепискѣ съ Людовикомъ XVIII и историкъ Флассанъ. Франція была допущена въ комитетъ 5 державъ, рѣшавшій дѣла „первой важности“ (распредѣленіе территорій).

Задача конгресса была громадна и понималась различно.

Самъ Талейранъ полагалъ, что „надлежало возстановить разрушенное 20 годами“ безпорядковъ, согласить противоположные интересы справедливыми сдѣлками, подчинить даже „идею абсолютнаго совершенства въ политическихъ учрежденіяхъ и въ распредѣленіи силъ установленію продолжительнаго мира“ [1]). Дѣло шло о возсозданіи „европейской республики“. Въ этомъ была, говоритъ „Moniteur“ [2])—работа конгресса; съ этой точки зрѣнія можно усмотрѣть „среди болѣе кажущагося чѣмъ дѣйствительнаго столкновенія стольких интересовъ, казавшихся несовмѣстными, *нѣкоторый опредѣленный и безсложный принципъ*, способный разрѣшить много политическихъ задачъ“. Возстановленіе нарушеннаго равновѣсія, требуемаго столь категорично въ трактатѣ 30 мая, еще настойчивѣе требуется *Flassan*'омъ [3]). Въ чемъ должно заключаться возстановленіе конгрессомъ общаго порядка Европы?

„Основаніемъ старой системы политическаго равновѣсія“, говоритъ Флассонъ, „было въ теченіе болѣе 3 столѣтій равновѣсіе великихъ державъ (Франція, Австрія, Россія, Пруссія и германскій союзъ), вокругъ которыхъ группировались меньшія государства (Испанія, Португалія, Голландія и т. д.)“. Англія, хотя попреимуществу морская держава, не была чужда этому равновѣсію вслѣдствіе отношенія между сушей и моремъ и вліяла на судьбы континентальныхъ войнъ своимъ флотомъ, войсками и субсидіями. „Существовали кромѣ того и *частныя равновѣсія:*

[1]) *Talleyrand*—Correspondance, стр. 456.

[2]) «*Moniteur Universel*» 27 іюля 1815 года.

[3]) *Flassan* «De la Restauration politique de l'Europe et de la France». Paris. 1814 г.

въ центрѣ Европы между Австріей и Пруссіей; Россіи съ Турціею; Данія уравновѣшивала Швецію; если же Испанія часто слѣдовала давленію Франціи, то Португалія повиновалась внушеніямъ Англіи; „Италія же", наивно повѣствуетъ Флассанъ, „была раздѣлена на многія государства потому, что не считали выгоднымъ, чтобы они были соединены подъ однимъ скипетромъ [1]). Охарактеризовавъ такимъ образомъ прошлое политическое положеніе Европы, Флассанъ желаетъ, чтобы монархи и министры, собирающіеся на конгрессъ, регулировали „новое распредѣленіе территорій, принявъ за приблизительное основаніе древній порядокъ". Они должны заключить между собою и создать ,,великую европейскую хартію", въ которой позаботились бы о *возстановленіи общаго равновѣсія* посредствомъ поднятія забитыхъ государствъ, существованіе которыхъ необходимо, или установленіемъ ,,мудрыхъ пропорцій въ могуществѣ великихъ государствъ, притомъ такъ, чтобы они были достаточно сильны для отраженія всякаго нападенія, но не настолько могущественны, чтобы притѣснять сосѣдей и снова угрожать общему порядку [2]). Прочный миръ на этихъ-то условіяхъ будетъ ,,великою дипломатическою хартіею Европы", торговые же трактаты помогутъ народамъ соединиться въ обширной семьѣ" [3]). Не забыта авторомъ и роль, новое положеніе Франціи въ этой реставрированной съ небольшими измѣненіями Европѣ. Онъ опирается при опредѣленіи окончательныхъ границъ Франціи на публичное заявленіе державъ о границѣ 1792 года, въ которомъ говорилось, что можно дать ,,и больше". Послѣднее является въ глазахъ Флассана справедливымъ, если, навсегда отдѣляя Францію революціонную отъ Франціи подъ ея легитимными королями, разсматривать ее какъ державу, которая должна быть *сильна* для счастія всего міра. Поэтому-то ,,можно бы уступить кое-что изъ пріобрѣтеній союзниковъ въ пользу Франціи (напр. Савойю и графство Ниццу), отдать Франціи Санъ-Доминго, важнѣйшую изъ ея колоній, и возвратить Гваделуппу [4]). Въ другомъ сочиненіи тотъ же авторъ говоритъ, что „все, что не было формально или молчаливо высказано въ трактатѣ 30 мая, не входило, строго говоря, въ компетенцію этого собранія (вѣнскаго конгресса), призваннаго къ

[1]) *Flassan*. Ibidem, стр. 56—58.
[2]) Ibidem, стр. 55.
[3]) Ibidem, стр. 64.
[4]) Ibidem, стр. 76. О задачахъ вѣнскаго конгресса, см. у того же автора—«Histoire du Congrès de Vienne», 3 volumes. Paris. 1829; volume I, стр. 5—8.

возстановленію правъ и даже къ ихъ созданію, настолько же къ исправленію, какъ и къ построенію“ [1]). Сила конгресса, какъ собранія державъ Европы, „казалась громадна“; но „частные трактаты, *тайныя обязательства*, стеченіе многихъ обстоятельствъ и важныхъ соображеній стремились *ограничить эту силу и смягчить рѣшенія*“. А всѣмъ этимъ *тайнымъ обязательствамъ* было надъ чѣмъ похлопотать: „въ массѣ территоріальныхъ цѣнностей, подпавшихъ праву завоеванія союзниковъ, находились вознагражденія для распредѣленія, по различнымъ основаніямъ (?), между Австріей, Россіей, Пруссіей, Нидерландами, Сардиніей и Ганноверомъ“ [2]).

Сверхъ того конгрессу приходилось еще организовать германскую конфедерацію, упрочить существованіе новой швейцарской лиги, разсуждать еще объ отмѣнѣ негро-торговли, о рѣчномъ судоходствѣ и пр.

Но если приведенные нами трактаты и мнѣнія нѣкоторыхъ государственныхъ людей и публицистовъ указывали на возстановленіе прежняго порядка Европы по принципу т. наз. политическаго равновѣсія съ небольшими измѣненіями, вызванными обстоятельствами [3]), то раздавались голоса, требовавшіе созданія порядка на другихъ началахъ, такъ какъ ими отрицалась пригодность и самое существованіе политическаго равновѣсія Европы въ дореволюціонную эпоху. Выставлены поэтому два начала. Одно чисто политическаго свойства, именно *система естественныхъ границъ*, примѣненная въ частности къ Франціи *Бональдомъ*, и другое, юридическаго характера, развитое отчасти первымъ, но въ особенности извѣстнымъ Талейраномъ въ его классической нотѣ къ Меттерниху (отъ 19 декабря 1814 года).

Бональдъ [4]) тоже ожидаетъ отъ конгресса результатовъ, достойныхъ „мудрости государей и талантовъ государственныхъ людей“, собравшихся на конгрессѣ. Трактатъ, которымъ закончатся работы собранія, „будетъ соотвѣтствовать достоинству сторонъ, торжественности эпохи и величію интересовъ“. И если вестфальскій конгрессъ былъ совершеннѣйшимъ созданіемъ дипломатіи, „этого искусства, которое слишкомъ часто служитъ только для

[1]) *Flassan.* «Histoire du Congrès de Vienne», tome I, стр. 7.

[2]) Ibidem, стр. 8.

[3]) См. въ этомъ же смыслѣ и приводившійся нами памфлетъ полковника v. *Schleither*'a.

[4]) *Bonald.* «Réflexions» sur l'intérêt général de l'Europe, suivies de quelques considérations sur la noblesse. Paris 1815 (nouvelle édition).

того, чтобы обмануть другихъ и иногда самого себя", то вѣнскій трактатъ будетъ, можно надѣяться, „совершеннѣйшимъ твореніемъ политики, этой науки, которая ставитъ народы въ отношенія самыя естественныя и приводитъ поэтому къ состоянію наиболѣе прочному". Не одного мира требуетъ Европа, болѣе всего и прежде всего „*порядка*, безъ котораго миръ есть только обманчивое затишье, являющагося закономъ разумныхъ существъ, предупреждающаго революціи, перевороты и завоеванія". Онъ покоится въ великой европейской семьѣ на двухъ основаніяхъ—*религіи и монархіи* [1]). Вестфальскій конгрессъ ввелъ въ европейскую семью болѣе „свободы, т. е. демократіи (Женева и Голландія) или аристократіи въ управленіе имперскихъ городовъ и даже въ германскую конфедерацію". На вѣнскомъ же конгрессѣ беретъ верхъ „духъ монархіи и политика кажется болѣе расположенной подчинить древнія республики системѣ монархической, чѣмъ создать новыя республики". Подмѣтивъ столь вѣрно эту особенность тенденцій вѣнскаго конгресса, авторъ пытается далѣе показать несостоятельность системы политическаго равновѣсія, возникшей, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ великой схизмы въ религіи и происшедшаго отъ нея раздѣленія въ политикѣ (въ XVI вѣкѣ). Благодаря схизмѣ, новая система религіи и политики, система пресвитеріанская и народническая (антагонизмъ системы монархической), поднялись въ Европѣ. Эти столь діаметрально противоположные принципы должны были вступить въ упорную борьбу, обѣ партіи взялись за оружіе. Истощенныя войною, онѣ отдыхали подъ защитою трактатовъ, порывавшихся сейчасъ же по ихъ подписаніи; изъ этого-то выходило между ними на короткое время *что-то въ родѣ равновѣсія*, породившаго идею политическаго равновѣсія.

Но что такое представляло изъ себя это равновѣсіе даже въ ту минуту, когда оно казалось лучше всего укрѣпленнымъ?

Справедливо называетъ его Вольтеръ *предлогомъ столькихъ войнъ, хотя по идеѣ своей оно должно было обезпечить вѣчный миръ*. Дѣйствительно, послѣ ахенскаго мира всѣ державы были подѣлены на два лагеря; *всѣ державы оставались вооруженными*, чтобы защищаться противъ нападателя; надѣялись на продолжительный миръ, но — легкая ссора между Франціей и Англіей внушила новую политику государямъ Европы [2]). Вотъ каковы были и всегда будутъ сила и продолжитель-

[1]) *Bonald*, ibidem, стр. 8—9.
[2]) Ibidem, стр. 9, 11—13.

ность этой системы, похожей на равновѣсіе механическое, которое представляетъ изъ себя всегда только „мгновеніе спокойствія между двумя войнами“. Только кладя мечъ на вѣсы, державы получали минуту равновѣсія; державы же третьяго разряда вынуждены были ставить на ноги или держать на-готовѣ силы, совсѣмъ непропорціональныя ихъ населенію. Притомъ же „уравновѣшивая интересы и даже военныя силы нельзя было уравновѣсить нравственную силу націй, страсти и таланты ихъ управителей“ [1]). Откидывая, такимъ образомъ, послѣ этой сжатой и дѣльной оцѣнки всякую мысль о возстановленіи въ Европѣ старой „системы политическаго равновѣсія“, авторъ выражаетъ мнѣніе, что державы должны при распредѣленіи вакантныхъ территорій руководствоваться принципомъ „распространенія и развитія государствъ, который не хотятъ признать, но который дѣйствуетъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ во всѣхъ обществахъ“. Это *стремленіе къ естественнымъ границамъ* „дало Норвегію Швеціи, Шотландію Англіи, соединило въ одно королевство всѣхъ испанцевъ, несмотря на право Франціи на Наварру, наконецъ оно же дало Финляндію Россіи“. Обращаясь въ частности къ Франціи, Бональдъ говоритъ, что всѣ войны, веденныя или поддержанныя Франціей въ теченіи одного вѣка (кромѣ войнъ революціи, которыя велись въ ея собственныхъ интересахъ, а не въ интересахъ Франціи) и всѣ, которыя она *будетъ вести*, не имѣли и не будутъ носить въ себѣ другого принципа, кромѣ вышеуказаннаго стремленія къ естественной границѣ ея, которая еще не достигнута ею вездѣ [2]). Граница эта—Рейнъ; имѣются тысячи шансовъ, что Франція достигнетъ ее. Въ этомъ послѣдній и единственный интересъ Франціи, неосуществленіе его помѣшало Франціи быть полезной для покоя христіанства.

Нечего бояться, что она перейдетъ эту естественную свою границу; мнѣніе, или, вѣрнѣе, общественный разумъ столь могущественный во Франціи внѣ временъ революціи—„оттолкнуло бы какъ чудовищное и противное природѣ всякое увеличеніе, которое сдѣлало бы всѣхъ сосѣдей непріятелями Франціи“. Эта же „естественная граница“ требуетъ „присоединенія Бельгіи къ Франціи“; отдаляя этотъ моментъ или присоединяя Бельгію къ Голландіи, только продолжатъ безпокойство Франціи и Европы; соединеніе же этихъ провинцій, „стоящихъ у дверей Франціи

[1]) *Bonald*. «Réflexions», стр. 14.
[2]) Ibidem, стр. 25—26.

и подъ пушками ея крѣпостей“, съ Голландіей всегда будетъ только „насильственнымъ, дурно устроеннымъ бракомъ между двумя народами, раздѣленными воспоминаніями, обычаями, религіею и всѣми интересами“. Голландія отъ этого не сдѣлается ни богаче, ни сильнѣе; Англія же, которая вынуждена будетъ защищать это соединеніе противъ Франціи, должна опасаться этихъ континентальныхъ связей для своей конституціи; замѣчено также изъ исторіи, что провинціи Нидерланды всегда приносили собою только несчастія ихъ обладателямъ [1]). Достиженіе Франціею ея естественной границы прямо въ *интересѣ* Европы. „Достигнувъ Рейна, обитатели древней Франціи не сдѣлаются отъ этого ни болѣе, ни менѣе счастливыми, а правительство ея болѣе стойкимъ и сильнымъ. Но для Европы эта политическая мѣра необходима: „только тогда Франція будетъ полезна всѣмъ государствамъ и не будетъ опасна ни для одного“. Франція сдѣлалась бы тогда „обществомъ опредѣленнымъ, законченнымъ, первымъ независимымъ и монархическимъ обществомъ, являющимъ изъ себя то состояніе, въ которомъ нація *безъ интереса и поэтому безъ страстей*“ можетъ предложить протекторатъ, посредничество и третейскій судъ *всѣмъ интересамъ и всѣмъ страстямъ. Вся Европа была бы въ покоѣ съ нею и чрезъ нее* и ей, Франціи, „нечего было бы ни бояться, ни желать, ей нечего было бы пріобрѣтать или терять“ [2]).

„Нечего опасаться“, продолжаетъ онъ далѣе, „что принципъ естественныхъ границъ не кладетъ предѣловъ завоеванію“. Этихъ естественныхъ границъ должно искать только тамъ, гдѣ сама природа положила подобныя границы, которыя точно обозначены для нѣкоторыхъ частей европейскаго континента (въ частности для Франціи и Испаніи). ,,Нѣкоторыя государства, правда, не находятъ этихъ границъ въ расположеніи мѣстъ, но за то они обрѣтаютъ другія границы въ расположеніяхъ умовъ, въ различіяхъ религій, нравовъ, происхожденія, въ національныхъ ненавистяхъ; если наконецъ нѣкоторыя государства и лишены этой выгоды, то это не основаніе для отрицанія или оспариванія ее тамъ, гдѣ она существуетъ“ [3]). Авторъ чувствовалъ, что вся эта ловкая аргументація въ защиту давнишнихъ притязаній Франціи встрѣтитъ энергичный отпоръ, особенно со стороны Великобританіи. И вотъ. онъ

[1]) *Bonald*. «Réflexions», стр. 27—32.
[2]) Ibidem, стр. 33—36.
[3]) Ibidem, стр. 38—41.

пытается отстранить подозрѣнія и страхъ Англіи, которая „много выиграла даже въ отношеніи торговли во время республики во Франціи"; на морѣ она такъ сильна, что „можетъ поразить всю Европу; ей нечего бояться со стороны Франціи, а должно страшиться самой себя, такъ какъ несчастіе коммерческой державы въ томъ именно, что она осуждена на веденіе войнъ: *торговля*, провозглашенная философіею всемірною связью народовъ, есть по самой природѣ своей необходимое состояніе враждебности" [1]).

Въ заключеніе Бональдъ преподаетъ державамъ вѣнскаго конгресса совѣтъ „укрѣпить святой престолъ". Этого требуетъ и высокая политика": отсюда „пришелъ свѣтъ, отсюда же пріидутъ порядокъ и миръ для умовъ и сердецъ". Пусть же всѣ правительства „сообща работаютъ для возстановленія этой колонны на древнихъ основахъ". Она носитъ въ себѣ „судьбы Европы". Да преклонятся же христіанскія знамена, да склонится оружіе предъ этимъ величественнымъ храмомъ, святилищемъ истины, оградою соціальнаго порядка. Политика укрѣпляется всѣмъ, что она даетъ религіи, бѣднѣетъ отъ всего, въ чемъ она отказываетъ ей" [2]).

Итакъ, слѣдовательно, *трактаты* и *мнѣнія нѣкоторыхъ выдающихся людей* рекомендовали конгрессу, во 1-хъ, слѣдовать началамъ политическаго равновѣсія, т. е. международной идеѣ дореволюціонной эпохи; другіе *писатели* взывали къ началу естественныхъ границъ для территоріальныхъ распредѣленій, которое должно было служить подспорьемъ главной основѣ—упроченію и возстановленію монархій и религіозныхъ началъ. Въ послѣднемъ требованіи зародышъ легитимной теоріи, подспорьемъ которой служило начало чисто политическое—„система естественныхъ границъ". Въ этомъ-то среднемъ мнѣніи (Бональдъ) видно еще колебаніе; въ немъ пытаются устроить и внести въ европейскія дѣла что-то въ родѣ компромисса между строгимъ юридическимъ принципомъ легитимизма и политическими нуждами времени, вызванными обширными и глубокими политическими переворотами, пережитыми Европою въ теченіи 22 лѣтъ. Но теорія „политическаго равновѣсія" была не достаточна, казалась и тогда уже многимъ слабою, непрактичною; компромиссъ (Бональда) являлъ изъ себя что-то шаткое: на волю державъ предоставлялось принять тотъ или другой изъ составныхъ элементовъ смѣшанной теоріи, причемъ личный интересъ ихъ могъ оказать рѣшающее влія-

[1]) *Bonald*. «Réflexions», стр. 44—49.
[2]) Ibidem, стр. 49—50.

ніе на упорядоченіе того или другаго изъ жгучихъ вопросовъ на основаніи той *или* другой теоріи (легитимизма или естественныхъ границъ). Ясно, что не хватало чего-то болѣе прочнаго и опредѣленнаго, изъ чего можно было бы вывести логически всѣ построенія въ созидавшейся европейской системѣ. Талейранъ думалъ найти это нѣчто въ довольно законченномъ развитіи идеи легитимизма, какъ основаніи для созданія отношеній между государствами, съ которой онъ выступилъ на конгрессѣ послѣ того, какъ Франція получила на немъ нѣкоторое вліяніе. Въ рапортѣ своемъ королю Людовику XVIII онъ категорически заявляетъ, что „интересъ и слава Франціи требуютъ добровольнаго отказа отъ идеи возвратить Бельгію и лѣвый берегъ Рейна, и что безъ этого патріотическаго отказа *не могло существовать мира* между Франціей и Европой“ [1]). Но въ виду того, что „почти на всѣхъ пунктахъ Европы оказались обширныя страны безъ правительства“, а многія государства были ограблены Франціей, „нужно было подѣлить эти вакантныя земли между ними“. При всемъ „отвращеніи“, которое должно было имѣть къ этимъ „распредѣленіямъ людей и земель, *безчестящимъ* человѣчество, они сдѣлались необходимыми вслѣдствіе насильственныхъ захватовъ прежняго французскаго правительства“ [2]). Изъ приведенныхъ словъ видно, что новыя территоріальныя распредѣленія допущены Талейраномъ только въ силу крайнихъ обстоятельствъ, какъ печальное исключеніе изъ начала возстановленія *легитимнаго порядка*, указаннаго имъ въ депешѣ отъ 19 декабря 1814 года. Еще замѣтимъ, что ему volens-nolens пришлось помириться съ нѣкоторыми требованіями другихъ державъ, и что въ приведенныхъ выраженіяхъ онъ какъ бы обобщаетъ только то, что сдѣлано вопреки его теоріи. Онъ чувствовалъ себя также связаннымъ трактатомъ 30 мая, требовавшимъ „возстановленія реальнаго и продолжительнаго равновѣсія“. Франція была побѣждена; пришлось помириться съ этимъ. Но онъ чувствовалъ, что „въ то же время должно было *поставить какъ основаніе будущаго спокойствія Европы принципы, которые одни только могли обезпечить внутреннее спокойствіе державъ и воспрепятствовать въ сношеніяхъ между государствами тому, чтобы эти послѣднія не находились исключительно подъ господствомъ силы*“ [3]).

[1]) *Talleyrand*—Correspondance, стр. 442.
[2]) Ibidem, стр. 444—445.
[3]) Ibidem—Раппортъ Талейрана Людовику XVIII отъ Іюня 1815 г., стр. 446.

Для достиженія этой цѣли Талейранъ взялъ на себя задачу убѣдить правительства, что существованіе ихъ компрометировано въ высшей степени системою, вытекавшею изъ политики имперіи, которая ставила сохраненіе правительствъ въ зависимость отъ партіи или исхода войны. „Освятить принципъ законности правительствъ было“, по его мнѣнію, „нужно потому, что легитимныя правительства одни только могутъ быть прочными, незаконныя же, имѣя поддержку только въ силѣ, падаютъ сами собою, какъ только недостаетъ этой поддержки, предоставляя націи на жертву революціямъ“ [1]. Въ этихъ немногихъ словахъ опредѣлилъ онъ цѣль своей ноты къ Меттерниху. Она начинается завѣреніемъ, что Франція не будетъ предъявлять *никакихъ претензій и требованій*. Реставрація водворилась во Франціи. Желаніе ея—видѣть эту реставрацію *въ цѣлой Европѣ*, что приведетъ къ прекращенію духа революціи. Для этого „всякое легитимное право должно быть сдѣлано священнымъ; всякое же честолюбіе (ambition) или несправедливое предпріятіе должно найти свое осужденіе и вѣчное препятствіе къ своему осуществленію въ *выраженномъ признаніи и въ формальной гарантіи тѣхъ самыхъ принциповъ, долгимъ и печальнымъ забвеніемъ которыхъ была революція*. Такой порядокъ вещей необходимъ: безъ него никто не можетъ считать себя обезпеченнымъ ни одной минуты въ своемъ будущемъ; настоящая же эпоха вполнѣ благопріятна намѣченной цѣли, такъ какъ все христіанство въ первый разъ призвано составить конгрессъ [2]. Но Талейрану могли возразить, что трактатъ 30 мая—основаніе работъ конгресса—упоминаетъ только „о равновѣсіи“, чуждъ легитимизма *въ обще-европейскомъ смыслѣ*, признавъ его только для Франціи. Предвидя это возраженіе, Телейранъ отвѣчаетъ, что „трактатъ 30 мая вовсе не желалъ смѣшивать въ одной и той же массѣ всѣ территоріи и народы, чтобы раздѣлить ихъ потомъ по извѣстнымъ пропорціямъ“. Нѣтъ; онъ имѣлъ въ виду „*возстановить или сохранить всякую легитимную династію*, чтобы уважалось каждое легитимное право; *вакантныя же территоріи* распредѣлить по принципамъ политическаго равновѣсія“. Равновѣсіе же будетъ только пустымъ словомъ, если не принимать при этомъ въ соображеніе дѣйствительную нравственную силу, которая состоитъ въ

[1] *Talleyrand*. Correspondance, стр. 447—448.

[2] *Klüber*. «Acten des Wiener Congresses in den Iahren 1814 und 1815». VII Bände. Erlangen. 1815—1817. См. B. VII, Heft 25, стр. 49—50.

добродѣтели. Поэтому неизмѣнное правило Франціи на конгрессѣ заключается въ томъ, чтобы „искать прежде всего, что *справедливо* и присоединяться въ *порядкѣ легитимныхъ комбинацій* къ тѣмъ, которыя могутъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ способствовать установленію и поддержанію настоящаго равновѣсія" [1]). Слѣдовательно „установленіе настоящаго равновѣсія" сочетается у Талейрана, подчиняется главной идеѣ—„легитимныхъ комбинацій"; должно только восполнить пробѣлы послѣдней.

Послѣ этой *общей части* ноты, Талейранъ переходитъ къ спеціальной, къ дѣламъ Польши и Саксоніи, къ которымъ онъ съ логическою послѣдовательностью прилагаетъ принципъ легитимизма. Польскій вопросъ онъ называетъ „самымъ важнымъ, наиболѣе европейскимъ". По своей древности, значенію, услугамъ, оказаннымъ прежде Европѣ и по своему несчастію народъ польскій „достоинъ интереса всѣхъ другихъ" и можетъ быть „возстановленъ въ своей древней и полной независимости". Талейранъ полагаетъ даже, что „раздѣлъ Польши, вычеркнувшій ее изъ числа націй, былъ *прелюдіей*, частью, можетъ быть, причиною и до извѣстной степени извиненіемъ переворотамъ, жертвою которыхъ была Европа. Что же касается до *Саксоніи*, то въ этомъ вопросѣ „разомъ и въ высокой степени скомпрометированы принципы легитимизма и равновѣсія въ томъ рѣшеніи, которое предполагаютъ принять относительно этого королевства". Но для законности предполагаемаго рѣшенія слѣдовало бы признать справедливымъ, что *короли могутъ быть судимы тѣмъ*, *кто хочетъ и можетъ завладѣть ихъ владѣніями*; что они *могутъ быть осуждены*, *не будучи выслушаны* и не имѣя возможности защищаться; что въ *ихъ осужденіи* необходимо *заключены и ихъ семейства и ихъ народы;* что *конфискація*, изгнанная цивилизованными народами изъ уголовныхъ кодексовъ, *должна быть освящена въ XIX вѣкѣ общимъ правомъ Европы*, такъ какъ конфискація королевства является при этомъ менѣе несправедливою, чѣмъ конфискація простой движимости; что *народы не имѣютъ никакого права отличнаго отъ правъ ихъ государей;* что *суверенитетъ теряется и пріобрѣтается однимъ фактомъ завоеванія;* т. е., однимъ словомъ, *что все законно для того, кто болѣе силенъ*. Рѣшеніе участи Саксоніи, опасное какъ примѣръ, было бы еще гибельно по вліянію его на общее равновѣсіе въ

[1]) *Klüber*. «Acten», стр. 50—51.

Европѣ, „которое состоитъ въ со отношеніи между силами нападенія и силами сопротивленія политическихъ тѣлъ“ [1]). Нота заканчивается рядомъ соображеній, которыми Талейранъ хочетъ доказать, что потеря Саксоніею ея независимости ослабитъ Австрію и Германію [2]).

2. Роль и планы важнѣйшихъ державъ, участвовавшихъ на конгрессѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того, какъ разрѣшилась на конгрессѣ борьба выставленныхъ на немъ принциповъ легитимизма и политическаго равновѣсія и что сдѣлано конгрессомъ, намъ должно очертить характеръ плановъ, роли и взаимныхъ отношеній державъ, вершившихъ на немъ судьбы Европы.

Меттернихъ даетъ намъ только самыя поверхностныя и безцвѣтныя замѣчанія о вѣнскомъ конгрессѣ, его работахъ и затрудненіяхъ [3]). Однако изъ немногаго имъ сказаннаго по этому поводу можно заключить, что Россія и Пруссія, благодаря существовавшей между ними конвенціи (заключенной въ Калишѣ), представляли въ глазахъ австрійскаго канцлера не мало затрудненій для рѣшенія саксонскаго вопроса, а слѣдовательно и другихъ территоріальныхъ вопросовъ Германіи. Гораздо болѣе почерпаемъ мы у *Гентца*, секретаря конгресса, именно изъ мемуара его, составленнаго для князя-господаря Валахіи, котораго Гентцъ былъ дипломатическимъ агентомъ. Мемуаръ этотъ, который самъ авторъ называетъ „лучшимъ твореніемъ своей жизни“, не встрѣтилъ полнаго сочувствія Меттерниха, охарактеризовавшаго Гентца какъ способнаго, но увлекающагося человѣка, быстро подпадающаго подъ впечатлѣнія и вліянія салоновъ. Тѣмъ не менѣе канцлеръ сознается, что „въ общемъ очеркъ вѣнскаго конгресса“, находящійся въ этомъ мемуарѣ, „точенъ“ [4]). Богатый матеріалъ представляетъ намъ корреспонденція Талейрана съ Людовикомъ XVIII; въ общемъ и цѣломъ ту же характеристику отношеній и плановъ державъ высказываетъ и Флассанъ въ своей исторіи вѣнскаго конгресса. Но если Гентца можно упрекнуть въ односторонности, въ дурно скрываемомъ раздраженіи противъ русской политики и лич-

[1]) *Klüber*. «Acten des Wiener Congresses», B. VII, Heft 25, стр. 52—54.
[2]) Ibidem, стр. 54—55.
[3]) *Metternich*. Tome I, стр. 203—204; 206—207; 215.
[4]) Ibidem, tome II, стр. 474—475 (выноска).

номъ раздраженіи противъ императора Александра [1]), то Талейрану и Флассану съ неменьшимъ основаніемъ можно поставить въ вину одностороннее увлеченіе въ пользу будто бы чрезвычайно выдающейся и вліятельной роли, которую Талейранъ и политика Людовика XVIII играли на конгрессѣ, что совершенно отрицается Гентцомъ, хотя онъ и признаетъ, что роль министровъ Франціи на конгрессѣ была въ существѣ своемъ „самая простая и прекрасная [2]).

Оставляя въ сторонѣ всѣ увлеченія, можно составить себѣ на основаніи обстоятельствъ дѣла приблизительно слѣдующее резюме для рѣшенія поставленнаго нами вопроса.

Россія, de facto стоявшая во главѣ коалиціи, приведшей къ вѣнскому конгрессу, была руководима императоромъ Александромъ, твердо рѣшившимся на инкорпорацію всего герцогства Варшавскаго. Въ этомъ смыслѣ русскій кабинетъ заручился согласіемъ Пруссіи, король которой былъ лично весьма расположенъ и преданъ Александру, обѣщавъ съ своей стороны полное содѣйствіе Пруссіи въ ея планахъ на захватъ всей Саксоніи. На это положеніе и требованіе Россіи, подкрѣпленной Пруссіей, вообще въ Европѣ и на конгрессѣ смотрѣли съ завистью и безпокойствомъ. Талейранъ передаетъ намъ письмомъ къ Людовику XVIII почти дословно бесѣды свои съ Александромъ насчетъ дѣлъ польскихъ, саксонскихъ и неаполитанскихъ [3]). Государь высказалъ ему свое твердое намѣреніе удержать за собою герцогство Варшавское, которое „принадлежитъ ему по праву завоеванія“ [4]), и соединить Саксонію съ Пруссіей; что либеральныя стремленія его вполнѣ согласуются съ возстановленіемъ Польши, но что теперь онъ долженъ покинуть личную точку зрѣнія, личныя симпатіи; „можетъ быть и наступитъ день, въ который можно будетъ возстановить Польшу, но теперь объ этомъ нечего и думать“ [5]). Относительно Саксоніи онъ былъ не менѣе настойчивъ, называлъ несчастнаго короля „измѣнникомъ“ и грозилъ „увезти его плѣнникомъ въ Россію, т. е. уготовить ему участь Станислава Понятовскаго, если онъ не откажется отъ престола“. Талейранъ взывалъ къ началу *легитимизма* со всѣми его логическими послѣдствіями и указывалъ

[1]) Вѣроятно подъ вліяніемъ Меттерниха, находившагося во время вѣнскихъ переговоровъ (до бѣгства Наполеона съ Эльбы) во враждебныхъ отношеніяхъ къ русскому императору.

[2]) Metternich. Tome II, стр. 480.

[3]) *Talleyrand*, стр. 76—78 и 119—126; стр. 282—288.

[4]) Ibidem, стр. 119—120.

[5]) Ibidem, стр. 76—78.

на трактатъ, въ которомъ союзники договорились раздѣлить Польшу *между ними тремя*. На это государь отвѣтилъ, что „ваше публичное право ничто для меня“ и что онъ „не *знаетъ, что это такое и какое употребленіе сдѣлать изъ всѣхъ этихъ пергаментовъ и трактатовъ*“ [1]); онъ, Александръ, „далъ слово королю прусскому; ему говорятъ о принципахъ, но развѣ одинъ изъ нихъ не заключается въ томъ, что должно держать данное слово“ [2])? Императоръ полагалъ также, что Австрія входитъ въ его планы и сочувствуетъ имъ; но скоро долженъ былъ убѣдиться, что Австрія завистливымъ окомъ смотритъ на увеличеніе Россіи и особенно на инкорпорацію Саксоніи съ Пруссіей. Онъ попрекалъ Талейрана услугами, которыя онъ оказалъ королю Людовику XVIII; и когда Талейранъ продолжалъ упорно защищать дѣло саксонскаго короля, государь предложилъ ему „торгъ“; „будьте, сказалъ онъ, любезны ко мнѣ въ вопросѣ саксонскомъ, я же буду любезенъ съ вами въ дѣлѣ Неаполя“ [3]). Здѣсь онъ обѣщалъ Франціи свою поддержку противъ Мюрата, котораго государь называлъ „канальей, обманувшей всѣхъ союзниковъ“ [4]).

Россія мало обращала вниманія на вопросъ швейцарскій, хотя императоръ лично былъ склоненъ поддерживать планы союзнаго устройства ея и нѣкоторыя территоріальныя измѣненія во владѣніяхъ отдѣльныхъ кантоновъ, желательныя для швейцарской партіи, однимъ изъ представителей которой былъ швейцарецъ Лагарпъ, имѣвшій въ то время большое вліяніе на царя. Ненависть послѣдняго къ Меттерниху, начало которой можетъ быть отнесено еще къ 1813 году, въ которомъ государь видѣлъ „постоянное препятствіе его планамъ“, повліяла на то, что Александръ сталъ во враждебныя отношенія къ Австріи. „Эта ненависть“, говоритъ Гентцъ, и есть ключъ большинства событій конгресса; если она причинила безконечное зло дѣламъ и существенно повредила самымъ важнымъ интересамъ Европы, то Австрія имѣла по крайней мѣрѣ то печальное утѣшеніе, что ненависть эта не послужила *къ личной* выгодѣ императора“ [5]). Къ Англіи царь чувствовалъ нѣкоторое уваженіе и даже нѣкоторый страхъ [6]), хотя лордъ Кэстльри

[1]) *Talleyrand*; стр. 20—21.
[2]) Ibidem, стр. 121.
[3]) Ibidem, стр. 125.
[4]) Ibidem, стр. 287.
[5]) *Metternich*. Tome II, стр. 476—477.
[6]) Ibidem., стр. 477.

лично былъ ему несимпатиченъ. Къ одному прусскому королю онъ чувствовалъ привязанность. Король платилъ ему тѣмъ же и политика *Пруссiи* шла почти рука объ руку съ Россiею. *Пруссiя* принесла съ собою на конгрессъ неумѣренное стремленiе къ расширенiю своихъ владѣнiй на счетъ кого бы то ни было. Она мѣтилана всю Саксонiю, заручившись согласiемъ и поддержкой Россiи. Держава эта пыталась ослабить по возможности Австрiю и будущее влiянiе послѣдней въ германской конфедерацiи; упорно торговалась она, чтобы получить Саксонiю; при этомъ она опиралась открыто на принципъ завоеванiя, не хотѣла и слышать о легитимизмѣ, а политическое равновѣсiе истолковывалось ею единственно въ своихъ выгодахъ. Она уступила и то только отчасти, когда коалицiя Австрiи, Англiи и Францiи могла поставить на карту самый вопросъ о территорiальномъ вознагражденiи Пруссiи. Но и тутъ неудовольствiя и требованiя Пруссiи замолкли только послѣ того, какъ ей обѣщана небольшая часть герцогства Варшавскаго и городъ Торнъ, изъ котораго сперва хотѣли было сдѣлать независимую область (на подобiе Кракова). Поползновенiя Пруссiи на инкорпорацiю всей Саксонiи встрѣтили протестъ и негодованiе многихъ среднихъ и мелкихъ князей Германiи, и Пруссiя явилась не малымъ тормазомъ для успѣшнаго веденiя переговоровъ въ коммиссiи, организованной для устройства германскихъ дѣлъ, въ которыхъ она хотѣла установить свое господствующее влiянiе. „Система, которой держалась Пруссiя, не зависѣла“, замѣчаетъ Гентцъ, „отъ короля и его канцлера (князя Гарденберга). Основанная и преслѣдовавшаяся болѣе столѣтiя, она нашла новую поддержку въ общемъ энтузiазмѣ народа, въ энергiи армiи, также въ непреодолимомъ влiянiи на дворъ военныхъ сферъ, главною задачею которыхъ было прiобрѣтенiе цѣлой Саксонiи“ [1]). Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ Пруссiя шла за Россiей.

Австрiя страшилась прежде всего усиленiя Россiи и съ ужасомъ смотрѣла на возможность соединенiя съ нею всего герцогства Варшавскаго; но, подозрѣвая существованiе между Россiей и Пруссiей секретнаго договора и видя равнодушiе Англiи, она не рѣшилась дѣйствовать энергически, также какъ и въ саксонскомъ вопросѣ. Вначалѣ она дала даже оффицiальное согласiе на проектъ Пруссiи насчетъ Саксонiи, оставивъ за собою право внести коекакiя поправки при опредѣленiи границъ. Секретный договоръ связывалъ ее съ королемъ Мюратомъ и если бы послѣднiй во время

[1]) *Metternich*. Tome II, стр. 478—479.

100 дней не сдѣлалъ промаха (нападеніе на папскія земли), онъ, вѣроятно, удержался бы на престолѣ вопреки протестамъ Франціи, поддержанной въ этомъ случаѣ Россіей. Мемуары Меттерниха рисуютъ намъ вліяніе Австріи и императора Франца весьма значительнымъ, чуть ли не исключительнымъ и рѣшающимъ. Талейранъ, напротивъ того, постоянно указываетъ намъ на „колебанія“, недостаточную твердость и нѣкоторую боязливость политики Меттерниха на конгрессѣ. Мы думаемъ, что роль Австріи, заинтересованной въ вопросахъ польскомъ, саксонскомъ, итальянскомъ (по дѣламъ Пармы, Пьяченцы, Неаполя, Сардиніи, и т. д.) и германскомъ, была столь сложна, даже противорѣчива, что ее нельзя было свести ни къ какому опредѣленному принципу и что руководитель ея поэтому самому часто долженъ былъ колебаться. Такъ, напр., ему пришлось поддерживать подъ вліяніемъ Франціи начало легитимизма относительно Саксоніи и пожертвовать имъ въ дѣлахъ польскомъ и неаполитанскомъ. Исключительная, господствующая роль Австріи и Меттерниха началась только, какъ увидимъ ниже, въ эпоху карлсбадскихъ переговоровъ и усилилась особенно въ Лайбахѣ и Веронѣ, когда изъ Россіи удалось сдѣлать послушное орудіе въ рукахъ австрійскаго кабинета. На вѣнскомъ же конгрессѣ вліяніе Австріи въ силу крайней сложности и разнохарактерности ея задачъ значительно уравновѣшивалось Россіей, а потомъ и Франціей, которой удалось въ дѣлѣ саксонскомъ привлечь Австрію на свою сторону. Тогда-то Австрія измѣняетъ свое первоначальное отношеніе къ саксонскому вопросу и становится рѣшительнымъ противникомъ Пруссіи [1]). Уступивъ въ польскомъ вопросѣ, она обратила свои взоры и сосредоточила силы на борьбѣ съ Пруссіей, думая, что усиленіе Пруссіи на счетъ Саксоніи „нарушитъ интересъ политическаго равновѣсія въ Европѣ“, откроетъ границу Австріи со стороны Богеміи и дастъ Пруссіи преобладающее вліяніе въ дѣлахъ Германіи. Въ дѣлахъ Италіи Австрія была особенно заинтересована: ей хотѣлось доставить приличное вознагражденіе дочери императора Франца, Маріи-Луизѣ, эксъ-императрицѣ французовъ; она питала, повидимому, честолюбивые замыслы на Сардинію: король сардинскій не имѣлъ наслѣдниковъ мужескаго пола и „можно было опасаться, что Австрія постарается передать наслѣдованіе Сардиніей въ линію одного изъ австрійскихъ эрцъ-герцоговъ, женатыхъ на дочеряхъ короля, что отдало бы въ руки Австріи или князей ея дома всю верхнюю Италію“ [2]). Вообще

[1]) *Talleyrand*—Correspondance, стр. 448—449.
[2]) Ibidem, стр. 452.

же интересы Австріи въ Италіи сводились къ насажденію въ ней князьковъ габсбургскаго дома и въ упроченіи ея постояннаго и исключительнаго вліянія на внутреннія и внѣшнія дѣла Италіи, и въ захватѣ возможно большаго числа лучшихъ земель сѣвера Италіи на правахъ полной собственности. Въ итальянской политикѣ своей она (кромѣ неаполитанскихъ дѣлъ) не встрѣчала противодѣйствія со стороны Россіи и Пруссіи, но встрѣтила оппозицію Франціи, которая во имя началъ легитимизма стремилась къ возстановленію Бурбоновъ въ Неаполѣ (Фердинанда IV) и въ земляхъ, которыя предназначались Австріей Маріи-Луизѣ. Но она сошлась съ Франціей въ дѣлѣ саксонскомъ: противодѣйствуя здѣсь своей опасной соперницѣ (Пруссіи), она пыталась прочно установиться въ Германіи, предсѣдательствовать въ собраніи делегатовъ этого федеративнаго государства и оттолкнуть Пруссію на задній планъ.

Что касается до Франціи, то роль и отношенія ея къ союзнымъ державамъ были наиболѣе спорны до послѣдняго времени. Задача ея была не легка. Недовѣріе, страхъ предъ ея „честолюбивыми замыслами и тайными интригами“ —черта характеризующая отношенія державъ къ Франціи въ первые 3—4 мѣсяца вѣнскихъ переговоровъ. Четыре державы не переставали считать себя „союзниками“, какъ будто бы Франція не подписала мирнаго трактата съ ними еще 30 мая и не была приглашена къ участію на конгрессѣ на правахъ равенства съ другими великими государствами [1]. Александръ выразился даже про Талейрана, что „онъ представляетъ изъ себя въ Вѣнѣ министра Людовика XIV“ [2]) и министры не переставали титуловать себя союзниками даже въ нотахъ, читанныхъ въ присутствіи Талейрана [3]). До прибытія французскихъ уполномоченныхъ въ Вѣнѣ уже порѣшили, какъ мы видѣли выше, устранить Францію отъ иниціативы и прямаго участія въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ, не хотѣли принять ее пятымъ членомъ въ коммиссію для дѣлъ первой важности. Самое существованіе упомянутаго нами протокола засѣданія 22 сентября 1814 года четыре державы даже скрывали отъ Франціи. Уполномоченные ея долго оставались изолированными, почти никто не осмѣливался имѣть съ ними свиданія; тщательно скрывали отъ нихъ всѣ проэкты соглашеній между державами [4]). Талейранъ

[1]) *Talleyrand*. Correspondance, стр. 440.
[2]) Ibidem, стр. 46.
[3]) Ibidem, стр. 13—14, 23, 32.
[4]) Ibidem, стр. 443.

увѣряетъ даже, что члены комитета, организованнаго для германскихъ дѣлъ, должны были обязаться честнымъ словомъ ничего не сообщать французскимъ уполномоченнымъ о томъ, что творилось въ немъ [1]). „Тѣмъ не менѣе", продолжаетъ онъ, „тонъ французскаго посольства, разумный и единообразный путь, на который оно вступило, чуждый всякимъ честолюбивымъ видамъ, начали понемногу оказывать свое дѣйствіе" [2]). Талейранъ ловко съумѣлъ воспользоваться различіемъ и даже противоположностью интересовъ бывшихъ союзниковъ, прикрытыхъ маскою единодушія и солидарности; онъ съумѣлъ *дать толчокъ*, открыть глаза Австріи и Англіи, поставить на видъ опасности отъ усиленія Пруссіи и Россіи. Австрія и Англія опасались однѣ вступить въ борьбу съ этими двумя сильными державами; убѣдившись же въ непосредственной *незаинтересованности* Франціи въ распредѣленіи вакантныхъ территорій, Англія и Австрія схватились за союзъ съ Франціей. Между ними произошло сближеніе, выразившееся въ не разъ уже цитировавшемся нами соглашеніи отъ 3 января 1815 года; понятно, Франція стала играть со второй половины конгресса значительную роль. „Это было возможно только при условіи доказать свою *незаинтересованность* и выставить какой-нибудь общій принципъ, который могъ бы импонировать на союзниковъ. Все, что касалось Франціи, было опредѣлено въ трактатѣ парижскомъ; ей нечего было просить для себя, почему она и могла ограничиться контролемъ надъ поведеніемъ и претензіями другихъ державъ, „защищать слабыхъ противъ сильныхъ и добросовѣстно работать", выражаясь словами Гентца, „на возстановленіе политическаго равновѣсія" [3]). И вотъ Талейранъ и выдвинулъ въ своей нотѣ къ Меттерниху принципъ легитимизма. Начало это вполнѣ *совпадало съ интерасами* Франціи, въ этомъ смыслѣ она являлась при проведеніи его безспорно стороною заинтересованною. Но во всякомъ случаѣ заслуга Франціи въ томъ, что ею выдвинуто *юридическое начало*, изъ котораго она дѣлала логическіе выводы и требовала примѣненія ихъ ко всей сферѣ международныхъ отношеній, съ которыми пришлось встрѣтиться вѣнскому конгрессу. Франція выдержала эту роль до конца, что признаетъ за ней и Гентцъ [4]). Это внушило къ ней нѣкоторое довѣріе и дало ей возможность требовать логическаго примѣненія принципа леги-

[1]) *Talleyrand*. Correspondance, стр. 443.
[2]) Ibidem, стр. 449.
[3]) *Metternich*; стр. 480.
[4]) Ibidem.

тимизма въ Италіи, особенно относительно Неаполя, спасти часть Саксоніи. Польшу спасти было невозможно: Австрія боялась войны, все еще не вполнѣ довѣряла Франціи (особенно въ дѣлахъ Италіи), а Кэстльри „желалъ мира во что бы то ни стало". „Но", говоритъ Талейранъ, «все что касалось начала легитимизма было признано лордомъ Кэстльри и Меттернихомъ" [1]). Это было далеко не такъ на практикѣ, что будетъ явствовать изъ очерка территоріальныхъ распредѣленій, сдѣланныхъ конгрессомъ. Но можно согласиться съ *Viel-Castel*'емъ, что „Талейрану удалось заставить державы, совершившія раздѣлъ Польши отвергнуть его въ принципѣ" и что „великій нравственный урокъ былъ данъ въ фактѣ соединенія державъ, разрушившихъ Польшу, съ тѣми, которыя допустили это уничтоженіе Польши, для заклеймленія этой великой несправедливости" [2]). Сверхъ того Гизо вѣрно опредѣлилъ заслугу Талейрана, инициатора трактата 3 января 1815 года: „онъ положилъ этимъ договоромъ конецъ коалиціи 1813 года, раздѣлилъ Европу на два лагеря къ выгодѣ Франціи и только бѣгство Наполеона съ Эльбы и 100 дней разрушили его созданіе и вновь возстановили коалицію" [3]).

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе выгодное, чѣмъ положеніе *Англіи*. Душа коалиціи противъ Наполеона, поддерживавшая войны Европы съ Франціей громадными субсидіями, повидимому менѣе всѣхъ прочихъ державъ заинтересованная въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ на континентѣ и въ распредѣленіи его территорій, Великобританія могла бы, воспомоществуемая своей силой и прочнымъ внутреннимъ благосостояніемъ, „диктовать законы Европѣ"; Гентцъ думаетъ, что интересы ея „отождествлялись съ интересами Австріи", почему она могла бы воспротивиться увеличенію Россіи и Пруссіи [4]). Но прежде всего Англія, истощенная продолжительною войною, желала мира, искреннимъ приверженцемъ котораго являлся на конгрессѣ Кэстльри. Это направленіе его политики вскорѣ было подмѣчено державами и лишило требованія и протесты Англіи нѣкоторой доли ихъ нравственной силы. „Миръ во что бы то ни стало" побудилъ англійскаго министра согласиться (въ нотѣ отъ 10 октября 1814 года) поки-

[1]) *Tallyrand*. Correspondance, стр. 232.

[2]) Ibidem, стр. 448, прим. I; *Viel-Castel*. «Histoire de la Restauration», tome II, стр. 222.

[3]) *Guizot*. «Mémoires», tome I, стр. 100; *Talleyrand*—Correspondance, стр. 451, примѣч. I.

[4]) *Metternich*. Tome II, стр. 479.

нуть дѣло Саксоніи, причемъ нѣкоторое значеніе имѣла и старинная его склонность къ Пруссіи, благодаря которой Талейрану съ великимъ трудомъ удалось заставить его отказаться отъ согласія на виды Пруссіи. Онъ боялся также „скомпрометировать себя“ измѣненіемъ первоначальной политики [1]) и былъ стѣсненъ также двумя часто расходившимися теченіями—симпатіями англійскаго короля, сочувствовавшаго саксонскому дѣлу, и народнымъ представительствомъ Великобританіи; оппозиція громко упрекала его въ излишней уступчивости предъ притязаніями Россіи, Пруссіи и Австріи, въ неумѣньи воспользоваться выгодами своего положенія на конгрессѣ. Къ этому присоединялась недовѣрчивость его и плохое знакомство съ географическою картою Европы“, которое Талейранъ называетъ „невѣжествомъ“ [2]). Вовлеченный, наконецъ, Талейраномъ въ союзъ съ Австріей и Франціей, онъ перемѣнилъ тонъ: возсталъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Пруссіи и Россіи. Но, вынужденный уступить послѣдней, онъ споспѣшествовалъ немало дипломатическому отвоеванію у первой части Саксоніи. Англія не была вполнѣ незаинтересована въ дѣлахъ континента: она возвращала себѣ Ганноверъ и хотѣла по возможности увеличить эту область, почему и нуждалась въ Пруссіи и Австріи. Но особенно ревниво относилась она къ нидерландскому вопросу: нужно было создать на границахъ Франціи и Пруссіи сильное независимое государство, чтобы помѣшать столкновеніямъ между этими державами; а какъ Англія, ставшая громадною силою на морѣ, не терпѣла никакого морскаго и торговаго соперничества, то она настаивала на срытіи укрѣпленій Антверпена, въ которомъ ей хотѣлось уничтожить военный портъ. Пруссія и Австрія одинаково были заинтересованы въ созданіи Нидерландовъ, какъ сильнаго баррьера противъ Франціи; Россія поддерживала въ этомъ случаѣ Австрію, Пруссію и Англію; Франція благоразумно отказалась отъ честолюбивыхъ замысловъ на инкорпорацію Бельгіи. Не такъ высказывалось общественное мнѣніе во Франціи: „линія Рейна въ Бельгіи, одинъ Люксенбургъ“, пишетъ Jancourt Талейрану (9 мая 1814 года), „заставили бы прыгать рекрутъ: но нисколько не тронуты (во Франціи) политикою незаинтересованности, которая вооружилась бы за цѣлость Саксоніи и *равновѣсіе* Европы въ томъ видѣ, въ какомъ оно было въ 1792 году“ [3]).

[1]) *Talleyrand*; стр. 233.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, стр. 443, примѣч. I.

Но дворъ и кабинетъ поняли положеніе вещей и бросили всякія поползновенія на рейнскую границу. Австріи тоже приписывали намѣренія вернуть бельгійскія провинціи подъ скипетръ наслѣдниковъ Іосифа II. Меттернихъ утверждаетъ даже, что это присоединеніе „не встрѣтило бы въ то время никакого затрудненія; болѣе того: союзницы, руководимыя *совершенно естественными соображеніями*, желали вновь соединить Бельгію съ Австріей. Но мы (австрійцы) отказались отъ этой сдѣлки, какъ по соображеніямъ пользы самой имперіи, такъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія *дѣла мира*: хотѣли избѣжать непосредственнаго соприкосновенія съ Франціей и тѣмъ избѣжать войнъ, продолжавшихся между этими государствами въ теченіи болѣе 3 вѣковъ именно потому, что они были сосѣдями“ [1]). Позволительно нѣсколько сомнѣваться въ искренности этого заявленія. Быть можетъ объ этомъ и говорилось, допускаемъ даже—помимо непосредственнаго участія въ этомъ проэктѣ самой Австріи; но на конгрессѣ, который и такъ усилилъ Австрію посредствомъ уступокъ ей въ Италіи и со стороны Баваріи, не могли серьезно думать о такомъ роскошномъ подаркѣ богатыхъ провинцій. Не только Англія, но даже Россія, Пруссія же въ особенности никогда не допустили бы такой комбинаціи, въ которой Австрія усилилась бы нѣсколькими милліонами жителей богатыхъ провинцій. Англіи же былъ прямой разсчетъ имѣть противъ себя Антверпенъ въ слабыхъ рукахъ, чѣмъ въ мощной десницѣ Австріи. Безполезно распространяться о роляхъ Испаніи, Португаліи и Даніи и другихъ второстепенныхъ державъ. Первыя двѣ не оспаривали въ принципѣ внесеннаго и энергично поддержаннаго Англіей предложенія, клонившагося къ осужденію и отмѣнѣ негро-торговли, но подъ разными предлогами просили отсрочки, настаивая на „интересахъ своихъ колоній“ и необходимости „подготовить въ этихъ странахъ общественное мнѣніе“ въ пользу уничтоженія негро-торговли. Въ рѣшеніи дѣлъ общеевропейскихъ онѣ совсѣмъ не участвовали; тщетно добивалась Испанія признанія правъ короля Испаніи и Гетруріи въ Италіи; ея не слушали и ей пришлось ограничиться однимъ протестомъ противъ этихъ рѣшеній конгресса, равно какъ и противъ постановленій собранія объ уступкѣ города Оливенцы Португаліи. Посолъ горько жалуется на то, что нота его къ князю Меттерниху (3-го апрѣля 1815 года), въ которой онъ требуетъ полнѣйшаго возстановленія герцогствъ Пармы, Пьяченцы и Гвасталы, *оста-*

[1]) *Metternich*. Tome I, стр. 214.

лась безъ отвѣта и не была даже доведена до свѣдѣнія конгресса; что державы не могутъ распоряжаться судьбами этихъ областей безъ участія уполномоченнаго Испаніи, которая имѣетъ особенный интересъ въ судьбахъ короля Гетруріи, и что недопущеніемъ представителя Испаніи къ участію въ этихъ переговорахъ нарушенъ трактатъ 30 мая 1814 года, по которому державы, его подписавшія, *равны* между собою и *одинаково независимы*, почему и нельзя нѣсколькимъ изъ нихъ предоставлять право *выяснять* и *заключать* сдѣлки, а другимъ только право подписывать ихъ или отказываться отъ этого подписанія. Во всемъ этомъ Испанія усматривала „введеніе новаго международнаго права, которое влечетъ за собою фактическій отказъ государствъ отъ ихъ независимости“ [1]). Справедливый въ существѣ своемъ протестъ этотъ остался безъ всякихъ послѣдствій. Не большія послѣдствія имѣли и мольбы Даніи о вознагражденіи за потерянныя Норвегію и Померанію, инкорпорированную съ Пруссіей. Нѣкоторыми своими провинціями она имѣла войти въ составъ германской конфедераціи, но не была даже допущена въ комитетъ германскихъ дѣлъ, несмотря на свое качество державы втораго класса, изъ разряда которыхъ даже Вюртембергъ, государство скорѣе третьяго разряда, имѣлъ своего уполномоченнаго въ коммиссіи [2]).

3. Основанія рѣшеній конгресса и сдѣланныя имъ территоріальныя раздѣленія.

а) Дѣла Польши и Саксоніи.

Они представляли изъ себя наибольшія затрудненія; вокругъ нихъ вертѣлись всѣ переговоры; они-то чуть не привели къ войнѣ между союзниками.

Въ Парижѣ Александръ I былъ, повидимому, склоненъ возстановить Польшу; по крайней мѣрѣ объ этомъ говорилось имъ и въ сферахъ близкихъ къ нему. Но на конгрессѣ Россія заявляетъ требованіе объ инкорпораціи цѣлаго герцогства Варшавскаго. Она ссылается на *право завоеванія*, фактическую *невозможность* возстановленія Польши, и на право свое *получить при-*

[1]) *Klüber*. ‹Acten des Wiener Congresses›, Band VI, стр. 209—211 (Hef 21).
[2]) *Flassan*. ‹Histoire du Congrès de Vienne», tome I, livre V, стр. 241—251.

ращеніе территоріи въ видѣ вознагражденія за оказанныя ею услуги въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, соотвѣтствующаго пропорціональному увеличенію политическаго могущества другихъ державъ. Здѣсь не было и рѣчи о легитимизмѣ, который требовалъ бы возстановленія древняго государства, уничтоженнаго *фактически*; опирались на *право завоеванія*, подкрѣпляя этотъ аргументъ соображеніями политическаго равновѣсія между державами. Такимъ образомъ, осудивъ право завоеванія въ лицѣ Наполеона, основывались на немъ, когда дѣло шло о сохраненіи выгоды, пріобрѣтенной силою оружія. Въ письмахъ къ Александру лордъ Кэстльри противится созданію королевства польскаго, которое сдѣлалось бы частью русской имперіи. Ему хотѣлось видѣть въ ней „независимую державу значительную по пространству“ и подъ управленіемъ независимой династіи. Слѣдовательно, Англія стояла какъ бы на легитимистической точкѣ зрѣнія; на самомъ же дѣлѣ Кэстльри боялся усиленія Россіи и нарушенія равновѣсія въ Европѣ, но скоро уступилъ въ виду art. 1 § 4 теплицкаго трактата, въ которомъ Россія, Австрія и Пруссія договорились полюбовно порѣшить съ участью герцогства Варшавскаго [1]). Талейранъ хотѣлъ во имя легитимизма востановить Польшу; по словамъ г-жи *de Rémusat* онъ считалъ покой Европы зависящимъ отъ рѣшенія польскаго вопроса и видѣлъ въ созданіи независимой Польши баррьеръ противъ Россіи и противовѣсъ Австріи [2]). Скоро и онъ уступилъ послѣ нѣсколькихъ соболѣзнованій о судьбѣ несчастнаго народа (см. его ноту отъ 19 декабря 1814 года), такъ какъ Австрія, боявшаяся усиленія Россіи, не хотѣла однако ссориться съ нею и обѣ державы обратили все свое вниманіе на Саксонію.

Общественное мнѣніе Европы сильно заинтересовалось судьбою Саксоніи и ея законнаго короля, пребывавшаго плѣнникомъ у союзниковъ. Особенно волновались средніе и мелкіе государи Германіи; народъ саксонскій и слышать не хотѣлъ о присоединеніи къ Пруссіи; англійское общество склонялось на сторону короля и его дѣла, а оппозиція громко вопіяла противъ уступчивости Кэстльри, который почувствовалъ себя вынужденнымъ измѣнить тонъ и соединиться съ Австріей и Франціей. Вѣрно замѣтила одна лондонская газета, что „судьба Саксоніи и многихъ другихъ тер-

[1]) *Flassan* «Histoire du Congrès de Vienne, tome 1, стр. 58.
[2]) M-me *de Rémusat*—Mémoires, tome III, стр. 53; *Talleyrand*—стр. 453, примѣч. 1.

Bayerische Staatsbibliothek München

риторій Германіи абсолютно зависитъ отъ рѣшенія по отношенію къ Польшѣ“ [1]). Такъ подсказывала, конечно, логика, но не такъ порѣшили на конгрессѣ.

По мысли руководителей вѣнскаго конгресса требовалось усилить прусскую монархію и дать ей размѣры одинаковые, даже бо́льшіе противъ 1805 года. Тогда населеніе Пруссіи равнялось почти 9 мил. и 900 т. душъ; тильзитскій миръ отнялъ у нея около 4 мил. 700 т. Она вновь завоевала территорію съ населеніемъ приблизительно въ 1 мил. 200 т., почему и находилась сравнительно съ населеніемъ 1805 года въ дефицитѣ почти на 3 мил. Саксонія была завоевана; фактически она находилась въ рукахъ Россіи, гарантировавшей ее Пруссіи въ замѣну польскихъ владѣній послѣдней (калишскій трактатъ). О легитимизмѣ и рѣчи не было; даже не подумали о томъ, чтобы пригласить или допустить *формально* представителя короля Саксоніи на конгрессъ, чтобы выслушать его оправданія. Его величали измѣнникомъ общему дѣлу: онъ, дѣйствительно, долго колебался и выжидалъ окончательныхъ результатовъ оружія, лично же былъ интимно преданъ Наполеону. Но съ другой стороны положеніе его между Наполеономъ, грозившимъ ему низложеніемъ, побѣдившимъ союзниковъ при Бауцценѣ и Лутценѣ, и требованіями державъ, желавшихъ имѣть его армію на своей сторонѣ, было крайне тяжело и не можетъ быть поставлено ему въ вину; тѣмъ менѣе можно было лишить его за этотъ промахъ владѣній. Тѣмъ не менѣе владѣнія его вскорѣ фактически были заняты пруссаками, которымъ передалъ ихъ князь Репнинъ. Королю прусскому стали воздавать всѣ почести суверена. Вскорѣ прекратили въ публичныхъ актахъ всякое упоминаніе о королѣ саксонскомъ и его семействѣ [2]).

Въ защиту короля и его дѣла приводились слѣдующія соображенія: цѣль оконченной войны — *поддержаніе и укрѣпленіе правомѣрныхъ троновъ*, необходимыя для *возстановленія права и политической свободы Европы*. Въ этихъ цѣляхъ, провозглашенныхъ самими союзниками, не можетъ быть мѣста *ни завоеванію, ни увеличенію*. Саксоніи же обѣщано было сохраненіе ея цѣлости и неприкосновенности, существенную и составную часть которой составляетъ *сохраненіе поколѣнія ея правителей*, земли которыхъ были соединены въ одно цѣлое правомѣрнымъ *пріобрѣтеніемъ*. Очевидно, что всѣ эти основанія

[1]) *Klüber*—tome VII, стр. 23.
[2]) *Flassan*. «Histoire du Congrès de Vienne», tome I, стр. 45.

Bayerische Staatsbibliothek München

представляютъ изъ себя зерно, изъ котораго выросло красиво построенное зданіе легитимизма въ депешѣ 19-го декабря (Талейрана)[1]. Послѣдній только обобщилъ и талантливо развилъ суть этого протеста короля саксонскаго. Еще далѣе развиваются всѣ послѣдствія легитимизма для международныхъ отношеній въ меморіи секретаря Талейрана (La Besnardière). Въ ней защитникъ дѣла Саксоніи становится на почву *права*, выводя дальнѣйшія положенія изъ вышеприведенныхъ, но подкрѣпляя эти доводы юридическаго свойства соображеніями *пользы*. Распорядиться Саксоніею можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы она была вакантною страною. Но король живъ, имѣетъ наслѣдниковъ. Отнять у него наслѣдство могло, слѣдовательно, или *завоеваніе*, или *судебное рѣшеніе*. Но первое не признавалось ни Англіей, ни ея врагами, чему авторъ привелъ нѣсколько примѣровъ изъ войнъ Англіи съ имперіей. О судебномъ рѣшеніи не можетъ быть и рѣчи: короля не вызывали, не спрашивали и не выслушивали. Наконецъ право суда надъ сувереномъ отрицается въ самомъ принципѣ: они не имѣютъ другаго судьи кромѣ одного Всевышняго. Но если король не былъ и *не могъ быть судимъ*, то его нельзя было и *осудить*. Допустимъ противное; но и въ этомъ случаѣ нѣтъ основаній распространять наказаніе, направленное противъ него, на принцевъ его дома и герцогской линіи, сражавшихся въ рядахъ союзниковъ. Освящать начало завоеванія значитъ уничтожить публичное право Европы и поставить ее подъ власть произвола и силы. Въ заключеніе авторъ доказываетъ, что, съ точки зрѣнія пользы, присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи невыгодно ни для кого, не исключая и самой Пруссіи[2].

Въ другой бумагѣ, оффиціально не обнародованной и не представленной конгрессу вслѣдствіе вмѣшательства Александра I[3], составленной по иниціативѣ герцога *Саксенъ-Кобургскаго* и подписанной уполномоченными большинства князей Германіи, тоже установляются правовыя основанія въ пользу саксонскаго короля. Соображенія эти почти тѣ же, что и вышеприведенныя. Но здѣсь проводится еще параллель между вопросами саксонскимъ и польскимъ. Если даже разсматривать великое герцогство Варшавское какъ страну завоеванную и какъ *искупительную жертву минуты заблужденія или слабости* и оспаривать *законность*

[1]) См. протестъ короля саксонскаго отъ 4-го ноября 1814 г. у *Klüber'a*, tome VII, стр. 2—3.
[2]) *Klüber*—tome VII, стр. 11—75.
[3]) *Talleyrand*—стр. 176—179.

самаго созданія великаго герцогства, то все же подобное *основаніе пріобрѣтенія никогда не можетъ быть* приложено къ какому-нибудь княжеству Германіи. Наконецъ, мирные трактаты всегда установляютъ *амнистію* и возстановленіе состоянія бывшаго до войны [1]). Судьями надъ королями останутся Богъ и *нація* до тѣхъ поръ, *пока европейская семья не будетъ подчинена международному трибуналу* [2]). Соображеніямъ удобства и выгоды (convenances) нельзя приносить въ жертву начало права и законности. Обращаясь затѣмъ къ другой сторонѣ вопроса (полезности), князья говорятъ, что „если Германія есть ключъ къ сводамъ политическаго зданія Европы, то Саксонія— краеугольный камень его съ этой стороны зданія". Отнять этотъ камень у зданія — потрясти послѣднее въ его основахъ. Единодушное желаніе всѣхъ составныхъ частей германской націи то, что „безъ свободной и независимой Саксоніи нѣтъ солидной федеративной Германіи". Съ большими или меньшими варіантами всѣ эти мысли развивались во многихъ памфлетахъ того времени, появившихся со всѣхъ концовъ Германіи на защиту правомѣрнаго дѣла короля Фридриха-Августа Саксонскаго [3]). Интересы легитимизма въ саксонскомъ вопросѣ защищалъ и Меттернихъ (первая его нота въ этомъ смыслѣ—отъ 10 декабря 1814 г.); при этомъ онъ взглянулъ еще на вопросъ съ точки зрѣнія *единства Германіи;* единеніе Австріи и Пруссіи должно быть *полное* въ интересахъ ихъ самихъ и всей Европы, и Пруссія является важною тяжестью въ *равновѣсіи Европы.* Но этому единенію инкорпорація Саксоніи является *важною помѣхою,* такъ какъ инкорпорація эта нарушаетъ безопасность федеральныхъ князей Германіи. Вознагражденіе же Пруссія можетъ получить со стороны Россіи, съ прибавленіемъ *нѣкоторыхъ пріобрѣтеній отъ Саксоніи*, совмѣстимыхъ, однако, съ продолженіемъ ея политическаго существованія" [4]).

Посмотримъ теперь, на что ссылалась противная сторона!

Съ точки зрѣнія юридической Пруссія (въ лицѣ князя Гарденберга) опиралась на *право завоеванія*, которое „*допускается* въ принципѣ международнымъ правомъ, какъ *законный*

[1]) *Talleyrand*—стр. 176—177, примѣчаніе.

[2]) См. письмо герцога Саксенъ-Кобургскаго къ Кэстльри. — *Flassan*— tome 1, стр. 60.

[3]) См. между прочимъ брошюру секретаря саксонскаго посланника Griesinger'a «L'Apologie de Frédéric-Auguste», изложеніе ея у Flassan'a, tome I, стр. 103—104.

[4]) *Flassan*—tome I, стр. 72—76.

способъ пріобрѣтенія суверенитета надъ страною". Онъ ссылается на авторитеты *Гуго Гроція* и *Ваттеля*. Замѣтимъ здѣсь, что выдержка изъ Гроція весьма неопредѣленна („побѣдитель можетъ пріобрѣсти верховную власть у государя", и т. д.), *Ваттель* же говоритъ только о „переходѣ провинцій подъ владычество непріятеля, который ими завладѣваетъ; *но самое пріобрѣтеніе не совершается*, а собственность становится *прочною и совершенною только по мирному трактату или послѣ полнѣйшаго прекращенія государства*, которому принадлежатъ эти провинціи"[1]. Т. е., Ваттелемъ требуется во всякомъ случаѣ *согласіе* суверена, уступающаго территорію, которое въ свою очередь можетъ произойти только изъ договора, а слѣдовательно изъ *обсужденія* уступки не одною, а *обѣими* заинтересованными сторонами. Въ данномъ же случаѣ короля саксонскаго не спрашивали и не допустили его уполномоченнаго на конгрессъ. Сославшись такъ не кстати на Ваттеля, Гарденбергъ продолжаетъ: Саксонія вполнѣ завоевана, король взятъ въ плѣнъ. Право завоеванія должно найти свое приложеніе, не можетъ быть оспариваемо. Онъ не отвергаетъ даже права суда надъ *поведеніемъ* короля; оно было очень скомпрометировано съ 1813 года. Прокламаціи союзниковъ (изъ Калиша) тробовали отъ германскихъ князей „соединиться съ ними для освобожденія ихъ отечества, угрожая имъ въ противномъ случаѣ низложеніемъ съ престоловъ „силою общественнаго мнѣнія *и могуществомъ оружія, столь справедливо взятаго*". Какъ будто бы независимые государи могутъ быть лишены престоловъ изъ-за того только, что не согласились приступить къ союзу противъ государя, который въ свою очередь не простилъ бы имъ союза съ врагами, грозилъ и дѣйствительно лишилъ бы престоловъ въ случаѣ своей побѣды. Въ подобной альтернативѣ вопросъ сводился въ обоихъ случаяхъ прямо къ „быть или не быть" и найти жизненный исходъ могли только случай или особенно тонкое чутье; случай же прямо не благопріятствовалъ Фридриху-Августу, а чутья у него очевидно не оказалось. Изложивъ затѣмъ всѣ „проступки" короля во время войны противъ союзниковъ, Гарденбергъ заключаетъ ссылкою на территоріальныя соглашенія въ Польшѣ и Германіи, какъ на прецедентъ, благопріятный примѣненію права завоеванія къ Саксоніи въ пользу Пруссіи. Пруссія безспорно имѣетъ право на пропор-

[1]) *Gugo Grotius*—«De jure belli ac pacis», lib. III; Vattel «Droit des gens», libv. I, chap. XIII.; *Flassan*—tome I, стр. 93.

ціональное увеличеніе, соотвѣтствующее усиленію сосѣдей и *интересу всей Европы*. Переходя къ этому послѣднему пункту, онъ замѣчаетъ, что державы признали надобность въ возстановленіи и увеличеніи Пруссіи, чтобы установить на *сѣверѣ державу*, которая могла бы быть поддержкою Бельгіи. Поэтому ей не только должно дать прежнее ея населеніе (эпохи 1805 года), но закруглить ея владѣнія и особенно дать территорію, которая усилила бы самый *центръ* государства, а территорія эта есть именно Саксонія. Для Европы же сохраненіе Саксоніи повлечетъ ко многимъ неудобствамъ: на сѣверѣ Германіи образуется держава, враждебная Пруссіи; это ослабитъ послѣднюю и дастъ Франціи возможность вліять на Германію. Саксонія будетъ оставлена для династіи, которая всегда будетъ имѣть въ виду корону Польши. Предложенъ, правда, компромиссъ: раздѣлить Саксонію на двѣ части, отдавъ одну Пруссіи и оставивъ другую независимою. Австрія требовала этой комбинаціи въ виду невозможности отстоять полную независимость Саксоніи, инкорпорація которой дала бы Пруссіи важныя стратегическія выгоды, приблизивъ ее къ центру австрійскихъ земель, открытыхъ нападенію. Но эта комбинація не представляетъ, по мнѣнію Гарденберга, никакихъ существенныхъ политическихъ или военныхъ выгодъ для Австріи, для Саксоніи же прямо неудобна: нація будетъ раздѣлена между двумя суверенами и будетъ стремиться постоянно къ сліянію. Симпатіи саксонскаго народа выражались, по мнѣнію Пруссіи, въ *пользу* сліянія съ нею, что совершенно невѣрно и прямо противорѣчитъ безспорнымъ фактамъ совершенно противнаго свойства [1]). „Счастье народа саксонскаго требуетъ, чтобы раздѣленіе его не имѣло мѣста: открыто ими высказано это желаніе“ (прибавимъ отъ себя—въ смыслѣ сохраненія независимости *всей* ихъ территоріи). И о чемъ же хлопотать, „когда король прусскій предлагаетъ саксонскому вознагражденіе, очень округленное и двойное по числу населенія (на лѣвомъ берегу Рейна, часть Мекленбурга, округа Падерборнъ и Мюнстеръ)“? [2]) Пруссія не замѣчала противорѣчія, въ которое она вступала сама съ собою: если король Саксоніи былъ измѣнникомъ общему дѣлу и Европа имѣла право низложить его съ престола, то не могло быть и рѣчи съ *точки зрѣнія права* о вознагражденіи за то, что отнято по праву и

[1]) *Flassan*—tome I, стр. 80—81.

[2]) См. ноту и меморію Гарденберга къ Талейрану отъ 20 декабря 1814 года—*Flassan*,—tome I, стр. 82—97.

приговору союзниковъ. Предлагая же ему вознагражденіе, тѣмъ самымъ признавали его право на участіе въ дѣлежѣ „вакантныхъ территорій", а слѣдовательно и право договариваться съ державами насчетъ своей наслѣдственной земли.

Не было недостатка и въ защитникахъ прусскаго плана инкорпораціи Саксоніи. И когда защитники Фридриха-Августа утверждали, что международное право не разсматриваетъ союзника, исполняющаго трактатъ *ранѣе* войны заключенный, какъ непріятеля, а какъ нейтральнаго, противники короля отвѣчали, что терпимость эта была совершенно добровольной, исключительно зависѣла отъ непріятеля и его политики, такъ какъ въ сущности безразлично подъ какимъ названіемъ на васъ нападаютъ; защитники доказывали, что король былъ насильно увлеченъ Наполеономъ, былъ виноватъ и правъ настолько же, какъ и другіе короли и князья рейнской конфедераціи; оппоненты возражали, что большинство князей по крайней мѣрѣ *во-время бросили* союзъ съ Наполеономъ; апологеты Фридриха-Августа взывали къ положенію Саксоніи между Пруссіей и Австріей, которое препятствовало ихъ столкновенію и входило необходимо въ равновѣсіе Германіи; защитники же прусскихъ претензій ссылались на необходимость соединенія для созданія германскаго тѣла *и для европейскаго равновѣсія*, такъ какъ только Пруссія, призванная общимъ интересомъ служить однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ этого равновѣсія, способна охранить линію Эльбы; первые плакались на ударъ, наносимый легитимизму въ проэктѣ Пруссіи; вторые, не отрицая началъ легитимизма, „охраняемыхъ международнымъ правомъ", утверждали, что международное право оправдываетъ лишеніе суверенитета въ случаѣ, когда „монархъ заключаетъ союзъ со врагомъ всѣхъ или впадаетъ въ измѣну", и прибавляли, что въ различныя эпохи видѣли не мало примѣровъ исчезновенія легитимныхъ князей" [1]).

Пруссія, вынужденная на уступки, долго еще торговалась за Лейпцигъ, „нужный ей съ военной точки зрѣнія", такъ какъ большія пути сообщенія проходятъ чрезъ стѣны города; торговля тоже „выиграетъ отъ того, что Лейпцигъ сдѣлается рынкомъ для прусскихъ фабрикъ". Это требованіе ея не было уважено, но ей предложена прибавка въ прирейнскихъ земляхъ. Въ концѣ концовъ порѣшено въ виду уступокъ царя въ дѣлѣ Польши вознаградить Пруссію и съ этой стороны, гарантировавъ ей уступае-

[1]) *Flassan*—tome I, стр. 103—105.

мую часть Саксоніи (съ 855 т. жителей), каково бы ни было рѣшеніе короля Фридриха-Августа [1]). Тщетно протестовалъ послѣдній, ссылаясь на односторонность сдѣлки, на недопущеніе его министра на конгрессъ; ему отвѣтили, что „часть, оставленная ему, будетъ ему передана только въ томъ случаѣ, когда онъ дастъ свое полное и совершенное согласіе на сдѣлку, принятую державами", и что безъ этого „не можетъ быть и рѣчи о переговорахъ съ его уполномоченнымъ". Постановили немедленно приступить къ раздѣлу Саксоніи, Пруссіи вступить во владѣніе своею частью и временно владѣть другою до полученія согласія короля. Конечно, послѣдній вынужденъ былъ согласиться.

Въ дѣлѣ Польши начало легитимизма было совершенно игнорировано. Если даже признать съ этой точки зрѣнія незаконность существованія великаго герцогства Варшавскаго, какъ выросшаго изъ права завоеванія, то надлежало бы, *если стать на легитимистическую точку зрѣнія*, вернуть эту территорію къ состоянію, въ которомъ она была до раздѣла Польши въ концѣ XVIII вѣка.

Сдѣлали, правда, маленькую уступку прошлому и легитимизму: создали крошечное государство Краковъ съ его территоріей, поставивъ эту независимую республику, названную „вольнымъ городомъ Краковомъ", подъ охрану Австріи, Россіи и Пруссіи. Это неестественное созданіе, нѣчто въ родѣ насмѣшки надъ прошлымъ нѣкогда могучей Рѣчи посполитой, окончило, какъ извѣстно, свое жалкое существованіе и инкорпорировано Австріей [2]). Въ дѣлѣ саксонскомъ легитимизму нанесенъ чувствительный ударъ. Судили суверена и отторгли у него *по праву завоеванія* часть территоріи; но противъ этого права были направлены *всѣ* войны союзниковъ. И если королю оставили часть его наслѣдственныхъ владѣній, то только благодаря зависти между союзниками, взаимно недовѣрявшими другъ другу, и отчасти только протестамъ общественнаго мнѣнія [3]).

[1]) *Flassan*. Tome I, стр. 185—187.

[2]) См. относящіеся до Польши и Саксоніи параграфы I, II, VI, IX и XV заключительнаго акта вѣнскаго конгресса отъ 9 іюня 1815 года; у *Martens et Cussy* «Récueil des traités», tome III.

[3]) Вопросъ объ условіяхъ присоединенія Польши къ Россіи, установленныхъ въ трактатѣ 9 іюня 1815 года, вновь поднятъ въ эпоху польскаго возстанія 60-хъ годовъ. Изъ массы полемической литературы, вызванной этимъ событіемъ, можно указать между прочимъ на *Thureau-Dangin*—«La Pologne et les traités de Vienne». Paris. 1863 г. Это довольно спокойное и во многомъ вѣрное разсмотрѣніе вопроса.

b) Другія опредѣленія конгресса.

Цѣль наша препятствуетъ намъ входить въ разсмотрѣніе основаній федеральнаго устройства Германіи, споровъ и интригъ, которыми занимались руководители конгресса при устроеніи Германіи, Италіи, территоріальныхъ вознагражденіяхъ для Австріи, Англіи и разныхъ князьковъ Германіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ въ вопросахъ польскомъ и саксонскомъ, ссылались на право завоеванія, необходимость, вытекающую изъ требованій политическаго равновѣсія; легитимизмъ выдвигался Франціей попреимуществу, Австріей же и другими только въ томъ случаѣ, когда требованія, основанныя на этой теоріи, совпадали съ частными интересами этихъ державъ. Вообще же начала легитимизма отступали на задній планъ. Во многихъ случаяхъ они потерпѣли полное фіаско.

Для усиленія Пруссіи поглощаются и уничтожаются многія мелкія германскія княжества, или же отнимаются у нихъ части ихъ территорій (art. 23, 24 и 25 заключительнаго акта конгресса); даются награды въ видѣ территоріальныхъ прирѣзокъ разнымъ князьямъ, успѣвшимъ выторговать себѣ ловкостью и интригами лакомые куски [1]) (см., напр., art. 33—37 и 47). Между нѣмецкими князьями едва ли былъ одинъ, который не увеличилъ бы своихъ владѣній силою оружія; многіе получили вознагражденіе за территоріи, потерянныя ими по люневильскому миру (9-го февраля 1801 г.); объектомъ вознагражденія послужили бывшія духовныя владѣнія, секуляризованныя постановленіемъ имперской депутаціи (Reichs-deputations hauptschluss) отъ 25 февраля 1803 года. Между тѣмъ ясно, что церковь *съ точки зрѣнія права* не могла служить объектомъ вознагражденія князей, потерявшихъ въ пользу Франціи свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна [2]). Слѣдовательно, легитимная теорія требовала въ данномъ случаѣ такъ-называемаго restitutio in integrum. Бывшіе духовные владѣтели могли освятить новую комбинацію конгресса своимъ согласіемъ; но дѣло въ томъ, что они энергично оспаривали ее и протестовали. Слѣдовало ожидать, говоритъ Клюберъ, что и римская курія не упуститъ случая постоять за свои свѣтскіе и духовные интересы. Святой отецъ дѣйствительно послалъ на конгрессъ своего делегата, кардинала Гонсальво, который представилъ конгрессу нѣсколько

[1]) *Martens et Cussy*. «Récueil des traités», tome III, стр. 68—73, 76, 91.

[2]) *Brockhaus*. «Das Legitimitäts princip», стр. 39.

нотъ и протестъ на его окончательныя постановленія. „Безпристрастный судъ справедливости“, говорится въ этихъ документахъ, „могъ бы предъявить требованіе о возстановленіи прежняго состоянія“ этихъ духовныхъ владѣній. Мудрости просвѣщенныхъ государственныхъ людей представляется яснымъ, что *благодѣтельному призванію религіи необходимо быть* въ *обладаніи потребныхъ силъ и средствъ*, чтобы дать возможность достигнуть благодѣтельныхъ послѣдствій божественнаго ученія Христа: привести людей къ благоговѣнію къ правителямъ и къ послушанію законамъ. Ловко связавъ такимъ образомъ судьбы церковныхъ имуществъ и духовныхъ владѣній съ цѣлями, которыя нѣкоторые союзники преслѣдовали въ своихъ государствахъ, кардиналъ требуетъ у союзниковъ и Франціи возвращенія *всѣхъ провинцій и доменовъ*, отнятыхъ у святаго престола съ 1789 года и возвращенія католической церкви въ Германіи всей ея собственности, отъ которой „она никогда не имѣетъ права отказаться“. Въ протестѣ же своемъ отъ 14 іюня 1815 года кардиналъ жалуется на постановленія ратисбонскаго трактата 1803 года. *Съ легитимистической точки зрѣнія* онъ утверждаетъ совершенно справедливо, что въ пользу возстановленія духовныхъ княжествъ, разрушенныхъ революціоннымъ насиліемъ, въ равной степени говорили тѣ же принципы права, которые были допущены въ пользу столькихъ свѣтскихъ государей. И однако владѣнія эти достались князьямъ свѣтскимъ, притомъ католическимъ и протестантскимъ. Церковныя же имущества, „священное наслѣдіе столькихъ древнихъ церквей, необходимыя для божественнаго культа и поддержанія духовенства, частью оставлены за ихъ новыми владѣльцами безъ *всякаго участія легитимной власти*, частью же остались изъятыми изъ подобающаго имъ предназначенія“. Протестъ этотъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; § 94, 95 и 103 заключительнаго акта конгресса возвращаютъ папѣ его владѣнія въ Италіи, *но за исключеніемъ части Феррары*, отходящей къ Австріи, за что святому отцу не дано *никакого* вознагражденія [1].

Весьма безцеремонно и вопреки легитимной теоріи поступили съ сословіемъ такъ-называемыхъ Standesherren, древнихъ независимыхъ имперскихъ дворянъ Германіи. Князья эти горько жаловались въ своихъ меморіяхъ конгрессу на „потерю прежней суверенной независимости“. Княгиня Фюрстенбергъ жалуется, что

[1]) *Klüber*—B. I, стр. 29—30, 38; tome IV, стр. 427, 319—326 и 439—440.

„у нихъ отняты права, принадлежащія имъ по рожденію, *пріобрѣтенныя по наслѣдству отъ ихъ предковъ*, даже ихъ собственность“. Они ходатайствуютъ о допущеніи по крайней мѣрѣ такого участія ихъ въ будущемъ государственномъ устройствѣ Германіи, которое могло бы „возстановить для нихъ состояніе, соотвѣтствующее основнымъ положеніямъ справедливости“. Князья Solms и Wied жалуются на подчиненіе ихъ Гессену и Нассау, что являлось въ ихъ глазахъ дѣйствіемъ простаго произвола и слѣдствіемъ образованія рейнскаго союза, который не покоился на правѣ. Австрійскій императоръ, выслушавъ это ходатайство, обѣщалъ поддержать его на конгрессѣ. Въ приведенномъ ходатайствѣ князья опирались на юридическія основанія (пріобрѣтеніе правъ по наслѣдованію). Въ другой меморіи ихъ къ конгрессу (отъ 28 января 1815 года) они дополняютъ ихъ новыми соображеніями *политическаго свойства* въ пользу необходимости сохраненія стараго иммедіатизированнаго имперскаго дворянства. „Духъ времени не требуетъ ни подавленія наслѣдственнаго дворянства, ни равноправности всѣхъ сословій“; князья и государства „ничего не выиграли отъ притѣсненія этого наслѣдственнаго дворянства, но потеряли много, такъ какъ притѣсненіе это *деморализировало* не только дворянство, но и народъ“. Голосъ ихъ не былъ услышанъ конгрессомъ, который могъ легко не согласиться съ ихъ политическими доводами, но никоимъ образомъ не могъ устранить ихъ юридическихъ основаній, если бы онъ оставался на почвѣ легитимизма. Конгрессъ медіатизировалъ ихъ, а также нѣкогда бывшіе имперскіе города и деревни. Посыпались протесты; особенно настойчивъ протестъ уполномоченнаго княжескаго дома *Лейденъ*, при которомъ приложенъ длинный списокъ потерянныхъ имъ квадратныхъ миль земли и доходовъ [1]).

Для „поддержанія равновѣсія“ создали (еще въ отдѣльныхъ постановленіяхъ къ трактату 30 мая 1814 г.) королевство Нидерланды, присоединивъ къ нимъ бельгійскія провинціи. *О возстановленіи республики Голландіи не было и рѣчи*. Вообще конгрессъ если и прилагалъ иногда къ своимъ твореніямъ начала легитимизма, то только къ монархіямъ, не давая республикамъ вкушать плодовъ легитимнаго принципа. Такъ, Венеція была присоединена къ Австріи, со всѣми бывшими ея владѣніями (art. 93 и 94). Между тѣмъ обстоятельства, при которыхъ зна-

[1]) *Klüber*—B. I (№ X, XI и XII), B. VI, № XII, XIII и XXXI и слѣдующіе, стр. 355—387.

менитая республика потеряла свою независимость, были вопіющія: Бонапартъ уступилъ ее Австріи по кампо-формійскому трактату (1797 года), хотя республика продолжала во все время похода его въ Италію сохранять самый строгій нейтралитетъ, почему и не могла подойти подъ право завоеванія. Но вѣнскій конгрессъ и не подумалъ объ исправленіи этого вопіющаго правонарушенія, вызвавшаго сильнѣйшее негодованіе въ совѣтѣ 500 и въ директоріи; но конгрессъ возвелъ этотъ актъ грубой узурпаціи въ право [1]. Параграфъ I шалонскаго договора и слово англійскаго генерала лорда Бентинка отъ имени Великобританіи гарантировали Генуѣ ея независимость. И тѣмъ не менѣе Генуя присоединена къ пьемонтско-сардинскому королевству (§ 86) въ видѣ „вознагражденія за уступленную Франціи по парижскому миру часть Савойи [2].

Конгрессъ уничтожалъ независимость государствъ; далеко не всегда уважалъ онъ и *династическія права*. Признавая даже правомѣрность отказа короля Густава IV отъ шведскаго престола, все же нельзя было признать Карла XIII за короля Швеціи и гарантировать престолъ за его пріемнымъ сыномъ, маршаломъ Бернадоттомъ, такъ какъ по государственному праву Швеціи и Норвегіи послѣ отказа Густава IV слѣдовало учредить регентство въ пользу малолѣтняго сына его; избраніе Карла XIII и Бернадотта въ качествѣ наслѣдника престола не могло уничтожить правъ свергнутаго государя и его сына. Но Бернадоттъ, снискавшій симпатію Александра I, былъ признанъ королемъ Швеціи съ престолонаслѣдіемъ въ его династіи. Густавъ IV протестовалъ: онъ былъ „жертвою революціи, какъ *плѣнникъ* подписалъ онъ отреченіе, объявивъ тогда, что оно есть актъ свободнаго и добровольнаго согласія“. Но теперь онъ „уничтожаетъ эту декларацію“ и объявляетъ, что „никогда не отказывался во имя сына“, на что онъ „не имѣлъ никакого права“ [3]. Въ защиту Генуи, Венеціи, короля Густава IV не раздалось на конгрессѣ ни одного сколько-нибудь вліятельнаго голоса; не настаивалъ здѣсь на своей теоріи легитимизма и Талейранъ. Нужно было усилить Пьемонтъ-Сардинію и Австрію (все для „равновѣсія“). За Австріей сохранены (§ 93) всѣ ея завоеванія, все, уступленное ей мирными трактатами порожденными изъ войнъ, всякое послѣдствіе кото-

[1] *Martens et Cussy*—tome III, стр. 94 и слѣдующіе; *Brockhaus*—стр. 35.
[2] *Martens et Cussy*, tome III, стр. 94; *Klüber*—tome VII, стр. 420—422; *Brockhaus*—стр. 36—37.
[3] *Klüber* — B. I, стр. 96—97; *Brockhaus*, стр. 37—38; *Klüber* — B. I, стр. 85—106 и B. VI, стр. 463—467.

рыхъ, измѣняющее территоріальныя владѣнія державъ, должно было бы по мысли легитимизма разсматриваться какъ „non avenue et non existant“.

Не менѣе поучительна и судьба Мальты. Въ этомъ дѣлѣ основы легитимизма, прежнее положеніе и услуги, оказанныя мальтійскими рыцарями, скромность ихъ требованій — все соединялось для того, чтобы подкрѣпить ихъ ходатайство о возстановленіи ордена на Мальтѣ или въ другомъ мѣстѣ, въ качествѣ независимаго государства или, по крайней мѣрѣ, о вознагражденіи его за потерянныя имъ имущества. Въ двухъ меморіяхъ полномочнаго министра ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго рыцари [1]), излагая вкратцѣ исторію ордена, жалуются на „несправедливаго нападателя (Наполеона), ограбившаго у ордена маленькое, но цвѣтущее государство, основанное имъ на скалѣ, полученной въ даръ отъ великодушія императора Карла V“. Не смотря на это „великое несчастіе“ орденъ не потерялъ ни своего существованія, ни священнаго характера суверена, который онъ носилъ достойно въ продолженіи столькихъ лѣтъ. Государь Сициліи открылъ ему убѣжище въ своихъ предѣлахъ, не нарушая его независимости, а новый великій магистръ назначенъ былъ папою по требованію самого ордена и съ согласія державъ. „Государи признавали его существованіе: министры его принимались всѣми дворами, самъ Наполеонъ включилъ орденъ въ аміенскій трактатъ“. Но рыцари хорошо знали о видахъ Англіи на Мальту и понимали, что первая не выпуститъ изъ рукъ этой дорогой добычи. И вотъ орденъ „далекъ отъ мысли поднять свой голосъ противъ обязательства державъ, гарантировавшихъ владѣніе Мальтою Англіи“; но онъ „не обманываетъ себя въ увѣренности, что на вѣнскомъ конгрессѣ онъ долженъ найти свою могилу или реставрацію“; великодушные же государи, „исправляющіе насколько возможно всѣ бѣды, причиненныя революціей“, не захотятъ закончить разрушеніе ордена и уничтожить даже остатки, избѣгшіе этого разрушенія. Поэтому рыцари просятъ дать и гарантировать имъ „справедливое вознагражденіе“, они ходатайствуютъ о снабженіи ихъ другимъ мѣстомъ одинаково свободнымъ и сувереннымъ“ и чтобы это новое владѣніе ордена было гарантировано ему всѣми державами вмѣстѣ съ его нейтралитетомъ. Рыцари хлопочутъ о „вознагражденіи

[1]) *Klüber*. B. I, стр. 96 — 97; *Brockhaus*, стр. 37 — 38; *Klüber*. B. I, стр. 85 — 106 и B. VI, стр. 463 — 467 меморіи отъ 20 сентября 1814, и 24 февраля 1815 г.

ордена за добро и собственность всякаго рода“, оставленныя ими на Мальтѣ, отходящей къ Англіи. Это имущество нужно имъ къ тому, чтобы найти средства для корсарства противъ пиратовъ. Меморіи не ограничиваются этой защитою правъ самаго ордена; первая изъ меморій становится еще на точку зрѣнія *общеевропейскихъ интересовъ*. Орденъ, постигая измѣнившіяся обстоятельства, *не будетъ* больше *вести* съ мусульманскими государствами *войну религіозную*. Онъ желаетъ „охранять и давать покровительство въ Средиземномъ морѣ торговлѣ и мореплаванію“ и разбить оковы христіанъ, страдающихъ въ неволѣ, предохранить другихъ христіанъ отъ этого бѣдствія, сверхъ того, по самой природѣ своей орденъ является „школою мореплаванія и военнаго искусства“. Монархіямъ же „особенно интересенъ и дорогъ одинъ изъ основныхъ принциповъ конституціи ордена,—зиждущагося на дворянствѣ“. А дворянство должно быть поддерживаемо и защищаемо „противъ разрушительныхъ началъ, господствовавшихъ въ эти послѣдніе дни, повліявшихъ на нарушеніе уваженія къ дворянству“. Должно ли говорить о томъ, что Мальта была уступлена Англіи, что орденъ не получилъ никакой другой территоріи, ни даже вознагражденія за потерянныя имъ на Мальтѣ имущества, хотя императоръ Францъ и въ этомъ случаѣ обѣщалъ свою поддержку ордену. Представители ордена были приняты и признаны конгрессомъ, „вопреки мнѣнію тѣхъ“, говоритъ Флассанъ, „которые хотѣли допустить на конгрессъ только уполномоченныхъ отъ сувереновъ, имѣющихъ территорію,—мнѣніе, по которому суверенитетъ не есть право, но простой фактъ, подверженный превратностямъ судьбы“ [1]). Флассанъ приписываетъ отчасти неудачу ходатайствъ ордена розни среди его уполномоченныхъ, представлявшихъ собою разные „языки“, изъ которыхъ на конгрессѣ были допущены только уполномоченные отъ „языка Италіи“, считавшіе себя и признанные конгрессомъ за представителей всего ордена Мальты. Но онъ самъ же прибавляетъ, что „дѣло рыцарей и не обсуждалось на конгрессѣ“; уполномоченные Франціи получили „формальную инструкцію требовать для ордена островъ Корфу, который въ рукахъ его *не внушалъ бы никакихъ страховъ*“. Но Талейранъ показалъ себя „мало ревностнымъ къ дѣлу ордена“, а лордъ Кэстльри, посвященный, если вѣрить Талейрану, въ тайны легитимнаго ученія, оказался на этотъ счетъ

[1]) *Flassan*—tome II, стр. 151—163.

„очень скрытнымъ и избѣгалъ входить въ объясненія“. Ордену недоставало „горячаго покровителя“, хотя „Испанія и Россія были благопріятны ему“, да и старшина ордена „не съумѣлъ стать въ подобающее ему положеніе: оговорки его слишкомъ были похожи на боязнь, а мемуары на просьбы. Ему надлежало защищать требованія ордена съ большею силою“. Пусть такъ; охотно допускаемъ также, что всѣ разсужденія о пользѣ дворянства не могли тронуть конгресса, и что самая цѣль ордена—борьба съ корсарами—могла съ успѣхомъ быть принята на себя сильными морскими державами Средиземнаго моря, для которыхъ мусульманскіе пираты не были уже ни страшны, ни достаточно могущественны. Но все же въ остаткѣ отъ доводовъ, представленныхъ орденомъ, имѣется начало легитимизма, не получившее никакого удовлетворенія въ этомъ дѣлѣ, и принципъ вознагражденія за потерянную собственность, удовлетворенный не болѣе перваго.

Не будемъ касаться подробно и швейцарскихъ дѣлъ. Замѣтимъ только, что конгрессъ подъ вліяніемъ императора Александра, руководимаго въ этомъ дѣлѣ Лагарпомъ, освятилъ отдѣленіе во время революціи Ааргау и страны Ватландской отъ кантона Берна и образовалъ изъ нихъ независимые кантоны. Представители Берна ссылались на ничтожность акта швейцарской медіаціи (1803 года), навязаннаго Наполеономъ и на то, что Ааргау болѣе ста лѣтъ былъ присоединенъ къ Берну; а князь Шварценбергъ въ своей прокламаціи подкрѣпилъ мнѣніе бернцевъ въ пользу возстановленія старой швейцарской конституціи. Уполномоченные Ааргау и Ватланда, не оспаривая „безумствъ революціи и недостатковъ медіаціи“, ссылались на „*непоправимость* бѣдствій, изъ нихъ проистекшихъ“ и на то, что кантоны, сдѣлавшіеся свободными, никогда не согласились бы стать подъ законы другихъ кантоновъ въ силу „современныхъ идей, проникшихъ всюду въ Швейцаріи“. Россія же оспаривала право Берна на томъ основаніи, что онъ „не принималъ участія въ войнѣ и не можетъ поэтому требовать примѣненія къ Ааргау и Ватланду jus postliminii“ (право вступать вновь послѣ войны во владѣніе правомъ собственности на имущество, потерянное войною). Мнѣніе Россіи, искусно внушенное и защищавшееся Лагарпомъ, одержало верхъ. Такимъ образомъ легитимизмъ и здѣсь тоже потерпѣлъ пораженіе и притомъ въ пользу свободы и независимости новаго политическаго тѣла, образовавшагося во время революціи и путемъ ниспроверженія легитимной власти. Рѣдкій примѣръ въ исторіи конгресса, стоящій въ противорѣчіи съ другими его созданіями (Швеція—

другое исключеніе, но только въ пользу *новой* династіи въ старомъ государственномъ тѣлѣ) [1]).

Было бы фактически невѣрно отрицать, что конгрессъ не освятилъ легитимныхъ правъ и не отвергъ право завоеванія ни въ одномъ изъ своихъ дѣлъ. Такъ, *Сардинія* (§ 85) приводится къ предѣламъ 1 января 1792 года; еще совершеннѣе восторжествовалъ легитимизмъ въ Тосканѣ, гдѣ эрцгерцогъ Фердинандъ Австрійскій возстановленъ во всѣхъ правахъ и владѣніяхъ до люневильскаго трактата (§ 99); Фердинандъ IV вновь возстановленъ на неаполитанскомъ престолѣ (§ 104); „законныя требованія", предъявленныя регентомъ португальскимъ и бразильскимъ на городъ Оливенца и другія территоріи, уступленныя Испаніи бадайоскимъ трактатомъ (1801 года), разсматриваются державами „какъ основательныя" и возвращеніе ихъ необходимымъ для „упроченія между двумя королевствами полуострова добраго и постояннаго согласія" (§ 105). Право завоеванія осуждено также въ § 107 заключительнаго акта конгресса: регентъ Португаліи и Бразиліи возвращаетъ французскую Гвіану Франціи. Но въ дѣлѣ Неаполя возстановленіе легитимной власти Фердинандомъ IV на мѣсто узурпаторской власти Мюрата было, какъ мы знаемъ, простою случайностью; возстановленіе же князьковъ габсбургскаго дома въ другихъ мѣстностяхъ Италіи было прямо на руку Австріи, желавшей забрать вліяніе на дѣла аппенинскаго полуострова и парализовать тамъ вліяніе Франціи, поддерживавшей князей бурбонскаго дома. Легитимизмъ случайно совпалъ здѣсь съ интересами Австріи и Франціи; только послѣдняя проводила его въ международную практику конгресса вполнѣ *сознательно*, что опять же вполнѣ согласовалось съ интересомъ ея царствующаго дома. Но и въ дѣлахъ Италіи тоже сдѣланы конгрессомъ многія территоріальныя измѣненія (§ 98 и 98), при которыхъ легитимизмъ игнорировался.

4. 100 дней.

а) Причины паденія Бурбоновъ во Франціи.

Мы знаемъ уже, что видимое согласіе между членами европейской пентархіи, орудовавшей на конгрессѣ, едва не нарушилось и

[1]) *Flassan*—tome II, стр. 50—60.

могло при извѣстныхъ обстоятельствахъ привести къ войнѣ между ними. Неожиданное событіе—бѣгство Наполеона съ острова Эльбы, высадка его на берегъ Франціи, скорый и быстрый успѣхъ переполошили министровъ, ссорившихся на конгрессѣ, вновь соединили ихъ противъ общаго врага и дали возможность привести дѣла конгресса къ „счастливому“ окончанію. Полнѣйшая непопулярность Бурбоновъ и неспособность ихъ правительства выступили наружу въ самыхъ яркихъ краскахъ. И однако, счастливо избавившись отъ Наполеона послѣ Ватерло, хотя и подняли было рѣчь о томъ „быть ли второй реставраціи или нѣтъ“, все же вновь посадили Бурбоновъ на французскій престолъ и опять не гарантировали французамъ ихъ конституціи. Но на сей разъ могли ли державы *сомнѣваться серьезно* въ непопулярности Бурбоновъ, въ безчисленныхъ нарушеніяхъ конституціи, которыя они позволяли себѣ въ теченіе всего непродолжительнаго (10 мѣсяцевъ) управленія Франціею?

Было бы ошибочно думать, что реставрація встрѣтила въ началѣ своей дѣятельности непримиримую вражду либеральной партіи. Напротивъ того, *разъ реставрація стала совершившимся фактомъ*, молодая либеральная партія сейчасъ же поставила себя въ положеніе далеко не враждебное принципу новаго правительства. Въ поведеніи вожаковъ этого лагеря не было *ничего антидинастическаго*, что могло бы соединить ихъ съ предпріятіями крайнихъ либераловъ (les conventionnels) или имперіалистовъ, хотя умѣренные либералы и старались выжать изъ хартіи возможно большую сумму свободы и критиковали нѣкоторыя дѣйствія и распоряженія правительства, которыя они считали противными духу новыхъ учрежденій [1]). Такъ, напр., Бенжаменъ-Констанъ говорилъ, что „друзья королевской власти должны убѣдиться, что безъ конституціонной свободы нѣтъ прочной монархіи, а друзья свободы должны признать, что безъ конституціонной монархіи не будетъ гарантированной свободы“; а Лафайеттъ, ставя правительству въ вину нѣкоторыя ошибки, говоритъ однако, что „Франція нашла болѣе свободы среди этихъ (перечисленныхъ Лафайеттомъ) ошибокъ, чѣмъ она имѣла со времени Наполеона. Декларація сената, принцевъ, короля, сама хартія, но особенно же вынужденныя обстоятельствами измѣненія въ режимѣ возстановили, по крайней мѣрѣ сравнительно, многія права, уничтоженныя дѣя-

[1]) *Tureau-Dangin* «Le parti libéral sous la restauration. Paris. 1876 г., стр. 9.

тельностью самаго абсолютнаго и хитраго изъ деспотовъ“ [1]). Даже нѣкоторыя газеты, враждебныя во многихъ отношеніяхъ идеямъ реставраціи, недовѣрявшія аристократіи и боявшіяся владычества духовенства, совѣтывали партіямъ изъ страха предъ военнымъ бонапартизмомъ, присоединиться безъ задней мысли къ королевству [2]). Сами лучшіе изъ роялистовъ и тогда и послѣ понимали реставрацію какъ *дѣло мира и компромисса между двумя Франціями*, поставленными несчастіемъ событій другъ противъ друга (революціонною и старою). Одни изъ этихъ выдающихся роялистовъ придерживались болѣе соглашенія принциповъ, другіе стояли болѣе на практической точкѣ зрѣнія и заботились болѣе о соглашеніи интересовъ; одни, говоритъ Tureau-Dangin, стремились выиграть довѣріе сыновъ революціи, чтобы привести ихъ къ монархіи, другіе обращались къ сыновьямъ эмигрантовъ, чтобы обратить ихъ къ принципамъ или по крайней мѣрѣ къ конституціоннымъ привычкамъ [3]).

Какъ же поступало правительство и кто руководилъ его планами и дѣяніями? Трудно съ полною достовѣрностью опредѣлить роль, которую игралъ самъ Людовикъ XVIII въ послѣдующихъ ошибкахъ его правительства. Съ одной стороны мы имѣемъ свидѣтельства самихъ роялистовъ о разговорѣ его съ Александромъ Павловичемъ въ Компьенѣ, изъ котораго во всякомъ случаѣ трудно заключить объ особыхъ симпатіяхъ его къ конституціонному режиму. А Vaulabelle и другіе писатели представляютъ намъ примѣры писаній, изъ эпохи его изгнанія, приписываемыхъ самому Людовику или вдохновленныхъ имъ, и изданныхъ вновь послѣ реставраціи; въ нихъ симпатіи короля всецѣло на сторонѣ *стараго режима*. Еще важнѣе свидѣтельство Меттерниха. Онъ имѣлъ бесѣду съ Людовикомъ XVIII въ Тюльери сейчасъ же по его прибытіи въ Парижъ, и „оставилъ Тюльери съ впечатлѣніями, совсѣмъ не успокоившими его насчетъ будущаго Франціи“. „Я“, продолжаетъ онъ, „указывалъ королю на хартію, на трудности, предстоявшія для ея успѣха, указывалъ на общественное мнѣніе и т. д. Я убѣдился, что король имѣлъ *очень установившіяся* на этотъ счетъ мнѣнія, но что они различествовали отъ моихъ во многихъ существенныхъ пунктахъ; время оправдало мои опасенія, и даже болѣе чѣмъ я ожидалъ“ [4]).

[1]) *La Fayette*—Mémoires, tome V, стр. 329.
[2]) *Tureau-Dangin*. «Le Parti libéral», стр. 10.
[3]) *Tureau-Dangin*. «Royalistes et républicains». Essais historiques sur des questions de politique contemporaine. Paris. 1874 г., стр. 379—350.
[4]) *Metternich*—tome I, стр. 197.

Съ другой стороны извѣстны сочувственныя выраженія, съ которыми король встрѣтилъ появленіе въ свѣтъ памфлета Шатобріана „Réflexions politiques sur les intérêts de tous les français“, въ которомъ авторъ доказываетъ, что хартія — результатъ предшествующихъ французскихъ нравовъ; древній режимъ палъ безвозвратно и имѣетъ для французовъ только историческое значеніе. И вотъ по поводу этихъ-то мыслей король выразилъ желаніе, чтобы „высказанные въ нихъ принципы были принципами всѣхъ французовъ“. Tureau-Dangin и самъ Vaulabelle, убѣжденный противникъ реставраціи, склоняются въ пользу искренности этого желанія Людовика XVIII [1]). Но несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что король находился подъ сильнымъ вліяніемъ правой, состоявшей изъ бывшихъ эмигрантовъ, которые, какъ и Бурбоны въ изгнаніи, „ничему не научились и ничего не забыли“. А воплощеніемъ духа и стремленій этой партіи былъ Blacas, приближенное къ королю лицо, имѣвшее на него сильное и роковое вліяніе. Партія эта усматривала въ реставраціи только *возстановленіе* правъ въ пользу побѣжденныхъ и ограбленныхъ въ 1789 году, только отместку стараго общества и стараго королевства. Даже при невозможности осуществить свои претензіи, она надѣялась удовлетворить себя громкимъ провозглашеніемъ этихъ претензій, причемъ вызывающій тонъ партіи былъ обратно пропорціоналенъ ея дѣйствительнымъ силамъ. Этимъ она только облегчала врагамъ Бурбоновъ вырыть какъ можно большую пропасть между монархіей и Франціей [2]). Къ этимъ систематическимъ дѣйствіямъ, губившимъ реставрацію, должно причислить еще безтактность и случайныя ошибки, вызванныя иногда трудностью самаго положенія новаго правительства.

Едва графъ Артуа вступилъ на французскую территорію, какъ всюду громко провозглашалась имъ отмѣна обременительныхъ налоговъ, особенно же такъ-наз. „droits réunis“, вызванные военными нуждами имперіи и которые были особенно ненавидимы и опредѣлены Наполеономъ безъ согласія законодательнаго корпуса. И что же? Уже 20 и 27 апрѣля Талейранъ и его товарищи (временное правительство) заставили графа Артуа подписать два декрета, изъ которыхъ второй вызвалъ особое неудовольствіе, такъ какъ сохранялъ взиманіе этихъ droits réunis (кромѣ $^1/_{10}$ на войну) [3]).

[1]) *Vaulabelle*—tome II, стр. 120—122; Tureau-Dangin «Royalistes et Républicains», стр. 359—350.
[2]) *Tureau-Dangin*. «Royalistes et Républicains», стр. 350.
[3]) *Vaulabelle*—tome II, стр. 41.

Послѣ этой прелюдіи, съ прибытіемъ короля началась реакція, дурно скрываемое стремленіе къ уничтоженію конституціи и возвращенію къ ненавистному французамъ древнему режиму. Не вдаваясь въ подробности можно резюмировать дѣло первой реставраціи изложеніемъ одной извѣстной брошюры того времени, появившейся вскорѣ по высадкѣ Наполеона во Франціи, подкрѣпленной показаніями La Fayett'а, безпристрастнаго къ Бурбонамъ и добросовѣстнаго наблюдателя [1]).

Памфлетъ начинается рѣзкой и сильной прелюдіей, выраженной въ слѣдующихъ немногихъ выраженіяхъ: „двадцати дней было достаточно, чтобы доказать всему міру, что Бурбоны перестали царствовать волею французовъ" [2]). Бонапартъ, который сперва былъ надеждою націи, оттолкнутъ ею за то, что хотѣлъ разрушить революцію, совершенную ею. Тогда-то нація приняла семью Бурбоновъ, которую она прогнала, и приняла ихъ потому въ особенности, что думала найти въ Бурбонахъ, *наученныхъ 25 годами бѣдствія*, лицъ, достойныхъ престола, который предлагаетъ имъ нація. Она надѣялась, что Бурбоны окажутся податливыми на измѣненія, которыхъ желала нація и что, вскормленные у народа самаго свободнаго къ Европѣ (въ Англіи), они почувствуютъ выгоды равновѣсія властей и захотятъ освятить революцію [3]). Потомъ неизвѣстный авторъ резюмируетъ обвиненія противъ Бурбоновъ въ пунктахъ.

Изъ обвиненій менѣе существенныхъ авторъ указываетъ на „отмѣну національныхъ цвѣтовъ" (дорогихъ по воспоминаніямъ революціи); принятіе титула „par la grâce de Dieu, roi de France et de Navarre" и „отъ 19 года нашего царствованія". Нѣкоторые писатели оправдываютъ это необходимостью констатировать непрерывающуюся наслѣдственность власти (напр. Шатобріанъ). Но изъ примѣненій этого принципа вытекаютъ неудобства большія противъ ожидавшихся выгодъ: развѣ можно заставить просвѣщенную массу націи слушать и вѣрить тому, что „правительство невозвратно и безъ участія ея воли отдано въ собственность *одному семейству*, какъ если бы это была собственность надъ

[1]) Брошюра эта озаглавлена: «Examen rapide du gouvernement des bourbons en France. Depuis le mois d'avril 1814 jusqu'au mois de mars 1815». Sine ira et studio. Paris. 1815 г. Смотри подробности, подкрѣпляющія и разъясняющія показанія неизвѣстнаго автора этого памфлета у *La Fayette* — Mémoires, tome V, стр. 316—357; также у Vaulabell'а, tome II; вторая половина *Talleyrand*— Correspondance, и т. д.

[2]) *Examen rapide*, стр. 3.

[3]) Ibidem, стр. 10—20.

недвижимымъ или движимымъ имуществомъ? Нація сравнена здѣсь со стадомъ, питаемымъ и содержимымъ для выгоды хозяевъ, которые одни имѣютъ право располагать имъ. Наконецъ, развѣ что-нибудь можетъ помѣшать народу перемѣнить *управляющую имъ семью*, если даже онъ сохраняетъ форму своего правленія; наслѣдственную и слѣдовательно легитимную власть въ семьѣ можетъ освятить теперь, послѣ 25-лѣтней привычки разсуждать и пользоваться свободою мнѣнія, только свободно проявленная воля націи. Поэтому и выгоды, которыя хотѣли извлечь изъ формъ, принятыхъ въ ордонансѣ короля, были иллюзіями; онѣ могли пользоваться авторитетомъ только у немногихъ лицъ, мнѣнія которыхъ болѣе не гармонируютъ съ мнѣніемъ всей массы. Допущеніе же фикціи 19-лѣтняго царствованія влечетъ къ великимъ невыгодамъ: если Людовикъ XVIII былъ королемъ въ теченіи этихъ 19 лѣтъ, то все, свершившееся за это время во Франціи, становилось дѣломъ возмущенія и преступленія. „Но развѣ герои наши были преступниками, когда они проливали кровь за отечество и отгоняли всю Европу отъ очаговъ нашихъ?“ Были ли „мы мятежниками“, спрашиваетъ авторъ, „когда участвовали въ созданіи законовъ, требовавшихся народомъ“, и т. д.? А иностранныя правительства признавали этихъ мятежниковъ, заключали съ узурпаторами и правительствами трактаты, давали и получали отъ нихъ помощь. Формула „милостью Божіею“ является даже насмѣшкой надъ королемъ, котораго эта милость оставляла изгнаннымъ 20 лѣтъ, а титулованіе себя „королемъ Франціи и Наварры“ указываетъ на привязанность къ самымъ маленькимъ обычаямъ прошлаго и внушала населенію боязнь относительно болѣе важныхъ дѣлъ [1]). Безтактностью и ошибкою было и объявленіе короля, что „послѣ Бога короною своею онъ обязанъ принцу-регенту“. Это оскорбило націю. Враги революціи предлагаютъ воздвигнуть памятникъ эмигрантамъ, убитымъ и умершимъ при высадкѣ въ Guiberon'ѣ. Оказывается, что герои Маренго менѣе священны, чѣмъ тѣ, привезенные англійскимъ флотомъ, которые вознамѣрились возвратить Франціи уничтоженное ею правительство; молитвы и церемоніи устроены для празднованія памяти первыхъ, а вторые—забыты.

Все это скорѣе безтактности и неловкости, которыя раздражали общество, но не могли серьезно поколебать новое правительство. Но неизвѣстный авторъ бросаетъ Бурбонамъ массу обвиненій болѣе серьезныхъ.

[1]) «Examen rapide», стр. 21—23, 26—30.

Прежде всего во внутреннихъ дѣлахъ Францiя ожидаетъ отъ новаго правительства *конституцiоннаго договора*, но получаетъ только *королевскую декларацiю*, обязательную, самое большее, для короля, который далъ ее; и несмотря на софизмы нѣкоторыхъ писателей (намекъ на Шатобрiана) Францiя можетъ видѣть въ этомъ актѣ только временный регламентъ, которому недостаетъ даже формъ обыкновеннаго закона, такъ, что онъ можетъ быть взять назадъ или измѣненъ наслѣдникомъ короля. Большинство королевскихъ прокламацiй безтактны, написаны въ двусмысленныхъ выраженiяхъ, которыя могутъ встревожить лицъ, принимавшихъ участiе въ революцiи (Лафайеттъ и Vaulabelle приводятъ намъ рѣчь и оффицiальное заявленiе нѣкоего *Ferrand*'а относительно нацiональныхъ имуществъ и рисуютъ намъ впечатлѣнiе, произведенное этимъ объявленiемъ правительства въ палатѣ депутатовъ). Послѣ всего этого начинаютъ изгонять изъ палаты пэровъ людей смѣлыхъ и честныхъ, а никто изъ подлыхъ куртизановъ, которые истощались въ низости, чтобы узаконить всѣ акты деспотизма, не изгнанъ изъ верхней палаты, члены которой назначаются королемъ. А первые именно тѣ, которые всегда боролись съ деспотизмомъ. Вотъ первый примѣръ вѣрности обѣщанiя „забыть прошлое"! Обѣщали, далѣе, отмѣнить тяжелые налоги, но это не было исполнено. Съ свободою прессы обращались не менѣе безцеремонно. Одинъ изъ параграфовъ хартiи установляетъ право обѣихъ палатъ печатать все, что имъ нравится; и однако— двѣ рѣчи графа Lanjuinais и еще одного пэра были конфискованы полицiей по ихъ напечатанiи, которое было вотировано палатою пэровъ, а жалобы графа на этотъ актъ произвола не имѣли никакихъ послѣдствiй. Мало того: обѣщаны и даны вознагражденiя признаннымъ убiйцамъ. Въ городъ Rennes посланъ чиновникъ съ порученiемъ распредѣлить отличiя и другiя награды сообщникамъ своимъ, участвовавшимъ въ дѣянiяхъ, покрывшихъ его кровью согражданъ и собственной семьи. А семейство Жоржа Кадудаля, казненнаго за намѣренiе убить Наполеона, главу признаннаго тогда правительства, т. е. за преступленiе, „одобрить которое не осмѣлилось бы турецкое правительство", сдѣлано дворянами, а дѣло ихъ объявлено *дѣломъ семейства Бурбоновъ*. Въ пользу ужаснѣйшей женщины [1]), хваставшейся предъ лицомъ Европы собственноручнымъ убiйствомъ нѣсколькихъ сотъ французовъ, омывшей

[1]) Лафайеттъ тоже подтверждаетъ эти факты—tome V, стр. 317—318.
[2]) «Examen rapide», стр. 32—33, 36—40, 42—47.

руки въ крови ближайшихъ своихъ родственниковъ (въ Вандеи), предложена подписка; придворныя дамы воспроизводятъ подъ ея диктовку возмутительныя картины всѣхъ этихъ преступленій, а газеты гремятъ похвалами ей, подъ впечатлѣніемъ почестей, возданныхъ ей принцами королевской семьи. Но едва ли не особенно возмутило и обезпокоило мирныхъ гражданъ, притомъ всѣхъ лагерей, намѣреніе правительства относительно владѣльцевъ національныхъ имуществъ [1], которыя, вопреки давности, разуму и хартіи (слова Лафайетта) были обезпокоены декларацiями и проектами законовъ, внесенными правительствомъ [2], причемъ выраженія и тонъ этихъ предложеній, рѣчей и объявленій министровъ и депутатовъ крайней правой были въ высшей степени вызывающи и преисполнены угрозами. Раздались общія жалобы со всѣхъ концовъ Франціи; даже съ церковныхъ каѳедръ, въ министерскихъ газетахъ—владѣльцевъ бывшихъ эмигрантскихъ имуществъ называли ворами [3]. Параграфъ 11 хартіи запрещаетъ всякія розыски насчетъ мнѣній и голосовъ, поданныхъ до реставраціи; забвеніе это рекомендуется трибуналамъ и всѣмъ гражданамъ. И однако, правительство имѣло на этотъ счетъ затаенныя мысли, проявленныя всѣми способами, не исключая и постоянной системы диффамацій и доносовъ [4]; а добровольное шпіонство допускалось даже моралью салоновъ [5]. Эмигрантамъ братья короля дѣлаютъ во всеуслышаніе очень прозрачные намеки на лучшее будущее. Въ то же время не забывали ничего изъ революціоннаго прошлаго семей, отцы и родственники которыхъ загладили нѣкогда свои революціонныя увлеченія смертью за короля Людовика XVI [6]; но семьи этихъ несчастныхъ не могли добиться никакихъ мѣстъ. Бурбоны и эмигранты оказались злопамятными и ничего не прощающими! Не болѣе того щадили и армію. Прямо вооружили ее противъ правительства. Напр., морской министръ издалъ декретъ (25 мая), по которому офицеры, бросившіе службу Франціи, и перешедшіе на службу другихъ морскихъ державъ, сохраняютъ срокъ этой заграничной службы въ зачетъ пенсіоновъ, и т. д. Т. е., принимались на службу и получали привилегіи служившіе въ рядахъ враговъ Франціи и участвовавшіе въ нанесеніи ей погромовъ и

[1] *La Fayette*—tome V, стр. 323—326.
[2] Ibidem, стр. 324 и 325.
[3] Ibidem, стр. 324 и 325.
[4] «Examen rapide», стр. 48.
[5] *La Fayette*- tome V, стр. 322—323.
[6] Ibidem, 334; «Examen rapide», стр. 48.

бѣдствій [1]). Розданы чины и щедро награждены тысячи эмигрантовъ и въ сухопутной арміи, никогда не имѣвшихъ или не обладавшихъ ни малѣйшею военною опытностью [2]). Этимъ вооружили противъ себя и сухопутную армію. Хартія провозглашаетъ полную религіозную свободу; но уже 7 іюля 1814 года главный директоръ полиціи издаетъ ордонансъ о соблюденіи воскресеній, мотивированный тѣмъ, что „соблюденіе дней, посвященныхъ религіознымъ торжествамъ, есть законъ, восходящій къ колыбели міра" и чтобы „доказать возвращеніе французовъ къ древнему уваженію ихъ религіи и къ практикѣ добродѣтелей". Самый текстъ ордонанса, распространявшійся и на евреевъ, воспрещаетъ *всякую работу* подъ страхомъ весьма сильныхъ наказаній. Конечно, гнѣвъ и общее негодованіе встрѣтили этотъ ордонансъ, издѣвавшійся надъ свободою совѣсти, кичливо провозглашенною въ хартіи [3]). Не оставили въ покоѣ ни суда, ни высшаго ученаго учрежденія (французскій институтъ): кассаціонный судъ въ нарушеніе § 59 хартіи и вопреки волѣ палатъ подвергнутъ реорганизаціи, а нѣсколько членовъ института, нелюбимыхъ правительствомъ за ихъ политическія убѣжденія, изгнаны изъ него, что было глубокимъ оскорбленіемъ первому ученому обществу государства [4]). Налоги по хартіи могли установляться только съ согласія двухъ палатъ; но ими облагали даже простыми ордонансами канцлера; страною управляютъ аббаты и священники (намекъ на министра, аббата Montesquiou). Въ управленіи руководились принципомъ смѣны чиновниковъ, не нравившихся правительству за ихъ революціонное прошлое, хотя хартія гарантировала имъ сохраненіе ихъ мѣстъ [5]). За то щедро расточали мѣста эмигрантамъ и разнымъ искателямъ приключеній, имѣвшимъ связи при дворѣ, почему роялисты подняли всюду головы съ первыхъ же дней реставраціи и стали предъявлять къ ней „безумныя и невѣроятныя требованія" [6]).

Не лучше вело себя правительство и во внѣшнихъ дѣлахъ. Еще апрѣльская конвенція, подписанная графомъ Артуа съ союзниками, отдала, говоритъ неизвѣстный авторъ, „всѣ наши укрѣпленныя мѣста непріятелю" [7]); мирный трактатъ съ союзниками унизителенъ, проявлено при его заключеніи полное отсутствіе энер-

[1]) *Vaulabelle.*—tome II, стр. 72—74.
[2]) Ibidem.
[3]) Ibidem, tome II, стр. 103—104.
[4]) «*Examen rapide*», стр. 55—56.
[5]) Ibidem, стр. 57—60.
[6]) *Vaulabelle*—tome II, стр. 69, примѣч. 1, стр. 70.
[7]) «*Examen rapide*», стр. 23.

гіи, напр. относительно Бельгіи, столь хорошо инкорпорированной съ Франціей и обладаніе которой было гарантировано Франціи столькими трактатами. „Она окончательно отнята у насъ", жалуется авторъ, отчасти по слабости короля, отчасти же по положенію, въ которое поставилъ насъ графъ Артуа (Monsieur), отдавъ непріятелю всѣ наши крѣпости". Англія возвращаетъ Франціи часть завоеваній въ колоніяхъ, но сохраняетъ Мальту, которая вмѣстѣ съ Гибралтаромъ дѣлаетъ ее владычицею Средиземнаго моря; унизительныя условія наложены на нашъ флотъ, уступлены работы порта Антверпена. Всѣ эти ошибки необходимо возлагаются на короля, который не можетъ извиняться трудностью своего положенія: „несчастіе правительствъ, не внушающихъ довѣрія, то, что сами несчастія ставятся имъ въ преступленія" [1]). Европа удивляется тому, что одно древнее дворянство, не знающее измѣнившейся за послѣднія 25 лѣтъ Франціи, назначается на посольскія должности.

Вся эта внутренняя и внѣшняя система новаго правительства повліяла на потерю Бурбонами уваженія и довѣрія большей части націи; но Бонапарту помогаетъ еще поведеніе вѣнскаго конгресса и роль, принятая на немъ Франціей. „Вѣнскій конгрессъ", продолжаетъ неизвѣстный, „былъ только ужаснымъ рынкомъ людей, на которомъ съ народами обращались какъ съ подлыми стадами". Всѣ державы получили увеличеніе въ могуществѣ. Какъ же поставили себя на конгрессѣ Бурбоны? Они возвращаются къ старинной семейной своей политикѣ, тогда какъ современное состояніе Европы вынуждало ихъ замѣнить ее политикою національною. И вмѣсто того, чтобы поднять себя въ глазахъ французовъ настаиваніями на возвращеніе Бельгіи, они прежде всего заботятся о возстановленіи принцевъ ихъ семейства во владѣніяхъ странами, которыми они управляли до революціи; они требуютъ изгнанія Мюрата изъ Неаполя, т. е. нарушенія фонтенеблоскаго трактата, гарантировавшаго Неаполь Мюрату, а Парму, Пьяченцу и Гвасталу императрицѣ Маріи-Луизѣ. Этимъ оскорбились всѣ державы; особенно осязательно неудовольствіе проявлено императоромъ Францемъ. Поэтому „можно естественно заключить, что императоръ австрійскій одобритъ своего зятя, если онъ успѣетъ въ своемъ предпріятіи, или что онъ по крайней мѣрѣ не присоединится къ другимъ державамъ", если послѣднія объявятъ войну Франціи.

[1]) «Examen rapide», 34—36.

Бонапартъ, если онъ бросится въ Бельгію, встрѣтитъ во французахъ симпатію, а успѣхъ этой кампаніи упрочитъ его власть [1]).

Международное поведеніе Франціи и роль ея на конгрессѣ осуждаются и La Fayette'омъ. «Кабинетъ Талейрана былъ центромъ множества интригъ; подъ видомъ защиты подавленныхъ (поляковъ и саксонцевъ) онъ посѣялъ раздоръ между великими державами, заключивъ тайно союзъ съ Англіей и Австріей. Тайны французской дипломатіи служили въ концѣ концовъ только къ тому, чтобы оскорбить Россію и Пруссію болѣе, чѣмъ онѣ были оскорбляемы нашими предшествовавшими ошибками и убѣдить всѣ кабинеты, что вліяніе Франціи не было еще достаточно ослаблено». На конгрессѣ проповѣдывалась мораль парижскихъ салоновъ, вродѣ, напримѣръ, ничтожности обязательствъ, принятыхъ относительно узурпатора. Интриговали на конгрессѣ и противъ Наполеона: просили у конгресса, вопреки данному слову, о перевозкѣ его на островъ Святой Елены; кромѣ того ему не платили обѣщанныхъ субсидій и секвестровали часть движимыхъ имуществъ его семьи [2]).

La Fayette и неизвѣстный авторъ вѣрно изобразили намъ ошибки Бурбоновъ «вольныя и невольныя», ихъ систему, сводившуюся къ борьбѣ съ началами, перешедшими по наслѣдству отъ революціи, освященными въ хартіи. Мы не разъ высказывались тоже въ томъ смыслѣ, что легитимное начало, выставленное Франціею на конгрессѣ, совпадало съ частными интересами бурбонскаго дома и реставраціи; мы допускаемъ даже, что эти частные интересы имѣли подавляющее значеніе при попыткѣ Талейрана провести принципъ легитимизма въ международныя сношенія съ небольшими отступленіями, указанными силою непреодолимыхъ обстоятельствъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приведенныя нами мнѣнія о роли Франціи на вѣнскомъ конгрессѣ страдаютъ нѣкоторою односторонностью. Какъ бы ни разсуждать и ни осуждать роль Франціи, она все же выдвинула на конгрессѣ юридическій принципъ и старалась поддержать его, провести въ сферу международныхъ отношеній. Заключеніе же Талейраномъ союза съ Австріей и Англіей скорѣе помогло Франціи, давъ ей нѣкоторый вѣсъ въ дѣлахъ конгресса; Россія и Пруссія были раздражены безспорно. Но не случись казуса бѣгства Наполеона и 100 дней, совершенно непредвидѣннаго и не входившаго ни въ чьи комбинаціи и соображенія, опасныя послѣд-

[1]) «*Examen rapide*», стр. 63—67.
[2]) *La Fayette*, tome V, стр. 344—345.

ствія этого раздраженія могли вполнѣ парализоваться союзомъ Франціи съ Австріей и Англіей.

Какъ бы то ни было, но не такъ думало тогда большинство французовъ: „всякій убѣждался, что реставрація никогда не проститъ революціи, свободѣ, равенству“ [1]) и что „она не была больше въ гармоніи съ французскими идеями“ [2]). Если присовокупить къ этому недовольство Франціи трактатомъ 30 мая и положеніемъ Франціи на конгрессѣ, не будетъ удивительно, что было достаточно какихъ нибудь 10 мѣсяцевъ управленія Бурбоновъ, чтобы, говоря словами La Fayette'а, „возвратить популярность Бонапарту, котораго Франція ненавидѣла издавна, а армія перестала любить“. За Наполеономъ были побѣды и военная слава; за Бурбонами униженіе извнѣ, неумѣлость и недобросовѣстность внутри; Наполеонъ долго соединялъ съ арміей свои чувства, интересы и побѣды; Бурбоны безтактностью и оскорбленіями съумѣли подготовить армію къ тому, чтобы она бросилась въ объятія къ Бонапарту [3]).

Шествіе Наполеона по Франціи было полнымъ тріумфомъ. Войска быстро передавались ему, деревни были опьянены отъ восторга. Онъ съумѣлъ пробудить своими прокламаціями въ народѣ и арміи славныя воспоминанія и настоящее неудовольствіе. Роль правительства оказалась самою жалкою: оно проявило полное нравственное и физическое безсиліе. Ясно было, что Франція возненавидѣла Бурбоновъ и хочетъ навѣки разстаться съ ними. Правительство издаетъ разныя прокламаціи противъ Наполеона, обманываетъ общество печатаніемъ оффиціальныхъ бюллетеней о томъ, что „все обстоитъ благополучно“, что отовсюду „сыпятся къ королю адресы сочувствія“ со стороны городовъ и деревень. Все оказывается ложью и обстоятельства воочію убѣждаютъ парижанъ въ ничтожности этихъ успокоительныхъ увѣреній. Готовятъ сопротивленіе, которое можно было бы организовать при помощи національной гвардіи изъ парижской буржуазіи, не любившей Наполеона; но не умѣютъ привлечь ее къ себѣ въ критическую минуту; заигрываютъ съ либералами, ищутъ поддержки въ народѣ, жалѣютъ о нарушеніяхъ хартіи, торжественно вносятъ въ палаты, высказавшія намѣренія защищать короля, декларацію, въ которой весьма широко и либерально развивается принципъ хартіи; тутъ

[1]) *La Fayette*—tome V, стр. 335.
[2]) Ibidem, 349.
[3]) Ibidem, стр. 316.

же громко выражаютъ недовѣріе къ хартіи, отвергаютъ услуги La Fayette'а, продолжаютъ обманывать публику и готовятся къ тайному бѣгству изъ Парижа, хотя во всеуслышаніе кричатъ о твердомъ намѣреніи оставаться въ Парижѣ и защищать себя и народъ. Вся эта недостойная комедія, игравшаяся бездарными и слабыми людьми, кончается позорнымъ бѣгствомъ въ Гентъ и воцареніемъ Наполеона [1]). Роялисты утверждаютъ, что низверженіе Бурбоновъ и успѣхъ Наполеона во многомъ зависѣли отъ бонапартистическихъ интригъ и заговоровъ, организовавшихся за 10 мѣсяцевъ существованія реставраціи. Но извѣстно, что сами правительственные суды второй реставраціи, разсматривавшіе процессы „измѣнниковъ", доказали въ своихъ рѣшеніяхъ и процессахъ, что хотя бонапартистическій заговоръ и существовалъ болѣе или менѣе, но что *всѣ эти заговоры были ничто* въ сравненіи съ *внезапнымъ движеніемъ, произведеннымъ 10 мѣсячнымъ недовѣріемъ и негодованіемъ*, проявившимся при приближеніи трехцвѣтнаго знамени въ населеніи казармъ, деревень и въ значительной части городскаго [2]). А тутъ Наполеонъ съумѣлъ воспользоваться внѣшними проявленіями военныхъ и республиканскихъ формъ, что разомъ вызвало въ недовольномъ Бурбонами населеніи воспоминанія о славѣ и идеяхъ свободы, хотя замѣчательно, что природный деспотизмъ Наполеона, носившаго въ себѣ идею всемірнаго порабощенія, высказывался и въ этихъ обстоятельствахъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ, „названные имъ сперва (при высадкѣ на берегъ Франціи) *гражданами* обратились", говоритъ La Fayette, „*во французовъ* на полпути, сдѣлались уже *подданными* въ Парижѣ" [3]). Пущены имъ въ ходъ и вспомогательныя средства для обезпеченія успѣха: ложный слухъ о сдѣлкѣ съ Англіей и Австріей, что казалось вѣроятнымъ въ виду легкости его бѣгства и родства съ Францемъ австрійскимъ [4]). Но какъ, спрашивается, отнеслись къ событію либералы разныхъ фракцій и поддерживали ли они предпріятіе Наполеона? Tureau-Dangin объясняетъ это такъ: „этой фатальной эпохѣ должно приписать происхожденіе демагогическаго и псевдо-либеральнаго бонапартизма, который занялъ потомъ такое важное мѣсто въ пятнадцати-лѣтней оппозиціи" [5]). Уже на другой день послѣ своей

[1]) Подробности см. у *La Fayette'a*, tome V, глава I.
[2]) Ibidem, стр. 369.
[3]) Ibidem, стр. 370.
[4]) Ibidem, стр. 369.
[5]) *Tureau-Dangin*. «*Le Parti libéral*», стр. 15.

высадки Наполеонъ воззвалъ къ старой революціонной страсти, выставивъ себя поборникомъ народа противъ дворянства; „ослѣпленные же ненавистью къ Бурбонамъ, революціонеры отказывались предвидѣть, что Наполеонъ сдѣлаетъ изъ свободы и демократіи какъ только ему удастся отдѣлаться отъ коалиціи“. *Они соединились тогда съ императоромъ,* хотя этотъ не разъ проявлялъ и тогда уже при близкихъ ему людяхъ свое отвращеніе и нерасположеніе къ роли, играть которую онъ осудилъ себя на нѣсколько мѣсяцевъ [1]). И тогда какъ нѣкоторые изъ партіи „les constitutionnels“ (Royer-Collard и Guizot) дѣлали попытки, которыя могли тогда подготовить вторую реставрацію, побуждая Людовика XVIII отказаться еще полнѣе отъ стараго режима, лѣвая сторона полагала, что „нація должна спастись при помощи и чрезъ императора“. Самъ Бенжаменъ-Констанъ, не обманывавшійся насчетъ намѣреній и будущаго режима Наполеона, сталъ защищать дѣло императора; La Fayette тоже обѣщалъ присоединить свои усилія для того, чтобы „отбросить иностранныя державы и Бурбоновъ, которые призвали ихъ“. Партія эта „готова была предложить корону хоть великому моголу, только бы не Бурбонамъ [2]). Такимъ образомъ вышло, что либеральная лѣвая соединилась противъ Бурбоновъ съ имперіалистами [3]) на *почвѣ защиты революціи и общаго нападенія на монархистовъ, подъ вліяніемъ страха предъ древнимъ режимомъ и ненависти къ Бурбонамъ* [4]).

b) Отношенія державъ къ Наполеону, Бурбонамъ и Франціи.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что *всѣ державы,* узнавъ о бѣгствѣ Наполеона и его планахъ захватить вновь верховную власть во Франціи, оказались единодушными въ намѣреніи не входить съ нимъ ни въ какія соглашенія, разсматривать Наполеона какъ узурпатора и не признавать его законнымъ сувереномъ націи. Это рѣшено безъ всякихъ пререканій или колебаній и новое низложеніе Бонапарта было принято въ прин-

[1]) *Tureau-Dangin.* «Le Parti libéral», стр. 16—19 (интересныя подробности).
[2]) Ibidem, стр. 20—23.
[3]) Ibidem, стр. 25.
[4]) Ibidem, 77 (много интересныхъ подробностей на стр. 68—77).

ципѣ уже въ деклараціи державъ (отъ 13-го марта 1815 г.), подписавшихъ парижскій трактатъ, несмотря на всѣ происки Наполеона, искавшаго раздѣлить союзниковъ, и на письмо министра Коленкура къ представителямъ важнѣйшихъ кабинетовъ Европы (отъ 4-го апрѣля 1815 года), въ которомъ министръ объявляетъ торжественно, что „общее движеніе, которое влекло народъ и армію къ законному монарху (Наполеону), заставило фамилію Бурбоновъ искать спасенія на чужеземной землѣ“, и что императоръ „расположенъ уважать права другихъ націй“ [1]). Когда же Наполеонъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Австріей, послѣдняя дѣйствовала весьма добросовѣстно: въ письмѣ Fouché (9-го апрѣля 1815 года) Меттернихъ неуклончиво заявляетъ, что „державы не желаютъ Наполеона, будутъ вести съ нимъ войну не на животъ, а на смерть, но желаютъ не дѣлать войны Франціи. Но *онѣ не имѣютъ намѣренія вмѣшиваться* въ вопросы національности или *въ желанія націи касательно ея правительства*“ [2]). А въ инструкціи Меттерниха Ottenfels'у, посланному для переговоровъ съ секретнымъ посланцомъ Наполеона въ Базель, государственный мужъ, отвергая всякія сдѣлки и комбинаціи съ Наполеономъ, высказываетъ отъ имени державъ слѣдующее: державы пригласятъ въ новомъ трактатѣ Людовика XVIII вернуться, „*если Франція желаетъ имѣть его*“. Онѣ, державы, желаютъ „служить національному дѣлу, удаляя эмигрантовъ и *уничтожая препятствія, которыя окружающіе короля поставили на пути къ установленію новаго порядка вещей*“. Если же Франція остановится на герцогѣ Орлеанскомъ, державы „будутъ служить посредниками для того, чтобы пригласить *короля и его наслѣдниковъ къ отказу отъ ихъ притязаній;* въ случаѣ, наконецъ, желанія Франціи имѣть регентство, *этому не будутъ противиться*, хотя Австрія далека отъ этого желанія“ [3]). Итакъ, слѣдовательно, устраняя окончательно Наполеона, не желали вновь навязывать Франціи Бурбоновъ, а намѣревались спросить саму Францію и предоставить ей свободный выборъ правительства. Во всякомъ же случаѣ *обѣщано вліять* на Людовика XVIII въ смыслѣ укрѣпленія конституціонныхъ началъ во Франціи, но прямо ничего не говорится о гарантіяхъ этого въ будущемъ трактатѣ. Очевидно, знали и

[1]) *Klüber*—tome IV, стр. 235 и 254.
[2]) *Metternich*—tome II, стр. 516.
[3]) Ibidem, стр. 515.

убѣдились въ непопулярности Бурбоновъ и по всей вѣроятности не желали раздражать Францію открытымъ признаніемъ своего намѣренія принять на себя защиту Людовика XVIII для возстановленія его на престолѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ колебанія, замѣчавшіяся въ руководящихъ сферахъ конгресса насчетъ существеннаго для Людовика XVIII вопроса, не высказаны въ открытыхъ, торжественныхъ декларацiяхъ державъ. Въ декларацiи 13-го марта 1815 года союзники берутъ на себя защиту его легитимной власти и оставляютъ за собою этою декларацiей возможность призвать при благопріятныхъ обстоятельствахъ вновь Людовика XVIII. Такъ, въ ней обѣщана необходимая помощь королю Франціи и націи для возстановленія публичнаго спокойствія. Оправдывается это тѣмъ, что, во-первыхъ, король былъ еще на престолѣ, а не отказался отъ защиты своей страны и короны (онъ бѣжалъ въ Гентъ, гдѣ окружилъ себя министрами и откуда, будто бы, управлялъ Франціей, посылая манифесты къ народу и арміи). Во-вторыхъ, французская нація терпѣла вторженіе открытой силы противъ своего желанія, и если бы не давленіе со стороны Наполеона, она, конечно, молила бы о помощи своихъ союзниковъ; въ-третьихъ, спокойствіе общественное нарушено во Франціи, почему и необходимо для его возстановленія вмѣшательство иностранныхъ державъ; наконецъ, въ-четвертыхъ, другія правительства затронуты и скомпрометированы паденіемъ фамиліи, царствовавшей во Франціи. Такъ писалось *оффиціально*, для публики и Франціи, но, какъ мы видѣли выше и увидимъ еще и ниже, уже не симпатизировали Людовику XVIII, понимали трудность его возстановленія.

Новое французское правительство не оставило безъ отвѣта декларацію 13-го марта. Въ Moniteur'ѣ (5-го апрѣля 1815 г.) обнародованъ отвѣтъ, въ которомъ правительство Наполеона излагаетъ свой взглядъ на вопросъ о законности верховной власти. поставленной въ декларацiи 13-го марта на династическую точку зрѣнія. Правительство „узурпатора“ объявляетъ прежде всего, что „Людовикъ XVIII больше не на престолѣ и не во Франціи“, и дѣло идетъ вовсе не о томъ, чтобы *поддержать его во владѣніи его властью*, а о томъ, чтобы *возвратить ему эту власть*, для чего пришлось бы сдѣлать именно революцію противъ порядка уже прочнаго и противъ состоянія уже спокойнаго. Державы желаютъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ и чтобы народы не были вновь принесены въ жертву безпорядкамъ и несчастіямъ революціи. Это желаніе могло заставить ихъ объявить

себя противъ Наполеона при первой вѣсти о его высадкѣ и когда они видѣли въ немъ только претендента неувѣреннаго въ успѣхѣ, выступающаго противъ престола, мирно занятаго другимъ, и могли думать, что война во Франціи возмутила бы общее спокойствіе и повергла бы вновь Францію въ революціонные безпорядки и несчастія. Теперь же „императоръ состоитъ въ полномъ и неопровержимомъ владѣніи“ верховною властью надъ Франціей; оспаривая это владѣніе, поддерживая Людовика XVIII, сдѣлавшагося опять претендентомъ, вновь вернутъ всѣ эти несчастія и безпорядки. Кромѣ того, нельзя утверждать, какъ это дѣлаютъ союзники, что французская нація была жертвою насилія. Не было ни одного пушечнаго выстрѣла, не пролито ни одной капли крови, не оказано никакого сопротивленія: Бурбоны и ихъ сторонники почувствовали себя въ столь маломъ числѣ, что не пытались даже принять какія-нибудь оборонительныя мѣры. *Они пали потому, что ни на что не опирались* и *что зданіе ихъ призрачнаго правительства не имѣло ни основаній, ни прочности.* Если бы Бурбоны хотѣли сдѣлать свое управленіе національнымъ, они продолжали бы царствовать. Императоръ же национализировалъ свое управленіе. Такимъ образомъ державы, нападая теперь на Францію, дѣйствовали бы *противъ національной воли.* Все дѣло весьма просто: великая нація, смѣлая и сильная, перемѣнила главу правительства и иностранцы не могутъ противъ этого ничего сказать. Не болѣе вѣрно и третье соображеніе союзниковъ, такъ какъ нигдѣ во Франціи нѣтъ никакихъ симптомовъ безпорядковъ или проявленій гражданской войны. Принцы Бурбонскаго дома глубоко убѣдились въ этомъ: во всѣхъ концахъ Франціи древняя династія увидѣла свое полное безсиліе защищаться, ту же невозможность возстановить себя. Что же касается, наконецъ, до ссылки державъ на парижскій трактатъ, то онъ существуетъ *и непріятенъ императору, какъ и всякому французу.* Но, желая мира, императоръ „не выйдетъ изъ границъ, постановленныхъ въ томъ трактатѣ“. Онъ возвращается во Францію съ новой системой *внѣшней* и внутренней; для первой *онъ отказывается отъ идеи великой имперіи,* для второй же онъ желаетъ *свободной конституціи* [1]).

Трудно было лучше защищать начало верховной власти, основанной на рѣзко проявившихся симпатіяхъ народа и фактической несостоятельности предшествовавшаго правительства къ оборонѣ и

[1]) *Klüber*—tome VI, № 10, стр. 254—261.

самозащитѣ. При всемъ томъ защита эта одностороння и игнорируетъ *международную* сторону вопроса. А съ этой-то стороны не могло быть никакого сомнѣнія въ правѣ государствъ, извѣдавшихъ горькимъ опытомъ невозможность мирнаго сожительства съ Франціей подъ руководствомъ Наполеона, съ его стремленіями къ порабощенію государствъ и перетасовкѣ европейской политической карты, не признавать его какъ „hostis totius mundi“ во имя солидарности интересовъ между народами. Положимъ, Наполеонъ обѣщалъ измѣнить свою прежнюю политику въ политику мира и уваженія къ существующимъ трактатамъ, ссылался на любовь къ нему народа. Но относительно перваго можно замѣтить, что коалиціи нужны были не слова, а реальныя или нравственныя гарантіи, которыхъ Наполеонъ не могъ дать. Что касается до любви народной, то она не играетъ здѣсь никакой роли: международный союзъ руководится здѣсь *въ каждомъ* отдѣльномъ случаѣ соображеніями о степени опасности извѣстнаго суверена для независимости другихъ государствъ и если прошлое и обстоятельства настоящаго указываютъ на невозможность безъ разрушенія основнаго принципа международнаго права (независимости и самостоятельности государствъ, членовъ международнаго союза) установленія modus vivendi съ извѣстнымъ сувереномъ, то союзники въ правѣ *во имя интересовъ* цѣлаго (международнаго союза) требовать принесенія въ жертву интереса одной изъ составныхъ частей союза (отдѣльнаго государства), т. е. низложить суверена хотя бы и любимаго націей. Изъ этого всеконечно отнюдь не вытекаетъ для нихъ право избранія новаго правителя, или самой формы правительства. Съ этой-то *международной точки* зрѣнія можно только согласиться съ объявленіемъ оффиціальной вѣнской газеты (отъ 26 апрѣля 1815 г.), направленнымъ противъ сейчасъ излагавшейся статьи „Moniteur'a“; въ немъ актъ изгнанія Бонапарта разсматривается какъ основанный „на справедливости и на законныхъ интересахъ націй“ [1]). Въ протоколѣ же конференціи державъ (отъ 12 мая 1815 г.), подписавшихъ парижскій трактатъ, прямо защищается мысль, что „*положеніе Бонапарта* относительно державъ Европы *не измѣнилось* послѣ первыхъ успѣховъ его предпріятія или событіями, происшедшими со времени его прибытія въ Парижъ“. Предложеніе же его гарантировать парижскій трактатъ „тоже не можетъ измѣнить предначертанія державъ“. Въ протоколѣ нападается и на самый способъ происхожденія власти

[1]) *Klüber*—tome VI, стр. 276.

Бонапарта: „Вступленіе Бонапарта во Францію было возбужденіемъ народа и арміи къ возмущенію противъ *легитимнаго* государя“ [1]).

Участь Бонапарта окончательно была рѣшена; печальная участь грозила и реставраціи Людовика XVIII. Выше уже указано было на то, что Австрія готова была предоставить Франціи выборъ главы новаго правительства, который, безъ сомнѣнія, не палъ бы на Людовика XVIII. Императоръ же Александръ относился къ Бурбонамъ уже прямо враждебно и не желалъ новой реставраціи. Еще до 100 дней, въ салонѣ у г-жи de Staël, царь въ разговорѣ съ la Fayette'омъ жаловался ему на Бурбоновъ, „которые имѣютъ только предразсудки стараго режима“; несчастіе „не исправило ихъ и они неисправимы, кромѣ герцога Орлеанскаго, обладающаго *либеральными идеями*“. Когда же La Fayette спросилъ его: „зачѣмъ же призвали Бурбоновъ“,—императоръ слагалъ съ себя отвѣтственность въ этомъ, говоря, что „ихъ (Бурбоновъ) отовсюду присылали ему“. Но ему „ничего не оставалось дѣлать, когда депутаты Франціи вошли въ соглашеніе съ королемъ“ [2]). Еще ранѣе этого разговора царь имѣлъ бесѣду о томъ же предметѣ съ принцемъ Евгеніемъ (передается графомъ Lavalette съ его мемуарахъ), въ которой царь выразилъ опасеніе, что ему „придется раскаяваться въ реставраціи Бурбоновъ“ [3]). Во время 100 дней Александръ I уже прямо враждебенъ Бурбонамъ и не стѣсняясь высказалъ это лорду Clancarty (замѣнившему на конгрессѣ Кэстльри и Веллингтона). Послѣдній отказывался подписать проектъ деклараціи 13 марта потому, что онъ не заключалъ въ себѣ *прямаго* обѣщанія союзниковъ возстановить Бурбоновъ во Франціи. Въ воспослѣдовавшемъ по этому поводу разговорѣ Кланкарти съ императоромъ Александромъ, первый стоялъ на легитимистической точкѣ зрѣнія. Императоръ же полагалъ, что низложеніе Бонапарта есть только половина всего дѣла. Останется еще озаботиться безопасностью Европы, которая не можетъ быть спокойна пока Франція не станетъ спокойною; а это найдетъ мѣсто только съ правительствомъ подходящимъ ко всѣмъ. Бурбоны не удовлетворяютъ этому условію. Они имѣютъ за себя ту часть націи, которая всегда была только пассивна, переносила въ теченіи 26 лѣтъ всѣ революціи, умѣла страдать отъ нихъ, но не препятствовала ни одной изъ нихъ. Другая же

[1]) *Klüber*—tome VI, стр. 292—300.
[2]) *La Fayette*—tome V, стр. 309—311.
[3]) *De Lavalette*, «Mémoires», tome II, стр. 126—127. Vaulabelle—tome II, стр. 89—90.

часть, которая кажется цѣлой націей, такъ какъ она одна показывается, дѣйствуетъ и господствуетъ, захочетъ ли подчиниться и будетъ ли вѣрной правительству, которому она только что измѣнила? И можно ли навязать его вопреки ея волѣ, не придется ли вести за нее истребительную войну? И если бы даже возстановленіе правительства короля было легко, то, не имѣя увѣренности въ будущей прочности его, для Франціи и Европы пріуготовятъ только новыя бѣды; а если приключившееся повторится еще разъ, то еще вопросъ—будутъ ли союзники соединены, какъ въ настоящую минуту, и будутъ ли они имѣть около милліона людей подъ ружьемъ? При наличности же тѣхъ же элементовъ безпорядка имѣются ли вѣроятія къ тому, чтобы правительство короля сдѣлалось болѣе прочнымъ, чѣмъ прежде? Онъ, царь, *лично желаетъ* возстановленія Бурбоновъ и сходится въ этомъ съ прочими державами, но должно имѣть въ виду *возможность* непреодолимыхъ затрудненій. О регентствѣ не можетъ быть и рѣчи: Марія-Луиза не хочетъ возвращаться во Францію. Согласить всѣ разнообразные интересы можетъ только герцогъ Орлеанскій: онъ французъ, Бурбонъ и женатъ на представительницѣ этого дома, имѣетъ сыновей, служилъ въ молодости конституціонному дѣлу, носилъ трехцвѣтную кокарду. Онъ соединилъ бы вокругъ себя всѣ партіи [1]).

Слѣдовательно, императоръ Александръ I былъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ не прочь нанести началу легитимизма смертельный ударъ. Тайлеранъ жалуется Людовику XVIII на то, что царь „мало понимаетъ принципъ легитимизма“ и приказалъ даже, не ожидая отвѣта англійскаго правительства, напечатать во франкфуртской газетѣ статью, въ которой выражено, что державы желаютъ только низвергнуть Наполеона, но отнюдь не намѣрены ни вмѣшиваться во внутренній режимъ Франціи, ни навязывать ей правительство. Талейранъ же утверждаетъ, что царь одинъ былъ этого мнѣнія, но что Пруссія, Англія и Австрія намѣрены поддерживать легитимное правительство Франціи [2]). Замѣчательно, что царь жаловался на неумѣнье Бурбоновъ согласить свою власть съ требованіями новаго времени и новаго поколѣнія, на дурной выборъ министровъ и приближенныхъ къ королю лицъ. Императоръ думалъ, что Людовикъ XVIII, будь онъ одинъ, подходилъ бы Франціи, былъ бы любимъ и уважаемъ въ ней, но какъ онъ

[1]) *Talleyrand*—Correspondance, стр. 403—409.
[2]) Ibidem, стр. 409—410.

не можетъ быть отдѣленъ отъ всего, что его окружаетъ, то царь опасается, что король никогда не укрѣпится въ ней [1]). Послѣ этихъ здравыхъ разсужденій русскаго государя о внутреннемъ положеніи Франціи не странно ли звучитъ ѣдкое замѣчаніе Талейрана, который увѣряетъ Людовика XVIII, что „языкъ императора болѣе зависитъ отъ каприза и философскихъ идей, преобладающихъ въ немъ, чѣмъ отъ прочно установившагося разсчета“ [2]).

Въ концѣ концовъ Наполеонъ вновь низвергнутъ, *Бурбоны вновь возстановлены*. Новымъ пораженіемъ Франціи хотѣли воспользоваться нѣкоторые изъ союзниковъ; такъ, нѣмцы требовали возвращенія Альзаса и Лотарингіи (особенно фонъ-Гагернъ); другіе союзники—денежной контрибуціи, занятія французской территоріи союзными войсками, и т. д. Претензіи нѣмцевъ на Альзасъ и Лотарингію не были признаны; самъ Гентцъ доказывалъ въ послѣдствіи, что отторженіе этихъ провинцій не оправдывалось ни давностью ихъ владѣнія Франціею, ни рядомъ трактатовъ, утвердившихъ это владѣніе за послѣднею, ни, наконецъ, соображеніями о *необходимости* „упрочить во Франціи домъ Бурбоновъ“, что было „величайшею и настоятельнѣйшею обязанностью державъ“. „Тяжелѣйшія денежныя жертвы“, возражаетъ Гентцъ своимъ соотечественникамъ, „самыя чувствительнѣйшія униженія забываются“. Еще можно было найти успокоительныя основанія насчетъ потери отдѣльныхъ пограничныхъ округовъ и крѣпостей; „но Бурбонскому дому никогда не было бы прощено отторженіе отъ французской территоріи значительныхъ провинцій; между царственной семьей и націей появился бы вѣчный разрывъ“, королю же и его преемникамъ оставалось бы только въ благопріятную минуту попытаться возвратить потерянное [3]). Французскіе же писатели, напр. de Pradt, жаловались на то, что Европа въ 1814 году оказала Франціи слишкомъ много довѣрія, въ 1815 же слишкомъ много недовѣрія. „Слѣдовало довѣриться Франціи въ 1815 и недовѣрять ей въ 1814 году“. „Конечно“, отвѣчаетъ Гентцъ, „союзники отчасти виноваты въ томъ, что предоставили послѣ 1814 года Францію и вновь возстановленный въ ней тронъ самимъ себѣ; но какъ же было не присудить Францію къ платежу контрибуціи за войну“, которую союзники вели

[1]) *Talleyrand*—Correspondance, стр. 411—412.
[2]) Ibidem, стр. 413.
[3]) V. *Gentz*. «Briefe und vertraute Blätter», изд. Schlesier'a, Theil II, стр. 422—423.

съ Наполеономъ (а на эту контрибуцію жалуется de Pradt [1]): „самъ же французскій народъ, именно его дѣйствующая, пишущая, говорящая масса, принимающая рѣшенія, образующая по современнымъ понятіямъ народъ, дала Наполеону войско, оружіе и полномочія“. Но одно изъ двухъ—или союзники воевали съ законнымъ правительствомъ Франціи; въ такомъ случаѣ они въ правѣ были требовать у нея территоріальныхъ уступокъ и другихъ реальныхъ гарантій, какія возлагаются обыкновенно побѣдителями на побѣжденныхъ; или же союзники, становясь на точку зрѣнія строжайшаго легитимизма, вели войну въ *союзѣ съ законнымъ королемъ Франціи* противъ узурпатора, для освобожденія народа и государства отъ хищническаго захвата узурпаторомъ верховной власти. Намъ извѣстно, что державы стали именно на эту вторую точку зрѣнія, что король былъ приглашенъ къ участію въ союзѣ, что война считалась веденною не противъ него и его народа, а противъ Наполеона, и т. д. Но въ этомъ второмъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь завоеваніяхъ у Франціи, о которыхъ мечтали Гумбольдтъ и фонъ-Гагернъ. Въ этомъ смыслѣ представлена русская нота: Франція не была для союзниковъ страною непріятельскою, а союзническою, почему не можетъ быть и рѣчи о правѣ завоеванія. Ослаблять силы французской націи для того, чтобы вынудить ее уважать правительство, которое Европа желаетъ признать какъ легитимное, было бы для нея бѣдствіемъ и „можетъ быть даже оправданіемъ всѣхъ ужасовъ революція“. Поэтому-то реальныя гарантіи, которыя державы могутъ требовать отъ Франціи, не должны быть основаны на правѣ завоеванія [2]). Сильно и съ величайшею послѣдовательностью развиты эти мысли въ отвѣтной нотѣ французскаго министра, герцога Ришельё (отъ 21 сентября 1815 г.). Территоріальныя уступки необходимо истекаютъ изъ завоеванія, а это послѣднее изъ состоянія войны. *Но исключая изъ войны государя страны не дѣлаютъ* войны послѣдней, а ведутъ ее только противъ бóльшаго или меньшаго числа лицъ въ этой странѣ. Результатомъ войны этого рода можетъ быть только возвращеніе потеряннаго въ пользу того, кого признаютъ законнымъ владѣльцемъ утерян-

[1]) *De Pradt.* «L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle». Paris. 1818—19 года. Глава I (поведеніе Европы по отношенію къ Франціи съ 1813 г. по ахенскій конгрессъ). Обширную критику этого сочиненія см. у v. *Gentz*, Theil II, стр. 88—155, особенно же стр. 101—103.

[2]) *Flassan*—tome II, 449—451.

наго. Конечно, можно перестать признавать законнымъ государемъ и перенести суверенитетъ на тѣхъ, съ которыми сражаются. Но тогда придется признать и освятить доктрины, перевернувшія столько престоловъ, противъ которыхъ вся Европа вынуждена была вооружиться. Или же приходится допустить, что суверенитетъ можетъ разомъ покоиться въ двухъ лицахъ. *Но суверенитетъ существенно* и *вездѣ одинъ* и *не можетъ раздѣляться*, одна и та же страна не можетъ въ одно и то же время имѣть двухъ сувереновъ. Но сами союзныя державы разсматривали предпріятіе Бонапарта и его приверженцевъ какъ величайшее преступленіе, не переставали ни одной минуты разсматривать его христіаннѣйшее величество королемъ Франціи, а слѣдовательно и права, принадлежащія ему въ этомъ качествѣ, продолжали быть съ нимъ въ отношеніяхъ мира и дружбы, признавъ это формально въ деклараціи 13-го марта, въ трактатѣ же 25-го марта король принятъ въ ихъ союзъ противъ общаго врага. Справедливо, конечно, требовать отъ Франціи вознагражденія за жертвы союзниковъ на войну на пользу общую; но самое вознагражденіе ихъ должно быть той же природы, какъ и самыя жертвы, т. е. денежное, такъ какъ „союзныя державы не пожертвовали территоріями". Далѣе Ришельё говоритъ, что территоріальныя уступки, требуемыя у короля, будутъ сочтены ему въ преступленіе, какъ если бы онъ, король, „купилъ ими помощь державъ"; а это было бы препятствіемъ къ укрѣпленію королевскаго правительства, столь существеннаго для легитимныхъ династій и необходимаго для покоя Европы. Само „равновѣсіе", для установленія котораго державами принесено столько жертвъ, значительно пострадаетъ: сами державы намѣтили пространство, которое должна была имѣть Франція; какимъ же образомъ то, что ими же считалось необходимымъ годъ назадъ, перестаетъ быть необходимымъ теперь?.. Въ заключеніе нота проситъ возстановленія древнихъ границъ, соглашаясь на уплату контрибуціи и на временное занятіе Франціи войсками [1]).

Второй парижскій миръ (1815 г.) дѣлаетъ Франціи нѣкоторыя пограничныя исправленія (возвращаетъ ее къ границамъ 1789 г.), налагаетъ на нее громадную контрибуцію, опредѣляетъ военное занятіе ея территоріи на 5 лѣтъ. И если все это нѣмцамъ казалось мало, то во Франціи всѣ партіи, кромѣ крайней

[1]) *Flassan*—tome II, стр. 455—463.

роялистической, негодовали. Самъ Шатобріанъ, хотя конституціоналистъ, но все же горячій защитникъ Бурбоновъ, не могъ хорошо отстоять ихъ за унизительные для Франціи парижскіе трактаты 1814—15 годовъ [1]). А главное—вновь водворили Бурбоновъ: „легитимизмъ былъ водворенъ со всѣмъ его багажемъ старыхъ людей, старыхъ воспоминаній и старыхъ предразсудковъ, легитимизмъ, имѣвшій силу повсюду кромѣ самого себя и крещеніемъ котораго была кровь 2 мил. французовъ, умершихъ за него на поляхъ сраженій“ [2]). Онъ оказался, говоря словами того же автора, достоинъ своей миссіи и обязательствъ: трактаты 1815 года были „прокламаціею нашего пораженія, санкціей нашего вассальничества, допущенія непріятелей въ нѣдра земли, введенія коммиссаровъ священнаго союза (намёкъ на герцога Ришельё) во главѣ нашихъ дѣлъ“. Эти трактаты были въ одно время „лигою королей противъ Франціи и лигою абсолютизма противъ свободы, были манифестомъ насилія и несправедливости противъ слабости и права“ [3]). Но, спрашивается, какъ бы ни былъ непріятенъ и тяжелъ для французовъ второй парижскій трактатъ, получилъ ли народъ, которому насадили вопреки его воли легитимизмъ, этотъ „принципъ старой, феодальной монархій, вступившей въ заговоръ съ Европою противъ свободы и французской независимости“, хоть какія-нибудь гарантіи конституціонной свободы, нарушавшейся Бурбонами въ первую реставрацію? На сей разъ державы уже не могли ошибаться насчетъ непопулярности Бурбоновъ; сами они боялись, какъ мы видѣли, комбинацій, которыя рѣшительно воспротивятся второй реставраціи. Нѣтъ; и на этотъ разъ не обезпечили Франціи пользованіе конституціею, предоставили все естественному теченію событій, проявили поразительную односторонность, давъ власть Бурбонамъ и позабывъ подданныхъ. Если при этомъ думали дѣйствовать во имя легитимизма, то все же должны были озаботиться гарантіями конституціи въ трактатѣ, такъ какъ первая реставрація была признана, если и не формально, то фактически только подъ условіемъ извѣстныхъ конституціонныхъ свободъ. Крайній роялистъ могъ бы оправдывать это одностороннее

[1]) См. особенно его памфлетъ—«Réflexions politiques sur quelques écrits du jour et sur les intérêts de tous les français». Paris. 1814 г., особенно главу XII, стр. 61.

[2]) *De Brigueville*, депутатъ de la Manche'a, авторъ новаго предложенія объ изгнаніи Карла X и его семейства,—отвѣтъ на брошюру Шатобріана: «De la nouvelle proposition relative au bannissement de Charles X et de sa famille». Paris. 1831; особенно стр. 6—7.

[3]) *De Brigueville*, стр. 7.

невмѣшательство во внутреннія дѣла Франціи только размышленіями о необходимости укрѣпить монархическую власть, понесшую новый ударъ во время 100 дней, выдвинувшихъ революціонные принципы, новаго торжества которыхъ такъ испугалась Европа. Но если такъ, то отъ державъ можно бы требовать извѣстной послѣдовательности въ абсолютистическомъ смыслѣ. Однако же союзники все время не перестаютъ увѣщевать Людовика XVIII въ Парижѣ и Гентѣ (чрезъ Талейрана) въ либеральномъ духѣ. Такъ, князь Талейранъ излагаетъ предъ королемъ Людовикомъ XVIII *съ согласія и одобренія державъ* цѣлую теорію конституціоннаго легитимизма. „Нѣкогда", пишетъ онъ, „авторитетъ религіи могъ дать поддержку авторитету государственной власти; теперь онъ безсиленъ, такъ какъ религіозный индифферентизмъ проникъ во всѣ классы и сдѣлался въ нихъ общимъ достояніемъ". Что же необходимо для того, чтобы внушить народамъ довѣріе къ легитимной власти и сохранить ей уваженіе, обезпечивающее ея прочность? Когда начинаютъ думать, что злоупотребленія этой власти перевѣшиваютъ выгоды, которыя она можетъ доставить, приходятъ къ тому, что начинаютъ разсматривать легитимизмъ какъ химеру. Противодѣйствовать этому можно только посредствомъ такого построенія этой власти, которое отняло бы всѣ мотивы страха. Поддержку же государственная власть можетъ найти только въ общественномъ мнѣніи; она найдетъ эту поддержку, когда народы увидятъ, что правительство, всемогущее для того, чтобы устроить ихъ счастіе, не въ состояніи сдѣлать ничего противнаго ему. Но для этого требуется наличность увѣренности въ томъ, что на пути верховной власти не будетъ ничего произвольнаго. Не достаточно, чтобы довѣріе было основано на добродѣтеляхъ и великихъ качествахъ государя, которые погибаютъ вмѣстѣ съ нимъ; нѣтъ, оно должно быть основано на силѣ учрежденій, которыя постоянны; мало того, учрежденія должны установить форму правительства, которую общее мнѣніе вѣка разсматриваетъ какъ единственно способную для этой цѣли. Желаютъ гарантій какъ для государя, такъ и для подданныхъ. Но ихъ нельзя имѣть, если личная свобода не будетъ закономъ поставлена внѣ всякаго нападенія на нее, если свобода прессы не будетъ вполнѣ обезпечена и если законы не ограничатся наказаніемъ проступковъ ея; если судебное сословіе не будетъ независимо и не составлено изъ несмѣняемыхъ членовъ и право судить будетъ сохранено въ извѣстныхъ случаяхъ за администраціей или за всякимъ другимъ учрежденіемъ кромѣ судовъ;

если министры не будутъ солидарно отвѣтственны за отправленіе ихъ власти, а въ совѣты государя войдутъ другія лица кромѣ отвѣтственныхъ; если, наконецъ, законъ не будетъ выраженіемъ воли, образованной соединеніемъ трехъ различныхъ волей. „Всѣ эти мнѣнія", продолжаетъ Талейранъ, „не суть болѣе въ настоящее время достояніе одной страны, а общее почти всѣмъ". „Я собралъ ихъ среди преній и обсужденій собравшейся Европы; ими проникнуты государи и ихъ министры, съ которыми я бесѣдовалъ; они выражены во всѣхъ письмахъ посольствъ Австріи и Россіи въ Лондонѣ и въ письмахъ Кэстльри". Нѣтъ ни одного государя, ни одного министра, которые, бывъ испуганы послѣдствіями, какія должна имѣть система правительства Фердинанда VII въ Испаніи, не жалѣли бы горько, что Фердинандъ VII могъ войти вновь на свой престолъ безъ того, „чтобы Европа не наложила на него условіе дать своей странѣ учрежденія, которыя были бы въ гармоніи съ идеями времени" [1]). Очень странно звучитъ это сожалѣніе по поводу Фердинанда, шедшаго по пути крайняго абсолютизма, если сравнить положеніе Испаніи и Франціи. Въ первой ошибка державъ была непоправима; во второмъ случаѣ всецѣло отъ нихъ зависило обязать Людовика XVIII какъ conditio sine qua non извѣстными конституціонными ограниченіями во второмъ парижскомъ мирѣ. И однако трактатъ 1815 года остался глухъ и нѣмъ къ справедливымъ требованіямъ французовъ. Ограничились сообщеніями и передачею чрезъ Талейрана Людовику различныхъ конституціонныхъ пожеланій и указаніями на рядъ безтактностей, которыя успѣло надѣлать легитимное правительство среди всей двусмысленности и затруднительности его положенія въ Гентѣ во время 100 дней. Далекіе отъ желанія перечислять эти пожеланія, совѣты и безтактности [2]), укажемъ только на неумѣніе правительства принять на себя достойную роль относительно державъ, вторгшихся во Францію. Бурбоны слишкомъ открыто положились на помощь союзниковъ, какъ на необходимую для ихъ возстановленія, стали въ положеніе какъ бы непріятелей Франціи, вмѣсто того, чтобы „стать между союзниками и французскимъ народомъ для возможнаго смягченія бѣдствій войны"; даже союзникамъ было непріятно извѣщеніе о посылкѣ значительнаго числа королевскихъ коммиссаровъ при союзническихъ арміяхъ, и т. д., и т. д.

[1]) *Talleyrand*—стр. 468—475.
[2]) Ibidem—стр. 475—483.

Мы позволимъ себѣ усумниться въ томъ, чтобы монархія могла упрочиться во Франціи даже въ томъ случаѣ, если бы союзники гарантировали ей къ трактатахъ самую широкую конституціонную свободу. Монархія съ ея традиціоннымъ режимомъ понесла въ революціи непоправимый, смертельный ударъ. Нація привыкла къ учрежденіямъ, трудно совмѣстимымъ съ монархическими формами, которыя, будучи ненавистны народу по своему прошлому, въ силу самаго существа своего стремились возсоздать и поддержать частицу стараго режима. Новымъ потребностямъ и новому времени должны были соотвѣтствовать и новыя государственныя формы. Но можно было бы поддержать агонію легитимной монархіи въ томъ случаѣ, если бы трактаты обязали Бурбоновъ старшей линіи добросовѣстно соблюдать конституцію. Этого не было сдѣлано; и вотъ уже чрезъ 15 лѣтъ (въ 1830 году) легитимная монархія рушится съ трескомъ; легитимизмъ чистой крови былъ замѣненъ quasi-легитимизмомъ во образѣ избраннаго монарха, „буржуазнаго короля“, котораго хотѣли сдѣлать родоначальникомъ новой легитимной фамиліи. Но и тогда уже многими замѣчена непрочность этого новаго зданія, создававшаго легитимизмъ на его отрицаніи въ самомъ принципѣ, выразившемся въ избраніи монарха. Комбинація эта лопнула въ 1848 году, оплакиваемая дипломатами школы Меттерниха и Гентца и небольшою группою отжившихъ людей Франціи.

5. Критическія замѣчанія о вѣнскомъ конгрессѣ.

Цѣлые томы можно бы наполнить изложеніемъ и оцѣнкою различныхъ мнѣній, высказанныхъ о вѣнскомъ конгрессѣ, его цѣляхъ, дѣяніяхъ и конечныхъ результатахъ!

Флассанъ только что не восхищается всѣмъ, что сдѣлано конгрессомъ; онъ весьма снисходителенъ къ пробѣламъ и ошибкамъ въ работахъ конгресса и строгъ въ оцѣнкѣ сужденій неблагопріятныхъ рѣшеніямъ вѣнскаго ареопага. Одни упрекаютъ, говоритъ онъ, конгрессъ въ томъ, что онъ „слишкомъ много сдѣлалъ“, устроивъ, напр., „соединенія государствъ съ формами, противными достоинству народовъ“. Но критики этого направленія сами не указали, „какъ можно дополнить государства, вновь составить и связать ихъ съ общею системою, не перемѣнивъ или не соединивъ части народовъ и даже цѣлыхъ народовъ“? Гдѣ тѣ насильствен-

ные акты, которые позволилъ себѣ конгрессъ? Присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи? Но признано было необходимымъ *возстановить* Пруссію въ объемахъ 1805 года; конгрессъ подпалъ въ этомъ случаѣ жестокой необходимости, извиняемой еще поведеніемъ государя Саксоніи. Укажутъ на инкорпорацію Генуи съ Пьемонтомъ! Но и въ этомъ случаѣ Флассанъ находитъ ловкій отвѣтъ: генуэзцы и безъ того мѣняли свои симпатіи, *нація эта болѣе счастлива* при этомъ присоединеніи, *вызванномъ небходимостью* усилить короля Сардиніи, чѣмъ она была „при бурномъ республиканскомъ режимѣ".

Эти два рѣшенія критиковали только потому, что „сдѣлали изъ нихъ частные вопросы вмѣсто того, чтобы видѣть въ нихъ мѣры общаго, европейскаго интереса". Указываютъ еще на Италію, говоря, что при Наполеонѣ она имѣла представительство и независимость. Но Наполеонъ располагалъ кровью, свободою и доходами итальянцевъ именно ради этихъ двухъ иллюзій. „Миланъ и Венеція во сто кратъ болѣе свободны и болѣе сообразуются съ ихъ нуждами подъ отеческимъ скипетромъ Франца I, чѣмъ подъ желѣзнымъ скипетромъ Наполеона I". Вдумываясь въ этотъ оригинальный способъ доказательствъ, не трудно подмѣтить, что существенная слабость ихъ, отнимающая у него всякое серьезное значеніе,—въ томъ, что Флассанъ оправдываетъ и доказываетъ свои мысли положеніями, которыя сами должны быть доказываемы.

Флассанъ полемизируетъ и съ тою группою мнѣній, которая желала бы принести общему интересу Европы въ жертву всякій частный или второстепенный интересъ. Безспорно правъ онъ, когда отдѣляетъ интересы отечества, которые не должны исчезать предъ всеобщимъ интересомъ иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда частный интересъ каждаго государства и интересъ общій примиряются. Но онъ не даетъ себѣ труда ни разъяснить, ни развить эту мысль; онъ не указываетъ предѣловъ, которыхъ тѣ и другіе интересы не должны переходить, хотя предъ нимъ имѣлся конкретный матеріалъ, въ которомъ возились дѣльцы конгресса, при разборѣ котораго Флассанъ могъ бы съ *своей точки зрѣнія* указать для каждаго отдѣльнаго случая предѣлы „ихъ же не прейдеши". Вмѣсто того, Флассанъ наивно упрекаетъ критиковъ конгресса за то, что они „забываютъ, что предметы сего міра чаще всего руководимы интересомъ нѣкоторыхъ могущественныхъ государей", и что „невозможно требовать отъ великихъ державъ конгресса полнаго самоотрицанія (незаинтересованности—abnégation parfaite)", такъ какъ монархи и „еще менѣе народы" никогда не прійдутъ

къ этой незаинтересованности. Слѣдовательно, самъ онъ сознается, что великія державы руководились чаще всего своими личными интересами и подкрѣпляетъ эту мысль ссылкою на частные трактаты, заключенные между ними, предрѣшившіе большую часть опредѣленій конгресса. Какъ бы чувствуя подъ собою шаткость почвы, авторъ спѣшитъ оговориться: въ основаніи своемъ этотъ европейскій интересъ есть именно „интересъ большинства государствъ Европы, связанный съ системами равновѣсія и сохраненія“. Возвеличивая постоянно роль и силу конгресса, самъ Флассанъ умаляетъ его значеніе, притомъ даже не вполнѣ справедливо съ этой стороны, утверждая, напр., что конгрессъ былъ „хозяиномъ почвы (maître du terrain) только относительно державъ третьяго порядка“. Иллюстрируя эту мысль, французскій авторъ приводитъ примѣры сильнаго сопротивленія депутатовъ кантона Ааргау, Испаніи, протестовавшей противъ возвращенія Оливенцы Португаліи. Факты эти сами по себѣ вѣрны; но развѣ нельзя насчитать фактовъ совершенно противнаго свойства, напр. съ Саксоніей? Приводимые Флассаномъ примѣры доказываютъ самое большее, что вопросы ааргаускій и оливенцскій сами по себѣ были крайне ничтожны и не играли ни малѣйшей роли въ рѣшеніи дѣлъ существенной важности, почему руководители и не обратили на нихъ серьезнаго вниманія, не намѣревались тратить свои могучія силы на порѣшеніе этихъ пустяковъ въ угодномъ имъ смыслѣ. „Если“, восклицаетъ Флассанъ, „конгрессъ потерпѣлъ неудачу по отношенію къ государствамъ второстепеннымъ, то какое же сопротивленіе встрѣтилъ бы онъ въ своихъ рѣшеніяхъ поотношенію къ главнымъ четыремъ державамъ?“ Вѣрно; но въ такомъ случаѣ выходитъ, что на конгрессѣ исключительно фигурировали интересы этихъ четырехъ державъ, а не большинства европейскихъ государствъ, и что кромѣ того интересы союзниковъ не были солидарны въ существѣ своемъ, не были сведены къ какому-нибудь опредѣленному принципу, а являлись борьбою случайныхъ и эгоистическихъ интересовъ каждой изъ нихъ. Но разъ допустивъ это, нельзя уже курить ѳиміамъ конгрессу и восхвалять его комбинаціи, выставляя ихъ системою, давшею прочный миръ и т. д. „Въ эпоху“, продолжаетъ Флассанъ, „въ которую такъ вооружаются противъ абсолютныхъ властей, конгрессу нельзя было дать деспотической власти!“ И однако, конгрессъ распорядился на правахъ властелина съ Германіей, Италіей, Швеціей, перетасовавъ самымъ уродливымъ образомъ карту Европы! Многіе желали, чтобы конгрессъ „отодвинулъ Россію за Вислу, Австрію за Изонцо, Прус-

сію за Одеръ, унизилъ Англію, изгналъ турокъ изъ Европы и освободилъ всѣ колоніи". Но тогда конгрессъ преобразовался бы во всемірнаго разрушителя, былъ бы „виновникомъ общей войны и самъ произнесъ бы свое распущеніе"; тогда „всякая великая держава сохранила бы за собою все то, что она занимала по завоеванію". Но конгрессъ „обдуманнымъ разсмотрѣніемъ правъ, требованій и интересовъ, посредствомъ мудрой сдержанности въ своихъ рѣшеніяхъ" достигъ *построенія цѣлаго*. „Въ 10 мѣсяцевъ исправилъ онъ безпорядки 25-лѣтняго опустошенія". Онъ приглашалъ народы „къ братскимъ чувствамъ, защищалъ въ то же время ихъ дѣло предъ королями и пріобрѣлъ для нихъ конституціи, благопріятныя для отправленія легитимныхъ правъ". Но вся защита „дѣла народовъ" предъ королями ограничивалась платоническими совѣтами, не спасшими конституціонныхъ свободъ Франціи, безсильными предъ дикимъ абсолютизмомъ Фердинанда VII испанскаго, повлекшимъ вскорѣ же къ революціи; гробовымъ молчаніемъ предъ грубыми реставраціонными пріемами мертваго абсолютизма легитимнаго короля Неаполя и римскаго первосвященника. Какія конституціи пріобрѣлъ конгрессъ для народовъ — мы не знаемъ и жаль, что Флассанъ не уяснилъ намъ основанія этой части своего панегирика конгрессу. Можно бы, пожалуй, сослаться на обѣщанія федеральнаго акта германскаго союза. Но какъ же темно, неточно они редактированы! А какъ *по праву* воспользовались этими *конституціонными обѣщаніями* Австрія и Пруссія въ эпоху карлсбадскихъ переговоровъ, мы увидимъ это ниже. Впрочемъ, самъ Флассанъ уничтожаетъ здѣсь самого себя; онъ толкуетъ о „конституціяхъ, благопріятныхъ для отправленія *легитимныхъ правъ*". Если подъ послѣдними понимать то, что подъ ними понимали конгрессъ и реставрація во Франціи, то мы можемъ только подписаться подъ этими строками; выше мы имѣли уже случай убѣдиться въ томъ, что конституція Франціи понималась Бурбонскимъ правительствомъ въ смыслѣ весьма благопріятномъ абсолютному легитимизму, которымъ пропиталась крайняя правая во Франціи. И какъ объяснить при наличности благодѣяній, которыми конгрессъ осыпалъ народы Европы, „недовольство и жалобы, вспыхнувшія во многихъ странахъ, при томъ въ степени гораздо большей чѣмъ до собранія конгресса". А что это неудовольствіе существовало, въ томъ намъ порукою кромѣ самого Флассана—масса другихъ компетентныхъ свидѣтельствъ. Гентцъ живо и ярко рисуетъ намъ недовольство нѣмцевъ, не получившихъ Альзаса и Лотарингіи, ни конституціи, ни

федеральной системы, сколько-нибудь близкой къ единству. Они боялись за будущее и негодовали на настоящее; Гентцъ утѣшаетъ ихъ, открывая имъ поэтическіе виды на какое-то единство съ Пруссіей и Австріей, укрѣпляющее „политическое равновѣсіе" въ Европѣ. Лафайеттъ рисуетъ намъ картину мрачнаго абсолютизма, водворившагося въ Италіи: въ Туринѣ король возстановляетъ всѣ злоупотребленія аристократіи и монархіи, предлагаетъ генераламъ чины прапорщика, а людямъ пятидесятилѣтнимъ мѣсто пажа на томъ основаніи, что они имѣли эти чины до революціи (такъ понимали легитимизмъ!), у которой онъ хотѣлъ даже отнять право строить мосты и другія общеполезныя сооруженія; въ Римѣ—папа возстановляетъ инквизицію, издаетъ противъ франкъ-массоновъ декретъ весьма свирѣпый, возстановляетъ вассальныя отношенія, право охоты и варварство древней юриспруденціи; въ Испаніи Бурбоны подавляютъ съ неслыханною жестокостью „малѣйшія искры человѣческаго разума"; король Пруссіи, „проявивъ въ Парижѣ самыя либеральныя мнѣнія, воздерживается еще отъ исполненія обѣщаній, которыя онъ сдѣлалъ своимъ подданнымъ, когда возстаніе ихъ придало имъ бодрости" [1]. Не много же сдѣлано конгрессомъ съ этой стороны „для человѣческаго рода, его достоинства, правъ и счастія!" Конечно, всѣ эти факты, вѣроятно извѣстные Флассану, игнорируются имъ и онъ обходитъ ихъ какими-то темными соображеніями о томъ, что конгрессъ „не могъ дать всѣмъ народамъ помощь и богатство, но могъ только возстановить гармонію и миръ, которые постепенно приготовляютъ ихъ".

Но въ чемъ же положительныя заслуги конгресса, этого „возстановителя, охранителя и спасителя Европы?" „Онъ", повѣствуетъ намъ Флассанъ, „возстановилъ многихъ государей въ ихъ древнихъ владѣніяхъ, воззвалъ къ независимости порабощенныя государства, установилъ для Германіи основы федеральной системы, укрѣпилъ гельветическую республику, опредѣлилъ представительныя учрежденія для различныхъ народовъ, провозгласилъ актъ рѣчнаго судоходства (по Рейну и его притокамъ, Шельдѣ, По и т. д., для чего работала особая коммисія) и защитилъ поселенія южной Африки противъ безчеловѣчной жадности колонистовъ (провозгласилъ въ принципѣ необходимость отмѣны негроторговли); онъ возстановилъ континентальное равновѣсіе по отношенію къ Франціи, расположивъ вокругъ нея государства, способныя преду-

[1] *La Fayette*—tome V, стр. 385—388.

предить новыя вторженія. *А монархіи, которыя содержитъ въ себѣ Европа, укрѣпились, снова принявъ легитимизмъ за основаніе*". Такъ ли все это? Прежде всего конгрессъ возстановилъ далеко не всѣхъ государей и часто, какъ мы знаемъ, грѣшилъ противъ династическихъ правъ, даже чаще освящалъ ихъ нарушеніе, чѣмъ укрѣпленіе. Все рѣшалось по соображенію выгоды той или другой изъ заинтересованныхъ державъ, успѣвшей заручиться на началѣ „do ut des" согласіемъ и помощью другаго вліятельнаго союзника (напр., въ случаѣ съ Неаполемъ). „Не всѣ порабощенныя государства возвратилъ онъ къ независимости; многія, напротивъ того, потеряли окончательно свободу, на возстановленіе которой они имѣли право (Венеція, Генуя, съ легитимистической точки зрѣнія и духовныя владѣнія Германіи); мы не думаемъ, чтобы въ *ту эпоху* можно было мечтать о созданіи единой Италіи [1]) и тѣмъ менѣе можно упрекать вѣнскій конгрессъ, который и не думалъ объ этомъ, хотя и тутъ соображенія Гентца, группирующаго при этомъ всѣ доказательства, приводимыя противъ начала національности [2]), оказались далеко не вѣскими, сомнѣнія же его и увѣренія насчетъ трудностей для Италіи объединенія въ будущемъ и совсѣмъ несостоятельными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ трудно оспаривать и то, что насажденіе мелкихъ князьковъ изъ чужестранныхъ династій въ Италіи надолго задержало объединеніе послѣдней, сдѣлало ее поприщемъ интригъ и вмѣшательствъ для Австріи, задержало въ ней развитіе идеи политической свободы. Актъ о свободѣ навигаціи по нѣкоторымъ рѣкамъ Европы, освобождающій рѣчное судоходство отъ *нѣкоторыхъ* стѣсненій, безспорно—одно изъ лучшихъ твореній конгресса; но едва ли кто согласится съ тѣмъ, чтобы это хорошее дѣло могло само собою искупить другія, притомъ весьма многочисленныя, неудачныя и несправедливыя творенія конгресса. Нѣкоторые упрекаютъ конгрессъ въ непослѣдовательности: осудивъ въ принципѣ негроторговлю, онъ призналъ права личности на свободу, но въ то же время осудилъ на рабство, „сковалъ цѣпями" національности, т. е. коллективныя единицы. Мы полагаемъ, что разсуждающіе такъ упускаютъ изъ виду, что все въ исторіи совершается съ извѣстною послѣдовательностью. Понять и провести въ жизнь начало индивидуальной свободы проще и легче, чѣмъ воз-

[1]) *De Pradt.* «L'Europe après le Congrès d'Aix-la-Chapelle», глава II.
[2]) *Gentz*—изд. Schleisier'а, Theil II, стр. 113—116 и Theil V, стр. 82, 86—87.

выситься до сознанія идеи національной свободы и независимости; послѣдняя сложнѣе первой, родилась относительно недавно и уже послѣ того, какъ укрѣпилась первая. Поэтому *для той эпохи* было бы слишкомъ много, если бы предъявить конгрессу требованіе логическаго перенесенія принципа личной свободы (признаннаго въ актѣ о негроторговлѣ), которымъ конгрессъ притомъ далеко еще не проникся, на національности. За то вполнѣ возможно упрекнуть конгрессъ за недостатокъ энергіи въ проведеніи въ жизнь осужденія имъ негроторговли. Будучи силенъ поддержкою Англіи и Россіи, отчасти Пруссіи и Австріи, т. е. главнѣйшихъ вершителей всѣхъ дѣлъ, онъ могъ бы издать обязательное постановленіе въ этомъ смыслѣ. Между тѣмъ, онъ ограничился осужденіемъ этой безнравственной торговли, высказалъ пожеланія, но не наложилъ обязательствъ на Португалію и Испанію, отчасти Францію, которыя отговаривались необходимостью приготовить общественное мнѣніе къ отмѣнѣ негроторговли, Португалія же и Испанія— интересами ихъ колоній, требовавшими установленія срока для этой отмѣны. Во всякомъ случаѣ въ идеѣ отмѣною негроторговли въ принципѣ державы „воздали правамъ человѣчества честь“; одно упоминаніе объ отмѣнѣ этой постыдной торговли „сдѣлало бы изъ насъ 40 лѣтъ назадъ мечтателей, между тѣмъ какъ 40 же лѣтъ спустя будетъ непонятно, какъ эта подлая торговля могла существовать среди насъ“ [1]. Съ этими словами Лафайетта нельзя не согласиться, особенно если принять къ свѣдѣнію письмо къ нему Wilberforc'а (извѣстнаго противника негроторговли, воевавшаго противъ нея въ Англіи). Знаменитый англичанинъ пишетъ въ немъ, что „мы обязаны нашей побѣдѣ нравственному состоянію страны (Англіи) и защитой божественнаго провидѣнія“. Лорды же Веллингтонъ и Кэстльри—старые защитники негроторговли и они „болѣе желали бы вознаградить себя за нее *добровольными вербовками негровъ*, чѣмъ прекратить негроторговлю сейчасъ же и въ цѣлой странѣ“ [2].

Обращаясь къ пресловутому равновѣсію, которымъ, будто бы, руководился конгрессъ, увидимъ изъ приведенныхъ своевременно основаній, которыя державы выставили при дѣлежѣ территорій, что равновѣсіе это понималось ими крайне своеобразно, прикрывало и опровергало одни и тѣ же претензіи и основанія предложеннаго дѣлежа. Въ этомъ должно видѣть какъ неустойчивость и несо-

[1]) *La Fayette*—tome V, стр. 390.
[2]) Ibidem, стр. 389.

стоятельность самаго начала политическаго равновѣсія, такъ и результатъ эгоистическихъ интересовъ и хищническихъ наклонностей нѣкоторыхъ державъ, съ которыми онѣ явились на конгрессъ, прикрытыхъ соображеніями законности и политическаго равновѣсія. Съ совершенно одинаковымъ основаніемъ можно было бы во имя того же равновѣсія передѣлать карту Европы въ совершенно другомъ видѣ, усилить Саксонію вмѣсто того, чтобы урѣзать ее въ объемѣ и населеніи, дать Австріи Венецію и всю Италію, или не дать ни той, ни другой, отнять у Россіи Польшу, создавъ изъ нея независимое государство, или подѣливъ ее между Пруссіей и Австріей, дать Россіи вознагражденіе въ Швеціи, и пр. и пр. Мы видѣли уже, что и начало легитимизма, совпадавшее съ интересами Франціи (хотя самъ Талейранъ, какъ увѣряетъ Палленъ, не вѣрилъ въ него), получило на конгрессѣ самое ограниченное примѣненіе. Въ тѣхъ же немногихъ случаяхъ, въ которыхъ онъ нашелъ свое приложеніе, первымъ послѣдствіемъ его было, говоря словами Лафайетта, „установить каждую коронованную особу какъ центръ, вокругъ котораго располагались соображенія объ удобствѣ (convenance), предоставляя народамъ право сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ они могли сдѣлаться". Къ этому столь упрощенному вопросу легитимистическому присоединялись потомъ соображенія изъ области т. наз. политическаго равновѣсія, которыя часто при томъ противорѣчили первому (т. е. началу легитимизма). Дѣло шло о томъ, чтобы знать „сколько квадратныхъ лье, сколько податныхъ единицъ и новобранцевъ будетъ дано каждому изъ этихъ легитимныхъ владыкъ".

Въ распредѣленіи душъ, сдѣланномъ съ безцеремонностью выраженій, къ которой болѣе не привыкли, „проявились со стороны великихъ державъ—жадность, со стороны малыхъ—зависть, со стороны всѣхъ—недобросовѣстность, которой можно было удивиться даже послѣ царствованія Наполеона". [1])

Разсуждая о возстановленіи политическаго равновѣсія въ Европѣ, Флассанъ печалуется по поводу невозможности возстановить морское равновѣсіе; пришлось бы затронуть Англію съ ея обширными колоніями и учрежденіями, пріобрѣтенными ею во время войны въ Индіи, Америкѣ, и т. д. Но „въ этомъ отношеніи конгрессъ былъ безъ власти"; рѣшительное участіе, которое Англія имѣла въ европейской реставраціи, громадныя ея издержки и преобладающее ея вліяніе въ совѣщаніяхъ конгресса—

[1]) *La Fayette*—tome V, стр. 391.

„воспрещали всякую общую мѣру, которая могла бы повредить первымъ интересамъ англійской націи“. Къ тому же, утѣшаетъ себя Флассанъ, „континентальное равновѣсіе безъ сомнѣнія болѣе важно, чѣмъ равновѣсіе морское; *несовершенство* втораго менѣе компрометируетъ (отчего?) безопасность и независимость, чѣмъ низверженіе перваго“. Къ тому же, разъ разстроенное, „морское равновѣсіе представляетъ для своего возстановленія болѣе затрудненій, чѣмъ первое,“ и т. д. Но проще было бы сказать такъ: Англія была всесильна на морѣ, необходима союзникамъ и просто не допускала даже самой мысли о томъ, чтобы на конгрессѣ могли касаться ея чудовищныхъ приращеній! И какъ наивно звучитъ размышленіе Флассана на тэму, отчего „до сихъ поръ конгрессъ не удостоился еще единодушнаго признанія народовъ, *на которое онъ имѣлъ столько права своими работами*. А потому, что „онъ не могъ сполна удовлетворить даже тѣхъ, съ которыми лучше всего обошлись (напр.: Россіи и Пруссіи); чтобы удовлетворить всѣмъ желаніямъ и требованіямъ, требовалось бы двойнаго пространства Европы“.

Исчисливъ подробно всѣ творенія конгресса, Флассанъ съ гордостью заявляетъ, что всѣми этими созданіями конгрессъ доказалъ, что монархи способны добросовѣстно договариваться въ общемъ совѣтѣ и такимъ образомъ онъ приготовилъ, можетъ быть, реализацію европейскаго сейма, который разсматривался до тѣхъ поръ какъ химера“. Иначе отзывается о многихъ изъ этихъ твореній конгресса Лафайеттъ. Прелестное королевство Италія, говоритъ онъ, подпало подъ австрійское иго, Тоскана дѣлается собственностью австрійскаго эрцъ-герцога; французы же Бельгіи и Савойи амальгамированы съ чуждыми имъ странами, какъ будто бы „потеря нашихъ самыхъ богатыхъ колоній не требовала вознагражденія, обѣщаннаго честнымъ словомъ союзниковъ въ ихъ франкфуртской деклараціи“. Въ этихъ жалобахъ проглядываетъ, конечно, большая доза раздраженія и неудовольствія по поводу не сбывшихся мечтаній Франціи о Бельгіи и Савойѣ. Въ отвѣтъ же на размышленія Флассана о добросовѣстности союзниковъ и возможной на основаніи прецедента вѣнскаго конгресса реализаціи идеи европейскаго сейма находимъ у Лафайетта слѣдующее рѣзкое сужденіе о томъ же предметѣ: „среди этихъ скандальныхъ злоупотребленій власти, гордости, мести и предразсудковъ, августѣйшіе союзники подъ руку разыгрывали другъ другу всевозможныя продѣлки...“ [1])

[1]) *La Fayette*—tome V, стр. 392.

При нѣкоторой рѣзкости характеристика эта много ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе Флассана, что достаточно вытекаетъ изъ всего предшедствовавшаго нашего изложенія.

Созданія конгресса, по мнѣнію Флассана, тѣмъ болѣе прочны, что они имѣютъ основаніемъ своимъ „легитимность, т. е. постоянный переходъ престола къ однимъ и тѣмъ же семьямъ, и систему общаго сохраненія подъ вліяніемъ преобладающихъ монархій". „Прочность" эта оказалась пустою: въ 1830 году легитимность исчезла во Франціи; въ 31 году Нидерланды, это „лучшее твореніе вѣнскаго конгреса", какъ назвали его Лавелэ и за нимъ Роленъ-Жакменъ, распались, въ силу торжества начала національности, на двѣ части (Голландію и Бельгію). И это уже чрезъ 15 лѣтъ! А между тѣмъ Нидерланды, созданные вѣнскимъ конгрессомъ, разсматривались какъ существенно необходимая комбинація. Такъ Талейранъ говорилъ, что созданіе это было справедливымъ равновѣсіемъ, но какъ самый предметъ соединенія съ Голландіею разрушенъ, то становится необходимымъ прибѣгнуть къ другимъ сдѣлкамъ, чтобы выполнить цѣль, которой это созданіе было средствомъ. Такъ разсуждалъ Талейранъ, подписавшій протоколъ 20 декабря 1830 г., министры же Франціи (въ томъ же 1830 году) признавали, что „королевство Нидерландовъ было создано съ враждебными противъ Франціи цѣлями, вся Европа участвовала въ этомъ дѣлѣ, создала его противъ насъ съ 6 мил. жителей и покрыла крѣпостями" [1]). Вотъ какъ противорѣчиво истолковывали значеніе и характеръ этого созданія конгресса министры одной и той же державы, наиболѣе заинтересованной въ этомъ дѣлѣ, хотя самое твореніе было оправдываемо требованіями политическаго равновѣсія. Если бы мы вздумали идти далѣе по пути историческихъ изслѣдованій судебъ, которыя претерпѣли и прочія созданія вѣнскаго конгресса, то—стоитъ ли перечислять извѣстныя всѣмъ новыя комбинаціи?—усмотримъ, что отъ нихъ въ наше время не осталось *почти* никакого слѣда, между тѣмъ какъ созданія дѣйствительно прочныя (напр. объединенная съ 1870 года Италія) будутъ существовать безпредѣльно долгое время. Ироніей звучитъ послѣ этого заключительная характеристика, данная Флассаномъ конгрессу: *новое публичное право Европы*, созданное конгрессомъ изъ смѣси того, что существовало до 1792 года, нѣкоторыхъ актовъ, заключенныхъ во время революціи и изъ распоряженій абсолютно новыхъ (что совершенно вѣрно), *было ком-*

[1]) *De Brigueville*—стр. 18—19.

бинировано съ такою мудростью и предвидѣніемъ, что несмотря на нѣкоторыя легкія несовершенства, проистекающія изъ непобѣдимыхъ препятствій, *Европа можетъ быть разсматриваема какъ правильно построенная на цѣлыя столѣтія.*

Доказательство этому Флассанъ видитъ въ томъ, что служитъ именно доказательствомъ противнаго, т. е. въ побѣдѣ Европы надъ возстаніями въ Италіи и Испаніи. Самыя возстанія въ обѣихъ странахъ были послѣдствіями ненормальныхъ условій, созданныхъ для нихъ вѣнскимъ конгрессомъ [1]).

Флассанъ путается и часто противорѣчитъ себѣ въ своихъ разсужденіяхъ о значеніи комбинацій конгресса, въ своихъ попыткахъ къ ихъ оправданію. Объяснить это можно замѣчаніемъ Varnhagen'a von Ense, вѣрно подмѣтившаго еще въ 1833 году, что Флассанъ приписываетъ конгрессу руководство въ переговорахъ *принципами*, причемъ результаты совѣщаній являлись какъ бы послѣдствіями напередъ взятыхъ плановъ. Но изъ собственнаго изложенія Флассаномъ переговоровъ на конгрессѣ дѣлается уже достаточно яснымъ, что „подобнаго отношенія къ дѣлу не было и не могло быть: новое созданіе прежде всего и *съ достаточнымъ основаніемъ происходило изъ матеріальныхъ интересовъ*, изъ подѣленія и упорядоченія вновь завоеваннаго, пропорціонально требованіямъ, которыя сами главнымъ образомъ опирались на признанномъ участіи въ обратномъ завоеваніи разныхъ территорій; при этомъ случай тоже примѣшивался и игралъ роль въ рѣшеніяхъ конгресса (напр. бѣгство Наполеона)" [2]). Тотъ же писатель вооружается противъ оптимистическаго взгляда Флассана на упроченіе въ Европѣ мира конгрессомъ; нѣкоторыя опредѣленія конгресса еще въ 30 годахъ или совсѣмъ не выполнены или приведены въ исполненіе только отчасти, такъ что послѣдующіе конгрессы должны были дать новыя опредѣленія для дополненія вѣнскихъ, а неудовольствіе и нѣкоторое порицаніе рѣшеній конгресса раздавалось еще долго спустя со стороны значительныхъ державъ. Положеніе же дѣлъ послѣ конгресса показываетъ, что „*движенія и бури* въ Европѣ не дѣлаются съ тѣхъ поръ слабѣе, а сильнѣйшіе споры не разрѣшаются" [3]). Такъ говоритъ

[1]) Характеристику вѣнскаго конгресса Флассаномъ см. въ его «Histoire du congrès de Vienne, tome II, стр. 328—344 и tome III, стр. I въ Préface.

[2]) *Varnhagen von Ense* «Zur Geschichtschreibung und Litteratur». Hamburg. 1833, § XXI, стр. 306—306.

[3]) Ibidem, стр. 305.

Varnhagen von Ense, принадлежащій въ общемъ и цѣломъ къ защитникамъ вѣнскаго конгресса!

Легитимизмъ, строго выдержанный конгрессомъ, принесъ бы неисчислимыя бѣдствія Европѣ, какъ это и было въ эпоху 1819—1823 годовъ. Но логическое приложеніе его къ международнымъ отношеніямъ и комбинаціямъ являлось бы по крайней мѣрѣ осужденіемъ и рѣшительнымъ изгнаніемъ начала завоеванія, противъ котораго, казалось, выступили союзники. Но вѣрно замѣтилъ еще Лафайеттъ, что конгрессъ повторилъ ошибку имперіи. Подобно тому какъ Наполеонъ въ ненасытной жаждѣ завоеванія и ассимиляціи хотѣлъ, чтобы голландцы, генуэзцы, римляне, гамбургцы и пр. сдѣлались французами, такъ и вѣнскій конгрессъ не замедлилъ подражать ему: польскій вопросъ рѣшенъ по праву завоеванія; три мѣсяца прошло въ рѣшеніи того, „сдѣлаются ли души саксонскія противъ ихъ воли прусскими"; тогда ради короля, менѣе ради народа саксонскаго, сдѣлали другъ другу уступку: раздѣлили населеніе этой страны на двѣ части, сдѣлавшіяся чуждыми другъ другу [1]).

Основную мысль и ноту, благопріятную вѣнскому конгрессу, тянетъ и Гентцъ въ одной изъ статей своихъ, помѣщенныхъ въ „Allgemeine Zeitung" (19 іюня 1815 года) [2]). Статья эта, предназначенная для публики, стояла въ самомъ грубомъ противорѣчіи съ весьма нелестными отрывками о конгрессѣ, которые онъ далъ валахскому господарю въ мемуарѣ, не предназначавшемся для непосвященныхъ. Въ этомъ же благопріятномъ конгрессу смыслѣ полемизируетъ онъ съ de Pradt'омъ. Послѣдній довольно рѣзко нападаетъ на вѣнскія творенія въ своемъ спеціальномъ сочиненіи о вѣнскомъ конгрессѣ, въ трудѣ, посвященномъ ахенскому конгрессу и резюмируетъ свои взгляды на этотъ счетъ въ позднѣйшемъ изслѣдованіи [3]). Конгрессъ сдѣлалъ „навсегда ложною политику Европы, поставивъ ее между двумя колоссами—морскимъ (Англія) и сухопутнымъ (Россія), замѣнивъ верховенство Франціи вредною перемѣною въ смыслѣ преобладанія Россіи"; династическій легитимизмъ, названный имъ „внѣнаціональнымъ легитимизмомъ", онъ обзываетъ „неразумной догмой". Конгрессъ этотъ показалъ, что „болѣе легко присудить себѣ души, чѣмъ привязать къ себѣ сердца, и не доказано, чтобы самые большіе владѣтели

[1]) *La Fayeette*, tome V, стр. 391—392.
[2]) *v. Gentz*—изд. Schlesier'a Theil III, стр. 16—18.
[3]) *De Pradt*. «Congrès de Carlsbad», Paris. 1819, стр. 10—11.

этихъ душъ всегда могли поздравить себя со своими пріобрѣтеніями“. De Pradt отрицаетъ даже пользу акта рѣчнаго судоходства: на рѣки и дороги Германіи наложено запрещеніе, казна каждой державы германской приводитъ коммерческія отношенія къ той степени свободы, которою они пользовались во времена столь дорогія журналу „Conservateur“ и нѣмцы сносятся между собою почти такъ же, „какъ плѣнники чрезъ рѣшетки ихъ узкихъ жилищъ“.

Въ цѣломъ эта характеристика довольно вѣрна, кромѣ последней части ея, въ которой есть доля преувеличенія и пессимизма. Гораздо болѣе рѣзка, для насъ же особенно цѣнна характеристика Гентца, заимствованная нами изъ секретнаго мемуара его. Въ немъ онъ напрямки и безъ всякихъ стѣсненій начинаетъ свое изложеніе такъ: „великія фразы“ о „возсозданіи соціальнаго порядка“, о „возобновленіи политической системы Европы“, о „прочномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силъ“, и т. д., и т д., фигурировали (se débitaient) для успокоенія народовъ, чтобы придать этому торжественному собранію видъ достоинства и величія; *но настоящая цѣль конгресса была подѣленіе между побѣдителями остатковъ, отнятыхъ у побѣжденнаго*. Многознаменательныя слова, ясныя и простыя, вышедшія изъ устъ одного изъ крупныхъ дѣльцовъ конгресса, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстныхъ намъ событій и переговоровъ, которыхъ формула Гентца являлась только логическимъ обобщеніемъ. Можно ли лучше охарактеризовать вѣнскій конгрессъ?!

6. Священный союзъ.

Едва ли въ исторіи первой половины настоящаго столѣтія можно указать на другой международный актъ, который пользовался бы такимъ почетомъ со стороны крайнихъ роялистовъ и вызывалъ бы столько раздраженія и проклятій со стороны противниковъ легитимизма и приверженцевъ либеральныхъ началъ.

Возникновеніе акта священнаго союза, подписаннаго *монархами* Россіи, Австріи и Пруссіи 14 (26) сентября 1815 года, долго приписывали вліянію Меттерниха и баронессы Крюденеръ, мистически настроенной и оказывавшей нѣкоторое вліяніе на императора Александра. Но Меттернихъ рѣшительно отрицаетъ иниціативу и участіе свое въ этомъ знаменитомъ твореніи; пе-

редавая свой интимный разговоръ по этому поводу съ царемъ, онъ заканчиваетъ увѣреніемъ, что одинъ поверхностный просмотръ царскаго проэкта убѣдилъ его, что „писаніе это имѣло только цѣну и смыслъ филантропическаго стремленія, сокрытаго подъ мантіей религіи, и не могло составить предмета для трактата между государями". Въ немъ Меттернихъ усматривалъ даже не мало мѣстъ, которыя могли бы быть дурно истолкованы съ точки зрѣнія религіозной. Этотъ взглядъ на предполагавшуюся редакцію акта раздѣляли императоръ Францъ и король прусскій; пришлось, по настояніямъ Меттерниха, сдѣлать въ немъ существенныя редакціонныя поправки, многое и совсѣмъ выкинуть. Даже въ умѣ самого виновника священнаго союза актъ этотъ долженъ былъ быть только „моральною манифестаціею; другіе же государи, подписавшіе его, не придавали ему и этого значенія". Вотъ почему онъ не заслуживаетъ въ глазахъ Меттерниха ни одного изъ тѣхъ толкованій, которыя придавались ему впослѣдствіи духомъ партій [1]).

Содержаніе акта слѣдующее: монархи Австріи, Пруссіи и Россіи внутренно убѣждены въ необходимости основать путь для ихъ взаимныхъ отношеній „на высшихъ истинахъ, которымъ научаетъ насъ вѣчная религія Бога-Спасителя". Поэтому они объявляютъ предъ лицемъ всего міра о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи принять „*за неизмѣнное правило ихъ поведенія, какъ въ управленіи ихъ государствами, такъ и въ политическихъ сношеніяхъ со всякимъ другимъ правительствомъ, только предписаніе той святой религіи, правилъ справедливости, милосердія и мира*", которыя не только должны быть приложимы къ частной жизни, но и „прямо вліять на рѣшенія государей и направлять всѣ ихъ предначертанія". Это *единственное* средство „упрочить человѣческія учрежденія и помочь ихъ несовершенствамъ".

Послѣ этого предварительнаго изложенія духа и цѣли акта, излагается въ трехъ параграфахъ нѣчто, имѣющее характеръ обязательствъ, принимаемыхъ на себя монархами. Согласно священному писанію, предписывающему людямъ разсматривать себя какъ братьевъ, монархи будутъ давать другъ другу „во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ поддержку, защиту и помощь" (assistance, aide et secours). По отношенію къ подданнымъ своимъ и арміямъ они разсматриваютъ себя какъ „отцовъ семейства, почему и будутъ

[1]) *Metternich*—tome 1, стр. 210—211.

„*управлять ими въ духѣ братства*“, которымъ они одушевлены для покровительствованія религіи, мира и справедливости (art. I). Поэтому монархи и ихъ подданные всѣ будутъ разсматривать себя какъ „членовъ одной и той же христіанской націи“; сами же союзные государи „разсматриваютъ себя только какъ уполномоченныхъ Провидѣніемъ для управленія тремя вѣтвями одного семейства“. Исповѣдуя такимъ образомъ, что „христіанская нація, которой они и народы ихъ составляютъ часть, имѣетъ въ дѣйствительности „верховнымъ владыкою только того, которому одному принадлежитъ власть по праву собственности“, такъ какъ въ немъ одномъ находятся всѣ сокровища любви, науки и безконечной мудрости, т. е. „Богъ, нашъ божественный Спаситель Іисусъ Христосъ, Слово высшее, Слово жизни (art. 2)“. Всѣ эти принципы названы монархами „священными“ (art. 3) [1]).

Первый вопросъ, рождающійся при разрѣшеніи всѣхъ споровъ и недоумѣній, вызванныхъ оцѣнкою этого акта, есть вопросъ о томъ—должно ли разсматривать его какъ трактатъ, обязательный для договаривающихся сторонъ, или же какъ простое изліяніе чувствъ и личныхъ взглядовъ сувереновъ, не имѣющее особеннаго значенія и договорнаго обязательнаго характера. Въ пользу послѣдняго мнѣнія рѣшительно высказывается Меттернихъ, обозвавшій это твореніе „пустымъ и трескучимъ памятникомъ“ (monument vide et sonore) [2]). Съ полнымъ уваженіемъ къ содержанію акта относятся Флассанъ и Гентцъ, но первый перечисляетъ его въ разрядъ *декларацій*, отличаемымъ имъ очевидно отъ трактатовъ [3]), второй же отдѣляетъ актъ священнаго союза отъ всѣхъ трактатовъ 1814—15 годовъ. Въ послѣднихъ онъ видитъ непосредственныя гарантіи созданной въ Европѣ политической системы, настоящіе трактаты; въ первомъ же „взаимное личное обязательство сувереновъ свято соблюдать основныя положенія системы, созданной трактатами“ [4]). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается еще опредѣленнѣе. Документъ этотъ есть, говоритъ онъ, съ начала до конца *построеніе общихъ основныхъ положеній*; одно это и было его цѣлью и предметомъ. Въ немъ „нѣтъ и слѣда *опредѣленной* (тѣмъ менѣе дипломатической) *обязательности*“. Никто не рѣшился „довести извращеніе акта до того, чтобы выдать невинное предложеніе его—*подданные* всѣхъ христіанскихъ

[1]) *Martens et Cussy*—tome III, стр. 202—204.
[2]) Ibidem, стр. 212.
[3]) *Flassan*. «Histoire du Congrès de Vienne», tome II, стр. 471.
[4]) *Gentz*. Изд. Schlesier'a, Theil III, стр. 143—144.

князей должны другъ другу во всѣхъ случаяхъ давать помощь и заступничество—за постановленіе трактата о союзѣ". Актъ этотъ и не нуждался въ особыхъ формахъ, которыми обладаютъ трактаты: „онъ не долженъ былъ быть государственнымъ договоромъ"; онъ—„торжественное признаніе *твердой личной воли суверенов* принять за руководящую нить ихъ поведенія высочайшій и священнѣйшій интересъ престоловъ и народовъ" [1]). Всѣ эти разсужденія кажутся намъ мало убѣдительными. Прежде всего нельзя дѣлать строгаго различія между трактатомъ и декларацiей съ точки зрѣнія ихъ обязательности для участвующихъ въ нихъ государствъ. Различіе это чисто внѣшнее, болѣе случайнаго характера. Безспорно также, что часто декларацiи, являясь болѣе торжественными и громкими выраженіями мнѣній и обязательствъ державъ, не только не уступаютъ по силѣ обязательности ихъ обыкновеннымъ трактатамъ, но какъ бы даже превосходятъ послѣдніе въ этой силѣ потому именно, что ставятся подъ особенный контроль общественнаго мнѣнія и всего международнаго союза благодаря внѣшней ихъ торжественности. Онѣ—profession de foi и часто обязательства, указанія на будущія дѣйствія контрагентовъ. Нечего ходить за примѣрами въ наше время и ссылаться на декларацію 16 апрѣля 1856 г. Достаточно указать на декларацiи въ Лайбахѣ и Веронѣ, послѣдовавшія вскорѣ за священнымъ союзомъ, которыя имѣли по своимъ послѣдствіямъ тѣ же результаты, что и любой трактатъ. Обращаясь къ самому акту 26 (14) сентября 1815 года видимъ, что принцъ-регентъ Англіи отказался подписать его, но не въ виду установленныхъ въ немъ принциповъ, а потому только, что онъ былъ заключенъ *прямо между государями* и *ими же подписанъ*, между тѣмъ какъ британская конституція требуетъ, чтобы „*трактаты были подписаны отвѣтственнымъ министромъ*" [2]). Такъ гласила британская конституція; но для большинства другихъ державъ, и притомъ *важнѣйшихъ*, отсутствіе контрасигнировки министровъ иностранныхъ дѣлъ не могло лишить акта его обязательственнаго договорнаго значенія между государствами. Наврядъ ли кто станетъ доказывать, чтобы въ *разсматриваемое нами время* личное согласіе, личная воля государей Россiи, Австріи, Пруссiи, папы, Сардиніи и т. д. имѣли при подписаніи акта международ-

[1]) *V. Gentz*, стр. 20—22.

[2]) Письмо принца-регента отъ 6 окт. 1816 г. *Martens et Cussy*, tome III, стр. 202.

наго характера меньшее значеніе, при оцѣнкѣ его обязательности, чѣмъ подписи министровъ этихъ не-конституціонныхъ державъ, игравшихъ (первыя три) самую видную роль въ этой деклараціи-договорѣ. Идемъ далѣе: къ священному союзу присоединились почти всѣ христіанскія державы Европы, даже Швейцарія и ганзейскіе города, не говоря уже о Франціи. Но всѣ онѣ, ни чрезъ ихъ сувереновъ, ни чрезъ ихъ министровъ не участвовали ни въ первоначальномъ обсужденіи, ни въ первоначальномъ подписаніи его, а могли приступить къ нему только впослѣдствіи (какъ позднѣе къ парижской морской деклараціи понемногу присоединялись почти всѣ государства Европы). Но какой же смыслъ былъ для нихъ въ приступленіи къ деклараціи, если онѣ не намѣревались разсматривать ея начала какъ обязательныя для ихъ сношеній между собою? Самое количество державъ, приступившихъ къ акту 1815 года, придаетъ ему особенно важное значеніе. Оно указываетъ на то, что руководящія сферы большинства государствъ европейской системы, созданной вѣнскимъ конгрессомъ, подпавшія вліянію руководителей (Россіи, Австріи и Пруссіи), прониклись духомъ и принципами этого акта, безспорно благопріятнаго легитимнымъ притязаніямъ и крайностямъ, которыя вполнѣ могли удовлетворить абсолютистическія стремленія легитимныхъ владыкъ, насажденныхъ во Франціи, Испаніи, Неаполѣ, въ церковной области, Пьемонтѣ, не говоря уже о Пруссіи и Австріи. Эта мысль наша подкрѣпляется анализомъ самой деклараціи.

Въ широковѣщательныхъ формахъ ея, въ ширинѣ полета деклараціи — много неопредѣленности и растяжимости, не указаны и не перечислены, правда, тѣ обстоятельства и состоянія европейскихъ обществъ, при наличности которыхъ государи подадутъ другъ другу „assistance, aide et secours". Подъ метафизическо-богословской его оболочкой кроется невѣроятная смѣсь принциповъ *религіозныхъ*, *нравственныхъ*, *правовыхъ* и *политическихъ*. Но во всемъ этомъ хаосѣ можно разобраться настолько, чтобы вывести изъ него основы, которыми намѣревались руководиться во *внутренней* и *внѣшней политикѣ*. Въ первомъ отношеніи, въ актѣ рѣзко и безъ обиняковъ выставленъ строго-легитимистическій принципъ: божественное происхожденіе власти сувереновъ, намѣстниковъ Бога на землѣ, изъ чего слѣдуетъ, что подданные—дѣти, обязанныя послушаніемъ и повиновеніемъ. Государи будутъ управлять въ духѣ „религіи, мира и справедливости". Праву удѣлено здѣсь какое-то невидное мѣсто, оно гдѣ-то на заднемъ планѣ и является во всемъ твореніи царя подчинен-

нымъ одной господствующей идеѣ религіозной. Но этимъ декларація не ограничивается: она переноситъ этотъ фундаментъ внутренней политики, много трактующій со положеніи и роли суверeновъ, но умалчивающій о правахъ подданныхъ, *во внѣшнія сношенія*. Международный союзъ разсматривается какъ „совокупность членовъ одной и той же христіанской націи", т. е. безъ малаго возстановляется средневѣковая точка зрѣнія, чѣмъ объясняется, конечно, и поспѣшность, съ которою папа приступилъ къ священному союзу. Монархи и за себя и за свои народы обѣщаютъ другъ другу „помощь, поддержку и защиту". Въ чемъ же? спрашивается. *Прямаго* отвѣта не дано и въ этомъ одна изъ неясностей и шаткостей акта. Но не трудно догадаться въ чемъ суть: помогать, поддерживать и защищать можно только то, что монархи считаютъ полезнымъ и справедливымъ въ интересахъ и цѣляхъ, выраженныхъ въ самомъ актѣ; а какъ онъ покоится на началахъ легитимизма, то эти обѣщанія „поддержки" и т. д. относятся прямо и непосредственно къ обязанности охраненія дорогой имъ системы внутри и внѣ предѣловъ ихъ территорій. Тысячу разъ правъ Брокгаузъ, когда замѣчаетъ, что священный союзъ имѣлъ въ виду соединить всѣ европейскія державы и этимъ стать *договорною гарантіею вновь созданнаго порядка*, т. е. коллективною гарантіею европейскаго мира; главная цѣль его не въ объявленіи и поддержаніи извѣстной политической теоріи, а *въ международномъ охраненіи европейскихъ государствъ и престоловъ противъ всякаго переворота отъ внѣшней, внутренней революціи или отъ завоевателя*" [1]). Въ разсматриваемомъ нами актѣ еще нѣтъ прямыхъ угрозъ вмѣшательствомъ даже вооруженнымъ во внутреннія дѣла сосѣдей для устраненія этихъ опасныхъ переворотовъ и для поддержанія легитимныхъ началъ; въ этомъ смыслѣ имѣются скорѣе только намеки. Но уже развиты въ немъ и намѣчены прочно принципы, послужившіе оправданіемъ послѣдующихъ вмѣшательствъ въ дѣла Неаполя, Пьемонта, Испаніи, открыто указанныхъ въ циркулярныхъ депешахъ конгрессовъ лайбахскаго и веронскаго. Поэтому-то актъ священнаго союза, давъ теоретическій фундаментъ для операцій послѣдующихъ конгрессовъ, являлся самъ по себѣ *переходомъ* къ третьей эпохѣ господства абсолютнаго легитимизма.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что абсолютные монархи Европы и крайніе легитимисты нашли въ декларацій $^{26}/_{14}$ сентя-

[1]) *Brockhaus*—стр. 50—51.

бря 1815 г. оправданіе и поддержку для режима, который они начали вводить въ подвластныхъ имъ странахъ. Понятны также страхъ, раздраженіе конституціоналистовъ и людей прогресса.

Въ массѣ враждебныхъ священному союзу мнѣній, готовыхъ приписать ему всѣ бѣды и все зло, которымъ подверглись позднѣе начала свободы и прогресса въ Европѣ [1]), можно найти много крайностей. Меттернихъ говоритъ намъ, что „однѣ только враждебныя суверенамъ партіи эксплуатировали этотъ актъ и пользовались имъ какъ оружіемъ для злостныхъ обвиненій противъ самыхъ чистыхъ намѣреній ихъ противниковъ". Но допустимъ, болѣе того—искренно вѣримъ, что первоначальныя намѣренія творцовъ, вѣрнѣе—творца священнаго союза, тогда еще находившагося подъ вліяніемъ „либеральныхъ вѣяній",—были вполнѣ искренни и чисты. Но развѣ этимъ опровергнутъ безспорный фактъ позднѣйшаго пагубнаго вліянія выставленныхъ въ немъ началъ на внутреннюю и внѣшнюю жизнь народовъ? А между тѣмъ, этотъ-то позднѣйшій вредъ и оцѣнивался по достоинству противниками, которые при всѣхъ крайностяхъ и увлеченіяхъ все же вѣрно подмѣтили основную тенденцію священнаго союза—упрочить statu quo на строго-легитимистическихъ началахъ, причемъ туманность, неопредѣленность выраженій акта открывали во всякое время и на всякій случай полный просторъ толкованіямъ, благопріятнымъ абсолютизму. „Священный союзъ", продолжаетъ князь-канцлеръ, „не былъ основанъ для ограниченія правъ народовъ, ни для того, чтобы благопріятствовать абсолютизму и тираніи". Онъ былъ единственно выраженіемъ „мистическихъ чувствъ императора Александра и примѣненіемъ принциповъ христіанства къ политикѣ". Страннымъ кажется это утвержденіе, если припомнить содержаніе акта: мысли о божественномъ происхожденіи верховной власти, объ отеческомъ управленіи, умолчаніе о правахъ и гарантіяхъ подданныхъ, и т. д. и особенно небезъизвѣстные факты дикаго абсолютизма, которыми открылась реставрація въ Испаніи, Неаполѣ, Пьемонтѣ, которые могли быть оправдываемы содержаніемъ и духомъ священнаго союза. Но допустимъ, что это такъ и что Меттернихъ лично и царь (безспорно) не мечтали тогда объ абсолютизмѣ и его поддержаніи въ Европѣ. Но въ такомъ случаѣ приходится допустить, что въ созданіи этомъ первенствующая роль и рѣшающее значеніе принадлежали политическому легкомыслію; не вдумываясь въ будущее самое ближайшее, но мечтая

[1]) См. напр. *de Brigueville*, стр. 530—534.

объ укрѣпленіи и охраненіи созданнаго порядка, издаютъ актъ, прямо освящающій крайнія воззрѣнія, притомъ отъ имени трехъ сильнѣйшихъ монарховъ Европы, приглашаютъ къ нему прочія державы, которыя тоже *необдуманно* приступаютъ къ нему; и кто же? Папа, Фердинандъ VII, Фердинандъ IV, король Сардиніи и прочіе ярые абсолютисты! „Впослѣдствіи", говоритъ Меттернихъ, „между кабинетами никогда и не было рѣчи о священномъ союзѣ" [1]). Но это вѣрно только въ весьма буквальномъ и узкомъ смыслѣ: *прямо* державы, сколько и намъ извѣстно, не ссылались на актъ священнаго союза ни въ веронскихъ, ни въ ахенскихъ, лайбахскихъ и троппаускихъ циркулярахъ и депешахъ. Но сколько-нибудь внимательное изслѣдованіе дипломатическихъ документовъ эпохи 1819—23 годовъ доказываетъ, какъ „дважды два-четыре", что послѣдніе не только подходили по духу и тенденціи къ принципамъ священнаго союза, но прямо построены на нихъ, являясь только дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ. Формальное умолчаніе о нихъ въ сношеніяхъ между кабинетами не имѣетъ послѣ этого никакого значенія и, *можетъ быть*, объясняется извѣстною тактикою руководителей: не взывая къ воспоминаніямъ, непріятнымъ для извѣстныхъ нравственно сильныхъ классовъ европейскаго общества, продолжать выполненіе намѣченнаго плана, оправдываясь необходимостью, вызванною обстоятельствами. Сами государи впослѣдствіи по крайней мѣрѣ хорошо сознавали настоящее значеніе и цѣль священнаго союза, которыя для практики выяснились вполнѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ. Такъ, Шатобріанъ, разсуждая во время веронскаго конгресса съ императоромъ Александромъ о дѣлахъ Греціи, услышалъ изъ устъ его слѣдующее: „Я покидаю дѣло Греціи потому, что усмотрѣлъ въ войнѣ грековъ революціонный признакъ времени. Что бы ни дѣлали для того, чтобы стѣснить священный союзъ въ его дѣятельности и заподозрить его цѣли, я *не отступлюсь отъ него*. Каждый имѣетъ свое право на *самозащиту*, поэтому *право это должны также имѣть и монархи противъ тайныхъ обществъ;* я долженъ защитить религію, мораль и справедливость". Защита легитимнаго государя (султана), хотя бы и не христіанина, противъ возмутившихся подданныхъ — вотъ выводъ, сдѣланный самимъ Александромъ изъ акта священнаго союза, не упоминавшагося формально въ депешахъ, посылавшихся съ веронскаго конгресса. Шауманнъ полагаетъ, что эти слова Александра I не имѣли „политической зад-

[1]) *Metternich*—tome I, стр. 211—212.

ней цѣли“, а были „чистѣйшимъ выраженіемъ внутренняго убѣжденія“. Но изъ этого слѣдуетъ только, что Александръ все же придавалъ священному союзу значеніе и характеръ, послужившіе причинами крайняго нерасположенія къ акту священнаго союза всѣхъ свободомыслящихъ людей. Самъ же Шауманнъ не отрицаетъ и того, что приведенныя слова „могли имѣть между прочимъ и политическое вліяніе“ [1]).

7. Ахенскій конгрессъ.

Настроеніе Европы и ожиданія, вызванныя слухами о предстоящемъ собраніи конгресса въ Ахенѣ, рисуются намъ изъ памфлетовъ и газетныхъ статей того времени. Такъ, статья „Англійскаго Курьера“ (отъ 17 августа 1818 г.), въ которомъ общественное мнѣніе видѣло органъ британскаго министерства, хотя статьи его обыкновенно бывали неизвѣстны министрамъ до ихъ напечатанія, усматривала въ предстоящемъ собраніи продолженіе вѣнскаго конгресса, прерваннаго вторженіемъ Наполеона во Францію, для новаго разсмотрѣнія и порѣшенія оставшихся тогда открытыми вопросовъ. Особенно волновались въ Германіи. „Швабскій Меркурій“, напримѣръ, боялся и чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ національномъ чувствѣ при одной мысли о возможномъ и ожидавшемся „чужомъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Германіи“. Предъявлялись и требованія отъ имени народовъ. Такъ „Mainzer Zeitung“, усматривая, что въ „Англійскомъ Курьерѣ“ выражены желанія и намѣренія монарховъ, умиляется предъ этимъ радостнымъ событіемъ, которое должно „преисполнить всякій европейскій народъ благодарностью къ высокимъ монархамъ“ и присоединяетъ къ этому рядъ надеждъ и желаній, которыя народы съ своей стороны должны возложить на монарховъ, отъ которыхъ требуется, чтобы они выслушали и другую сторону „audiatur et altera pars“. „Не возможно“, говоритъ по этому поводу Гентцъ, написавшій цѣлую статью для успокоенія алармистовъ и обезкураженія „революціонныхъ элементовъ“, „воздержаться отъ смѣха, читая перечисленія предметовъ, подлежавшихъ, будто бы, „обсужденію монарховъ на конгрессѣ“: возстановленіе кортесовъ въ Испаніи, обмѣнъ Португаліи на испан-

[1]) *Friedrich Raumer*. «Historisches Taschenbuch, dritte Auflage, sechster Jahrgang». Leipzig, 1855; а въ немъ см. *Adolf Schaumann*—«Geschichte des Congresses von Verona», стр. 70—71.

скія владѣнія въ южной Америкѣ, парламентская реформа въ Англіи, эмансипація ирландскихъ католиковъ, соединеніе всей Польши съ Пруссіей, раздѣленіе нѣмецкой территоріи между 5 или 6 княжескими домами, и т. п. радикальныя операціи [1]). Что статьи „Англійскаго Курьера" и „Mainzer Zeitung" нашли кредитъ (особенно въ Германіи и Франціи)—нисколько не удивительно. „Охотно и легко вѣрятъ въ то, чего живо желаютъ и ожидаютъ: жажда и стремленіе къ сильнымъ ощущеніямъ, къ новымъ построеніямъ, къ движенію и перемѣнѣ на всемірномъ театрѣ", объясняетъ Гентцъ, „особенно свойственна нашему времени". Революціи и контръ-революціи настолько сдѣлались исторіею дня въ теченіи половины жизни современниковъ, что это „настроеніе умовъ до извѣстной степени естественно и даже простительно" [2]). Большинство, впрочемъ, и не ожидало отъ монарховъ ничего подобнаго. Даже нѣкоторые политики опасались за независимость народовъ и усматривали въ намѣреніяхъ монарховъ лигу противъ свободы Европы; опасались того, чтобы всякое измѣненіе въ правительствѣ страны или въ ея конституціи не дало мѣста иностранному вмѣшательству и не вынудило народы принять законы или лицъ ему неугодныхъ. „Но", возражаетъ Флассанъ, „признанный характеръ союзныхъ монарховъ былъ достаточенъ для того, чтобы отвѣтить на эти крики тревоги и на эти обидныя замѣчанія" [3]).

Ближе къ дѣлу стояли, разумѣется, Гентцъ и Меттернихъ. Оба они усматриваютъ главную цѣль ахенскаго конгресса въ *укрѣпленіи* и *охраненіи* уже созданнаго порядка. Гентцъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы при всякомъ собраніи государей и ихъ министровъ существующее разсматривалось какъ проблематическое, а порѣшенное вновь поставлено подъ сомнѣніе; если бы это было такъ, то въ короткое время пришли бы „къ ущербу для порядка и правилъ общественныхъ и международныхъ отношеній, для всякой прочности владѣнія, безопасности для настоящаго и охраны для будущаго" [4]). Меттернихъ же свидѣтельствуетъ, что Capo d'Istria не желалъ, чтобы государи лично являлись на конгрессъ и даже сожалѣлъ, что царь былъ положительною и, можетъ быть, даже единственною причиною, вызвавшею собраніе конгресса; если же свиданіе должно состояться, то въ немъ должны

[1]) *V. Gentz*—изд. Schlesier'a, Theil III, стр. 62—66.
[2]) Ibidem, стр. 68.
[3]) *Flassan*. «Histoire du Congrès de Vienne», tome II, стр. 505—506.
[4]) *V. Gentz*—ibidem, стр. 69.

принять участіе всѣ державы; въ противномъ случаѣ собраніе однѣхъ четырехъ или пяти главнѣйшихъ державъ вызвало бы только зависть со стороны государствъ, недопущенныхъ на конгрессъ, *взволновало бы общественное мнѣніе и скомпрометировало бы государей и кабинеты отсутствіемъ результатовъ* [1]). Но Меттернихъ думалъ не такъ; пять державъ не только призваны, но и *обязаны* принять участіе въ конгрессѣ на основаніи трактата 20 ноября 1815 г. (второй парижскій миръ), а исполненіе обязанности не можетъ вызвать зависти со стороны непричастныхъ къ ней. *Всѣ правительства боятся одного* – намѣренія пяти державъ заняться чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ единственной цѣли (вопроса объ очищеніи Франціи отъ оккупаціоннаго корпуса союзниковъ). Поэтому должно ограничиться исключительно изслѣдованіемъ этого дѣла. Самымъ счастливымъ результатомъ и самымъ лучшимъ тріумфомъ кабинетовъ будетъ тотъ, когда Европа убѣдится, что „ничто не измѣнено въ существующемъ порядкѣ вещей“. У добромыслящихъ людей нѣтъ никакихъ безпокойствъ; возбуждены одни революціонеры; для русскаго же двора, который во всѣхъ обстоятельствахъ „воздавалъ честь тому, что называютъ духомъ времени“ и *словами своими* „породилъ надежды новаторовъ и всевозможныхъ сектантовъ“, результатъ конгресса въ Ахенѣ „будетъ въ высшей степени компрометирующимъ въ глазахъ этихъ же новаторовъ съ того момента, какъ все останется по-старому“. Меттернихъ сознается, что планъ этотъ былъ направленъ противъ доктринернаго либерализма Капо д'Истріа, имѣвшаго лично въ виду только греческій вопросъ, уже возбуждавшійся въ 1818 году, которому была противна система союза между великими державами [2]). Развивая предъ императоромъ Францемъ цѣли и основанія для ахенскихъ совѣщаній, князь-канцлеръ полагалъ, что шалонскій трактатъ [3]), образующій основаніе четвернаго союза (Австріи, Англіи, Пруссіи и Россіи), долженъ быть сохраненъ и подтвержденъ въ тѣхъ его опредѣленіяхъ, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ постоянныя, съ приступленіемъ къ нему Франціи. Но какъ послѣдняя находится въ особенномъ положеніи, будучи поприщемъ борьбы многихъ партій, вышедшихъ изъ революціоннаго движенія,

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 144—145.
[2]) Ibidem, стр. 145—146 и выноска 1 къ стр. 146.
[3]) Заключенъ союзниками 1 марта 1814 года для «поддержанія равновѣсія въ Европѣ; въ немъ союзники гарантируютъ другъ другу владѣніе ихъ территоріями на 20 лѣтъ» (см. введеніе, art. 5, 6 и 16).

то она не должна быть предоставлена самой себѣ ни въ ея собственныхъ, ни въ общеевропейскихъ интересахъ. Ее должно связать съ четырьмя дворами политическою комбинаціею, предвидя casus foederis противъ нея (очевидно, дѣло идетъ о возможныхъ въ ней революціонныхъ движеніяхъ). По этому-то желательно соглашеніе между пятью державами, основы котораго могутъ быть найдены въ трактатѣ 20 ноября 1815 года и въ формѣ дипломатическаго соглашенія между пятью державами, *единственная и ясная цѣль котораго должна заключаться въ поддержаніи общаго мира*. Должно такъ же опредѣлить будущія собранія на принципѣ періодичности ихъ, допуская экстренныя собранія, вызванныя спеціальными интересами. Тщательно необходимо избѣгнуть всего, что можетъ обезпокоить другіе дворы Европы; съ этою цѣлью редакція акта соглашенія между пятью дворами „на счетъ принципа охраненія мира и лучшихъ между ними сношеній" должна быть ясна и опредѣленна; должно быть выражено обязательство пяти державъ „не стремиться къ распространенію дѣйствія ихъ соглашенія *на частные интересы* другихъ дворовъ", а съ этою цѣлью пять дворовъ обязуются „никогда не касаться вопроса, связаннаго съ интересомъ третьихъ безъ прямаго вмѣшательства послѣднихъ", и „не присвоивать себѣ права ни обсуждать, ни рѣшать между собою ни одного вопроса, поставленнаго внѣ ихъ прямыхъ интересовъ" [1]).

Резюмируемъ все это: Австрія желала привлечь Францію къ совмѣстной съ четырьмя прочими державами охранѣ созданнаго предшествовавшими трактатами *порядка*. Онъ могъ быть нарушенъ революціею во Франціи, почему, готовясь очистить ея территорію отъ военнаго занятія, Австрія „въ интересахъ Европы и самой Франціи" хотѣла формально привлечь Францію въ союзъ, гарантируя ей *созданный въ ней легитимный порядокъ*. Нѣсколько непонятно, отчего Меттернихъ устранялъ отъ подобной гарантіи правительства другихъ державъ, отъ громаднаго большинства которыхъ нельзя было ожидать въ то время никакого сопротивленія охранѣ царствующей системы. Это коллективное поручительство со стороны всей соединенной Европы придало бы ахенской декламаціи болѣе торжественности и нравственной силы, чего должны были бы желать абсолютисты. Быть можетъ, это объясняется желаніемъ играть исключительную роль на предстоящемъ конгрессѣ, нерасположеніемъ къ Капо-д'Истрія страхомъ

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 165—170, особенно стр. 168—170.

предъ предполагаемыми тайными планами послѣдняго. Какъ бы то ни было, но конгрессъ состоялся, притомъ на основаніяхъ, предложенныхъ Меттернихомъ. За совѣщаніями его съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила вся Европа. Во французской „Минервѣ" появился, между прочимъ, рядъ статей, въ которыхъ „по подлиннымъ и совершенно новымъ источникамъ" подносились публикѣ пикантные разсказы объ интригахъ, ссорахъ и неурядицахъ, имѣющихъ мѣсто на конгрессѣ. Такъ, сообщалось, что Англія и Пруссія, а вначалѣ и Австрія, перешедшая потомъ на сторону Россіи, не желали полнаго очищенія французской территоріи, а только частичнаго, но вынуждены уступить послѣ того, какъ открылось существованіе тайнаго трактата между Россіей и Франціей; намѣревались, будто бы, возстановить сполна шомонскій трактатъ, но это найдено несовмѣстнымъ съ „принятіемъ Франціи въ священный союзъ"; что члены конгресса, во избѣжаніе ссоръ и столкновеній, договорились рѣшать всѣ вопросы въ приготовительныхъ засѣданіяхъ, собиравшихся внѣ всякаго этикета; этимъ избѣжали открытаго раскола, что, впрочемъ, вознаградилось съ избыткомъ въ тайныхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ долго не подписывали ни одного протокола; подумывали объ ограниченіи числа крѣпостей Франціи, и т. д. и т. д. Полемизируя съ „Минервой", Гентцъ доказываетъ, что рѣшеніе о полной эвакуаціи Франціи принято еще до созыва конгресса, притомъ единодушно, что никакихъ ссоръ и интригъ при совѣщаніяхъ не происходило и что въ актѣ не было, какъ на конгрессахъ прежнихъ временъ, различія между интимными собраніями и торжественными конференціями, а всѣ совѣщанія были строго интимныя и тайныя; и не помышляли объ ограниченіи права Франціи на крѣпости ея. Шомонскій же трактатъ не былъ направленъ противъ Франціи, а противъ пагубной системы Бонапарта; тоже и относительно трактата 20-го ноября 1815 года, почему оба и окончили свое существованіе послѣ рѣшеннаго очищенія французской территоріи. Въ минуту же, когда Францію предоставили себѣ самой, являлось необходимымъ торжественно высказать о безусловномъ принятіи этого государства въ общеніе европейскаго союза съ полнѣйшимъ равенствомъ правъ и обязанностей. Высказываясь въ довольно общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ о цѣли ахенскихъ переговоровъ, Гентцъ заканчиваетъ признаніемъ, что одна изъ этихъ цѣлей заключалась въ томъ, чтобы „охранить миръ и *дать скорое, никому не обидное и не угрожающее*, вполнѣ согласимое съ чистѣйшими понятіями о международномъ правѣ, *средство противъ вели-*

чайшей изъ всѣхъ опасностей (революціи?), если бы она могла приключиться [1]).

Мы не рѣшаемся опредѣлить, насколько имѣли основаніе сенсаціонные слухи, сообщенные „Минервой". Самъ Меттернихъ высказалъ, какъ мы видѣли, нѣкоторый страхъ предъ Франціей, „предоставленной самой себѣ" послѣ очищенія ея территоріи; приведенныя же мнѣнія Гентца о значеніи трактатовъ шомонскаго и 20-го ноября 1815 года не совсѣмъ совпадаютъ съ извѣстными намъ мыслями о томъ же предметѣ Меттерниха. Къ тому же извѣстно, что со второй реставраціи императоръ Александръ сталъ питать особенную нѣжность и довѣріе къ Бурбонамъ, внѣшнею политикою которыхъ руководилъ герцогъ Ришельё, находившійся подъ особеннымъ покровительствомъ Александра. А Гентцъ въ своемъ секретномъ мемуарѣ объ ахенскомъ конгрессѣ передаетъ, что различные симптомы могли породить подозрѣніе, разсѣявшееся въ значительной степени только за нѣсколько мѣсяцевъ до собранія конгресса, въ томъ, что „царь имѣлъ въ виду систему тѣснаго союза съ Бурбонами Франціи, Испаніи и Италіи" [2]), что конечно, могло возбуждать подозрѣніе и привести къ расколу между Англіей и Пруссіей, которыя опасались еще „предоставить Францію самой себѣ" и Россіей съ Франціей, причемъ Австрія, не чуждая этихъ страховъ, могла колебаться и нѣкоторое время, даже поддерживать Англію и Пруссію. Поэтому, намъ думается, что разсказы „Минервы" имѣли за собою *нѣкоторую долю вѣроятія.* Если такъ, то нельзя сказать, чтобы конгрессъ собрался и дѣйствовалъ только въ виду „охраненія и упроченія мира и созданной системы". Больше всего желали оградить отъ внутреннихъ потрясеній Францію, „очагъ революціи", а тѣмъ самымъ и Европу, взять вновь подъ торжественную охрану и покровительство принципы легитимизма. Что это такъ, то это видно изъ самаго протокола уполномоченныхъ пяти державъ, подписаннаго 15 ноября 1818 года. Онъ до очевидности опирается на актѣ священнаго союза. „Договаривающіяся стороны твердо рѣшились", сказано въ art. 1, „не уклоняться отъ принципа интимнаго союза; сдѣлавшагося еще болѣе сильнымъ и нерасторжимымъ *благодаря связямъ христіанскаго братства, которыя сосоставили между собою государи*". Какъ видимъ, параграфъ этотъ *почти* прямо ссылается на актъ священнаго союза.

[1]) *V. Gentz*—Theil III, стр. 76—86.
[2]) *Metternich*—tome III, стр. 173.

Цѣлью союза обозначено — „поддержаніе общаго мира, основаннаго на *религіозномъ* уваженіи къ обязательствамъ, заключеннымъ въ трактатахъ“ (art. 2). Т. е., опять *религіозныя основы*, на которыхъ опирался уже актъ священнаго союза. Параграфъ третій упоминаетъ о Франціи „вошедшей въ союзъ съ другими государствами посредствомъ *возстановленія власти монархической, легитимной и конституціонной*“. Постановленіе важное въ томъ смыслѣ, что власть „легитимная и монархическая“ признана основаніемъ и способомъ принятія Франціи въ союзъ другихъ государствъ. А прибавленіе словъ „конституціонная власть“ въ актѣ, подписанномъ Франціей, указываетъ какъ бы на обязательство, принятое ея правительствомъ предъ лицомъ всей Европы, ограничить легитимную власть конституціонными свободами, прочія же державы, подписавшія этотъ актъ, принимая это обязательство легитимнаго правительства Франціи, берутъ эту конституцію подъ свою защиту и торжественно заявляютъ объ этомъ предъ Европою. Это первый и единственный за всю исторію эпохи легитимизма примѣръ принятія державами подъ свое покровительство принципа конституціонной монархіи, примѣръ, не давшій плодотворныхъ результатовъ, такъ какъ онъ былъ скоро забытъ и стоитъ особнякомъ въ ряду акта священнаго союза и позднѣйшихъ декларацій другихъ конгрессовъ.

Декларація оканчивается торжественнымъ возвѣщеніемъ государей и ихъ министровъ, что „ихъ обязанность по отношенію къ Богу и народамъ, которыми они управляютъ, предписываетъ имъ дать міру, насколько это отъ нихъ зависитъ, примѣръ *справедливости, согласія и умѣренности*. Они счастливы, что могутъ на будущее время посвятить всѣ свои усилія на *возбужденіе чувствъ религіи и морали*, господство которыхъ слишкомъ ослаблено несчастіемъ времени“ [1]).

На этотъ разъ нельзя поднимать уже никакихъ сомнѣній на счетъ того, было ли ахенское объявленіе трактатомъ; безспорно—да, хотя подъ формою деклараціи. Все содержаніе его подтверждаетъ священный союзъ, который имѣлъ основанія и преслѣдовалъ цѣли тѣже, что и созданная Талейраномъ теорія легитимизма [2]). Но есть и внѣшнее различіе: теорія легитимизма изложена Талейраномъ ясно, актъ же священнаго союза и ахенская декларація во многомъ слишкомъ отвлеченны, туманны. Не даромъ же одинъ нѣмецкій

[1]) *G. F. Martens* «Nouveau Récueil», tome IV, стр. 561.
[2]) *Brockhaus*—стр. 54—55.

публицистъ (Shötter), остроумный насмѣшникъ, назвалъ его „апокалипсисомъ дипломатіи“ [1]). De Pradt, выражаясь о деклараціи съ уваженіемъ и одобреніемъ за ея языкъ „умѣренности и морали“, упрекаетъ ее за „недостатокъ ясности и точности“, за тенденцію „къ мистицизму“, который производитъ такое же дѣйствіе въ политикѣ, какъ оссіанизмъ въ литературѣ [2]). Энергичный защитникъ ахенской деклараціи, Гентцъ, полемизируя съ de Pradt'омъ, который вообще полагаетъ, что старая европейская система была лучше основанной на вѣнскомъ конгрессѣ и подтвержденной въ Ахенѣ [3]), не допускаетъ самой мысли о возможности выставить противъ деклараціи эти упреки.

Сомнительно, конечно, чтобы форма, которую думалъ придать европейскому зданію Наполеонъ, была пригоднѣе той, которая создана трактатами вѣнскими и ахенскою деклараціею, какъ полагаетъ это de Pradt [4]). Но едва ли позволительно оспаривать этого писателя, когда онъ жалуется на то, что „Европа обречена состоянію опредѣленности и постоянной неподвижности“ [5]). Особенное негодованіе Гентца возбуждаютъ вопросы, поставленные de Pradt'омъ державамъ, подписавшимъ декларацію: каковъ этотъ новый трибуналъ, воздвигаемый въ Европѣ, не есть ли онъ судъ на подобіе амфиктіоническаго, въ чемъ заключается принципъ его авторитета, гдѣ его срокъ, кто и что приведетъ его въ движеніе, какъ соединить на случай недоразумѣній раздѣлившихся и какъ соединить ихъ безъ соглашенія? „Всякій читавшій декларацію“, возражаетъ Гентцъ, „не найдетъ въ ней ни одного слова ни о чемъ подобномъ: никакихъ правилъ другимъ державамъ здѣсь не предписывается и не присвоивается ни надъ кѣмъ никакого вида верховенства“ [6]). Положимъ, такъ; но послѣдующія собранія государей и ихъ министровъ, намѣченныя уже въ Ахенѣ и опиравшіяся на началахъ священнаго союза и деклараціи 15 ноября 1818 года, присвоили себѣ это верховенство, право суда надъ внутренними дѣлами независимыхъ государствъ; нѣкоторые члены, подписавшіе декларацію ахенскую, отпали (Англія на веронскомъ конгрессѣ) и нельзя было вернуть ее къ принципамъ священнаго союза. Слѣ-

[1]) *V. Gentz*—Theil III, стр. 150—151.

[2]) *De Pradt*. «L'Europe après le Congrés d'Aix-la-Chapelle», глава VIII.

[3]) См. обстоятельное изложеніе основъ старой и новой политическихъ системъ Европы въ приведенномъ сочиненіи De Pradt'a, главы V и VI; критику Гентца—Theil III, стр. 137—150.

[4]) *De Pradt*—ibidem, стр. 243 и слѣд.

[5]) Ibidem, стр. 243.

[6]) *Gentz*—Theil III, стр. 152—153.

довательно de Pradt имѣлъ серьезныя основанія поставить свои вопросы.

Во всякомъ случаѣ поучительно и любопытно привести нѣчто изъ мемуара Гентца о конгрессѣ (предназначеннаго господарю Валахіи). „Въ политическихъ сдѣлкахъ нашего времени конгрессъ этотъ будетъ блистать не числомъ и не непосредственною важностью своихъ рѣшеній", а „совокупностью его результатовъ и тѣмъ вліяніемъ, которое *духъ его можетъ оказать на ближайшую и будущую участь Европы*[1]). Собраніе это, разсматриваемое съ точки зрѣнія общей политической системы, прежде всего прояснило политическій горизонтъ, уничтожило всѣ сомнѣнія и возстановило сполна „довѣріе каждаго изъ кабинетовъ къ принципамъ другихъ и къ прочности общаго союза"; оно убѣдило государей и ихъ министровъ въ необходимости „поддержать неприкосновенность системы, единственно подходящей къ настоящимъ интересамъ всѣхъ державъ, *якоря спасенія* для Европы" [2]). Итакъ, слѣдовательно, узы союзниковъ и связи системы упрочены еще болѣе; нужно было ожидать впослѣдствіи сильнаго и единодушнаго дѣйствія монарховъ при всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ въ Европѣ. Но самымъ солиднымъ результатомъ конгресса было „подтвержденіе четвернаго союза на случай новыхъ катастрофъ внутри Франціи, которыя могли угрожать покою сосѣдей". Въ этомъ Гентцъ повторяетъ мнѣніе Метерниха [3]). Не менѣе вѣрно и значеніе конгресса для нравственнаго и политическаго состоянія Европы. Всѣ европейскія государства находятся въ состояніи лихорадочномъ, проистекающемъ отъ „борьбы не на животъ, а на смерть между старыми и новыми принципами, древнимъ и новымъ соціальнымъ порядкомъ". Картинно изобразивъ эту борьбу революціонныхъ элементовъ, Гентцъ пророчитъ гибель Европѣ, еслибы „среди этого поражающаго кризиса между главнѣйшими суверенами Европы оказалось разногласіе въ принципахъ и намѣреніяхъ или если бы смотрѣли на окружающее со слѣпымъ или преступнымъ равнодушіемъ, не открыли глаза на приготовляющіяся революціи и на средства воспрепятствовать имъ или задержать ихъ вспышки". И вотъ союзъ государей на конгрессѣ долженъ „сохранить древній порядокъ общества *или, по крайней мѣрѣ,*

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 170—171.
[2]) Ibidem, стр. 172—173.
[3]) Ibidem, стр. 174.

замедлить и смягчить измѣненія, сдѣлавшіяся необходимыми". На конгрессѣ не подвергали обсужденію ни форму правительствъ и представительную систему, ни вопросъ о поддержаніи или измѣненіи привилегій дворянства или о свободѣ прессы, ничего, что касалось бы интересовъ религіи. Такъ поступили для того, чтобы „тщательно избѣжать повода къ недоброжелательству и нескромности *подписываніемъ въ формальныхъ актахъ желаній и объявленій, принципы которыхъ носились въ душѣ каждымъ, но провозглашеніе которыхъ могло, вызвать вредные комментаріи и враждебныя критики*". Но поступили лучше, понявъ необходимое для общаго блага, живо почувствовали нужду во взаимномъ довѣріи и въ соглашеніи болѣе интимномъ чѣмъ тѣ, которыя можно установить въ трактатахъ. Не входя въ излишнія обязательства „*интимно договорились на счетъ пути, которому должно слѣдовать среди бурь*". Впечатлѣніе, произведенное декларацією и конгрессомъ въ Европѣ, было благопріятно: „повсюду они подняли духъ друзей порядка и мира и вездѣ привели въ состояніе тревоги новаторовъ и сектантовъ" [1]). Цѣнныя свидѣтельства компетентнаго человѣка, безъ стѣсненія высказавшагося въ секретномъ мемуарѣ въ томъ именно смыслѣ, что ахенской конгрессъ и декларація существенно и главнымъ образомъ направлены были къ поддержанію легитимизма, абсолютистическихъ стремленій, къ охранѣ стараго режима и противъ „новаторствъ", „сектантства" и революцій, которые наивно отождествляются Гентцемъ съ требованіями конституціоннаго режима, свободы прессы, отмѣны дворянскихъ привилегій и пр. Здѣсь и въ священномъ союзѣ приготовили почву, выстроили теорію; еще стѣснялись открыто проповѣдывать реакцію и грозить насильственнымъ подавленіемъ „революціонныхъ движеній". Въ слѣдующемъ періодѣ пошли дальше, пополнили эти пробѣлы, сдѣлались смѣлѣе. И вышло, что дѣйствительно „дипломатическое собраніе, какъ таковое, не можетъ перемѣнить судьбы міра"; но оно оказалось достаточно сильнымъ, чтобы затормозить, „смягчить ходъ" естественныхъ путей прогресса! [2]).

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 174—176.
[2]) Ibidem, стр. 176.

ГЛАВА III.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

От Карлсбадских переговоровъ до конгресса въ Веронѣ (съ 1819 до 1823 г.).

1. Карлсбадскіе переговоры.

Еще конгрессъ и чрезъ годъ по закрытіи ахенскаго! „Конгрессы“, остроумно замѣтилъ de Pradt, „для политическаго тѣла то же, что консиліумы медиковъ для недуговъ человѣческихъ“. Германія являлась одромъ болящаго, окруженнымъ торжественною консультаціею. Но въ чемъ же болѣзнь, въ чемъ зло? Первый предметъ совѣщаній конгресса — исполненіе или пополненіе постановленій вѣнскаго конгресса касательно внутренней организаціи Германіи. Этой цѣли конгресса весь міръ „долженъ сочувствовать изъ гуманности и добраго сосѣдства“. Второй предметъ занятій его — „нравственное состояніе Германіи, неразрывно связанное съ состояніемъ Европы и міра, такъ какъ Германія не есть обособленное, отдѣленное отъ остальнаго міра государство“ [1]). Можно присоединиться къ этому воззрѣнію de Pradt'а съ одной оговоркой: измѣненіе внутренней организаціи Германіи, конечно, ея „семейное дѣло“; но съ тѣмъ вмѣстѣ оно было связано съ установленіемъ принципа вмѣшательства, притомъ въ абсолютистическихъ цѣляхъ, во внутреннія дѣла нѣмецкихъ державъ, оправданіемъ которому служило это нравственное состояніе Германіи, косвенно и Европы. Съ этой-то точки зрѣнія и первое дѣло „семейное“ для Германіи имѣло значеніе и для всей Европы, что и подтвердилось послѣдующими событіями.

Гдѣ же и въ чемъ сидѣло зло, вызвавшее карлсбадскія совѣщанія министровъ, одобренныя потомъ германскимъ сеймомъ?

Корень зла гнѣздился еще во французской революціи, не подавленной окончательно въ Европѣ; такъ говорятъ намъ тогдашніе руководители европейскихъ дѣлъ. Освободительныя войны

[1]) *De Pradt.* «Congrès de Carlsbad», стр. 1— , 12—13.

1813 — 14 годовъ, къ участію въ которыхъ были приглашены всѣ народы, возбудили надежды юношества и либеральныхъ фракцій въ Германіи на лучшее будущее. Громко требовали конституціонныхъ учрежденій и свободъ съ ними связанныхъ, возлагая упованіе на вѣнскій конгрессъ. Но послѣдній, создавъ изъ Германіи чистѣйшій типъ союза государствъ (Staaten Bund), ограничился двусмысленными и неясно формулированными обѣщаніями конституціонныхъ учрежденій (въ § 13 союзнаго акта). Нуждаясь въ содѣйствіи подданныхъ, германскіе государи, особенно король прусскій, ободряли это движеніе; послѣдній даже обѣщалъ удовлетворить конституціонныя мечты подданныхъ. Но миръ былъ заключенъ, побѣдители подѣлили добычу и позабыли объ этихъ національныхъ движеніяхъ и надеждахъ. Отсюда—неудовольствія, демонстраціи: конституціонное движеніе все болѣе и болѣе разгоралось. Требованія, которыя правительства считали побѣжденными вмѣстѣ съ революціей, снова выступили и не въ одной Франціи, но и въ Германіи, притомъ „бурно, хотя и съ меньшею насильственностью“. Прежде всего требовали безусловнаго освобожденія прессы отъ всѣхъ предупредительныхъ мѣръ, видя въ этой свободѣ средство провести всѣ другія требованія. Бурный потокъ памфлетовъ причинилъ руководящимъ сферамъ боязливыя заботы; подумывали о томъ, чтобы сдержать бурный потокъ и прежде всего прессу, „требовавшую еще большей свободы“. Руководящіе кабинеты, напуганные обстоятельствами, приготовляли уже карлсбадскія рѣшенія. Застрѣльщикомъ выступилъ Гентцъ въ оффиціальномъ вѣнскомъ „Beobachter“ со статьями „о свободѣ прессы въ Англіи и о письмахъ Юніуса“. Желали этимъ, прежде приступленія къ государственнымъ мѣрамъ провести ихъ доктринарнымъ путемъ. Мысль статей—та, что не свобода прессы произвела и поддерживаетъ свободу и конституцію англичанъ, а добродѣтель послѣднихъ; свобода же и конституція ихъ въ состояніи были *не устранить* злоупотребленія и вредныя вліянія распущенности прессы, но счастливо переносить ихъ [1]). Въ движеніи германскомъ приняли выдающееся участіе германскіе университеты и учащаяся молодежь. Вскорѣ послѣ вѣнскаго конгресса, обманувшаго ожиданія прогрессистовъ Германіи, юношество произвело политическую демонстрацію на праздникѣ въ Wartburg'ѣ (близъ Eisenach'а). Правительства переполошились. А тутъ еще нѣкоторые

[1]) *V. Gentz*—Theil II, примѣчанія издателя Schlesier'a, стр. 33—35, самыя же статьи Гентца см. стр. 39—116.

писатели усматривали въ дняхъ эйзенахскихъ „зарю новой нѣмецкой національной жизни“ и негодовали на „не дружественное отношеніе къ юношеству, которое спасло Германію отъ погибели и которому отказываютъ въ правѣ поднять голосъ о томъ, что нужно для освобожденнаго ими отечества“. На сцену выступаетъ опять Гентцъ и пишетъ рядъ статей, въ которыхъ доказывается, что спасеніе Европы подготовлено прежде всего самимъ Наполеономъ, его ослѣпленіемъ и сумасшествіемъ и недостаточностью его ума и характера для необычайной величины его предпріятія; затѣмъ дружнымъ и солидарнымъ дѣйствіемъ правительствъ, руководившихъ дипломатіею и военными дѣйствіями; рѣшающее же вліяніе и роль принадлежали въ послѣднихъ регулярнымъ арміямъ, а не добровольцамъ. Участіе послѣднихъ въ войнѣ „всякое мудрое правительство устранило бы, еслибъ не крайняя нужда“; но среди этихъ добровольцевъ число академическаго юношества было весьма незначительно и всѣ волонтеры и „священныя шайки“ Германіи и всей Европы не совладали бы съ „Наполеономъ“ безъ рѣшенія князей, мудрости ихъ кабинетовъ, генія ихъ полководцевъ и храбрости ихъ регулярныхъ армій“. Въ это же время и по поводу того же празднества историкъ Нибуръ ставилъ съ недоумѣніемъ вопросы: должны ли едва зрѣлые бурши давать Германіи законы, а студенты переворачивать наши государства и можетъ ли юношество имѣть претензію судить на счетъ величайшихъ интересовъ отечества или науки, и для того ли существуютъ учителя въ университетахъ, чтобы организовать политическія корпораціи? [1])

Въ началѣ 1819 года положеніе дѣлъ обостряется убійствомъ Коцебу (въ Маннгеймѣ), русскаго статскаго совѣтника. Убійство это, которое Гентцъ съ сарказмомъ называетъ результатомъ „невинныхъ и добродѣтельныхъ усилій германскаго юношества и его прекрасныхъ наставниковъ“, объясняется имъ давнишнею враждою „революціонной банды къ Коцебу“; его обвиняли въ возбужденіи императора Александра противъ популярныхъ писателей Германіи и нѣмецкихъ университетовъ и въ томъ, что царь сдѣлался враждебнымъ либеральнымъ идеямъ. Послѣднее же выяснилось уже во время вартбургскаго празднества, въ рѣчахъ, принципахъ и чувствахъ, проявленныхъ царемъ предъ началомъ и на самихъ ахенскихъ переговорахъ [2]). И вотъ поспѣшили воспользоваться этимъ печальнымъ событіемъ (чтобы „извлечь изъ него какъ можно болѣе

[1]) *V. Gentz* — изд. Schlesier'a, Theil III, стр. 24—44.
[2]) *Metternich*—tome III, стр. 228—230.

выгодъ“), въ которомъ видѣли проявленіе обширнаго заговора; Меттернихъ съ полною увѣренностью высказалъ въ письмѣ къ Гентцу, что убійца (студентъ Карлъ Зандъ) былъ только эмиссаромъ іенскаго трибунала мщенія; университетъ же, который долженъ былъ нанести ударъ, былъ избранъ по жребію, равно какъ и самый членъ ассоціаціи, на долю котораго и выпало убить жертву [1]). Въ Зандѣ видѣли только орудіе, а настоящими убійцами считали либеральныхъ профессоровъ университетовъ, отъ которыхъ слѣдовало „очистить университеты всякою цѣною“ [2]). Доходили даже до того, что начало всего зла сводили къ протестантизму; это не отрицалось и Меттернихомъ, который, какъ человѣкъ практики, не хотѣлъ, однако, „вмѣшивать въ это дѣло доктора Мартина Лютера“ и надѣялся, что можно будетъ достигнуть хорошихъ результатовъ „не нападая на протестантизмъ въ самомъ его источникѣ [3]). Карлсбадскія совѣщанія и рѣшенія германскаго сейма были подготовлены на основаніяхъ, которыя выясняются для насъ изъ интересной переписки Гентца съ Меттернихомъ. Гентцъ совѣтовалъ терпѣніе, предостерегалъ отъ полумѣръ: въ кризисахъ, подобныхъ настоящему, полумѣры и полурѣшенія принесутъ болѣе вреда, чѣмъ полная бездѣятельность; а между тѣмъ, настоящую минуту онъ считалъ неудобною для принятія энергическихъ мѣръ противъ корня самаго зла. Нѣкоторыя правительства видимо заигрывали съ революціонными принципами. Такъ, великій герцогъ Веймарскій, „одинъ изъ важнѣйшихъ виновниковъ зла“, заявилъ сейму, что „свобода мнѣній и преподаванія должна быть уважаема въ университетахъ, такъ какъ истину можно найти только въ *открытой борьбѣ мнѣній*, студентовъ же должно оградить противъ довѣрія къ авторитету наставниковъ и привести ихъ къ высотѣ независимости сужденій“. Все же, что относилось бы къ реформѣ *дисциплины* университетовъ, не касаясь *личности* преподавателей и студентовъ, являлось бы полумѣрою. Революціонные принципы „въ родѣ изложенныхъ въ декларація веймарскаго правительства, должны быть поражены открыто въ самыхъ основаніяхъ своихъ, такъ какъ они создали всѣ опасности, угрожающія Германіи со стороны университетовъ, почему принятіе какихъ-нибудь законодательныхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлію исключительно университеты, не привело бы, въ виду недостаточной силы со-

[1]) *Metternich*, стр. 235 и 240. См. также письмо Müller'а къ Гентцу, стр. 242.
[2]) Ibidem, стр. 244.
[3]) Ibidem, стр. 245.

временныхъ правительствъ Германіи, къ желаннымъ результатамъ. Поэтому для начала должно ограничиться словеснымъ соглашеніемъ въ конфиденціальныхъ формахъ насчетъ самыхъ настоятельныхъ мѣръ, исключивъ все, что могло бы затронуть матеріальную организацію университетовъ; созвать конференціи изъ важнѣйшихъ дворовъ Германіи, чтобы исчерпать въ нихъ всѣ вопросы касательно университетовъ, свободы прессы и политическихъ учрежденій въ Германіи. Покуда можно бы принять относительно университетовъ предложеніе Адама Мюллера, клонившееся, *во-первыхъ,* къ назначенію попечителя для каждаго университета изъ опытныхъ и обладающихъ знаками отличія людей, „не чуждыхъ наукамъ", съ „хорошимъ характеромъ и пріятною внѣшностью". Онъ долженъ быть отвѣтственъ за весь университетъ. Во-вторыхъ, слѣдуетъ предпринять „безъ шума" очищеніе каѳедръ; хорошо бы удалить профессоровъ „безъ скандала и замѣнить учеными мирными и честными" [1]).

Съ своей стороны князь-канцлеръ полагалъ, что минута для рѣшительныхъ дѣйствій наступила: бездѣятельность придала бы смѣлости возмутителямъ, а у правительствъ исчезла бы послѣдняя искра смѣлости. За основаніе переговоровъ можно принять „предложеніе веймарское", чтобы побѣдить великаго герцога на его собственной почвѣ и доказать безуміе его проектовъ [2]). Но въ другомъ посланіи Меттернихъ откровенно сознается, что веймарская декларація была для него только „предлогомъ, чтобы немедленно предложить мѣры, *первымъ* основаніемъ для *дальнѣйшихъ* преній" [3]). Канцлеръ не думаетъ, чтобы можно было опасаться „революціи въ университетахъ": профессора, взятые въ отдѣльности и въ массѣ—„самые неловкіе заговорщики; когда дѣло идетъ о политическихъ догматахъ, необходимо, чтобы они были подкрѣплены дѣйствіемъ, т. е. низверженіемъ существующихъ учрежденій". Но въ этомъ „ремеслѣ" профессора и ученые „не состоятельны, для него пригодны болѣе всего адвокаты". Но въ университетахъ можетъ образоваться цѣлое поколѣніе революціонеровъ, особенно при настоящемъ состояніи прессы, которое есть самое большое зло, требующее немедленной борьбы съ нимъ. Успѣшная борьба съ этимъ зломъ возможна только при условіи пра-

[1]) *Metternich*—tome III: письмо Гентца ка Меттерниху отъ 25-го апрѣля 1819 г., стр. 246—252.
[2]) Ibidem—письмо Меттерниха къ Гентцу, стр. 253-254.
[3]) Ibidem, стр. 259—260.

вильной постановки будущихъ переговоровъ. Основою послѣднихъ должна служить мысль, что Германія состоитъ изъ суверенныхъ государствъ, обязавшихся взаимною помощью и поддержкою, образующихъ, *при внутренней административной независимости*, сплоченное и единое тѣло по отношенію къ заграницѣ. Внутренній покой союза можетъ быть нарушенъ и *нравственнымъ вліяніемъ* одного правительства на другое или *интригами какой-нибудь партіи*. Конфедерація имѣетъ право требовать отъ каждаго изъ своихъ членовъ исполненія общихъ обязанностей. *Если бы отдѣльное государство не было расположено сдѣлать это, конфедерація имѣетъ право принудить его къ этому*. Всѣ же германскія правительства убѣдились въ томъ, что *пресса является въ настоящее время орудіемъ партіи, подкапывающейся подъ всѣ установленныя правительства*. Способы защиты противъ злоупотребленій прессы, существующіе по международному праву между вполнѣ независимыми государствами, не могутъ быть употреблены въ Германіи; въ первомъ случаѣ достаточны репрессивныя мѣры, во второмъ же законы предупредительные должны предохранять отъ нихъ въ германской конфедераціи. Что же должно сдѣлать? Необходимо установить различіе между строго-научными сочиненіями и періодическими изданіями или сочиненіями съ содержаніемъ политическаго или нравственнаго характера. Послѣдніе могутъ быть освобождены отъ цензуры только въ томъ случаѣ, если въ нихъ не менѣе 25 печ. листовъ. Каждому государству должно быть въ Германіи предоставлено право ввести или сохранить цензуру или карательные законы; въ послѣднемъ случаѣ законъ долженъ быть единъ и распространяться на всю конфедерацію. Всѣ же политическія сочиненія, брошюры и пр. должны подлежать цензурѣ. Прокуратура каждаго государства должна вчинать и поддерживать обвиненіе противъ авторовъ и издателей, противъ которыхъ будетъ возбуждено дипломатическимъ путемъ преслѣдованіе со стороны другой державы конфедераціи, и каждое правительство является отвѣтственнымъ за своихъ цензоровъ. Ни одно писаніе, не удовлетворяющее указаннымъ условіямъ, не можетъ быть выпущено въ свѣтъ, всякое анонимное подлежитъ конфискаціи на всей территоріи Германіи. „Эти идеи не внушены обскурантизмомъ“, хотя немного далѣе Меттернихъ сожалѣетъ, что „нельзя примѣнить принципъ цензуры *ко всѣмъ безъ исключенія сочиненіямъ*, такъ какъ это встрѣтило бы

живѣйшее сопротивленіе со стороны многихъ державъ Германіи" [1]).

Успѣху совѣщаній въ желательномъ для Меттерниха смыслѣ могла бы помѣшать Пруссія, король которой, давъ конституціонныя обѣщанія своимъ подданнымъ, находился еще подъ вліяніемъ окружающихъ, въ числѣ которыхъ Меттернихъ насчитывалъ не мало такъ-называемыхъ имъ „революціонеровъ". Канцлеръ направился тогда въ Теплицъ на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, гдѣ Меттернихъ, подкапываясь подъ окружавшихъ этого государя [2]), держалъ къ нему такія рѣчи: существуетъ различіе между провинціальными конституціями и тѣмъ, что называется представительною системою. Король долженъ рѣшиться не вводить учрежденій второго рода *для устраненія зла изъ Германіи*; можно сдержать данное королемъ обѣщаніе, *оставаясь на благомъ пути*; но если бы даже король и обѣщалъ нѣчто другое (конституціонныя учрежденія) — не велика бѣда: *настоящая минута не допускаетъ болѣе того, что допускало прошлое* [3]). Конечно, удалось въ концѣ концовъ убѣдить Фридриха-Вильгельма III: Пруссія обязалась не давать представительныхъ учрежденій, т. е. опасность „погрузиться въ волны революціи" устранена [4]). Австріею предложенъ планъ переговоровъ въ Карлсбадѣ и въ Вѣнѣ. Первые должны были привести къ общему признанію существенныхъ принциповъ и къ построенію на нихъ немедленныхъ и необходимыхъ мѣръ: уничтоженіе свободы прессы, назначеніе коммисіи, съ цѣлью произведенія слѣдствія надъ германскими университетами и удаленія всѣхъ профессоровъ явно опасныхъ, и созданіе судебной коммисіи для сужденія *отъ имени всей конфедераціи о недавно открытомъ заговорѣ, составленномъ противъ послѣдней.* Главная же задача послѣдующихъ вѣнскихъ министерскихъ переговоровъ, не имѣющихъ для насъ существенной важности, должна была заключаться въ разъясненіи и установленіи примѣненія § 13 союзнаго акта [5]). Въ обоихъ случаяхъ предполагалось „спасти германскую конфе-

[1]) Письмо Меттерниха къ Гентцу, отъ 17-го іюня 1819 г., въ tome III, стр. 262—267.

[2]) Ibidem, стр. 271—272 (раппортъ императору Францу изъ Теплица, отъ 30-го іюля 1819 г.).

[3]) Ibidem—стр. 277 и 272 (первый раппортъ и второй, отъ 1-го августа 1819 г.).

[4]) Ibidem, стр. 280. Второй раппортъ содержитъ всю интересную характеристику «революціоннаго духа» въ Германіи и его стремленій (см. стр. 274—278).

[5]) Ibidem, стр. 279—280.

дерацію“ при содѣйствіи Австріи, или во всякомъ случаѣ дать Австріи возможность „спасти себя одну“. Опасались противодѣйствія многихъ германскихъ государствъ, особенно южныхъ, „уже вступившихъ на революціонный путь [1]). Въ Карлсбадѣ и затѣмъ въ Вѣнѣ далеко не были единодушнѣе на счетъ главныхъ пунктовъ [2]), но тѣмъ не менѣе соединенныя усилия Австріи и Пруссіи взяли верхъ и сеймъ принялъ предложеніе, внесенное отъ имени Австріи, принятое предварительно на совѣщаніяхъ важнѣйшихъ государствъ Германіи въ Карлсбадѣ [3]). Цѣль предлагаемаго сейму акта — найти и указать средства, которыми можно „обезпечить и укрѣпить порядокъ и спокойствіе, страхъ предъ законами, довѣріе къ правительствамъ, общее довольство и безпрепятственное пользованіе благами, которыя должны быть достояніемъ нѣмецкой націи“. Въ настоящую минуту должно положить предѣлъ дальнѣйшему успѣху зла, источникъ котораго лежитъ частью *въ обстоятельствахъ времени* и *въ отношеніяхъ*, на которыя въ настоящую минуту ни одно правительство не можетъ непосредственно воздѣйствовать, частью же источникъ его связанъ съ *опредѣленными недостатками, ошибками или злоупотребленіями*, которымъ можно помочь общими мѣрами. Сюда относятся, *во-первыхъ*, неопредѣленность смысла и проистекающее отсюда недоразумѣніе на счетъ § 13 союзнаго акта; во-вторыхъ — невѣрное представленіе о правахъ союзнаго собранія и о недостаточности средствъ для ихъ осуществленія; въ-третьихъ — недостатки школьной университетской организаціи; въ-четвертыхъ, наконецъ, злоупотребленіе прессы и безчинство газетъ, памфлетовъ и летучихъ листковъ. Обращаясь къ отдѣльнымъ пунктамъ, усматривается, что по отношенію къ первому основатели нѣмецкаго союза, принявъ § 13 федеральнаго акта, впередъ усматривали, что онъ не можетъ быть приведенъ въ исполненіе въ одинаковомъ объемѣ и формѣ во всѣхъ союзныхъ государствахъ; этому служатъ препятствіемъ различія мѣстныхъ и историческихъ условій Германіи. Но основатели нѣмецкаго союза не

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 280.

[2]) Schlesier—въ его изданіи Gentz'a, Theil III, стр. 181.

[3]) Предложено сейму 20 сентября 1819 года и принято какъ законъ для конфедераціи. Работы карлсбадскихъ конференцій касались мѣръ противъ «духа демагогическаго, сдѣлавшаго огромные успѣхи въ Германіи за два — три года и органическихъ законовъ конфедераціи, установленныхъ здѣсь только въ принципѣ». Подробности ихъ, для насъ неинтересныя, разработаны на конференціяхъ въ Вѣнѣ.

предполагали, чтобы § 13 могъ быть истолковываемъ въ смыслѣ явно противорѣчащемъ яснымъ его словамъ, дѣлающемъ самое существованіе союза весьма проблематическимъ. Они не допускали, чтобы „вовсе не двусмысленный принципъ, укрѣпленію котораго они придавали большую цѣну, могъ быть смѣшиваемъ съ чисто-демократическими основами и формами, несовмѣстными съ существованіемъ монархическихъ государствъ, которыя должны быть единственными составными частями союза (свободные города Германіи — незначительное исключеніе)“. Эти важныя недоразумѣнія и заблужденія сильно овладѣли въ послѣдніе годы общественнымъ мнѣніемъ, руководимымъ опасными теоріями, которыя выставляются писателями, введенными въ заблужденіе или льстящими народному тщеславію, мечтающими о пересажденіи на нѣмецкую почву конституцій чужихъ земель. Но настоящій политическій строй послѣднихъ такъ же не похожъ на нѣмецкій, какъ вся ихъ прежняя исторія на нашу. Все это породило общую спутанность въ политическомъ языкѣ, среди которой эта великая и благородная нація грозитъ пожрать саму себя. Поэтому-то предлагается сейму приступить къ основательному изложенію и разъясненію § 13 (примѣнимаго ко всѣмъ союзнымъ государствамъ), *на основаніи нѣмецкихъ понятій, выведенныхъ изъ нѣмецкаго права и германской исторіи, вполнѣ примѣнимыхъ къ поддержанію монархическаго принципа, измѣнить которому Германія никогда не можетъ безнаказанно, и союза, какъ опоры ея независимости и мира.*

По второму пункту. По § 2 федеральнаго акта союзный сеймъ представляетъ верховный законодательный органъ въ Германіи, почему исполненію рѣшеній сейма не могутъ противорѣчить ни законодательства, ни рѣшенія отдѣльныхъ государствъ союза. Но для обезпеченія дѣйствительности федеральныхъ рѣшеній и законовъ надобно предоставить союзному собранію распоряженіе средствами и силами, необходимыми для ихъ приведенія въ исполненіе. Для этого нужно издать особый Executions-Ordnung Act.

Пунктъ третій. Давно уже обращено вниманіе союзнаго сейма и отдѣльныхъ правительствъ на школы и университеты, вѣрное и спасительное руководительство которыми есть одно изъ важнѣйшихъ занятій верховной власти. Для Германіи же забота о нихъ особенно важна по многимъ причинамъ, между прочимъ и потому, что своимъ издавна извѣстнымъ учебнымъ учрежденіямъ она обязана частью уваженія и положенія своего въ европейскомъ

общеніи. Но настоящее положеніе университетовъ во многомъ не соотвѣтствуетъ славѣ, пріобрѣтенной ими. Значительная часть университетскихъ учителей, увлеченная потокомъ всепотрясающаго времени, забыла настоящее назначеніе университетовъ; вмѣсто того, чтобы готовить юношество къ государственной службѣ, они преслѣдовали призракъ такъ-называемаго „всемірно-гражданскаго образованія, наполнившій умы, одинаково воспріимчивые для правды и заблужденія, пустыми мечтами; внушали юношеству если не озлобленіе, то неуваженіе къ существующему законному порядку, умаливъ достоинства послѣдняго“. Изъ этого родилось „презрѣніе ко всякому положительному изученію и притязаніе пересоздать общественный порядокъ по собственнымъ неиспытаннымъ еще системамъ“, обратившее значительную часть молодежи въ непризванныхъ „учителей и реформаторовъ!“ Правительства подмѣчали это и прежде, но частью не желали „стѣснять свободы преподаванія, пока она не вторглась непосредственнымъ и разрушающимъ образомъ въ гражданскія отношенія, частью же особое состояніе и нужды, вызванныя 20-лѣтнею войною, удерживали правительства отъ принятія основательныхъ мѣръ для борьбы съ прогрессировавшимъ зломъ“. Но теперь было бы достойною порицанія слабостью не заняться этимъ дѣломъ, одинаково важнымъ для науки и публичной жизни, для блага семьи и крѣпости государства. Должно принять мѣры дѣйствительныя для того, чтобы „неразсудительные обманщики или открытые враги существующаго порядка не могли найти матеріала для дальнѣйшаго возбужденія умовъ“.

Четвертый пунктъ начинается утвержденіемъ, что пресса пользовалась за послѣдніе годы въ Германіи почти ничѣмъ не связанной свободой, отчего приключилось въ нѣмецкихъ земляхъ великое зло. Оно усилилось еще съ тѣхъ поръ, какъ введенная въ различныхъ государствахъ публичность засѣданій сословнаго представительства и распространеніе преній на предметы, которые никогда не должны бы служить объектомъ пустаго любопытства и игрушкой легкомысленной критики, дали новую пищу для писателей, давъ каждому газетчику предлогъ подымать свой голосъ въ дѣлахъ, представлявшихъ сомнѣнія и трудности для величайшихъ государственныхъ людей. Все это привело къ хаосу въ понятіяхъ, глумленію надъ всякимъ авторитетомъ, фанатическимъ заблужденіямъ. Германія есть союзное государство, а особенности послѣдняго требуютъ въ указанныхъ случаяхъ усвоенія точки зрѣнія, не имѣющей ничего общаго съ законодательствами другихъ державъ. Въ настоящее время, Германія менѣе, чѣмъ во всякую другую

минуту, способна къ принятію принципа неограниченной свободы прессы. Задача правительствъ — создать настоящее и будущее благосостояніе ихъ народовъ чрезъ посредство хорошихъ учрежденій—не можетъ быть достигнута при дикомъ разногласіи во мнѣніяхъ, среди ежедневно возобновляемой борьбы, потрясающей всѣ основы, разрушающей въ своемъ безуміи всякую правду. Но принимаемыя мѣры отнюдь не могутъ имѣть цѣлью стѣсненіе полезныхъ и достойныхъ уваженія писателей или наложить узы на естественный прогрессъ человѣческаго духа, покуда писанія не выходятъ изъ предѣловъ, переступить которые не разрѣшало еще ни одно до сихъ поръ имѣющееся законодательство.

Въ виду всего этого предлагается организовать „центральную слѣдственную коммисію“ для „охраненія общественнаго порядка и успокоенія всѣхъ благомыслящихъ людей“. Открытія, единовременно сдѣланныя въ различныхъ союзныхъ государствахъ, привели къ отысканію слѣда распространеннаго на многіе пункты Германіи союза (ассоціаціи), состоящаго изъ многообразныхъ вѣтвей; дальнѣйшее существованіе этого тайнаго общества кажется направленнымъ не только на возможно большее распространеніе фанатическихъ ученій, опасныхъ государству, безусловно революціонныхъ, но даже къ поощренію и приготовленію преступныхъ плановъ. Нужно изслѣдовать дѣло, чтобы обнаружить и привлечь къ отвѣтственности дѣйствительно виновныхъ, открыть глаза заблудшимся на пропасть, предъ которою они стоятъ. Но для достиженія подобающихъ въ этомъ изслѣдованіи результатовъ, оно должно исходить изъ союзнаго сейма, какъ изъ средоточія, центральнаго пункта. До сихъ поръ открытые планы и интриги направлены въ одинаковой мѣрѣ противъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государей и противъ существованія нѣмецкаго союза [1]).

Документъ этотъ, составленный Гентцемъ, былъ опубликованъ по его принятіи сеймомъ во всѣхъ германскихъ государствахъ. Апологетъ Гентца, издатель его твореній (Schlesier), разсматриваетъ карлсбадскія рѣшенія какъ актъ необходимой защиты, въ которомъ нѣмецкія правительства нуждались тогда для своего поддержанія. Въ государствахъ еще недостаточно крѣпко организованныхъ „всегда прибѣгнутъ къ исключительнымъ законамъ, какъ только монархическая власть подвержена нападенію“. Къ сожалѣ-

[1]) См. весь излагавшійся нами актъ у *Metternich*—tome III, стр. 284–297, также у *v. Gentz*—изд. Schlesier'а, Theil III, стр. 159—176.

нію, прибавляетъ онъ, въ Германіи имѣли основаніе жаловаться не только на „строгость и общность этихъ рѣшеній", но еще съ большимъ основаніемъ на то, что „дѣятельность союза и правительствъ, касавшаяся общаго состоянія націи, „проявлялась въ дѣйствительности только тогда, когда дѣло шло о борьбѣ съ революціями и о собственномъ сохраненіи". Но при оцѣнкѣ разсматриваемыхъ рѣшеній упускалось изъ виду то обстоятельство, что въ нихъ впервые „суверенитетъ союзныхъ правительствъ долженъ былъ" принести жертву цѣлому и „подчиниться въ извѣстныхъ отношеніяхъ интересамъ этого цѣлаго". *Съ національной точки зрѣнія* это имѣло важныя для всего будущаго послѣдствія [1]).

Карлсбадскія постановленія сдѣлались естественно предметомъ сильныхъ нападеній внутри и внѣ Германіи; такъ даже самые умѣренные друзья прогресса жаловались на узкую редакцію § 13 союзнаго акта [2]). На самого же Гентца нападали, по словамъ Schlesier'а, еще сильнѣе чѣмъ на самыя рѣшенія. Сильное и талантливое нападеніе на эти постановленія появились во французской „Минервѣ", въ статьѣ *Etienne'а*, одного изъ важнѣйшихъ представителей французскаго либерализма эпохи реставраціи. Гентцъ отвѣчалъ на него въ „Beobachter'ѣ"; статьи его появились какъ разъ во время открытія вѣнскихъ министерскихъ конференцій и имѣли между прочимъ цѣлью подѣйствовать и на князей и ихъ министровъ, между которыми тогда еще не установилось согласія въ главныхъ пунктахъ.

Французскія газеты консервативнаго лагеря („Journal des Débats", „Quotidienne", „Conservateur" и друг.) говорили о рѣшеніяхъ съ уваженіемъ, частью даже съ большою похвалою. Пресса же либеральнаго лагеря („Constitutionel", „Indépendant" и др.) отнеслась къ нимъ съ негодованіемъ и крайнею враждебностью. Писалось приблизительно слѣдующее: нѣмецкія правительства въ припадкѣ слѣпаго произвола, съ презрѣніемъ всѣхъ существующихъ законовъ, формъ и правъ создали отвратительнѣйшее, что выдумалъ когда-нибудь деспотизмъ стараго времени, съ цѣлью отнять у нѣмецкихъ народовъ послѣднія надежды, ввергнуть ихъ въ позорнѣйшее рабство, „изгнать ихъ изъ предѣловъ человѣчества". Система эта навязана двумя державами (Австріей и Пруссіей); Австрія играла въ ней главную роль, чтобы спасти свое угрожаемое господство надъ Германіей. Франкфуртскія рѣшенія не-

[1]) Примѣчанія Schlesier'а къ Gentz'у, Theil III, стр. 157—158.
[2]) Ibidem, стр. 158.

вѣрно истолковали союзный актъ, положили предѣлъ ожиданіямъ конституцій въ отдѣльныхъ государствахъ, разрушили суверенитетъ отдѣльныхъ князей произвольнымъ расширеніемъ прерогативъ союза, создали вооруженные трибуналы и подвижныя экзекуціонныя милиціи; уничтоженіемъ всякой свободы прессы изгнали изъ Германіи послѣдній слѣдъ свѣта, приготовили паденіе нѣмецкихъ университетовъ, затруднили, наконецъ, инквизиціоннымъ судомъ правомѣрный ходъ правосудія въ нѣмецкихъ государствахъ, отдавъ гражданъ на жертву власти, не связанной никакими законами, однимъ словомъ — возобновили знаменитѣйшія покушенія тиранніи, проскрипціи Суллы, ужасы Тиберія, террора 1793 г. Даже иностраннымъ государствамъ виновники этихъ рѣшеній дали справедливое основаніе для жалобъ: рѣшенія эти „являются враждебнымъ манифестомъ противъ всѣхъ представительныхъ учрежденій и примѣромъ для подражанія болѣе чѣмъ одному государству“.

Мы знакомы съ воззрѣніями Гентца по всѣмъ вопросамъ, разрѣшеннымъ при его стараніяхъ въ Карлсбадѣ и Франкфуртѣ; поэтому было бы излишне вдаваться въ подробное изложеніе его опроверженій. Они могутъ резюмироваться такъ: рѣшенія приняты всѣмъ цѣлымъ правительствъ Германіи, *единогласно* одобрены на сеймѣ; рѣшенія въ Карлсбадѣ были результатомъ полнѣйшей свободы обсужденія, „глубоко прочувствованной правительствами потребности“, а не перевѣса отдѣльныхъ участниковъ; дѣйствительная выгода „пишущей братіи“ согласуется съ этими рѣшеніями, которыя болѣе „мягки, справедливѣе и успокоительнѣе“ законодательствъ сосѣднихъ земель; еще никогда не было примѣра, чтобы „сочиненія рѣшительнаго и остающагося значенія для человѣчества, или просто цѣнныя для той или другой стороны были задержаны цензорами“. Не можетъ быть и рѣчи о притѣсненіяхъ университетовъ: недалеко то время, когда всѣ добрые отцы Германіи признаютъ, что названное ослѣпленіемъ или злобою „смертельнымъ ударомъ для университетовъ“ было „началомъ ихъ возрожденія“. Коммисія изслѣдованія не трибуналъ, а, составленная изъ достойныхъ и опытныхъ членовъ, ограничена въ своихъ полномочіяхъ. Постановленія сейма доказали, что союзъ обладаетъ „жизненнымъ принципомъ“, болѣе сильнымъ, чѣмъ думали даже лучшіе умы націи, средствами исполнять свои рѣшенія, а Германія не есть „пустая доска“, на которой каждый можетъ писать все, что „геній произвола“ внушилъ ему. Рѣшенія 20 сентября не могли, конечно, понравиться либеральной партіи во Франціи, такъ какъ на Германіи были построены не малыя ея надежды и ожи-

данія; и вдругъ—разочарованіе и боязнь, что ей угрожаютъ на ея собственной территоріи! Духъ рѣшеній — духъ *сохраненія, укрѣпленія* и *порядка*, *хорошо понятой любви къ народу* и *гражданской свободѣ* [1]).

Федеральный актъ германскаго устройства, подписанный на вѣнскомъ конгрессѣ, подлежалъ съ точки зрѣнія строгаго права измѣненію въ существенныхъ частяхъ его (напр. въ § 13, гарантировавшемъ землямъ Германіи конституціи) не иначе, какъ съ согласія *всѣхъ контрагентовъ*, разсматривавшихъ созданіе Германіи на извѣстныхъ началахъ, необходимыхъ для всей Европы. Но, оставивъ даже эту нѣсколько одностороннюю точку зрѣнія, ставящую Германію подъ вѣчный контроль Европы, допускаемъ право союза *толковать* и *измѣнять* федеральный актъ. Толкованіе § 13 было дано безспорно противное его духу; § 13 созданъ былъ съ цѣлью успокоить и удовлетворить нѣмцевъ, гарантировавъ имъ конституціонныя учрежденія. Самъ король прусскій формально согласился на это. Долгое *неудовлетвореніе* этихъ желаній народа, опиравшихся на законодательный актъ, находившійся подъ гарантіею державъ, вызвало въ Германіи броженіе, политическія демонстраціи и крайности прессы, среди которыхъ убійство Коцебу являлось отдѣльнымъ фактомъ фанатизма. Народъ, соединенный съ правительствомъ въ эпоху войнъ за освобожденіе, отдѣлился отъ него тотчасъ, какъ только убѣдился въ неискренности обѣщаній правительствъ. Правительства не уступали; произошла рознь, которую думали прекратить не исполненіемъ обѣщаннаго и приготовленнаго временемъ, а подавленіемъ внѣшнихъ проявленій неудовольствія въ прессѣ и университетахъ. Реакціонной Австріи принадлежала при этомъ первая роль. Невозможно, допустивъ разъ въ принципѣ право союзныхъ державъ измѣнять федеральный актъ, отнять у нихъ право озаботиться укрѣпленіемъ союзной власти. Въ этомъ смыслѣ карлсбадскія и вѣнскія рѣшенія являются въ исторіи важнымъ прецедентомъ на пути приближенія Германіи отъ типа Staaten-Bund'а къ образцу Bundes-Staat'а. Оно, т. е. это укрѣпленіе союзной власти, было исторически необходимо; но имъ воспользовались для подавленія свободы и проведенія *опять же строго легитимистическаго начала въ самомъ абсолютистическомъ смыслѣ*. Хотѣли, какъ это видно изъ мотивовъ къ пункту первому, отдѣлить конституціонное начало отъ принципа монархіи, отбросивъ

[1]) V. *Gentz*—изд. Schlesier'a, Theil III, стр. 181—202.

первое, сохранить легитимный принципъ въ его чистотѣ. Въ этомъ вся суть дѣла, существо цѣлей и плановъ Австріи, привлекшей къ нимъ и Пруссію. Повторили въ Германіи ту же попытку, которую испробовали Бурбоны во Франціи и которая привела ихъ къ паденію въ 1815 и въ 1830 гг. При томъ *впервые* выставленъ во имя легитимнаго начала принципъ вмѣшательства во внутреннія дѣла государствъ, выразившійся здѣсь въ трибуналахъ, коммисіяхъ и общихъ мѣрахъ противъ прессы и университетовъ, но развившійся чрезъ 2 — 3 года въ принципъ вооруженнаго вмѣшательства противъ конституцій и на пользу абсолютизма. До карлсбадскихъ переговоровъ работали больше теоретически и ограничивались возстановленіемъ, и то рѣдко, легитимныхъ династій; смотрѣли сквозь пальцы, терпѣли, даже одобряли проявленія ихъ абсолютизма, но еще не вмѣшивались прямо и непосредственно во внутреннія дѣла государствъ, въ борьбу партій и ихъ злоупотребленія. Съ 1819 года идутъ дальше и примѣняютъ уже не одни теоріи и слова, а дѣйствія сперва только къ Германіи, государственная форма которой особенно благопріятствовала вмѣшательствамъ, давая возможность и оправданіе имъ во имя общаго блага всего союза; позднѣе съ этой скромной почвы перешли къ оружію и вмѣшались уже въ дѣла совершенно независимыхъ государствъ.

2. Неаполь и Пьемонтъ. Конгрессы въ Троппау и Лайбахѣ.

Съ 20-хъ годовъ начинается интереснѣйшая „блестящая эра“ господства легитимизма въ Европѣ. Начнемъ съ изложенія profession de foi князя Меттерниха, документа составленнаго имъ спеціально для императора Александра (помѣченъ изъ Троппау, отъ 15 декабря 1820 г.). Онъ потому особенно важенъ, что Меттернихъ, руководившій всѣмъ на конгрессахъ въ Троппау и Лайбахѣ, намѣтилъ въ немъ и обстоятельно развилъ въ теоріи начала, положенныя потомъ въ основу всѣхъ дипломатическихъ документовъ этихъ двухъ конгрессовъ. „Королямъ предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ считать шансы своего дальнѣйшаго существованія“; страсти разнуздались и соединяются для разрушенія всего, что уважалось обществомъ, какъ основаніе его существованія, — религіи, государственной морали, законовъ, обычаевъ, правъ и обязанностей; всѣ они перепутываются, подвергаются нападенію, ставятся подъ сомнѣніе. Всѣ принципы и учрежденія болѣе или менѣе преходящи,

только два элемента остаются всегда въ силѣ и оказываютъ постоянное и равное вліяніе: правила нравственности (религіозной и соціальной) и интересы, созданные условіями мѣстностей. Какъ только люди начинаютъ уклоняться отъ этихъ основъ, общество испытываетъ болѣзнь. Зло, причиняющее эту болѣзнь обществъ, можетъ быть охарактеризовано однимъ словомъ *надменность* (высокоуміе—présomption). Для „надменнаго“ наука кажется врожденнымъ даромъ; опытъ не имѣетъ для него никакого значенія; законы—тоже, такъ какъ онъ не внесъ своей лепты при ихъ составленіи; *власть* покоится въ немъ самомъ, почему онъ и не хочетъ подчиняться тому, что могло быть полезно только для человѣка, лишеннаго свѣта и знанія. Онъ не подкапывается открыто только подъ одну мораль, онъ, мечтающій осуществить „абсурдную идею эманципаціи народовъ“; но онъ истолковываетъ содержаніе нравственныхъ правилъ къ своей выгодѣ. Однимъ словомъ, стремятся *индивидуализировать* всѣ элементы, составляющіе общество, и сдѣлать каждаго человѣка сувереномъ его собственнаго догмата. Но въ чемъ лежатъ причины, помогшія злу, тяготѣющему надъ обществомъ, пріобрѣсти такую интенсивность? Причины эти двоякаго рода. Прежде всего имѣются среди ихъ столь связанныя съ природою вещей, что никакое человѣческое предвидѣніе не могло бы предупредить ихъ. Въ числѣ вторыхъ, случайныхъ, важную роль играютъ *слабость и бездѣятельность правительствъ*. Обѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя, угрожаютъ полнѣйшимъ разрушеніемъ дѣлу реставраціи, плоду стольких славныхъ усилій и союза между первыми монархами. *Зло распространилось главнымъ образомъ между средними классами общества;* моральная гангрена не коснулась массы народа: *настоящій* народъ вынужденъ къ работамъ продожительнымъ и слишкомъ положительнымъ, чтобы онъ могъ броситься въ отвлеченности и горделивыя мечты. Вездѣ народъ требуетъ только *мира* и *покоя*; это одинаково вѣрно для Испаніи, Германіи и Италіи. Люди же изъ среднихъ сословій общества, бросающіеся на революціонный путь, суть или честолюбцы или же умы погибшіе и принявшіе ложное направленіе. Кличъ всѣхъ фракцій, составленныхъ изъ этого люда,—„конституція“. Въ чистыхъ монархіяхъ требуютъ „національнаго представительства“, тамъ гдѣ оно имѣется—кричатъ о реформѣ (въ Англіи). Но вездѣ этотъ крикъ означаетъ—*измѣненіе* и *безпорядокъ*, тогда какъ *народъ* желаетъ вездѣ только мира и спокойствія, вѣренъ „Богу и князьямъ“. Правительства потеряли свой пре-

стижъ; они испуганы, устрашены криками этого класса, поставленнаго между королями и народами, ломающаго скипетръ первыхъ и завладѣвающаго голосами послѣднихъ и всею будущностью престоловъ. Они-то стараются убѣдить королей, что права ихъ ограничены правомъ сидѣть на престолѣ, тогда какъ каста должна управлять; они-то отрицаютъ цѣну за прошлымъ и объявляютъ себя хозяевами будущаго. Они завладѣли прессою, проповѣдуя въ ней только нечестіе, неповиновеніе законамъ религіи и государства и даже убійство. Какъ спасти общество отъ этихъ бѣдъ? Спасеніе возможно только чрезъ энергическія и дѣйствительныя рѣшенія со стороны правительствъ еще свободныхъ въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Чѣмъ должно руководиться правительство въ этомъ случаѣ? Правиломъ, гласящимъ, что „не среди волненій страстей должно думать о *реформахъ*; мудрость требуетъ ограничиться въ подобныя минуты *поддержаніемъ*". Монархи да придерживаются строго этого принципа и пусть всѣ ихъ рѣшенія запечатлѣваются имъ! Установляя принципъ постоянства (stabilité) правительства нисколько не исключаютъ этимъ развитія того, что хорошо: постоянство не есть неподвижность. Но только имъ, обремененнымъ тяжелою задачею управленія, принадлежитъ забота объ увеличеніи благосостоянія народовъ, регулируя его смотря по нуждамъ и требованіямъ времени. Разумныя реформы могутъ быть достигнуты, конечно, не путемъ уступокъ, которыя партіи хотятъ вынудить у легитимной власти, не имѣя права ни требовать ихъ, ни способности сдерживать въ справедливыхъ границахъ! Основаніемъ политики, стремящейся къ спасенію общества отъ „неопредѣленности въ идеяхъ, къ которой постоянно ведетъ излишнее ихъ обобщеніе", долженъ быть союзъ между монархами, направленный противъ „людей, принципомъ которыхъ является „низверженіе авторитета" посредствомъ „освобожденія духа (въ области морали) и личности" (въ области политической). Цѣли же этихъ людей облегчаются въ наше время послабленіями прессѣ. Почему монархи и должны *противопоставить безпорядочному движенію, овладѣвшему умами, постоянство политическихъ учрежденій, точность принциповъ—маніи къ ихъ истолкованію, и уваженіе къ существующимъ законамъ—ихъ низверженію*. Да будутъ правительства справедливы, но сильны, благосклонны, но строги! Да подавляютъ они тайныя ассоціаціи—язву общества! Правительства же второстепенныхъ государствъ усмотрятъ въ подобномъ

союзѣ первокласныхъ монарховъ якорь спасенія и присоединятся къ нему [1]).

Вотъ догма, съ которою державы (Австрія, Россія и Пруссія) выступили противъ революцій въ Неаполѣ и Пьемонтѣ! А революціи эти вызваны крайностями абсолютизма короля Сардиніи и Фердинанда IV Неаполитанскаго (съ которыми насъ ознакомилъ уже Лафайеттъ), не желавшихъ дѣлать уступокъ „духу времени", ни входить въ сдѣлки съ принципами французской революціи. Секта карбонаріевъ играла въ этихъ движеніяхъ Италіи ту же роль, что и нѣмецкія тайныя общества, только нравственная и матеріальная сила первой превосходила силы вторыхъ, да и самая почва была въ Италіи благопріятнѣе для революціонныхъ движеній: германскія правительства были много умѣреннѣе итальянскихъ въ проявленіяхъ своей власти. Прежде всего революція вспыхнула въ Неаполѣ, что повело къ созванію конгресса въ Троппау (въ 1820 году). Самъ Меттернихъ въ письмѣ къ посланнику Австріи въ Баваріи свидѣтельствуетъ, что „инсуррекціонное движеніе въ Неаполѣ не было вызвано происками изъ-за границы"; онъ приписываетъ его всецѣло „интригамъ однихъ карбонаріевъ" [2]). Король Фердинандъ, испуганный движеніемъ, далъ клятву соблюдать конституцію, предложенную ему къ подписанію, основныя черты которой совпадали съ испанской конституціей 1812 года. Австрія, считавшая себя на основаніи трактатовъ 1815 г. „естественной охранительницей и покровительницей публичнаго порядка въ Италіи", сейчасъ же заявила о своемъ твердомъ рѣшеніи „исполнить ту высокую миссію свою и воспрепятствовать перевороту распространиться и войти въ предѣлы ея и ближайшихъ сосѣдей и не потерпѣть никакого „насильственнаго посягательства на права и авторитетъ сувереновъ Италіи, опредѣленные въ трактатахъ". Въ письмѣ къ уполномоченному Австріи въ Мюнхенѣ, Меттернихъ, выражая свое удовольствіе по поводу мудрости князей Германіи, употребившихъ всю бдительность и строгость для борьбы съ первыми признаками преступныхъ попытокъ нѣмецкихъ тайныхъ обществъ, разсчитываетъ на абсолютный покой въ Германіи на все время, необходимое Австріи для „сосредоточенія своихъ заботъ и силъ на предпріятіи, касающемся общей безопасно-

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 425—445.

[2]) Ibidem, стр. 407 (письмо отъ 26 іюля 1820 г.). Подробности движеній въ Неаполѣ и Пьемонтѣ см. у гр. Комаровскаго—«Начала невмѣшательства». Москва, 1874 г. Добросовѣстное и полное фактическое изложеніе.

сти“ [1]). Къ тому же императоръ австрійскій связанъ съ дворами Италіи „личными отношеніями близкаго родства“. Но если ему придется прибѣгнуть къ силѣ, онъ „никогда не употребитъ ее противъ легитимнаго правительства, но только противъ вооруженныхъ мятежниковъ“ [2]). Послѣдніе хотятъ придать *возмущенію* характеръ *реформы*, вынудивъ слабаго монарха поклясться, приставивъ ему ножъ къ горлу, и увѣряютъ, что король неаполитанскій свободенъ [3]).

Союзники не пожелали даже вступать въ дипломатическія сношенія съ новымъ правительствомъ Неаполя, хотя король еще былъ тамъ и стоялъ во главѣ правительства. Посланникъ его, герцогъ Галло, не былъ допущенъ въ Вѣну, хотя везъ письмо Фердинанда IV къ Францу австрійскому. Ему объявлено, что „переворотъ въ Неаполѣ поражаетъ самое основаніе соціальнаго зданія, угрожаетъ безопасности престоловъ, признанныхъ государственныхъ учрежденій и покой народовъ“.

Неаполитанское правительство оправдывалось въ особой нотѣ (отъ 1 октября 1820 г.). Конституція Неаполя громко провозгласила „легитимность правъ царствующей семьи“, утверждена и обезпечена общимъ желаніемъ націи, показывавшей все время самое глубокое уваженіе, самую абсолютную преданность къ королю. Въ депешѣ приводится замѣчательный актъ, именно трактатъ вѣнскій отъ 12 іюня 1815 года (Австріи и Неаполя), въ которомъ Фердинандъ IV и императоръ Францъ признаютъ, что обязательства, принятыя ими въ этомъ договорѣ для утвержденія внутренняго мира въ Италіи, возлагаютъ на нихъ обязанность предохранить ихъ государства и подданныхъ отъ новыхъ реакцій и „несчастій неразумныхъ нововведеній“. Поэтому король обѣихъ Сицилій не будетъ вводить въ своемъ государствѣ *измѣненій, несогласимыхъ со старыми монархическими учрежденіями* или съ принципами, принятыми императоромъ и королемъ во внутреннемъ режимѣ ихъ итальянскихъ провинцій. На этомъ трактатѣ Австрія и Россія основывали свои требованія къ новому порядку вещей въ Неаполѣ. „Но“, возражаетъ министръ иностранныхъ дѣлъ Неаполя, „договоръ этотъ имѣетъ характеръ

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 407—409.

[2]) Ibidem; см. также депешу Меттерниха ко всѣмъ союзнымъ дворамъ Германіи у *Martens'a* — N. R., tome V, partie I, стр. 566. Въ этомъ же томѣ подъ № 63 всѣ документы, касающіеся дѣлъ королевства обѣихъ Сицилій.

[3]) Меттернихъ къ графу Rechberg'у, Вѣна, 31 декабря 1820 г., стр. 421—422.

нравственный, не есть конвенція, обязывающая на неопредѣленное время“. Каждое же государство должно уважать права другихъ на измѣненія и введеніе всего, кажущагося имъ подходящимъ [1]). На эту ноту союзниками не было обращено никакого вниманія. Неаполитанскому послу, князю Чимитиле, отвѣчено русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ отъ имени царя, что „положеніе Неаполя требуетъ интервенціи со стороны всѣхъ, стоящихъ во главѣ европейскаго порядка“ [2]). Собрался конгрессъ въ Троппау, на которомъ порѣшили пригласить на новое совѣщаніе, назначенное вскорѣ въ Лайбахѣ, самого Фердинанда, такъ какъ союзники, рѣшившись не признавать правительствъ, порожденныхъ изъ открытыхъ возмущеній, „могли входить въ переговоры только съ самимъ Фердинандомъ“. Къ послѣднему адрессованы императорами австрійскимъ и русскимъ и королемъ прусскимъ собственноручныя пригласительныя письма [3]). Король Франціи тоже присоединился къ этому шагу союзниковъ и писалъ Фердинанду, что цѣль будущаго конгресса (въ Лайбахѣ) „согласить интересы и благосостояніе народовъ съ обязанностями ихъ къ государствамъ и всему міру“, т. е. „согласить власть со свободою“, для чего на конгрессѣ нужно присутствіе Фердинанда [4]). Хотѣли притянуть къ дѣлу и Англію, но она уклонилась отъ всякаго участія въ этомъ проектѣ и съ тѣхъ поръ имя Англіи не связано ни съ какимъ участіемъ въ подавленіи свободы на континентѣ посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла независимыхъ державъ [5]).

Тѣмъ временемъ три монарха и ихъ министры совѣщались въ Троппау, принявъ за основаніе три положенія, выставленныя Меттернихомъ: 1) цѣль моральныхъ и матеріальныхъ дѣйствій союзниковъ — возвратить легитимной власти свободу мысли и дѣйствія и поставить ее въ возможность укрѣпиться настолько, чтобы дать королевству (Неаполю) и Европѣ *залогъ* покоя и прочности (repos et stabilité); 2) съ этою цѣлью „власть должна для своего возстановленія принять въ разсчетъ дѣйствительные интересы и нужды своей страны“. Неопредѣленная формула, которую власть могла понимать какъ ей угодно, не связывающая ее никакими прямыми обязательствами относительно подданныхъ, притомъ вполнѣ

[1]) *Martens*—N. R., tome V, I partie, стр. 568, 576 и 581.
[2]) Ibidem, стр. 570—581.
[3]) Ibidem, стр. 586.
[4]) Ibidem, стр. 587. Здѣсь же отвѣтъ Фердинанда, стр. 588—589.
[5]) Депеша англійскаго правительства къ его посланникамъ, отъ 17 января 1821 г., у *Martens'a*—ibidem, стр. 595—598.

подчиненная первой. Сказанное подтверждается вполнѣ положеніемъ *третьимъ*: все, что мудрость короля усмотритъ какъ необходимое въ интересахъ королевства и соотвѣтствующее потому желаніямъ *здоровой* части націи, будетъ разсматриваться (союзниками), какъ *легальное основаніе порядка*, имѣющаго быть возстановленнымъ въ Неаполѣ [1]).

Работы конгресса закончились циркулярною депешею союзныхъ дворовъ къ ихъ посланникамъ при дворахъ Германіи и Сѣвера (отъ 8 декабря 1880). Три державы „обязаны блюсти спокойствіе государствъ", въ подкрѣпленіе чего онѣ ссылаются на трактаты 1814, 15 и 18 годовъ. Спасши Европу отъ военной тиранніи, онѣ будутъ способны наложить узду и на „господство возстанія и преступленія"; съ этою цѣлью онѣ условливались и договорились насчетъ „мирныхъ или понудительныхъ мѣръ" (mesures coercitives) для ниспроверженія правительства, происшедшаго чрезъ возмущеніе и для приведенія его „въ нѣдра европейскаго союза", твердо рѣшившись „не признавать правительствъ, образовавшихся открытымъ бунтомъ". Монархи не имѣютъ при этомъ цѣлью „нарушить независимость другихъ правительствъ въ ихъ внутренней администраціи или препятствовать мудрымъ усовершенствованіямъ, сдѣланнымъ свободно и согласимымъ съ настоящимъ интересомъ народовъ" [2]). Характерна и депеша графа Нессельроде къ русскому уполномоченному въ Неаполѣ (отъ 9 января 1821 г.). Они, союзники, будутъ работать для „общаго спокойствія и счастія Европы". Революція въ Неаполѣ тайно подготовлена сектою, „нечестивые принципы которой одновременно поражаютъ религію, нравственность и всѣ соціальныя связи"; государи же не могутъ считать законнымъ все, что революція и узурпація претендовали установить въ Неаполѣ", а революціи, произведенныя преступленіемъ, никогда не будутъ признаны ими. Положеніе дѣлъ, созданное въ Неаполѣ, „не согласимо съ безопасностью сосѣднихъ странъ и общимъ спокойствіемъ Европы" [3]). Еще болѣе рѣшительнымъ тономъ и откровеннѣе говоритъ вѣнская декларація (отъ 13 февраля 1821 г.), изданная въ оправданіе перехода австрійскихъ войскъ чрезъ По для занятія Неаполя и водворенія тамъ спокойствія и законности. Событія Неаполя лишили короля въ нѣсколько дней „его свободы и всемогущества", самое

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 417.
[2]) *Martens*—N. R. tome V, partie I, стр. 592—595.
[3]) Ibidem, стр. 602—604.

же возмущеніе, вообще, ничѣмъ „не можетъ быть ни оправдано, ни извинено", а „*новый режимъ королевства не совмѣстимъ съ безопасностью сосѣднихъ государствъ и съ поддержаніемъ мира въ Европѣ*". Декларація выражаетъ увѣренность, что „народъ преданъ своему монарху и отвращается отъ воображаемой свободы", сопротивленіе же возможно только со стороны „немногихъ ярыхъ революціонеровъ". Монархи же будутъ вполнѣ вознаграждены, если они „упрочатъ *права* престола" [1]).

Союзники остались совершенно глухи къ манифесту неаполитанскаго правительства (17 февраля 1821 г.), возвѣщавшему, что нужды народа, степень его цивилизаціи давно уже требовали перемѣны во внутренней системѣ государства".

Революція была подавлена и возстановленъ абсолютизмъ Фердинанда IV. Но въ то время, какъ монархи, засѣдавшіе уже вмѣстѣ съ Фердинандомъ на конгрессѣ въ Лайбахѣ, радовались быстрому и счастливому подавленію революціи въ Неаполѣ [2]), вспыхнула (въ мартѣ 1821 г.) военная революція въ Пьемонтѣ. Въ началѣ конгрессъ былъ въ положеніи довольно затруднительномъ: либеральное направленіе Капо д'Истріа боролось съ противуположнымъ направленіемъ австрійскаго канцлера, почему послѣдній долго не могъ опредѣлить—„разрѣшится ли конгрессъ отъ бремени ангеломъ или чудовищемъ". Впрочемъ, скоро „звѣзда Капо д'Истріи стала меркнуть и пропасть между нимъ и императоромъ Александромъ все болѣе и болѣе расширялась" [3]). Счастливое окончаніе экспедиціи въ Неаполь, встрѣченной, по словамъ Меттерниха, единодушными кликами населенія „да здравствуютъ король и австрійцы" [4]), и особенно возстаніе въ Пьемонтѣ окончательно подчинили царя исключительному вліянію Меттерниха и уже 3 сентября 1821 года Меттернихъ писалъ, что царь „совершенно утвердился въ его школѣ" [5]). И онъ былъ правъ: уже чрезъ мѣсяцъ послѣ начала революціи въ Пьемонтѣ русская депеша (отъ 28 апрѣля (10 мая) 1821 г.) провозглашаетъ о твердомъ рѣшеніи императора „выслать 100 т. войска по просьбѣ легитимнаго суверена Сардиніи, чтобы предупредить печальныя и очень вѣроятныя послѣдствія военнаго мятежа въ

[1]) *Martens*—N. R. V, part. I, стр. 614–619.
[2]) *Metternich*—III, стр. 455 — 456 (письмо его изъ Лайбаха отъ 12 февраля).
[3]) Ibidem, стр. 455–456.
[4]) Ibidem, отъ 22 марта, стр. 461.
[5]) Ibidem, отъ 3 сентября 1821 г., стр. 477.

Пьемонтѣ"; кромѣ того въ депешѣ предлагается *вообще* помощь союзникамъ на случай *новыхъ переворотовъ* [1]). Это предвидѣлъ король Викторъ-Эммануилъ I (Сардинскій), объявившій въ своей прокламаціи къ народу (по случаю первыхъ проявленій революціи въ Туринѣ), отъ 12 марта 1821 г., что союзники „никогда и ни въ какомъ случаѣ не одобрятъ и не освятятъ дѣйствій клонящихся къ уничтоженію *легитимнаго* и политическаго порядка, существующаго въ Европѣ „и поспѣшатъ наказать вооруженною рукою всякое покушеніе, противное сохраненію этого порядка" [2]). Благоразумно отказавшись отъ престола въ пользу Карла-Феликса, Викторъ-Эммануилъ предоставилъ временному регенту королевства (Карлу-Альберту принцу Кариньянскому) вѣдаться съ желаніями народа, выразившимися въ деклараціи городскихъ учрежденій, генераловъ и начальниковъ гарнизона въ Туринѣ. Въ ней „во имя общей пользы и необходимости" признавалось настоятельно нужнымъ провозгласить испанскую конституцію (съ нѣкоторыми измѣненіями) въ виду „важности настоящихъ обстоятельствъ, опасности гражданской войны и столь громко выраженнаго желанія народа" [3]). Тогда принцъ-регентъ (13 марта) объявляетъ, что „благо королевства очевидно требуетъ присоединенія къ общимъ и горячо выраженнымъ желаніямъ" [4]). Меттернихъ полагалъ, что принцъ-регентъ поступилъ такъ подъ вліяніемъ насилія и чувствовалъ всю затруднительность своего положенія [5]). Насколько это вѣрно, сказать трудно; но безспорно, что новый король Карлъ-Феликсъ, находившійся въ отсутствіи, торжественно возвѣстилъ своимъ подданнымъ (декларація 15 марта 1821 г.), что „не соглашается ни на какія измѣненія въ формѣ правительства существовавшаго до отреченія Виктора-Эммануила и будетъ разсматривать какъ мятежниковъ всѣхъ подданныхъ, которые дозволятъ себѣ *провозгласить конституцію или сдѣлать какія-нибудь нововведенія, противныя полнотѣ королевскаго авторитета*". Заканчиваетъ онъ такъ: монархи „прійдутъ къ нему на помощь со всѣми ихъ силами", такъ какъ они „постоянно высказывали намѣреніе поддерживать *легитимность престоловъ, полноту королевской власти и неприкосновен-*

[1]) *Martens*—N. R., V, part. I. стр. 635—636.
[2]) Ibidem, стр. 651.
[3]) Ibidem, стр. 655.
[4]) Ibidem, стр. 654.
[5]) *Metternich*—III, стр. 490—491 (письмо его къ Rechberg'у, отъ 25 марта 1821 г.).

ность государствъ" [1]). Послѣдній намекъ имѣетъ отношеніе къ попыткѣ пьемонтской инсуррекціи, желавшей сдѣлать изъ ея дѣла *обще-національное* провозглашеніемъ короля Сардиніи королемъ всей Италіи, чего не замѣчалось среди неаполитанскихъ революціонеровъ [2]). Король не ошибся въ разсчетѣ: Австрія наводнила Пьемонтъ войсками, а 27 іюля 1821 г. заключена тремя державами военная конвенція съ Сардиніей для оккупаціи страны войсками Австріи. Монархи желали доказать этимъ королю Сардиніи „живой и искренній интересъ, принимаемый ими въ вопросѣ о пользѣ монархіи и процвѣтаніи Европы"; здѣсь же высказана надежда, что оккупація не продолжится дольше, чѣмъ это будетъ необходимо для „возстановленія прежней организаціи королевства и для укрѣпленія его правительства" [3]). Позаботились и объ изданіи апологіи этого вооруженнаго вмѣшательства, которую находимъ въ классической циркулярной нотѣ трехъ державъ изъ Лайбаха (отъ 12 мая 1821 г.).

Монархи и прежде и впредь будутъ имѣть въ виду „сохраненіе независимости и правъ каждаго государства, опредѣленныхъ существующими трактатами". Но вотъ — „трону и государству измѣнили" въ Пьемонтѣ, вопреки продолжительнымъ связямъ царствующаго савойскаго дома съ его народомъ, „благодѣянію просвѣщенной администраціи при государѣ мудромъ и отеческихъ законахъ". Но слабость заговорщиковъ высказалась скоро: сопротивленіе, встрѣченное легитимнымъ правительствомъ, было ничтожно и преступленіе исчезло предъ мечемъ правосудія. Соединенныя силы союзниковъ, не преслѣдовавшихъ никакихъ исключительныхъ интересовъ, пришли на помощь народамъ, подпавшимъ подъ иго (революціонеровъ). Сами народы разсматривали употребленіе этихъ союзныхъ силъ какъ „поддержку ихъ свободѣ, а не нападеніе на ихъ независимость". Силы эти даны королямъ Сардиніи и Неаполя „съ единственною цѣлью помочь свободному проявленію легитимной власти" и оказать ей содѣйствіе въ достиженіи благодѣяній, которыя должны стереть слѣды столь великихъ бѣдствій".

Но Фердинандъ неаполитанскій *добровольно* призналъ новую конституцію. Какъ же объясняетъ это депеша?

„Государь, поставленный въ самое затруднительное положеніе дѣйствіями, къ которымъ измѣна и насиліе присоединили его соб-

[1]) *Martens*—N. R., V, part. I, стр. 656—657.
[2]) V. *Gentz*—изд. Schlesier'a, Theil V, стр. 89, примѣч. 1 (противъ Journal des Débats).
[3]) *Martens*—N. R., V, part. I, стр. 659 и 662.

ственное имя“, съ полною довѣрчивостью положился на мѣры, которыя должны были положить предѣлъ „состоянію моральнаго плѣна“ и въ то же время возвратить его вѣрнымъ подданнымъ спокойствіе и благосостояніе. Теперь легитимная власть возстановлена, король обѣихъ Сицилій вновь облеченъ полнотою своихъ правъ.

Союзники не могли обойтись безъ оффиціальной характеристики заговорщиковъ, посѣявшихъ зло, съ которымъ они вступили въ борьбу. Для сектантовъ-революціонеровъ всѣ формы правленія безразличны: чистая и конституціонная монархія, конституція федеративная и республиканская. Всѣ онѣ именуются имъ „олигархіей“, настоящая цѣль ихъ — „разрушить все существующее, чтобы поставить на его мѣсто то, что случай подскажетъ ихъ безпорядочному воображенію“. Нужно было воспротивиться этому и „сохранить то, что законно установлено“: таковъ „неизмѣнный принципъ политики союзниковъ, точка отправленія и окончательный предметъ всѣхъ ихъ рѣшеній“.

Не оставлены депешею безъ вниманія и отвѣта и обвиненія союзныхъ государей въ томъ, что они „осудили человѣчество на состояніе застоя, несовмѣстимаго съ естественнымъ ходомъ и прогрессивнымъ усовершенствованіемъ человѣческихъ учрежденій“. Обвиненія эти охарактеризованы въ этомъ документѣ, какъ „тщетные крики невѣжества или злонамѣренности“. Монархи „никогда не проявили ни малѣйшаго расположенія противиться *дѣйствительнымъ улучшеніямъ или реформѣ злоупотребленій*, которыя проникаютъ въ лучшія правительства“. Но полезныя или необходимыя измѣненія въ законодательствѣ и администраціи должны проистекать „только изъ свободной воли, просвѣщеннаго и обдуманнаго влеченія тѣхъ, которыхъ Богъ сдѣлалъ отвѣтственными за власть“. Все, что выходитъ за эти предѣлы, влечетъ необходимо къ безпорядку, къ переворотамъ и бѣдамъ менѣе переносимымъ чѣмъ тѣ, которыя желаютъ излечить. Должно противодѣйствовать прогрессу фракціи, которая сдѣлала бы „проблемму изъ самаго существованія всякаго государственнаго порядка“. Поэтому-то союзники, „уважая права и независимость всякой легитимной власти“, разсматриваютъ „всякую реформу, произведенную возмущеніемъ и открытою силою, какъ *легально-ничтожную, отвергнутую принципами, составляющими публичное право Европы*“. Такъ дѣйствовали они въ случаяхъ съ Неаполемъ, Пьемонтомъ и въ обстоятельствахъ восточной части Европы (намекъ на возстаніе Греціи). Твердость въ поддержаніи этой си-

стемы, съ которою дѣйствовали монархи въ столь критическую эпоху, есть „настоящая причина успѣха ихъ усилій для возстановленія порядка въ Италіи“: правительствамъ ея пришлось убѣдиться, что имъ „нечего опасаться за ихъ политическую независимость, неприкосновенность ихъ территорій и сохраненіе ихъ правъ“. Помощь же оказана имъ союзниками подъ единственнымъ условіемъ „пользованія ею для защиты ихъ собственнаго существованія“, которому, равно и миру всей Европы, угрожаетъ „всемірная анархія“; для достиженія послѣдней заговорщики, *частью иностранцы*, употребили новый, самый возмутительный изъ всѣхъ революціонныхъ способовъ—„возбужденіе противъ власти военной силы, созданной только для повиновенія ей и защиты общественнаго порядка“ [1]).

Монархи Неаполя и Пьемонта были возстановлены въ абсолютной полнотѣ ихъ правъ; на этотъ разъ даже и не заикнулись о конституціонныхъ гарантіяхъ, что, впрочемъ, само собою слѣдуетъ изъ приведенныхъ нами актовъ чистокровнѣйшаго легитимизма. Посовѣтовавъ Карлу-Феликсу и Фердинанду IV издать, послѣ усмиренія возстанія и примѣрнаго наказанія главныхъ виновныхъ, акты амнистіи для всѣхъ остальныхъ подданныхъ, принимавшихъ участіе въ движеніяхъ, не позаботились даже объ обезпеченіи ихъ добросовѣстнаго примѣненія. Не протестовали и противъ вопіющихъ жестокостей, совершенныхъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій въ противность обнародованнымъ тамъ четыремъ амнистіямъ. Одинъ политическій памфлетъ приводитъ намъ нѣкоторые факты этихъ нарушеній амнистіи. Такъ, въ Палермо (въ 1821 г.) послѣ двухъ *полныхъ* амнистій изгнали отъ 30 до 40 человѣкъ разомъ и на всѣ ихъ жалобы отвѣчали, что было бы оскорбленіемъ его величества желать вынудить у него распространенія противъ воли актовъ его великодушія и милосердія [2]). Приведя этотъ фактъ, неизвѣстный авторъ памфлета восклицаетъ: „эшафотъ и гильотина спрятаны въ нѣдрахъ этой амнистіи; да и что такое амнистія въ деспотической странѣ, гдѣ дающій ее можетъ нарушить ее по своей волѣ, гдѣ нѣтъ гарантій ея и никто не можетъ поручиться за ея исполненіе?“ Въ подтвержденіе высказанной мысли онъ приводитъ слѣдующій случай,

[1]) См. депешу у *Martens*—N. R, V, part. I, стр. 640–646; *Metternich*—III, стр. 509—517; мысли депеши намѣчены въ мемуарѣ Меттерниха къ императору Александру изъ Лайбаха отъ 6 мая 1821 г.—стр. 502—509.

[2]) См. брошюру «Factum rédigé immédiatement après la promulgation de l'amnistie Napolitaine». Безъ года и мѣста изданія; стр. 4.

вѣрность котораго констатирована газетою „Constitutionel". Въ Неаполѣ провозглашены четыре амнистіи (послѣдняя въ октябрѣ 1822 г.), всѣ полныя, преданныя возможной гласности чрезъ гражданскія, военныя и судебныя власти, освященныя и церковью. Имъ повѣрили и всѣ, скрывавшіеся въ горахъ и лѣсахъ Калабріи, возвратились къ очагамъ своимъ (въ провинцію Cosenza).

Интендантъ провинціи (Mattei), въ соглашеніи съ 3—4 лицами, думая, что „лучшее средство отличиться предъ нѣкоторыми правительствами заключается въ эксплуатированіи заговорами", выдумалъ послѣдній и написалъ неаполитанскимъ министрамъ, что „хочетъ спасти государство", на что получилъ въ отвѣтъ резолюцію „спасайте и дѣлайте, что хотите". Тогда (въ началѣ 1823 года) солдаты и сбиры (жандармы) окружили дома, въ которыхъ жили бывшіе инсургенты, даже театры, стали стрѣлять въ окна и перехватали ихъ. De Mattei назначилъ надъ ними судъ, самъ опредѣлилъ членовъ трибунала и королевскаго прокурора (бывшаго вора на большихъ дорогахъ); самъ онъ доставлялъ суду документы для процесса, вскрывалъ письма, и т. д. Трое приговорены къ смерти, 700 въ каторжныя работы и къ заключенію въ цѣпяхъ. Правительство по протесту магистрата велѣло Mattei остановить казни, но онъ скрылъ депешу и распечаталъ ее только послѣ исполненія приговора. Свидѣтелей пытали (120 человѣкъ), заставляя ихъ говорить то, чего они не слыхали и не видали; нѣкоторые изъ нихъ были убиты *кѣмъ-то* и *какъ-то*. Понемногу, однако, истина стала всплывать наружу. Когда пришлось таки предать Mattei суду, онъ, *какъ говорятъ*, адрессовалъ дипломатическому корпусу объяснительную записку, въ которой соглашался съ тѣмъ, что заговоръ выдуманъ имъ, но доказывалъ, что правительство ему весьма обязано, такъ какъ жертвы его были враждебны этому правительству. Судъ приговорилъ de Mattei къ пожизненнымъ галерамъ, но король смягчилъ наказаніе на 10 лѣтъ тюрьмы; жертвы же, осужденныя трибуналомъ Mattei, остались въ цѣпяхъ. Наслѣдникъ Фердинанда помиловалъ de Mattei немедленно по восшествіи на престолъ. Утверждаютъ даже, что король возстановилъ его въ должности [1]).

[1]) Factum rédigé, etc.; стр. 4—7.

3. Испанія и Веронскій конгрессъ [1]).

Причины, вызвавшія революціи въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, оказали рѣшающее вліяніе и на порожденіе волненій въ Испаніи, разразившихся въ началѣ 1820 г. открытымъ возстаніемъ, въ которомъ армія приняла самое дѣятельное участіе. И здѣсь, какъ и въ Неаполѣ и Пьемонтѣ, проявилось полное нравственное и матеріальное безсиліе правительства. Фердинандъ Испанскій долженъ былъ провозгласить конституцію кадикскихъ кортесовъ (1812 г.), поклялся ей въ вѣрности; въ то же время онъ не переставалъ интриговать противъ нея, велъ себя крайне двусмысленно и втайнѣ желалъ вмѣшательства державъ въ испанскія дѣла.

Еще въ маѣ 1820 года, событія въ Испаніи возбудили „крайнее безпокойство въ Европѣ", ощущавшееся ею при одной мысли о томъ, что столько государствъ въ Европѣ заняты трудною задачею „пересозданія ихъ управленія на принципѣ представительства". Но до конца 1822 года священный союзъ былъ озабоченъ [2]) дѣлами Неаполя и Пьемонта и приходилось ограничиваться однѣми интимными бесѣдами о дѣлахъ Испаніи. Но съ конца этого года, разсчитавшись съ дѣлами итальянскими, принялись и за испанскія; въ нихъ приняла участіе и Франція, считавшая себя непосредственно заинтересованною въ состояніи Испаніи и младшей вѣтви Бурбоновъ. Созванъ былъ конгрессъ въ Веронѣ, самый блестящій и торжественный, послѣ вѣнскаго, изъ всѣхъ конгрессовъ XVII, XVIII и XIX столѣтій. Ближайшимъ поводомъ къ его собранію послужили затрудненія на Востокѣ (возстаніе Греціи) между Россіей и Турціей. Царь, сочувственно относившійся въ началѣ къ дѣлу грековъ, мало по малу, какъ мы знаемъ уже, подпалъ окончательно вліянію Меттерниха и его школы. Онъ страдалъ, если вѣрить Шатобріану и Шауманну, отъ того, что былъ вынужденъ оттолкнуть грековъ, своихъ единовѣрцевъ, и осуждать народы, которыхъ онъ былъ охранителемъ. Но Европа „требовала его охраны противъ разрушительныхъ принциповъ,

[1]) Фактическія подробности у *Gervinus'а* «Geschichte des XIX Jahrhundert's» (есть и русскій переводъ), *графа Комаровскаго* «Начала невмѣшательства», *Chateaubriand*—«Congrès de Verone», 3 тома, особенно II и III, и т. д.

[2]) Конф. нота Кэстльри ко дворамъ Австріи, Пруссіи и Россіи отъ 20 мая 1820 г., см. *Martens*—N. R., tome VI (continuation, tome X), I partie, стр. 177.

проявившихся даже въ русской арміи“, разносившихся по Европѣ изъ „комитета, управлявшаго революціоннымъ движеніемъ изъ Парижа“ [1]). Еще до собранія конгресса, неблагопріятное отношеніе царя къ греческому дѣлу выяснилось окончательно, чему греки обязаны были Австріи, опасавшейся завоевательныхъ замысловъ Россіи въ Турціи. Меттернихъ успѣлъ, при свиданіи съ королемъ англійскимъ, посвятить Англію въ свои планы и посолъ с.-джемскаго кабинета получилъ отъ правительства инструкціи въ смыслѣ содѣйствія Австріи; Францію тоже въ концѣ концовъ склонили къ этому союзу. Интриговали сильно противъ Капо д'Истріи; въ концѣ удалось одержать надъ нимъ побѣду и дѣло Греціи было проиграно (до 1827—28 гг.) еще задолго до веронскаго конгресса, который занимался имъ только въ конфиденціальныхъ бесѣдахъ и не издалъ по этому поводу никакихъ оффиціальныхъ актовъ [2]). Обсужденію конгресса подлежали, правда, еще вопросы о негроторговлѣ, о пиратствѣ въ моряхъ Америки и объ испанскихъ колоніяхъ, и еще болѣе второстепенные — напр. о навигаціи по Рейну, имѣвшей характеръ таможеннаго вопроса для Голландіи, связаннаго съ интересами другихъ прибрежныхъ государствъ. Но главнымъ занятіемъ конгресса были дѣла испанскія, *исключительно* интересующія и насъ.

Всѣ депеши союзниковъ (Россіи, Австріи и Пруссіи) по мысли, тону и даже по выраженіямъ иногда буквально сходятся съ ихъ посланіями по поводу дѣлъ Неаполя и Сардиніи: король (Фердинандъ) стѣсненъ, „конституція ему навязана“, революціонеры желаютъ уничтожить „центральную и попечительную власть, составляющую существо монархическаго начала“, принося ее въ жертву „мечтамъ о ложной свободѣ“ и нарушая „древнѣйшія и самыя священнѣйшія легитимныя права собственности“, отнимая даже у церкви „ея достоинство, прерогативы и владѣнія“ (кортесы секуляризировали церковныя недвижимыя имущества); оскорблены „религія и королевское величество“. Хартія, признающая за народомъ права суверенитета, не можетъ найти защитниковъ среди просвѣщенныхъ публицистовъ, и сами испанцы проливали свою кровь для того, чтобы вновь пріобрѣсти своего легитимнаго короля, ко-

[1]) *Chateaubriand* «Congrès de Verone» tome I, стр. 217—218; cb. *Schaumann* — G. des Congresses von Verona, въ «Raumer's-Histor. Taschenbuch», 1855 г., стр. 4 — 6; дѣла Греціи, отношенія Россіи къ Турціи, Австріи къ Россіи по восточному вопросу, затрудненія съ Капо д'Истріей, о миссіи Татищева въ Вѣну, о побѣдѣ, одержанной Австріею въ вопросѣ о Греціи. См. весьма обстоятельно у *Metternich'a*—tome III, стр. 528—608.

[2]) Ibidem, стр. 528—608.

торый, ставъ свободнымъ, дастъ, конечно, Испаніи учрежденія, „требуемыя ея нуждами и его легитимными желаніями". Русская же нота пытается разъяснить въ благопріятномъ для Россіи свѣтѣ фактъ отношенія царя къ конституціи 1812 года. Послѣдняя провозглашена въ Кадиксѣ, когда король былъ плѣнникомъ, въ его отсутствіе, требовала поэтому санкціи послѣдняго съ той минуты, какъ король сталъ свободнымъ. Она была только временною и условною и отмѣнена королемъ (въ 1814 году), возстановившимъ старый режимъ; ни Испанія, ни Россія не ссылались тогда на гарантію трактата 1812 г. Наконецъ, Россія „слишкомъ искренно дружна съ испанской націей, чтобы какой-нибудь трактатъ могъ заставить ее желать продолженія режима, навлекшаго на испанцевъ ужасы анархіи". „Никакое улучшеніе участи народовъ", восклицаетъ Меттернихъ, не можетъ проистекать изъ военнаго мятежа, ни изъ преступныхъ мечтаній, уничтожающихъ совѣсть народовъ и извращающихъ всѣ мнѣнія". Только „свободный король" можетъ возстановить въ Испаніи порядокъ, въ которомъ „права монарха явятся счастливо связанными съ настоящими интересами и законными желаніями всѣхъ классовъ народа" [1]).

Такимъ образомъ Россія, постоянно толковавшая о „европейской системѣ, основанной на уваженіи къ существующимъ трактатамъ", не остановилась предъ нарушеніемъ одного изъ договоровъ, какъ только содержаніе его оказалось не соотвѣтствовавшимъ претензіямъ абсолютизма.

Извѣстная циркулярная депеша трехъ державъ изъ Вероны (14 декабря 1822 г.) къ европейскимъ дворамъ только обобщаетъ и развиваетъ содержаніе предыдущихъ отдѣльныхъ депешъ къ посланникамъ ихъ въ Мадритѣ. Коснувшись событій въ Неаполѣ и Пьемонтѣ и объяснивъ мысль, руководившую союзниками при оцѣнкѣ этихъ явленій и оказаніи помощи легитимнымъ правительствамъ, депеша переходитъ къ дѣламъ Испаніи. Въ настоящемъ ея положеніи Испанія особенно враждебна „консервативнымъ принципамъ и началамъ, образующимъ основаніе европейскаго союза". Легитимная власть скована и является орудіемъ для уничтоженія всѣхъ правъ и законныхъ свободъ, произволъ и притѣсненія производятся подъ формою закона; богатыя колоніи (въ южной Америкѣ) оправдываютъ свою эмансипацію тѣми же началами, на которыхъ

[1]) См. депеши Пруссіи въ Мадритъ (22 ноября), Россіи (14 (26) ноября) и Австріи (14 декабря) 1822 г. у *Martens'a*—N. R., tome VI (Continuation. tome X), I partie, стр. 179—180, 184—190, 191—194.

метрополія основала свое публичное право. Между тѣмъ путь, по которому шли и продолжаютъ идти союзные монархи, „одинаково гармонируетъ съ независимостью и силою правительствъ и съ хорошо понятыми интересами народовъ“. Монархи должны разсчитывать на искреннюю и постоянную поддержку всѣхъ правительствъ противъ всѣхъ, которые являютъ изъ себя заговорщиковъ противъ законной власти государей и толкаютъ другихъ на этотъ путь. Цѣль союзниковъ—обезпечить Европѣ состояніе спокойствія и прочности, внѣ котораго нѣтъ настоящаго счастія для націи. Союзные монархи вполнѣ проникнуты великою истиною, что „власть, данная имъ, есть священное хранилище (dépôt sacré), въ которомъ они отдадутъ отчетъ своимъ народамъ и потомству“; сами же они „подлежатъ строгой отвѣтственности, впадая въ ошибки или слушая совѣтовъ, которые рано или поздно поставили бы ихъ въ невозможность спасти подданныхъ отъ золъ, которыя они сами приготовили бы имъ“. Провозглашенные принципы не менѣе достойны уваженія, чѣмъ буква и положительныя постановленія актовъ, составляющихъ теперь основаніе европейской системы [1]).

Франція, раздѣляя мысли и духъ деклараціи союзниковъ, объявила испанскому правительству, что вполнѣ солидарна съ ними въ твердой ихъ рѣшимости „устранить всевозможными способами принципы и движенія революціонные“ [2]). Гентцъ въ письмѣ къ Шатобріану требовалъ отъ Франціи нравственной поддержки: укрѣпленіе связи между континентальными державами вознаградило бы съ избыткомъ потерю союза съ Англіей и разрушило бы двѣ трети софизмовъ и угрозъ Биньона (автора брошюры, направленной противъ вмѣшательства Франціи въ дѣла Испаніи) [3]). Шатобріанъ же жаловался Гентцу, что иностранныя державы слишкомъ долго были несправедливы къ французскимъ роялистамъ, принимая ихъ то за старыхъ бароновъ XIII столѣтія, то за новаторовъ XIX вѣка. Онъ, Шатобріанъ, „конституціонный роялистъ“—и только конституціонная монархія можетъ привести Францію къ порядку вещей, который „составитъ счастіе страны и спокойствіе Европы“ [4]). Могъ ли конституціоналистъ сочувствовать деклараціи державъ и послѣдовавшему вскорѣ походу Франціи на защиту абсолютизма

[1]) *Martens*—N. R., V (cont. X), I part., стр. 197—201; *Metternich*—III, стр. 613—620.

[2]) Ibidem, стр. 203 (депеша Villel'а графу de la Gard'у въ Мадритъ, отъ 25 декабря 1822 г.

[3]) *Gentz*—изд. Schlesier'а, Theil I, стр. 365—367.

[4]) Ibidem, 362—363.

въ Испаніи? На оба вопроса мы можемъ отвѣчать словами самого Шатобріана. Онъ считаетъ „основанія депешъ союзниковъ справедливыми, такъ какъ они ясно установляютъ опасности, проистекающія для сосѣда Испаніи (Франціи), „единственною же угрозою союзныхъ депешъ было — отозваніе союзныхъ посланниковъ изъ Мадрита". Но, какъ конституціоналистъ, онъ не могъ не поглумиться надъ самымъ содержаніемъ депешъ. „Должно простить имъ", говоритъ онъ, „все то, что онѣ говорятъ противъ трибуны и свободы прессы: *абсолютныя монархіи никогда не поймутъ монархій представительныхъ;* это два рода властей, элементы которыхъ несовмѣстимы". Но редакторы ихъ должны были бы подумать о томъ, что строгость отношенія кортесовъ къ королю объясняется тѣмъ, что „кортесы имѣли дѣло съ монархомъ неблагодарнымъ и безчестнымъ (sans foi), который искалъ только случая *обмануть ихъ*". Австрія же слишкомъ радовалась своимъ успѣхамъ противъ революціонеровъ въ Италіи, а страхъ указывалъ ей заговоры тамъ, гдѣ было прогрессивное движеніе идей націи. Депеши, расточая похвалы испанскому народу за его героическое сопротивленіе Наполеону, упускаютъ изъ виду, что „народъ повиновался тогда кортесамъ Кадикса и защищался во имя этой самой конституціи" [1]). Послѣ сказаннаго, не удивительно ли встрѣтить въ авторѣ аппологію похода въ Испанію, всю иниціативу и вину котораго онъ всецѣло беретъ на себя. De Villele (министръ-президентъ), самъ король не желали вооруженнаго вмѣшательства [2]); въ этомъ смыслѣ даны были инструкціи Шатобріану и Караману [3]). Чѣмъ же руководился Шатобріанъ, добиваясь интервенціи? *Интересы* Франціи, которые онъ понималъ по-своему, смѣшивая въ одно цѣлое непримиримые интересы конституціонализма съ требованіями дорогими абсолютному легитимизму. „Легитимизмъ умеръ бы (во Франціи) вслѣдствіе отсутствія побѣдъ и особенно послѣ унизившихъ его дипломатическихъ сдѣлокъ; идея свободы у французовъ, которые никогда хорошо не поймутъ ея, не замѣнитъ имъ идеи славы", которая естественна для нихъ [4]). Если бы легитимизмъ отступилъ (отъ мысли о походѣ въ Испанію) — онъ погибъ бы; если бы онъ имѣлъ только посредственный успѣхъ — онъ казался бы страннымъ (ridicule). Представьте себѣ „Фердинанда благоразумно царствующимъ въ Испаніи,

[1]) *Chateaubriand*—Congrès de Verone, tome I, стр. 141—142.
[2]) Ibidem, стр. 73.
[3]) Ibidem, стр. 458.
[4]) Ibidem, стр. 100—101.

подъ эгидою Франціи,— наши южные предѣлы въ безопасности; двѣ-три бурбонскія монархіи въ Америкѣ — противовѣсъ къ выгодѣ Франціи, торговлѣ и вліянію Англіи и Соед. Штатовъ Америки; французскій кабинетъ сталъ бы вновь могущественен и потребовалъ бы измѣненія въ вѣнскихъ трактатахъ; Франція вернула бы себѣ свою старую границу въ Нидерландахъ". Большинство этихъ результатовъ достигнуто: Франція спасена отъ заговора карбонаріевъ, Фердинандъ освобожденъ, образована во Франціи армія подъ бѣлою кокардою; походъ и успѣхъ Франціи встрѣчены радостно всею Европою, и если противъ похода возражаютъ, что онъ былъ легокъ, такъ какъ войскамъ не оказано серьезнаго сопротивленія, то это во всякомъ случаѣ характеризуетъ блестящіе успѣхи дипломатіи: военное чудо замѣняютъ чудомъ дипломатическимъ [1]). Война съ Испаніей, освободившая Фердинанда изъ плѣна, одно изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній реставрированнаго легитимизма [2]).

Итакъ, политическій интересъ Франціи во внѣшней политикѣ и поддержаніе легитимизма въ Испаніи для его укрѣпленія во Франціи были оправданіями похода, достаточными для Шатобріана, который чувствовалъ, впрочемъ, необходимость доказать еще правомѣрность интервенціи *относительно* Испаніи. Съ этой точки зрѣнія онъ оправдывалъ вмѣшательство существованіемъ тайныхъ обществъ во Франціи, имѣвшихъ связь съ испанскими революціонерами, угрожавшихъ легитимной власти во Франціи, тономъ испанской прессы, наконецъ даже появленіемъ манифестовъ, проникавшихъ чрезъ тайныхъ агентовъ во Францію; въ нихъ открыто взывалось къ бунту и неповиновенію власти [3]). Самое положеніе полуострова было совершенно анархическое, Франція же послѣ побѣды давала Фердинанду чрезъ самого Людовика XVIII совѣты для благоразумнаго управленія Испаніею [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Шатобріанъ силится доказать, что союзники не желали войны Франціи въ Испаніи и что первой принадлежала вся инициатива, рѣшающая роль въ этомъ вопросѣ. Но это положительно опровергается: во-первыхъ, вся предъидущая исторія вмѣшательствъ союзниковъ въ дѣла Италіи и содержаніе ихъ депешъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что они не могли не желать подавленія испанской революціи, которую они считали особенно опа-

[1]) *Chateaubriand*. «C. de Verone», tome II, стр. 425—433.
[2]) Ibidem, стр. 445.
[3]) Ibidem, стр. 252—259.
[4]) Ibidem, стр. 267—271.

ской. Францiя же по своему сосѣдству съ Испанiей и кровнымъ связямъ съ царствовавшею въ ней вѣтвью Бурбоновъ была поставлена въ особенно выгодныя условiя для этого вмѣшательства, поддержаннаго нравственнымъ авторитетомъ союзниковъ. Во-вторыхъ, показанiя Меттерниха освѣщаютъ намъ настоящее положенiе дѣла, указывая на рѣшенiя союзниковъ и переговоры конгресса, какъ на принципiальное рѣшенiе вопроса, при которомъ Францiи принадлежала только дискрецiонная власть примѣнить къ Испанiи мысль союзныхъ постановленiй; въ-третьихъ, наконецъ, еще 19-го ноября представители четырехъ державъ договорились насчетъ трехъ случаевъ, въ которыхъ возможна война съ Испанiей: 1) вооруженное нападенiе Испанiи на французскую территорiю или даже одно изданiе испанскимъ правительствомъ оффицiальнаго акта, прямо возбуждающаго къ мятежу подданныхъ одной изъ державъ; 2) актъ низложенiя короля Испанiи, начатiя противъ него процесса или подобнаго же нападенiя на членовъ его семейства; 3) формальный актъ правительства Испанiи, нарушающiй права законнаго наслѣдованiя королевскаго семейства [1]). Ясно, что при широкомъ толкованiи этихъ пунктовъ (особенно же перваго) можно было при *непремѣнномъ желанiи* вмѣшаться въ дѣла Испанiи, въ изобилiи находившемся на-лицо у Шатобрiана, интервенировать въ дѣла полуострова, имѣя за плечами одобренiе державъ и прецеденты Неаполя и Пьемонта. Ими и воспользовался Шатобрiанъ; въ нотѣ отъ 23 января 1823 г. (къ Каннингу, министру иностранныхъ дѣлъ Англiи) онъ говоритъ, что въ Испанiи воспроизведены принципы, сдѣлавшiе несчастiе Европы въ теченiи 30 лѣтъ. Виновные, избѣгнувшiе правосудiя во Францiи, нашли убѣжище на полуостровѣ, гдѣ они „съ безнаказанностью *угрожаютъ* и оскорбляютъ династiю Бурбоновъ“ [2]). Францiя не желаетъ навязывать Испанiи никакой формы правительства, но... „не можетъ разсматривать какъ солидныя и легитимныя учрежденiя, проистекающiя изъ незаконной власти“ [3]). Послѣ этого понятно презрѣнiе, съ которымъ Шатобрiанъ относится къ отказу Великобританiи подписать протоколъ 19-го ноября, подтвержденному позднѣе депешей Каннинга къ послу Англiи въ Парижѣ (31-го марта 1823 г.), въ которой опровергается самое право интервенцiй и оспаривается у Францiи какъ право, такъ и основа-

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 609—610 и 612.
[2]) *Martens*—N. R., VI (Cont. X), I part., стр. 220—223.
[3]) Депеша Францiи въ Мадритъ, отъ 18 января 1823 г., стр. 220.

нія для вмѣшательства въ дѣла Испаніи [1]). Веллингтонъ, опровергая три пункта протокола 19-го ноября, разсматриваетъ ихъ какъ противные цѣлямъ, которыя имѣютъ въ виду союзники. Интервенція фактически ослабляетъ и ставитъ въ опасность партію, въ интересахъ которой она производится; нѣкоторыя части протокола касаются предметовъ, составляющихъ область муниципальнаго закона (Municipal law); личность государя неприкосновенна по законамъ всѣхъ странъ; но законы не обезпечиваютъ въ одинаковой степени безопасность лицъ августѣйшей семьи, протоколъ же стремится распространить на королевскую семью въ Испаніи защиту, которая не дана имъ законами Испаніи. Минута для отсылки депешъ въ Мадритъ неудобна и онѣ могутъ только раздражить правительство, затруднить положеніе Франціи и Англіи; послѣдняя полагаетъ, что „цензировать (censurer) внутреннія дѣла независимаго государства, если только они не нарушаютъ существенныхъ интересовъ подданныхъ Англіи, несовмѣстимо съ началами, которыми Англія неизмѣнно руководилась по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ внутреннимъ дѣламъ другихъ странъ“ [2]).

Шатобріанъ представляетъ возраженія: факты опровергли всѣ соображенія Англіи объ опасностяхъ интервенціи, встрѣченной испанцами какъ освобожденіе; сама Англія повсюду вмѣшивалась то въ пользу деспотизма (за Махмуда, противъ независимости Греціи), то во имя свободы (противъ Испаніи, за независимость ея американскихъ колоній), смотря по представлявшейся ей выгодѣ. „Существенные же интересы подданныхъ Великобританіи“, которые оговорены Англіей, открываютъ всю суть дѣла, сводящагося къ торгашескимъ интересамъ Англіи. Но если Англія говоритъ о своихъ интересахъ, то развѣ интересы континентальныхъ державъ, различные отъ англійскихъ, не могутъ быть скомпрометированы? А въ данномъ случаѣ вопросъ поставленъ такъ: воспрепятствовать разразиться новой революціи среди французовъ, поднять честь флага, поставить Францію вновь въ число націй, получающихъ изъ самихъ себя силу, достоинство и могущество. Развѣ все это не „существенные интересы?“ [3]).

По обыкновенію, объясненія и протесты непосредственно заинтересованной стороны (Испаніи) не имѣли никакого значенія для

[1]) *Martens*—N. R. tome VI (Cont. X), I part., стр. 225—232.
[2]) *Chateaubriand*. «C. de Verone», I, стр. 122—123.
[3]) Ibidem, стр. 124—125.

союзниковъ. Испанія взывала къ тому, что конституція, которою управляется нація, торжественно признана императоромъ Россіи въ 1812 году; испанцы, возстановивъ ее, не были клятвопреступниками, такъ какъ конституція 1812 года насильственно ниспровергнута въ 1814 г. и возстановлена нынѣ органами общаго мнѣнія; конституціонный король Испаніи пользуется свободнымъ отправленіемъ правъ, предоставляемыхъ ему основнымъ закономъ; наконецъ, Испанія не признаетъ никогда и ни за одною націею права вмѣшиваться въ ея дѣла, такъ какъ средства, необходимыя противъ бѣдствій, могущихъ удручать ее, интересуютъ только ее одну [1]).

Франція интервенировала несмотря на сильное сопротивленіе оппозиціи въ палатѣ депутатовъ; оконченъ походъ быстро и Фердинандъ VII, вернувшись „къ полнотѣ своей легитимной власти", поразилъ всю Европу жестокостью и необузданностью, съ которыми онъ расправлялся съ принимавшими участіе въ „мятежѣ" и принялся установлять старый режимъ. Онъ объявилъ въ манифестѣ къ подданнымъ (съ полнѣйшею откровенностью и въ угрожающемъ тонѣ) о своемъ полномъ упованіи на „торжественнѣйшую и опредѣленнѣйшую гарантію союзниковъ" поддерживать при всякомъ удобномъ случаѣ „легитимную и неограниченную власть его короны"; они, союзники, не имѣютъ намѣренія совѣтывать или предлагать ему когда-нибудь посредственно или непосредственно „какое-нибудь измѣненіе въ формѣ правленія" [2]).

Капефигъ въ своей исторіи реставраціи сообщаетъ, что предметомъ бесѣдъ, *но не опредѣленныхъ обсужденій* конгресса въ Веронѣ, были еще разные вопросы управленія, какъ-то: свобода прессы, волненіе умовъ и т. д. [3]). Этому показанію писателя, имѣвшаго близкія связи съ руководящими сферами изучаемаго нами періода, совершенно противорѣчитъ появившееся въ „American diplomatical Code" въ англійскомъ переводѣ подъ названіемъ „Secret treaty of Verona" изложеніе документа, служащаго, будто бы, дополненіемъ къ акту священнаго союза. Появленіе этого документа произвело большую сенсацію; еще ранѣе этого много и долго спорили о томъ, были ли заключены въ Веронѣ тайныя соглашенія насчетъ внутреннихъ дѣлъ управленія и

[1]) *Martens*—N. R., VI (Cont. X), I part., стр. 207—208 (циркуляръ исп. прав. къ дворамъ Вѣны, Петербурга и Берлина, отъ 9 января 1823 г.).

[2]) *Brockhaus*—гл. V, стр. 87—88. *Capefigue*. «Histoire de la Restauration», tome VII, стр. 396.

[3]) См. *Schaumann'a*, стр. 95.

особенно насчетъ возстановленія конституціонныхъ формъ правленія въ европейскихъ государствахъ. Появленіе вышеупомянутаго документа разрѣшало, повидимому, сомнѣнія въ пользу существованія предполагаемыхъ соглашеній. Документъ содержалъ въ себѣ 5 параграфовъ слѣдующаго содержанія:

1) Договаривающіяся стороны убѣждены, что система представительнаго правленія такъ же несовмѣстима съ монархическимъ принципомъ, какъ и начало народнаго суверенитета съ божественнымъ правомъ; поэтому онѣ обязуются самымъ торжественнымъ образомъ „употребить всѣ усилія для того, чтобы привести къ концу систему представительнаго правленія *въ какой бы то ни было странѣ Европы, гдѣ оно существуетъ и предупредить введеніе его въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно еще неизвѣстно;* 2) такъ какъ несомнѣнно (as it cannot be doubted), что свобода прессы есть самое могущественное средство, употребленное такъ-называемыми охранителями права націй для разрушенія правъ государей, то договаривающіяся стороны обѣщаются принять всѣ мѣры, способныя подорвать свободу прессы не только въ ихъ собственныхъ государствахъ, но и въ остальной Европѣ; 3) контрагенты обязуются поддерживать религію, принципы которой „даютъ величайшую власть держать націи въ состояніи пассивнаго послушанія, которымъ онѣ обязаны своимъ князьямъ“, а также интересы „духовенства, столь интимно связанные съ сохраненіемъ авторитета государей“; они благодарятъ папу за то, что онъ сдѣлалъ для нихъ и ищутъ „его постояннаго соучастія въ ихъ видахъ подчиненія націй“; 4) положеніе Португаліи и Испаніи соединяетъ въ себѣ всѣ обстоятельства, къ которымъ въ частности относится этотъ трактатъ; 5) обѣщано гарантировать другъ другу „возстановленіе порядка вещей, существовавшаго до революціи въ Кадиксѣ“ и призывается содѣйствіе всѣхъ властей, существующихъ въ ихъ государствахъ, и агентовъ ихъ въ иностранныхъ странахъ „для установленія связи, необходимой для выполненія предмета этого трактата“ [1]).

Трактатъ этотъ подписанъ, будто бы, въ Веронѣ, 22-го ноября 1822 г., заключаетъ въ себѣ подписи Меттерниха, Шатобріана, Нессельроде и *Bernstedt'a* (вмѣсто Bernstorff'a). Шауманнъ рѣшительно того мнѣнія, что актъ этотъ должно считать подложнымъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сообщенъ Elliot'омъ, до тѣхъ поръ, пока нельзя привести другихъ прямыхъ доказа-

[1]) *Elliot.* «American diplomatical Code», 1834 г., vol. II, стр. 179—180.

тельствъ въ пользу его подлинности. Ошибку въ подписи (Bernstedt вмѣсто Bernstorff) онъ считаетъ скорѣе доказательствомъ въ пользу подлинности этого документа: ошибка могла быть случайною опискою, подложные же документы составляются съ этой стороны вообще весьма тщательно, да не трудно было бы раздобыться правильною подписью. Самое содержаніе документа имѣетъ отношеніе къ протоколу 19-го ноября 1822 г. и добавленіе это не могло бы возбуждать сомнѣній, если принять въ соображеніе роль и значеніе императора Александра, крѣпко привязаннаго къ идеѣ борьбы во имя священнаго союза противъ политическихъ оппозицій отдѣльныхъ странъ. Но, ближе анализируя нѣкоторыя другія обстоятельства и содержаніе спорнаго акта, Шауманнъ полагаетъ, что онъ не могъ быть подписанъ Англіей, ревностнымъ членомъ священнаго союза, такъ какъ онъ идетъ въ разрѣзъ съ основными положеніями англійской конституціи; столь важный добавочный къ первоначальному документъ не могъ быть подписанъ безъ участія одного изъ главныхъ контрагентовъ главнаго документа; болѣе того—документъ направленъ прямо противъ Англіи. Странно также, что Англія не получила о немъ никакого свѣдѣнія ни во время, ни позднѣе конгресса [1]). Далѣе нѣмецкій писатель полагаетъ, что Шатобріанъ, какъ конституціоналистъ, не „подписалъ бы подобнаго документа"; а § 3 оспариваемаго акта не могъ быть подписанъ ни протестантомъ, ни греко-православнымъ. Наконецъ, американскій историкъ Bancroft, къ которому обратились за разъясненіями, выразилъ мнѣніе, что Elliot, тогда уже умершій, не могъ получить приведеннаго имъ документа отъ барона Крюденера, а просто самъ состряпалъ его.

Нельзя отрицать существеннаго сходства, даже тождественности *важнѣйшихъ* частей оспариваемаго трактата со всѣмъ безспорно достовѣрнымъ содержаніемъ депешъ, протоколовъ собраній союзниковъ въ Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ и особенно съ постановленіями въ Карлсбадѣ; еще болѣе — съ недавно обнародованными мемуарами и письмами Меттерниха и Гентца, въ которыхъ оба они съ полною откровенностью высказываютъ свои сужденія совершенно тождественныя съ содержаніемъ документа. Можно бы допустить даже, что рѣзкій, почти циничный языкъ спорнаго трактата скорѣе даетъ поводъ къ сомнѣніямъ относительно его подлинности, чѣмъ самое содержаніе, *вполнѣ соотвѣтствующее дѣйствительнымъ намѣреніямъ союзниковъ*, довед-

[1]) *Schaumann*. «G. des Cong. von Verona», стр. 98—99.

шихъ свои легитимистическія тенденціи до кульминаціоннаго пункта ихъ развитія. Это выразилось между прочимъ въ предложенномъ Меттернихомъ царю планѣ организаціи „секретнаго комитета въ Вѣнѣ“ изъ тайныхъ агентовъ Австріи, Россіи и Пруссіи для полученія и собранія нужныхъ свѣденій для борьбы и противодѣйствія тайнымъ сектамъ; канцлеръ признавалъ эту организацію необходимой для „открытія заговоровъ“ [1]).

Но для насъ рѣшающее значеніе въ спорѣ о подлинности документа имѣетъ то, что ни Шатобріанъ, ни Гентцъ и Меттернихъ, изъ которыхъ послѣдніе два даютъ намъ весьма мало извѣстныя или и совсѣмъ неизвѣстныя прежде свѣденія о событіяхъ и планахъ разсматриваемой эпохи (съ 1813 до 1823 года), ничего не упоминаютъ объ этомъ трактатѣ. Поэтому-то и мы склоняемся къ мнѣнію о весьма вѣроятной подложности разсмотрѣннаго акта. Во всякомъ же случаѣ, онъ хорошо характеризуетъ духъ и политическое вѣроисповѣданіе коноводовъ легитимизма въ Европѣ и представляетъ собою, быть можетъ, остроумную и ѣдкую сатиру современника на дѣятельность веронскаго конгресса, которая столь мѣтко попадала въ цѣль, что даже составители сборниковъ дипломатическихъ документовъ могли внести ее въ дипломатическій матеріалъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ подлинности переданнаго документа.

В. Теорія легитимизма въ литературѣ и его критика.

ГЛАВА I.

Легитимизмъ въ литературѣ.

Борьба союзниковъ съ началами революціи и принципомъ завоеванія была, въ силу интимной связи науки съ жизнью, замѣчена политическою наукою. Она взяла на себя построеніе теоріи легитимизма и исполнила эту задачу съ большею или меньшею удовлетворительностью. Но замѣчательно, что наука, вернувшись къ дореволюціоннымъ, даже средневѣковымъ воззрѣніямъ на госу-

[1]) *Metternich*—tome III, стр. 623 — 631 (секретный мемуаръ Меттерниха императору Александру изъ Вероны), см. особ. стр. 630—631.

дарственную власть (въ чемъ она совпала съ принципами практической политики разсмотрѣнной эпохи), мало коснулась непосредственно международной стороны легитимизма, предоставивъ людямъ практики дѣлать логическіе выводы и приложенія къ международной жизни началъ, установленныхъ наукою для внутренней государственной жизни народовъ.

Первый систематическій протестъ противъ началъ революціи, выдвинувшій теорію легитимизма, мы встрѣчаемъ еще въ 1802 году (Bonald) [1]), т. е. въ разгаръ наполеоновскаго режима, перевернувшаго легитимизмъ во Франціи и въ Европѣ. Крайности и новизна созданій Наполеона придали и ученію Бональда характеръ противоположной крайности. Авторъ (Бональдъ) съ особенною любовью останавливается на учрежденіяхъ древняго Египта, въ которомъ онъ усматриваетъ едва ли не идеалъ монархіи. „Исторія", говоритъ онъ, „не дала погибнуть религіи *единства божьяго* и конституціи (въ смыслѣ государственнаго учрежденія), *единства власти:* онѣ сохранились, такъ какъ онѣ въ природѣ человѣка разумнаго и человѣка физическаго" [2]). Политическое общество является соединеніемъ подобныхъ существъ; цѣль его— взаимное сохраненіе; существа эти находятся въ необходимыхъ отношеніяхъ, истекающихъ изъ природы вещей, именуемыхъ законами. Совокупность этихъ отношеній или законовъ связываетъ между собою Бога и человѣка: человѣкъ по своей природѣ независимъ отъ человѣка и подчиненъ только Богу. Первый основной законъ политическаго общества — единство соціальной власти или общей власти общества, которою облеченъ монархъ [3]). Монархъ долженъ быть безсмертенъ или вѣченъ, такъ какъ съ прекращеніемъ его существованія прекратилось бы и отправленіе общей власти, которая могла бы управлять обществомъ. Такимъ образомъ общая воля, охраняющая общество, требуетъ, чтобы преемство власти не прерывалось ни на одну минуту, а это возможно только чрезъ наслѣдственную передачу власти въ семью, дѣлающую монарха вѣчнымъ. Ни одинъ народъ не могъ безнаказанно не признавать этого „священнаго закона": Польша издавна печаль-

[1]) *Vicomte de Bonald.* «Législation primitive», 1802 г.; мы пользовались позднѣйшимъ его сочиненіемъ — «Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontée par le raisonnement et par l'histoire». Paris. 1843.

[2]) Ibidem, стр. 85—86.

[3]) Ibidem, стр. 51, 75, 96.

ный этому примѣръ [1]). Монархъ, установленный для подавленія внѣшнихъ актовъ развращенной воли или страстей всѣхъ, долженъ быть лично независимъ отъ всѣхъ. Онъ есть живой законъ, поэтому онъ и не можетъ желать нарушить законъ въ своемъ качествѣ монарха. Но вслѣдствіе неотдѣлимости человѣка отъ монарха, человѣкъ можетъ желать замѣнить своею частною волею волю общую. Необходимо поэтому, чтобы эти воли (частная воля человѣка и общая воля, выражающаяся въ королѣ) были различаемы другими, т. е. агентами, на которыхъ возложено исполненіе предписаній общей воли и отличеніе ея отъ частной воли. Отсюда, другой политическій законъ—назначеніе министровъ для передачи и засвидѣтельствованія приказаній монарха; но какъ за неисполненіе ихъ они должны быть наказаны, то они отвѣтственны предъ независимыми судами, хранилищами законовъ; члены этихъ судовъ должны быть независимы, и т. д., и т. д. [2]). Но что же охранитъ общество отъ уклоненія (oppression)? Этому можно воспрепятствовать тѣмъ же способомъ, какимъ ограничена сама воля Божія, т. е. *законами* и *необходимыми отношеніями*, которыхъ она не можетъ уничтожить. Но невозможно, чтобы частная воля монарха, повлекшая къ порабощенію, проявляющаяся чрезъ публичную силу, была подавляема другою волею, дѣйствующею съ другою публичною силою: въ обществѣ было бы тогда двѣ воли, двѣ власти, двѣ публичныя силы, т. е. было бы два общества [3]). Верховная же власть есть только слуга Бога; а правители должны отдавать ему отчетъ въ употребленіи власти.

Ученіе Бональда о происхожденіи верховной власти, отдающей въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ только предъ Богомъ, является основою тѣхъ мыслей и стремленій, которыя были выставлены извѣстными намъ правительствами противъ революціонныхъ движеній въ Италіи и Испаніи. Отвѣтственность министровъ и независимость судей, *исполняющихъ монаршую волю* и *охраняющихъ* ее, прихвачены Бональдомъ случайно, конечно, изъ наблюденій надъ жизнью нѣкоторыхъ современныхъ обществъ, и плохо вязались бы съ существомъ его ученія, если бы эти два начала не были всецѣло выводимы изъ воли монарха, которой министры являются *только исполнителями*, а судьи только охранителями.

Съ революціонными принципами борется и *Де-Мэстръ*, из-

[1]) *Bonald.* «Théorie», стр. 96—97.
[2]) Ibidem, стр. 107, 115—117.
[3]) Ibidem, стр. 106.

давшій въ 1817 году (вскорѣ послѣ заключенія священнаго союза) свое извѣстное сочиненіе „Du Pape" [1].

„Король есть образъ (подобіе) Бога на землѣ"; въ этомъ смыслѣ можно сказать, что законъ стоитъ надъ королемъ, что не ослабляетъ, а пополняетъ идею монархіи и ведетъ ее къ величайшей степени усовершенствованія [2]). Но если онъ злоупотребляетъ своею властью? Является только три выбора: послушаніе, представленіе и возмущеніе. Но опытъ учитъ насъ, что самыя ужасныя бѣдствія, проистекающія изъ послушанія, не уравниваются и съ тысячною частью тѣхъ, которыя проистекаютъ изъ возмущенія [3]). Суверенитетъ непосредственно проистекаетъ изъ природы человѣческой: человѣкъ, какъ существо вмѣстѣ нравственное и испорченное, справедливое по своему разуму и противорѣчивое по своей волѣ, долженъ быть управляемъ, почему личная воля его ничто въ устроеніи правительства. Нѣтъ націи безъ государя, но и государя—безъ націи, почему народъ и государь одинаково необходимы для образованія суверенитета; но нація болѣе обязана государю, чѣмъ государь ей: первая обязана ему соціальнымъ существованіемъ и всѣми отсюда проистекающими благами. Невозможно ограничить верховную власть не уничтожая ея. Кто установитъ конституцію и заставитъ исполнять ее? Собраніе или индивидуумъ, которые имѣли бы эту власть, являлись бы государемъ, ибо сдѣлались бы болѣе сильными чѣмъ суверенъ. Если же она является уступкою суверена, то кто же помѣшаетъ одному изъ преемниковъ государя нарушить ее? Необходимо, чтобы право сопротивленія было придано собранію или одному индивидууму, иначе оно риведетъ къ возмущенію, т. е. къ худшему изъ всѣхъ бѣдствій. Исторія же указываетъ намъ, что всѣ попытки къ ограниченію власти верховной удались не настолько, чтобы породить желаніе подражать имъ. Одна Англія сдѣлала что-то въ этомъ родѣ „Но право подданныхъ самимъ назначать и распредѣлять налоги, купленное потоками крови, дало ей только привилегію быть націею наиболѣе обремененною налогами въ цѣломъ мірѣ". Католическая догма отвергаетъ всякаго рода возмущеніе; протестантизмъ же, исходя изъ народнаго суверенитета, изъ догмы, перенесенной имъ изъ религіи въ политику, видитъ въ несопротивленіи униженіе человѣка, существа разумнаго. Пусть будетъ такъ; но все же остается

[1]) «Du Pape», suivi de «L'église gallicane, dans son rapport avec le souverain pontife»; см. Oeuvres de *De Maistre*, tome III и IV, изд. 1844, въ Брюсселѣ.
[2]) Ibidem, стр. 41.
[3]) Ibidem, стр 87.

еще узнать, когда и кто можетъ воспользоваться этимъ правомъ. Говорятъ, что его можно оправдать только въ тираніи. Но что такое тиранія и развѣ одинъ, хотя бы самый гнусный актъ можетъ носить это имя? Законъ, предписывающій послушаніе государямъ, есть законъ общій, справедливый и вообще необходимый. Клятва подданнаго въ вѣрности государю безъ оговорокъ подвергаетъ людей всѣмъ ужасамъ тираніи, а сопротивленіе безъ правилъ — всѣмъ ужасамъ анархіи. Что же дѣлать? Единственное средство сдержать власть временную (земную), безъ уничтоженія ея характера, представляется человѣческой мысли въ разрѣшеніи отъ нея, произнесенномъ духовною властью. Никакого противорѣчія съ принципомъ божественнаго происхожденія верховной власти здѣсь нѣтъ, такъ какъ власть разрѣшающая очевидно предполагается божественною, которой при извѣстныхъ обстоятельствахъ подчиняется власть земная.

При всемъ различіи въ формахъ суверенитетъ неограниченъ; всѣ суверенитеты абсолютны и непогрѣшимы *въ ихъ легитимномъ проявленіи*, легитимность же эта состоитъ не въ томъ, чтобы вести себя такъ или иначе въ извѣстныхъ предѣлахъ, а въ томъ, чтобы не выходить изъ нихъ; и такимъ образомъ вопросъ о божественномъ происхожденіи верховной власти можетъ разсматриваться одинаково въ Лондонѣ, Мадритѣ и вездѣ. *Суверенитетъ есть вещь священная, эманація божественной власти;* христіанство взяло его подъ особое свое покровительство, *повелѣвая намъ видѣть въ государѣ представителя и образъ самого Бога*, который, какъ хозяинъ, властенъ, безъ сомнѣнія, создать суверенитетъ ограниченный въ самомъ его принципѣ; но и тогда суверенитетъ былъ бы божественнаго происхожденія. Сопротивляться же власти во всякомъ случаѣ непозволительно ни по какому воображаемому основанію. Должно благодарить Бога за добрыхъ государей и терпѣть дурныхъ, ожидая, чтобы время, великій исправитель бѣдствій, изгладило ихъ. Исключеніе — случаи, въ которыхъ государь совершитъ преступленіе. Де-Мэстръ полагаетъ даже, что „есть обстоятельства болѣе многочисленныя, чѣмъ это думаютъ, гдѣ слово сопротивленіе не есть синонимъ возмущенія“ [1]). Во всякомъ случаѣ было бы лучше, еслибы папа обладалъ и теперь еще властью разрѣшать отъ клятвы. Жертвуя королемъ, папа спасъ бы королевскую власть и разразился бы гро-

[1]) *De Maistre*—Oeuvres, tome III, livre II, стр. 150—161.

момъ противъ проэкта „низложенія цѣлой династіи даже за преступленія, тѣмъ менѣе за ошибки одной коронованной особы“. Онъ научилъ бы народы, что „семья царствуетъ“, что этотъ случай подобенъ тому, который представляется при обыкновенномъ наслѣдствѣ, открытомъ по смерти или по болѣзни. Теперь же „народы сами разрѣшаютъ себя отъ клятвы въ вѣрности, возмущаются, низлагаютъ государей, убиваютъ ихъ кинжалами и возводятъ ихъ на эшафотъ [1]). Полагаютъ, что семейство является королевскимъ потому, что оно царствуетъ; между тѣмъ оно царствуетъ именно потому, что оно королевское и даже сравнивать князей съ частными лицами—софизмъ [2]). Между религіей и суверенитетомъ существуетъ тѣсная, но „мало замѣченная связь“ [3]); между властью первосвященника и королей столько аналогіи, братства и зависимости, что никогда не нарушали первую безъ того, чтобы не затронуть вторую. Такъ реформація и ея коноводы, напавъ на папу, затронули и королей, какъ напримѣръ Лютеръ, давшій о государяхъ самый рѣзкій приговоръ [4]). Де-Мэстръ думаетъ даже, что если что-нибудь можетъ оправдать сопротивленіе государямъ, то это—нападеніе ихъ на національную религію [5]).

Эта послѣдняя точка зрѣнія, т. е., связь властей духовныхъ и свѣтскихъ и параллель между ними, съ особенною обстоятельностью и подробностью развита *Малебраншемъ*, который очень ясно высказался о божественномъ происхожденіи монархической власти какъ о постоянномъ основаніи легитимизма [6]). Ученіе Малебранша самое логическое, строгое ученіе разсматриваемой нами категоріи и притомъ весьма одностороннее. Въ мірѣ есть только двѣ верховныя власти—гражданская и церковная; князь, съ монархическимъ государствомъ, есть образъ (подобіе) Бога всемогущаго и намѣстникъ его на землѣ; епископъ—образъ Іисуса Христа и его викарій въ церкви. Проводя далѣе аналогію между двумя властями, Малебраншъ отдаетъ предпочтеніе князю въ томъ смыслѣ, что власть послѣдняго абсолютна, болѣе чѣмъ епископская, такъ какъ онъ можетъ издавать законы, *не подчиненъ имъ* и можетъ дѣйствовать, не отдавая отчета никому въ своемъ

[1]) *De Maistre*—ibidem, глава XI, стр. 236—237.
[2]) Ibidem, livre III, стр. 330—331.
[3]) Ibidem, стр. 332.
[4]) Ibidem, livre II, стр. 166—167.
[5]) Ibidem, livre IV, стр. 57.
[6]) *Malebranche* — Oeuvres complètes. Ouvrage publié par M-rs de Genonde et de Lourdoneix. Paris. 1837. Tome I (Traité de Morale).

поведеніи; власть князя имѣетъ цѣлью достиженіе посредствомъ сохраненія гражданскаго общества всего временнаго (земнаго), для подданныхъ, епископа же — всего духовнаго; но первый долженъ имѣть величайшую заботу создать себѣ славу безсмертную, работая для вѣчности и ея задачъ. Государи сами изслѣдуютъ свои обязанности предъ Богомъ, и должны только „совѣтываться съ основными законами государства и разсматривать ихъ какъ обыкновенныя правила ихъ поведенія". *Подданные же должны повиноваться слѣпо*, когда дѣло идетъ объ ихъ собственномъ интересѣ. Критиковать поведеніе государя, значитъ сдѣлаться судьею надъ нимъ, т. е. приписать себѣ нѣчто въ родѣ независимости и претендовать на то, что она должна отдавать отчетъ другимъ кромѣ того, кто ее установилъ, а это равносильно презрѣнію и возмущенію противъ власти. Повиновеніе же, подобающее государю, *относится только къ одному Богу*; поэтому должно ослушаться его, когда онъ предписываетъ то, что Богъ воспрещаетъ. Но какъ быть, если обѣ власти (свѣтская и духовная) даютъ противоположныя предписанія? Необходимо разузнать о ихъ естественныхъ правахъ и извлечь изъ нихъ послѣдствія, которыя должны руководить нашимъ поведеніемъ, обратиться къ свѣдущимъ людямъ, и пр. Власти, установленныя Богомъ, *отнюдь не непогрѣшимы*; но, рѣшившись оказать неповиновеніе одной изъ нихъ, должно дѣлать это, сохраняя подобающее уваженіе къ нимъ, такъ какъ онѣ не теряютъ своего достоинства и характера отъ несправедливыхъ повелѣній и всегда должно почитать Бога въ ихъ лицѣ. А высшіе должны памятовать, что они имѣютъ владыку, который будетъ обращаться съ ними такъ, какъ они дѣйствовали со своими подчиненными. Преподавъ власти нѣсколько нравственныхъ совѣтовъ терпѣнія и снисхожденія относительно подданныхъ, колеблющихся въ повиновеніи, Малебраншъ примѣняетъ все сказанное и къ властямъ подчиненнымъ, которымъ не слѣдуетъ, конечно, „воздавать уваженія столь глубокаго, ни повиновенія столь слѣпаго, какъ суверену"; но все же имъ должно повиноваться пропорціонально данной имъ власти и знанію того, что они исполняютъ волю ихъ господина. Во всякомъ случаѣ избѣгать насилія съ ихъ стороны ловкостью или иными путями, не теряя уваженія къ нимъ, должнаго личности, которую онѣ представляютъ, обратиться, наконецъ, къ самому князю, или къ его министрамъ, если онъ недоступенъ. Въ крайности же—пожертвовать безъ ропота принадлежащими намъ благами и тѣмъ самымъ

заслужить болѣе солидныя блага, которыя никакая власть не можетъ отнять у насъ [1]).

Итакъ, Бональдъ, Де-Мэстръ и Малебраншъ одинаково усматриваютъ въ королевской власти божественное ея происхожденіе; но Бональдъ и особенно Де-Мэстръ останавливаются предъ извѣстными логическими послѣдствіями ихъ основной точки зрѣнія: такъ, оба они признаютъ случаи, узаконяющіе неповиновеніе подданныхъ и даютъ духовной власти право разрѣшать отъ клятвы въ повиновеніи князьямъ, Де-Мэстръ же оправдываетъ ослушаніе монарху, свершившему преступленіе. Малебраншъ идетъ гораздо далѣе. Трудно найти другое болѣе строго-выдержанное легитимистическое ученіе, безусловно отрицающее всякое неповиновеніе властямъ предержащимъ и ограничивающееся преподаніемъ нравственныхъ совѣтовъ управляющимъ. Подданные не имѣютъ у него никакого прибѣжища къ власти духовной. Онъ и Де-Мэстръ указали еще на интимную связь религіи и теоріи княжеской власти, провели параллель между властью свѣтскою и духовною, т. е. вернулись, въ борьбѣ съ революціею и началами народнаго суверенитета, къ средневѣковому міросозерцанію, къ теоріи двухъ властей, причемъ нѣкоторые изъ нихъ (Де-Мэстръ) ставятъ власть свѣтскую ниже духовной въ томъ смыслѣ, что послѣдней предоставляется право разрѣшать отъ клятвы. Къ этой теологической сторонѣ ученія должно присовокупить еще рѣзко выраженную у Де Мэстра тенденцію соединить это воззрѣніе на происхожденіе княжеской власти съ юридическими воззрѣніями среднихъ вѣковъ и эпохи династической политики на начало наслѣдованія государственной власти по принципамъ гражданско—правовымъ. Государственная власть вступаетъ въ отправленіе своихъ правъ, вымираетъ и наслѣдуетъ по тѣмъ же основаніямъ, которыя встрѣчаются въ семьѣ, въ правѣ семейнаго наслѣдованія; въ силу принадлежности къ извѣстной семьѣ (царствующей) пріобрѣтается суверенная власть надъ подданными и государственной территоріей [2]). Революція отрицала оба указанные принципа; реакція, наступившая съ вѣнскаго конгресса, пыталась возстановить ихъ, причемъ державы - руководительницы сражались съ принципомъ, выставленнымъ и формулированнымъ еще Кантомъ: всякая форма правленія, которая не есть представительная, есть собственно ложная форма (unform), такъ какъ законодатель не можетъ быть въ

[1]) *Malebranche*—Oeuvres, tome I, chap. VI, 466—468.
[2]) *Brockhaus*—стр. 89.

одномъ и томъ же лицѣ исполнителемъ своей воли [1]). Мы видѣли, что въ исторіи разсмотрѣнныхъ нами эпохъ начала абсолютнаго лигитимизма родились не вдругъ, а постепенно. Сперва (да и на вѣнскомъ конгрессѣ) руководители нѣсколько колебались и, находясь еще подъ живымъ впечатлѣніемъ событій и революціонныхъ идей, провозглашаютъ легитимныя ученія какъ-то нерѣшительно, дѣлая уступки духу времени (во Франціи). Этому колеблющемуся направленію первыхъ двухъ эпохъ соотвѣтствуютъ нѣкоторыя колебанія въ ученіяхъ Бональда и Де-Местра, не развившихся до полнаго и абсолютнаго легитимистическаго міросозерцанія. Но колебанія эти окончились въ 20 годахъ (на конгрессахъ въ Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ) въ пользу второй, легитимистической крайности. Это торжество реакціи нашло свое выраженіе въ ученіи Малебранша, обобщившаго и возвысившаго до стройной теоріи начала, вложенныя въ актъ священнаго союза. Крайность эта не могла долго удержаться въ наукѣ. Явилась необходимость въ ея смягченіи и приведеніи хоть въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ жизненными условіями и потребностями людей. Это сдѣлано *Фридрихомъ Шталемъ* [2]). Государство разсматривается имъ какъ нравственное царство людей, цѣль и основаніе котораго въ дѣйствительномъ нравственномъ царствѣ—царствѣ божіемъ [3]). Разсматриваемое глубже, оно есть божественное учрежденіе, установлено Богомъ; весь легитимный порядокъ его получаетъ свою обязательную силу отъ Бога, особенно же власть верховная, проистекающая изъ божественной милости, такъ какъ самъ по себѣ ни одинъ человѣкъ не можетъ имѣть верховной власти надъ людьми, ни даже всѣ надъ однимъ. Договоръ здѣсь тоже не при чемъ: люди не располагаютъ своею жизнью и свободою, почему и не могутъ уступить кому-нибудь власть. Божественное право верховной власти дѣйствительно во всѣхъ государственныхъ формахъ, такъ какъ значеніе и должность избирательной власти все же основываются не на волѣ и уполномочіи избирателей, *а на заповѣди и управомоченіи божіемъ*. Но божественность учрежденія государства и верховной власти, являющейся центромъ его, означаетъ только то, что значеніе ихъ основано на заповѣди и порядкѣ божіемъ, но не на непосредственномъ дѣйствіи Божіемъ, почему нисколько не

[1]) *Kant* «Zum ewigen Frieden», 2 Auflage, 1796 г., стр. 26, (см. у Brockhaus'а, стр. 63).

[2]) *Friedrich Stahl* «Die Philosophie des Rechts», II Band, II-te Abtheilung. (изд. 1854—56 г. въ Гейдельбергѣ).

[3]) Ibidem, стр. 132.

уменьшается полнѣйшая свобода людей жить при томъ или другомъ устройствѣ, но *вездѣ опредѣленный государственный строй и опредѣленное лицо, представляющее собою верховную власть, имѣютъ санкцію отъ Бога* [1]).

Ученіе о народномъ суверенитетѣ имѣетъ, въ глазахъ Шталя, то справедливое основаніе, что государство покоится въ концѣ концовъ на волѣ народа; но эта воля народная есть первоначальный духовный элементъ, проникающій индивидуума, но не результатъ воли отдѣльныхъ лицъ, не есть произвольное желаніе, а скорѣе сила, опредѣляющая волю, сознаніе нравственной необходимости [2]). Покуда еще ничего не создано люди имѣютъ возможность установить то или другое устройство; но разъ это случилось, устройство это есть уже государство, въ которомъ Іаковъ, напримѣръ, король; все это сдѣлалось уже властью установленною надъ ними Богомъ, такъ что они не могутъ уже измѣнить конституцію, за исключеніемъ того случая, когда измѣненіе это происходитъ въ силу самихъ законовъ; они не могутъ и удалить короля, развѣ по собственному его желанію [3]).

Отличая монархію отъ деспотіи (въ монархіи судебная власть практикуется независимыми судьями), онъ отдаетъ первой предпочтеніе предъ другими формами государственнаго устройства, такъ какъ она обладаетъ единствомъ и личностью въ управленіи и концентрируется въ одномъ человѣкѣ, который не можетъ распасться въ самомъ себѣ; еще же большее ея преимущество въ томъ, что управляющій ни въ какомъ отношеніи не есть подданный и не зависитъ отъ послѣднихъ [4]). Король долженъ быть свободенъ и быть въ состояніи пользоваться свободою. Правда, этимъ значительная часть благъ и страданій народа отдается въ руки одного человѣка; но это присуще не одной королевской власти, а есть общее проклятіе, тяготѣющее надъ человѣкомъ, временнымъ существомъ, происходящее оттого, что человѣчество не управляется самимъ Богомъ. Покуда это продолжается, люди должны господствовать надъ людьми и должно считать несчастіемъ, если неспособный или недостойный держитъ бразды правленія. Власть короля — „отъ милости божіей“, что дѣйствительно и для всякой государственной формы, *но божественное достоинство и величіе государственной власти становится виднѣе въ личномъ носителѣ ея*; *въ наслѣд-*

[1]) *Fr. Stahl* «Die Philosophie des Rechts», § 48, стр. 176–177.
[2]) Ibidem, стр. 142–143.
[3]) Ibidem, стр. 178—179.
[4]) Ibidem, стр. 213—214, 236.

ственной же монархіи къ этому присоединяется еще то, что собственникъ государственной власти находится во владѣніи ею безъ содѣйствія людей, а черезъ посредство божественной воли, которой люди должны подчиняться съ благоговѣніемъ.

Это „принципъ легитимизма", какъ онъ свойственъ наслѣдственной монархіи, имѣющей не только юридическое значеніе въ смыслѣ правомѣрнаго „владѣнія противъ узурпаціи", но и религіозное значеніе — „божественной санкціи и освященія престола по велѣнію „Бога" [1]). Божественное право и легитимизмъ суть понятія различныя, но связанныя между собою: авторитетъ, въ силу котораго король царствуетъ и самое достиженіе имъ престола — происходятъ отъ Бога. Оба они образуютъ христіанскій принципъ государства и противостали во всемірной исторіи принципу революціи и народнаго суверенитета. Они придаютъ государственной власти ту специфическую прочность и то неземное освященіе, которыя мы находимъ только въ монархіи.

Принципъ этотъ только тогда высказывается во всей его справедливости и полнотѣ, когда князь наслѣдуетъ и пользуется своею властью меньше какъ своею человѣческою собственностью, но больше какъ своею божественною миссіею, т. е. согласно нуждамъ государства. Исторія перерываетъ легитимизмъ, и Немезида наказываетъ этимъ несправедливость несправедливостью. Тогда и иллегитимная династія съ теченіемъ времени, когда чрезъ нея прошли цѣлыя поколѣнія, дѣлается легитимною: то, что Богъ попустилъ и поддержалъ въ теченіи извѣстнаго времени, настоящее поколѣніе не можетъ призывать къ своему суду. Но когда наступаетъ эта освящающая сила времени? На это нѣтъ правилъ, также какъ и по вопросу, насколько надлежитъ оказывать повиновеніе неправомѣрному, но хорошо устроенному правленію или когда допускается отпаденіе отъ него въ пользу правомѣрнаго изгнаннаго короля. *Все зависитъ отъ особеннаго положенія вещей.* Но это не есть противорѣчіе въ самомъ принципѣ легитимизма: невозможность послѣдовательнаго проведенія принципа не доказываетъ его невѣрности, но только несовершенство дѣлъ земныхъ. Но самый принципъ легитимизма есть не что иное, какъ право божественной воли въ противоположность человѣческой волѣ [2]). Изъ *этого однако вовсе не истекаетъ неограни-*

[1]) *Fr. Stahl.* «Die Philosophie des Rechts», § 72 и 74, стр. 244, 250—251.
[2]) Ibidem, стр. 252—254.

ченность королевской власти, которая была бы противна порядку природы.

Изъ того, что король имѣетъ свое полномочіе отъ Бога—еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ его надо всѣмъ; его власть была бы безпредѣльна только въ томъ случаѣ, если бы король являлся намѣстникомъ Бога въ теократическомъ смыслѣ. Пользованіе королевскою властью и правами основано на божественной волѣ и божественномъ порядкѣ, а не на волѣ народа, изъ чего слѣдуетъ только, что эта власть не можетъ быть отнята у него народомъ и не должна быть употребляема по волѣ народа, но отнюдь не то, чтобы она не имѣла предѣловъ. Безграничной монархіи не было нигдѣ и никогда, даже въ безграничныхъ повидимому деспотіяхъ. Законъ долженъ быть для короля—не только внутреннее требованіе его совѣсти, но и внѣшнимъ государственно-правовымъ предѣломъ [1]); но князь является центромъ тяжести государственнаго устройства, путеводителемъ развитія [2]).

Право не допускаетъ возмущенія, такъ какъ послѣднее есть разрушеніе правоваго порядка государства и подданные дѣлаются судьями и высшею властью надъ властью верховною. Отношеніе между верховною властью и подданными не есть гражданскій договоръ, но отношеніе уваженія и послушанія и есть высшая, необходимая связь между народомъ и верховною властью. Если верховная власть нарушаетъ порядокъ государства, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы подданные съ своей стороны имѣли право опять нарушать этотъ порядокъ. Возмущеніе не можетъ быть оправдано и какъ самооборона: послѣдняя допускается только противъ неправомѣрной силы, но не противъ неправомѣрнаго употребленія правомѣрной власти, такъ какъ иначе она должна была бы имѣть мѣсто и противъ всякаго пристрастнаго рѣшенія компетентнаго судебнаго учрежденія. А какъ революція по существу своему направлена противъ государственнаго порядка, то въ ней самой недостаетъ всякаго порядка и всякой правовой границы; она не можетъ имѣть правомѣрныхъ органовъ, ни правомѣрнаго дѣйствія, средство же, чрезъ которое она желаетъ прійдти къ праву, есть всегда путь силы безъ правила [3]).

Всякое государство, каждая форма верховной власти суть, по Шталю, божественнаго происхожденія; монархія и особенно

1) *Fr. Stahl,* «Die Philosophie des Rechts», стр. 254—256.
2) Ibidem, стр. 383—384.
3) Ibidem, § 150, стр. 541—543.

наслѣдственная, только лучшая форма государственнаго устройства. Монархъ уже не стоитъ выше закона, а подчиненъ ему, ограниченъ имъ, власть его не безпредѣльна; въ законѣ прибѣжище подданныхъ, а не во внѣ стоящей, высшей власти (первосвященника). Онъ прямо отличаетъ монархію отъ деспотіи, видя въ первой важное отличіе отъ послѣдней, заключающееся въ независимой судебной власти. Власть монарха не есть безпредѣльная, но только не можетъ быть отнята народомъ, т. е. Шталь осуждаетъ возмущеніе, освященное революціею, какъ средство политической борьбы. Послѣднее онъ отвергаетъ по строго юридическимъ основаніямъ, а не богословско-метафизическимъ. Шталь не отрицаетъ даже, что въ концѣ концовъ народный суверенитетъ имѣетъ свое основаніе, но видитъ въ немъ сознаніе нравственной необходимости. Государство можетъ быть создано съ извѣстною формою; но разъ оно создано, принятая форма уже легитимна и не подлежитъ измѣненію. Но поддаваясь фактамъ исторіи и наблюденія, Шталь идетъ далѣе и допускаетъ иллегитимныя созданія, освященныя временемъ. Въ этомъ онъ далеко расходился съ *принципами* священнаго союза, и это одно, помимо общей умѣренности его легитимистическаго ученія, ставящаго законъ выше монарха, даетъ намъ право считать его ученіе переходнымъ къ ученію о конституціонной монархіи. Недоставало только гармонически и въ принципѣ сочетать права монарха съ правами подданныхъ и изъ этого единства вывести государственное устройство, которое являлось бы компромиссомъ между теоріею легитимизма и народнаго суверенитета.

Давно уже доказано, что во всѣхъ приведенныхъ нами ученіяхъ есть одна общая черта: всѣ они исходятъ изъ посылки, взятой à priori, вѣрность которой не доказана и не можетъ быть доказана, такъ какъ она выходитъ изъ предѣловъ возможнаго человѣческаго знанія. А если такъ, то падаютъ сами собою всѣ выводы изъ этой метафизической посылки (о происхожденіи верховной власти отъ Бога), кромѣ тѣхъ вставныхъ, какъ бы вводныхъ, второстепенныхъ посылокъ, которыя, будучи взяты изъ исторіи и наблюденія, вставлены авторами въ логическое развитіе ихъ исходной точки зрѣнія. Можно допустить только, что ученія ихъ болѣе или менѣе вѣрны и приближаются съ большею или меньшею точностью къ *историческому* воззрѣнію извѣстной эпохи (средневѣковой и періода господства династическихъ интересовъ во внутренней и внѣшней политикѣ государствъ) на происхожденіе верховной власти, ея права и обязанности. И въ этомъ

отношеніи вылился наружу основной грѣхъ всѣхъ метафизическихъ построеній: схваченный à priori, принципъ оказывается намѣченнымъ и выдвинутымъ въ то или другое время въ исторіи, взятымъ изъ окружающей среды въ прошломъ, или настоящемъ. Готовое ужь воззрѣніе на гражданско-правовую наслѣдственность княжеской власти, подкрѣпленное и связанное богословско-метафизическою теоріею божественнаго происхожденія верховной власти, отвергнутое революціею, перенесено въ новое время, къ новымъ отношеніямъ и условіямъ; при этомъ Шталь выставилъ его въ своемъ ученіи, какъ имѣющее примѣненіе и къ сферѣ международныхъ сношеній, такъ какъ имъ осуждаются въ принципѣ узурпація и иллегитимныя созданія, съ которыми приходится имѣть дѣло международному союзу.

ГЛАВА II.

Критика легитимизма.

Начало политическаго равновѣсія представляло собою чисто политическій принципъ. Бульмеринкъ справедливо замѣчаетъ, что легитимистическій принципъ, напротивъ того, имѣетъ „сильно юридическую окраску". Начало легитимизма, какъ оно было выставлено въ исторіи и въ наукѣ, можно опредѣлить такъ: *законное наслѣдованіе извѣстнымъ лицомъ государственной власти, коренящееся въ принадлежности этого лица къ извѣстной правомѣрной семьѣ и укрѣпленное историческими традиціями*. Къ этой формулѣ, выражающей собою средневѣковое представленіе о государственной власти, какъ о собственности на территорію и ея населеніе, присоединилось еще метафизическо-богословское воззрѣніе на происхожденіе этой власти свыше, отъ велѣнія и предостереженія божества. Понимаемое въ этомъ абсолютномъ смыслѣ, строго-легитимистическое ученіе влечетъ за собою нѣсколько логическихъ выводовъ, которые были прилагаемы къ внутренне-государственной и международной жизни. Князья, правомѣрно наслѣдующіе власть, притомъ подъ охраною божественнаго права, ни предъ кѣмъ и ни въ чемъ не обязаны своею властью кромѣ Бога, которому единственно обязаны отчетомъ въ ея употребленіи. Если такъ, они

безотвѣтственны и пользуются всею полнотою верховной власти, не стоящей ни подъ какимъ контролемъ подданныхъ. Они выше законовъ, которые создаются, измѣняются и отмѣняются князьями, причемъ всѣ органы власти и учрежденія являются подчиненными ихъ волѣ, ограниченной только нравственными требованіями и фикціей отвѣтственности предъ Богомъ. Если же они отвѣтственны только предъ „Высшимъ Судіею", то нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи о правѣ суда надъ ними со стороны подданныхъ, которые обязаны имъ полнымъ повиновеніемъ. Подданные не могутъ ни лишить, ни ограничить власть существъ, правомѣрно получившихъ эту власть во всей ея полнотѣ отъ Высшаго существа. Отсюда — *только добровольное согласіе* князя на измѣненіе учрежденій страны и ограниченіе своей власти, безъ всякаго физическаго или нравственнаго насилія, со стороны подданныхъ, есть *правомѣрное* средство при созданіи, видоизмѣненіи или отмѣнѣ учрежденій и законовъ страны. Всѣ ограниченія власти, вызванныя даже силою непреодолимыхъ обстоятельствъ и получившія согласіе и одобреніе монарха, не легальны, являются при извѣстныхъ условіяхъ даже мятежомъ и недѣйствительны. Монархъ можетъ во всякое время отнять свое согласіе, вынужденное чрезвычайными обстоятельствами, такъ какъ всѣ законы сосредоточены въ немъ, исходятъ отъ него и отмѣняются имъ по доброй волѣ, можетъ поэтому во всякое время отнять октроированную имъ конституцію. Не отвѣтственны и его министры, при условіи, конечно, строгаго и точнаго исполненія ими воли ихъ суверена. Подданные въ существѣ своемъ безправны, не участвуютъ ни въ изданіи законовъ, ни въ управленіи государствомъ, если на это участіе не воспослѣдовало добровольнаго согласія самого монарха, которое опять же можетъ быть отнято обратно во всякое время. Они должны примиряться съ тѣмъ, что правомѣрно установлено по династическому наслѣдованію верховной власти въ извѣстной семьѣ, освященному сознаніемъ божественности ея происхожденія, и не могутъ имѣть никакихъ правъ, ни даже оправданій на насильственное низверженіе монарха, ограниченіе его власти, замѣну одной династіи другой, и т. д. Таковъ абсолютный легитимизмъ, не примиряющійся ни съ какими компромиссами! Поддержаніе его во всей его чистотѣ и неприкосновенности разсматривалось какъ благо каждой страны, обладающей монархическою формою государственнаго устройства. Въ послѣдней же видѣли идеальную форму этого устройства. Если же она есть идеальная, то представляется необходимымъ вводить или по крайности поддерживать

ее нравственно, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и посредствомъ вооруженнаго вмѣшательства, въ другихъ государствахъ. Слѣдовательно, вопросъ переносится уже на международную почву и международный союзъ беретъ на себя охрану и защиту „правомѣрныхъ монархій божественнаго права“ и старается даже, если извѣстная эпоха и комбинація силъ между государствами этому благопріятствуютъ, перешагнуть *предѣлы „охраны* тѣхъ монархій“, *создать* или *возстановить* логическія послѣдствія абсолютнаго легитимизма тамъ, гдѣ они не могли удержаться подъ напоромъ *завоеванія* или *внутренней революціи.* Завоеватель, хотя бы даже онъ являлся у *себя дома* легитимнѣйшимъ носителемъ верховной власти самаго божественнаго и правомѣрно-династическаго происхожденія, перестаетъ уже быть таковымъ внѣ своей территоріи. Сталкиваясь съ такимъ же сосѣдомъ, онъ не можетъ лишить его послѣ счастливой войны ни престола, ни части его владѣній: владѣніе государственною территоріею разсматривается какъ правомѣрная собственность, неразрывная часть владѣнія верховною властью по праву династическаго наслѣдованія, установленнаго по божественному праву въ извѣстной семьѣ. Собственность надъ территоріей сливается съ собственностью верховной власти; „собственника власти верховной“ никто не можетъ ни судить, ни изгонять съ его престола. Слѣдовательно, и счастливый завоеватель не можетъ, не будучи судьею надъ равнымъ себѣ, ни лишить его престола, ни части государственной территоріи, собственности носителя верховной власти. Даже весь международный союзъ, если быть строго вѣрнымъ легитимистической теоріи, не вправѣ судить того, кто можетъ быть судимъ однимъ Богомъ и не можетъ, даже во имя общаго блага, ни лишить его престола, ни отторгнуть частицу его владѣній. Только трактатъ, правильно и добровольно заключенный побѣжденнымъ сувереномъ, можетъ освятить это отторженіе, которое обращается тогда изъ фактическаго владѣнія въ собственность по праву. Международный союзъ, какъ высшая инстанція, обязанная блюсти интересы легитимныхъ владѣтелей, печется о ненарушимости священныхъ правъ монарховъ на ихъ владѣнія, осуждаетъ завоеваніе и не признаетъ его праворождающимъ факторомъ въ международныхъ отношеніяхъ. Если же все это вѣрно относительно легитимныхъ сувереновъ, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ оно должно примѣняться къ узурпаторамъ, которые, захвативъ власть въ странѣ съ попраніемъ правъ легитимныхъ владыкъ, выступаютъ въ международномъ союзѣ какъ завоеватели, созидаютъ новыя

государственныя тѣла и разрушаютъ старыя, хотя бы они дѣйствовали даже съ согласія, одобренія народовъ и подданыхъ разрушаемыхъ ими легитимныхъ формъ. Все, что завоеватели создали или пересоздали на извѣстной территоріи въ ея учрежденіяхъ, законахъ политическихъ, и даже гражданскихъ, недѣйствительно ipso facto и можетъ быть отмѣнено легитимною властью, вступившею вновь въ отправленіе своихъ правъ, даже съ нарушеніемъ частныхъ интересовъ. Время, протекшее между прекращеніемъ функцій законной власти и ея возстановленіемъ, какъ бы не существуетъ и непроницаемая завѣса должна навсегда сокрыть его отъ глазъ подданныхъ законнаго суверена, и всего международнаго союза, изгнать его изъ памяти всего живущаго и размышляющаго. Для возстановленныхъ во власти существуетъ одно мѣрило справедливости и законности—„прошлое", о которое разбиваются все и вся не мирящееся съ этимъ „прошлымъ", если даже новое и было вызвано жгучими потребностями новыхъ интересовъ, новыхъ жизненныхъ условій, позднѣйшихъ идей. Все прошлое, бывшее при суверенѣ, подъ его охраною, законно и правомѣрно; все новое, безъ него созданное внутри и внѣ—игра случая, простой фактъ, значеніе котораго умерло съ водвореніемъ стараго режима, покоющагося на правомѣрномъ наслѣдованіи и санкціи божественной!

Незадолго до государственнаго переворота, подготовлявшагося во Франціи министерствомъ Полиньяка, роялистическія газеты урывками изливали свое profession de foi. „Имѣются обстоятельства", писала „Gazette de France", „среди которыхъ власть короля можетъ подняться надъ законами". Это еще очень умѣренно; дальше идетъ „La Quotidienne": „суверенъ—господинъ и сеньеръ; король никому не долженъ отдавать отчета въ своихъ основаніяхъ. Когда онъ говоритъ—всякій долженъ повиноваться съ радостью, съ глубокимъ и почтительнѣйшимъ молчаніемъ. И когда онъ сказалъ—*я хочу*—самъ законъ говорилъ". Здѣсь уже король *конституціонной* страны, но въ которой хартія была *октроирована* „монархомъ по божественному праву", выше закона. А у „Drapeau Blanc" хартія, объявивъ короля неприкосновеннымъ, „объявила его *непогрѣшимымъ*". „Большинство", восклицаетъ эта газета—„это король", который признанъ Франціею за „своего безсмертнаго представителя". Источникъ зла—въ хартіи „нечестивой и атеистической" („L'Apostolique"). Религія, справедливость, самъ Богъ „предписываютъ уничтожить этотъ кодексъ, изрыгну-

тый адомъ на Францію“ [1]). Газеты эти воспроизводили во всей ихъ совокупности строго-легитимистическое ученіе.

Переносясь на почву международную, мы увидимъ извѣстныя уже намъ апологіи саксонскаго короля противъ права завоеванія, которое Пруссія выставила противъ него; ловкую борьбу Талейрана на вѣнскомъ конгрессѣ противъ иллегитимнаго короля Іоакима Мюрата и попытку его осудить право завоеванія въ самомъ принципѣ (нота его къ Меттерниху); охрану легитимныхъ абсолютистовъ въ Неаполѣ, Пьемонтѣ и Испаніи послѣдующими конгрессами, причемъ монархи эти, возстановленные въ полнотѣ ихъ легитимной власти, проникшись всецѣло теоріями извѣстныхъ намъ циркулярныхъ депешъ Троппау, Лайбаха и Вероны, не признаютъ совершившихся до вмѣшательства союзниковъ фактовъ, отвергаютъ какъ „nules et non avenues“ конституціи, ими принятыя подъ давленіемъ обстоятельствъ, и провозглашаютъ „старину“ закономъ и регуляторомъ будущаго. Боролись съ революціонными тенденціями и принципами, которые, вступивъ въ борьбу и одолѣвъ одно время крайности легитимизма, создали сами нѣчто крайнее. Интересную, но крайнюю и рѣзкую апологію идей діаметрально противоположныхъ легитимистическимъ ученіямъ можно встрѣтить, напр., въ одномъ рѣдкомъ политическомъ памфлетѣ эпохи великой революціи [2]). Разсуждая о томъ, что въ глазахъ политика казнью Людовика XVI осуждали не индивидуума, а правительство, авторъ полагаетъ, что великій престижъ и торжественность, окружающіе высшую магистратуру (королей) *накопились медленнымъ историческимъ процессомъ,* оказавшимъ столь значительное вліяніе на умы людей, что они, короли, „имѣютъ надъ нашими душами самую могущественную власть“. Привыкаютъ постепенно „приписывать королямъ все небольшое добро, которое дѣлается, зло же все сваливается на ихъ совѣтниковъ“. Все имѣетъ отношеніе къ королямъ, они—первыя личности въ исторіи, они какъ бы „создали великихъ людей, рождающихся въ ихъ царствованіе, имя ихъ связуется со всѣми памятниками человѣческой индустріи, со всѣми созданіями искусства и генія“. На престолѣ отражается слава другихъ: все чрезъ королей и ничего не дѣлается само собою. Это слѣпое подчиненіе королямъ можно отыскать почти

[1]) *Tureau-Dangin*—«Royalistes et républicains», стр. 329—331.

[2]) См. *J. Leuliete*. «Des émigrés français ou réponse à M. de Lolly-Tolendal». Paris. 1797 г. (найдена нами въ британскомъ музеѣ).

у всѣхъ націй, начиная съ древности [1]). Сославшись на догму божественной и безотвѣтственной власти князей, созданную католицизмомъ, авторъ упрекаетъ послѣдній въ непослѣдовательности: священники, провозгласивъ безотвѣтственность и непогрѣшимость королей, съумѣли, однако, подчинить ихъ своему суду. Протестантизмъ освободилъ королей отъ этой фикціи, но освободилъ и народы отъ ихъ связей повиновенія. Leulieте удивляется и негодуетъ на то, что короли имѣютъ прерогативу не находить ни цензуры, ни судей, тогда какъ „несчастные народы, находящіеся подъ игомъ, удручены, когда побѣда не увѣнчиваетъ ихъ усилій, оскорбляются и осуждаются даже тогда, когда усилія ихъ торжествуютъ". Погибаетъ король—землѣ грозитъ разрушеніе; но когда „цѣлый народъ стирается со списка націй, когда завоеватели дѣлятъ его провинціи между собою — не подымается ни одного голоса противъ, никакого знака негодованія". Монархъ составляетъ заговоръ противъ свободы страны, уничтожаетъ ея законы, ея древнія учрежденія — восхищаются его талантами, зачисляютъ узурпатора въ разрядъ великихъ людей. „Какая путаница идей", продолжаетъ Leulieте: „все дозволено, чтобы порабощать себѣ подобныхъ, но героизмъ и добродѣтель становятся преступленіями, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы разбить ихъ оковы". Впрочемъ, авторъ не думаетъ, чтобы культъ королевской власти являлся въ концѣ XVIII вѣка фанатизмомъ; сожалѣющіе о ней видятъ въ монархѣ не священное существо, „призванное Богомъ управлять людьми", но „раздавателя милостей, благъ и отличій". Теорія божественнаго происхожденія верховной власти не имѣетъ за собою прочной почвы. Евангеліе благопріятствуетъ королевской власти не болѣе, чѣмъ и древній завѣтъ: вездѣ въ Евангеліи произносится анаѳема противъ ищущихъ господствовать надъ себѣ подобными. Самъ Христосъ живетъ съ учениками какъ съ равными, провозглашаетъ, что униженъ будетъ тотъ, кто хочетъ возвыситься, Онъ отказывается отъ всякихъ почестей, и т. д. [2]). Опровергая ученіе о божественномъ происхожденіи княжеской власти, Leulieте говоритъ, что если бы короли были по волѣ Бога и имѣли власть отъ него, то Божество дало бы имъ „въ доказательство ихъ божественной миссіи, частицу высшаго разума противъ другихъ людей; апостолы, напр., получаютъ со святымъ духомъ даръ чудесъ и языковъ; короли же, такъ-называемыя по-

[1]) *Leuliete*—«Des émigrés», стр. 92, 123—124.
[2]) Ibidem, стр. 125, 127—128, 130, 133—134.

добія Божества, — подражаютъ его мудрости не болѣе какъ его благотворительности и очень далеки отъ превосходства надъ другими людьми". Если же короли дѣйствительные представители Божества, то трудно объяснить, почему „нашъ общій Отецъ не далъ того же всѣмъ людямъ и интересно знать, могутъ ли республиканцы, лишенные милости въ семъ мірѣ, найти спасеніе въ другомъ мірѣ?" Однако, кажется, что верховный властитель міра „мало заботится о счастіи своихъ земныхъ замѣстителей, неопровержимымъ доказательствомъ чему служатъ лѣтописи всѣхъ вѣковъ и странъ" (слѣдуетъ перечисленіе многихъ насильственныхъ переворотовъ изъ исторіи древней и новѣйшей) [1].

Ученіе легитимизма, имѣющее сильную метафизическо-богословскую окраску, нашло себѣ противовѣсъ въ революціонномъ ученіи, стоявшемъ, при всѣхъ его крайностяхъ, на почвѣ исторіи и наблюденія надъ окружающею дѣйствительностью. Легитимистическое ученіе, какъ видимъ, не новость, имѣло массу теоретическихъ защитниковъ и ярко выразилось въ монархіяхъ новаго періода (дореволюціонной) исторіи, созданныхъ на развалинахъ феодализма и проникшихся извѣстною намъ католическою догмою. Оно царило во Франціи, во многихъ мѣстностяхъ Германіи, въ Испаніи, всюду съ большими или меньшими фактическими ограниченіями и смягченіями. Но новостью въ легитимной теоріи, насаждавшейся въ разсмотрѣнной нами эпохѣ, являлся *международный характеръ ея*. Прежде легитимизмъ царилъ и стремился къ упроченію, защищалъ себя внутри. Границы территоріи государственной были предѣлами, за которые онъ не рѣшался перешагнуть за рѣдкими исключеніями, когда въ эпоху господства династическихъ интересовъ въ международныхъ сношеніяхъ узы дружбы и родства или опредѣленія трактатовъ давали поводъ или право и оправданіе вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣда. Внѣ этихъ случаевъ, легитимизмъ, довольный домашними успѣхами, не мечталъ о божественной миссіи своей распространиться на сосѣднія земли. Вели войну съ завоевательными цѣлями, чтобы захватить всю или часть территоріи сосѣда; удавалось первое—присоединяли землю, не заботясь ни о какихъ легитимныхъ правахъ изгнаннаго князя или его наслѣдниковъ; удавалось отхватить часть—брали ее, не заботясь о правахъ легитимнаго собственника, но и не навязывая ему никакихъ правилъ для пользованія его легитимными правами на оставшейся за нимъ территоріи. На революцію у сосѣда смо-

[1]) *Leuliete* — «Des émigrés», стр. 135—136.

трѣли часто сочувственно, если новый режимъ ослаблялъ международное значенiе и политическое могущество его, чаще съ безразличнымъ равнодушiемъ; враждебно—тогда только, когда новый режимъ казался прямо опаснымъ для сосѣда. Все это объясняется отсутствiемъ твердаго сознанiя о солидарности интересовъ между нацiями, чему способствовали естественныя преграды для сношенiй между народами, малое ихъ знакомство другъ съ другомъ. Развитiе сношенiй и ознакомленiе нацiй между собою, распространенiе между ними новыхъ идей, зависившiя отъ успѣховъ великой революцiи, болѣе укрѣпили и привели къ большему сознанiю солидарности интересовъ между государствами. Но эта идея солидарности интересовъ, проникшая въ Европу благодаря революцiи и принятая, несмотря на революцiонное ея происхожденiе, союзниками какъ неотвратимое послѣдствiе, прочный даръ революцiонной эпохи, была понята на изученныхъ нами конгрессахъ крайне односторонне. Видѣли и понимали только солидарность интересовъ наслѣдственныхъ монархiй, вернувшихся въ силу реакцiи къ дореволюцiонному режиму. Народы съ ихъ правами, права отдѣльнаго человѣка отошли сперва на заднiй планъ, а потомъ постепенно и совсѣмъ забыты. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ установленiю возможно прочной гармонiи между правами гражданина и нацiй и правами носителей верховной власти, имѣвшими за собою историческiя традицiи, къ созданiю верховной власти, проникнутой сознанiемъ народныхъ интересовъ, отбросили какъ революцiонную и опасную бредню всякое участiе народа въ управленiи и принципъ солидарности интересовъ *между народами.* Оставили и оберегали только интересы династическаго наслѣдованiя. абсолютизма съ легитимистическою окраскою. *Порядокъ* на легитимистическихъ началахъ, послѣдствiе его—миръ для Европы и благо человѣчества—вотъ мечты эпохи легитимизма. Для „порядка“ осудили измѣненiя и нововведенiя, хотя бы они и коренились въ насущныхъ потребностяхъ народа; т. е. *прогрессу* не было мѣста ни въ этомъ ученiи, ни въ вызванной имъ политикѣ. Въ Европѣ хотѣли создать правовой порядокъ не только прочный, но *вѣчный*, ненарушимый, сковать имъ всѣ жизненныя условiя для существованiя государствъ и народовъ.

Нельзя отрицать, что каждый правовой порядокъ, чтобы исполнить свое предназначенiе, долженъ обладать *возможною степенью ненарушимости* противъ всякаго насильственнаго нападенiя или попытки къ перевороту. Но изъ этого вовсе не проистекаетъ *неизмѣнность* правоваго порядка. Скорѣе нена-

рушимое господство права, говоритъ Брокгаузъ, тѣмъ именно и охраняется, что оно можетъ быть измѣнено опредѣленнымъ, въ немъ самомъ заключеннымъ способомъ. Оно не можетъ быть разсматриваемо какъ *вѣчное существованіе* (Dauer) тѣхъ или другихъ правовыхъ положеній; еще Пухта замѣтилъ, что „право имѣетъ исторію". Въ разумномъ своемъ основаніи ненарушимость правоваго порядка означаетъ только *непрерывность правоваго состоянія* (die Continuität des Rechtszustandes). Право можетъ остаться не потрясеннымъ только тамъ, гдѣ измѣненіе его, найденное необходимымъ, можетъ воспослѣдовать опредѣленнымъ самимъ правомъ, т. е. правомѣрнымъ способомъ. Отсутствіе органа, исправляющаго правовыя основанія и замѣняющаго новыми основы уже отжившія, ставитъ въ опасность всякій правовой порядокъ: потребностямъ въ реформахъ не открыто никакого правомѣрнаго пути, остается, слѣдовательно, только путь революціи [1]). Говоря другими словами, легитимизмъ, оберегавшій Европу отъ революцій и насильственныхъ потрясеній правоваго порядка, приводилъ къ революціи. Торжество легитимизма отняло бы у европейскихъ народовъ возможность дальнѣйшаго ихъ развитія, закрѣпивъ навсегда извѣстныя правовыя основанія европейскаго порядка. Международная гарантія существующихъ престоловъ и государствъ вырождалась „въ тираннію опредѣленнаго принципа", не оставлявшаго никакого правомѣрнаго пути естественной потребности къ измѣненію легитимнаго основанія [2]). Поддержаніе правоваго порядка, признаннаго вѣчнымъ и ненарушимымъ, требовало бы „въ интересахъ Европы" созданія законодательнаго органа и судебной инстанціи для международнаго союза, у членовъ котораго отымалось право измѣнять разъ построенный порядокъ. Но ни Талейранъ, создатель принципа международнаго легитимизма, ни позднѣйшая эпоха не создали, даже не подумали о созданіи постоянныхъ и прочныхъ учрежденій законодательныхъ и судебныхъ. Постоянно провозглашали во всеуслышаніе, что независимость и самостоятельность государствъ—основной принципъ для существованія международнаго союза и права. Но право государствъ на независимость и свободу, предполагающее право измѣненія внутренняго ихъ правоваго порядка, осуждено легитимизмомъ въ самомъ его основаніи, такъ какъ не можетъ быть и рѣчи о свободѣ и самостоятельности государствъ, когда международный союзъ,

[1]) *Brockhaus*—стр. 24—25.
[2]) Ibidem, стр. 26.

создавъ извѣстный порядокъ, не дозволяетъ нарушать его и насильственно вторгается во внутреннюю сферу независимыхъ державъ для обузданія потребностей къ нововведеніямъ. Не было создано постоянныхъ судебныхъ и законодательныхъ учрежденій, но послѣдующіе конгрессы взяли на себя временно роли судей и законодателей. Установляли и развивали принципы и приговаривали въ качествѣ судей извѣстный новый порядокъ къ уничтоженію, поручая сильнымъ въ качествѣ власти исполнительной приводить въ исполненіе рѣшенія надъ слабыми, возъимѣвшими дерзновенное помышленіе къ новаторству и нарушенію порядка, вся законность котораго покоилась на историческихъ традиціяхъ дореволюціонной эпохи, смягченныхъ, иногда же и отягченныхъ волею сильнѣйшихъ, творившихъ законы и чинившихъ порядокъ по своему усмотрѣнію и сообразно своимъ личнымъ выгодамъ. Трое — четверо наиболѣе мощныхъ претендовали создать порядокъ, обязательный для всѣхъ остальныхъ, причемъ послѣднихъ даже не спрашивали о томъ, какъ если бы ихъ интересы совсѣмъ не были затронуты.

Система политическаго равновѣсія, въ которой видѣли гарантію независимости государства, вела скорѣе къ нарушенію этой независимости. Начало легитимизма, претендовавшее создать прочный порядокъ, даже вѣчный, на основѣ признанія той же независимости государствъ, нарушало этотъ принципъ еще грубѣе. Первая система, подѣляя территоріи и населеніе для уравновѣшенія силъ между членами народнаго союза, поражала національную свободу, являясь грубою политическою махинаціею. Но она не вторгалась во внутреннюю жизнь народовъ. Система легитимизма, принося права народовъ на свободу и независимость въ жертву правамъ династическаго наслѣдованія, облекаемаго въ мантію права божественнаго, давила свободу и прогрессъ внутри самаго государства. Системѣ политическаго равновѣсія не было дѣла до внутренняго режима территорій, распредѣленныхъ между державами. Управляйтесь сами, творите законы, измѣняйте, разрушайте, но... не покушайтесь на территорію сосѣда, не увеличивайтесь извнѣ. Не такъ разсуждали легитимисты: и они говорили — не покушайтесь на территорію сосѣдей, такъ какъ мы осуждаемъ завоеваніе, какъ не основанное на правомѣрномъ династическомъ наслѣдованіи; но сверхъ того, мы предписываемъ вамъ извѣстный рецептъ для внутренне-государственнаго режима, который вы не въ правѣ измѣнять. Живите съ созданнымъ нами порядкомъ, съ нимъ и умрите

и ваши потомки тоже будутъ жить съ нимъ и съ нимъ же сойдутъ въ могилу.

Торжество начала политическаго равновѣсія привело бы къ вѣчному закабаленію національностей въ составѣ чуждыхъ имъ политическихъ тѣлъ, лишило бы ихъ права образовать независимую государственную особь. Побѣда легитимизма, водвореніе въ Европѣ „священныхъ началъ“ умертвило бы жизнь внутреннюю, какъ политическую такъ и духовную. „Гарантіями легитимнаго порядка, конечно, могли быть только государи; слѣдовательно, потребности въ перемѣнахъ могли быть осуществляемы только чрезъ нихъ, т. е. чрезъ органы, имѣющіе наименьшій интересъ въ измѣненіи существующихъ отношеній“ [1]).

Разсмотрѣнный нами легитимистическій принципъ только рѣдко, а не на долго могъ побѣждать громадныя практическія трудности, которыя противостояли ему въ жизни. Это крайнее ученіе, ненавидѣвшее принципъ прогресса, столкнувшись съ нимъ часто должно было дѣлать уступки. Оно дѣлало ихъ и въ угоду сильнымъ (мы видѣли примѣры этому на конгрессѣ въ Вѣнѣ). Сами приверженцы принципа должны были согласиться на такъ-называемыя „исправляющія созданія“ (correctorische Schöpfungen), напр. созданіе Бельгіи, Греціи, замѣну династіи во Франціи, и т. д. Но они упускаютъ изъ виду, что „новый порядокъ Европы долженъ былъ быть сознательнымъ возстановленіемъ стараго“, въ этомъ же старомъ порядкѣ не было мѣста ни Бельгіи, ни Греціи, ни династіи Людовика-Филиппа. Слѣдовательно, въ дѣлѣ уступки „исправляющія созданія“ стояли въ прямомъ противорѣчіи съ самымъ существомъ анализируемаго принципа. Могутъ возразить, указавъ на невозможность строго-логическаго приложенія политическихъ теорій; абсолютныя политическія теоріи совсѣмъ не могутъ быть терпимы въ жизни, условія которой должны смягчать логику теоретическихъ построеній. Но это возраженіе прежде всего поражаетъ самое легитимистическое ученіе, которое было ученіемъ совершенно абсолютнымъ, претендовавшимъ на всецѣлое его пересажденіе на практическую почву. Признавая, далѣе, за нимъ право дѣлать уступки, вызванныя обстоятельствами и духомъ времени, невольно задаемся вопросомъ — отчего же легитимизмъ не примирялся съ уступками, вытребованными народомъ во имя его интересовъ, не хотѣлъ знать „обстоятельствъ времени и мѣста“, если они ограничивали власть суверена, но охотно шелъ на компромис-

[1]) *Brockhaus*—стр. 30—31.

сы, когда дѣло шло о полученіи территоріи по совершенно неправомѣрнымъ способамъ или объ узаконеніи монарха, не имѣвшаго легитимистическихъ правъ на престолъ, но угоднаго руководителямъ (напр. Бернадоттъ въ Швеціи). Въ-третьихъ, можно бы потребовать еще указанія срока времени, которое необходимо для обращенія узурпатора въ легитимнаго монарха, а насильственно отторгнутой завоеваніемъ территоріи—въ законное владѣніе по праву собственности. Доискиваясь же основаній правомѣрности существованія всѣхъ европейскихъ династій и всѣхъ территоріальныхъ образованій среди европейскихъ державъ, пришлось бы убѣдиться, что легитимность многихъ династій весьма сомнительна, владѣніе же территоріями еще того болѣе. Увѣрившись же въ этомъ, пришлось бы предаться скептицизму относительно легитимныхъ основъ прошлаго, перенесенныхъ въ иной порядокъ, изъ котораго намѣревались сдѣлать вѣчный и незыблемый. Огрѣшиться отъ этого скептицизма возможно было бы только рѣзкимъ осужденіемъ всѣхъ уступокъ и компромиссовъ; но это, въ свою очередь, было невозможно, такъ какъ жизнь не мирилась съ узкими юридическими теоріями, завернутыми въ неземной обликъ метафизическо-богословскихъ фикцій. Абсолютный легитимизмъ, охранявшій интересы монарховъ, долженъ былъ вступить въ борьбу съ болѣе умѣреными представленіями о правахъ верховной власти, ограниченныхъ правами подданныхъ, порожденными идеями революціи. Существующее право, „съ которымъ", говоритъ Игерингъ, „связаны временемъ интересы индивидуумовъ и цѣлыхъ сословій, не можетъ быть устранено безъ того, чтобы не угрожать чувствительнѣйшимъ образомъ послѣднимъ. Всякая попытка этого рода вызываетъ по естественному инстинкту самосохраненія самое упорное сопротивленіе угрожаемыхъ интересовъ и такимъ образомъ борьбу, исходъ которой зависитъ отъ соотношенія между борящимися силами" [1]). „Особенную интенсивность", продолжаетъ Игерингъ, „борьба эта пріобрѣтаетъ тогда, когда интересы приняли видъ пріобрѣтенныхъ правъ: одна партія ссылается на *историческое право, право прошлаго*, другая, противостоящая первой, на *право постоянно образующееся и обновляющееся*, на *вѣчное, коренное право человѣчества на бытіе* [2]). Въ общемъ и цѣломъ все сказанное извѣстнымъ романистомъ можетъ быть приложено къ борьбѣ, возникшей между интересами, защищавшимися строгою тео-

[1]) *R. Ihering.* «Der Kampf ums Recht», Wien, 1872, стр. 14.
[2]) Ibidem, стр. 15.

ріею легитимизма, и интересами, порожденными неотвратимыми жизненными условіями и идеею прогресса. „Право можетъ обновиться только тѣмъ, что оно отказывается отъ своего собственнаго прошлаго". Но права, основанныя на легитимистическомъ ученіи, не примирялись съ тою истиною, что „конкретное право, претендующее на безграничное, слѣдовательно вѣчное существованіе потому, что оно разъ возникло, есть дитя, поднимающее руку свою противъ собственной матери, осмѣивающее идею права, такъ какъ идея права есть *вѣчное бытіе* (das ewige Werden), но создавшееся должно дать мѣсто новому бытію" [1]). Этимъ-то ребенкомъ оказался абсолютный легитимизмъ; онъ вступилъ въ борьбу съ началами, созданными еще революціею, и укрѣпившимися подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни.

Начались уступки этому новому праву со стороны самаго легитимизма. Умѣренные и благоразумные защитники его старались, истолковывая его по-своему, смягчать его практическія послѣдствія во имя свободы и интересовъ управляемыхъ. Такъ, даже Бональдъ, въ одной изъ рѣчей своихъ въ палатѣ депутатовъ, говоритъ, что если Отецъ людей и создатель обществъ не далъ людямъ *буквально права создавать конституціи*, то *онъ формально наложилъ и на тѣхъ, которые управляютъ* и на тѣхъ, которые повинуются одинаковую въ принципѣ для всѣхъ обязанность, но различную въ ея примѣненіи—поддерживать религію, справедливость, порядокъ и *разумное существованіе общества*" [2]). Другой депутатъ, de Pontet, идетъ еще далѣе: „деспотизмъ", говоритъ онъ, „о которомъ Монтескье сказалъ, что онъ разрушаетъ самъ себя тѣмъ, что онъ есть деспотизмъ, *вовлекаетъ въ своемъ паденіи легитимную власть*" [3]); депутатъ de Vogüé усматриваетъ „главную силу легитимнаго правительства въ откровенности и *законности*" [4]). Но всѣ эти уступки были скорѣе совѣтами умѣренности и мудраго пользованія легитимною властью; онѣ не касались самаго принципа, не возвышались до признанія въ принципѣ права участія подданныхъ въ управленіи, проникшаго въ юридическое сознаніе народа, жившаго среди условій, вызывавшихъ необходимость этого участія *по праву*. Въ посте-

[1]) *Ihering*. «Der Kamp fums Recht», стр. 16.

[2]) *Bonald*. См. рѣчь его о проектѣ закона касательно рекрутозанія армій. Paris 1818 г., января 19, стр. 5.

[3]) См. брошюру «Рѣчь депутата *de Pontet*» (по тому же поводу и въ томъ же засѣданіи), стр. 11.

[4]) Тогда же и по тому же поводу, рѣчь графа Charles de Vogüé, стр. 5.

пенной борьбѣ этого новаго права съ легитимизмомъ, первое, все болѣе укрѣпляясь и распространяясь въ юридическомъ сознаніи, осилило послѣднее въ 1830 году. Монархія строго-легитимная была низвергнута въ лицѣ Карла X и замѣнилась монархіей Людовика-Филиппа, *избраннаго* главы новой династіи. Что бы тамъ ни говорили, а въ данномъ случаѣ *фактически восторжествовалъ принципъ народнаго суверенитета, повлекшій за собою въ юридическомъ послѣдствіи своемъ образованіе новой монархіи съ новымъ главою.* Народъ сталъ выше монарха: онъ уничтожилъ легитимное господство Бурбоновъ и создалъ новое господство орлеанскаго дома; это было признано законнымъ державами, продолжавшими дипломатическія сношенія съ новымъ королемъ. Новое правительство управляло подъ защитою созданной роялистами-орлеанистами фикціи *quasi-legitimism'a.* Утверждали, что на новаго короля и его семейство переходятъ всѣ права его легитимнаго предшественника, лишеннаго престола, какъ если бы онъ преемственно въ порядкѣ династическаго наслѣдованія получилъ свою власть отъ предшественника. То есть, вступивъ на престолъ, онъ становился уже легитимнымъ королемъ Франціи со всѣми отсюда логически вытекающими послѣдствіями. Другими словами: quasi-легитимизмъ, воспользовавшись съ выгодою для себя фактомъ низложенія законнаго предшественника и провозглашенія королемъ Людовика-Филиппа, долженъ былъ признать права народнаго суверенитета, но съузилъ это понятіе и, страшась его возможныхъ послѣдствій, хотѣлъ признать за народомъ только право *поставить новое лицо* во главѣ управленія *безъ права* смѣнить и низложить его вновь. Такимъ образомъ, осудивъ легитимизмъ въ лицѣ Карла X, возстановляли его въ лицѣ Людовика-Филиппа, т. е. впадали въ самое вопіющее противорѣчіе, котораго не могло бы быть, еслибъ за народомъ честно и откровенно признали *право участія въ управленіи* и низложенія въ крайнихъ случаяхъ правителя, нарушавшаго конституцію и стремившагося къ государственному перевороту въ смыслѣ отнятія у народа его основнаго права--участія въ управленіи. „Вы", говоритъ Шатобріанъ, обращаясь къ орлеанистамъ, „ссылаетесь на народный суверенитетъ, но народъ не былъ спрошенъ, и я не даю моего голоса вашему избраннику, покуда большинство націи не осудитъ меня. Если quasi-легитимизмъ отрицаетъ, какъ это онъ дѣлаетъ теперь, народный суверенитетъ, то я спрашиваю его—по какому праву онъ располагалъ короною? Генрихъ V совершенно естественно долженъ возвратиться

и по наслѣдственному и по конституціонному своему праву, начертанному въ хартіи 1814 г.“ [1]). „Что такое этотъ quasi-легитимизмъ“, спрашиваетъ de Brigueville? *Грамматически* — измѣненіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ возможно полное приближеніе къ принципу легитимизма; *абстрактно* — „чудовищное сочетаніе народнаго суверенитета съ догматомъ божественнаго права. *Политически*, quasi-легитимизмъ — и то и другое: „дворцовая революція для Франціи, одною степенью рабства болѣе (?) для священнаго союза“ [2]). Однако, даже умѣренные роялисты, не говоря уже о реакціонерахъ, поняли, что принципъ народнаго суверенитета, какъ бы онъ ни былъ изуродованъ и ограниченъ въ quasi-легитимистическомъ ученіи, можетъ стать очень опаснымъ для монархій съ абсолютистическими тенденціями, какъ только ему удастся найти себѣ законное мѣсто и разумно сочетаться съ началами монархическими. И вотъ защитники стараго права, чтобы сохранить его отъ близкой уже гибели, подкапываются подъ самый принципъ народнаго суверенитета. Орлеанисты ссылались на право избранія. Оно, говоритъ Шатобріанъ, „право естественное, первоначальное и безспорное; но оно — изъ младенчества обществъ, когда народъ угнетенный и безъ законныхъ гарантій не имѣетъ другихъ способовъ освобожденія, кромѣ свободнаго избранія другаго главы“. Но избраніе лишено своей важнѣйшей выгоды, когда, съ прогрессомъ цивилизаціи, являются писанные законы, когда князь не можетъ преступить ихъ, не вооружая ихъ противъ себя, „не подвергаясь опасности потерять свою корону въ пользу своего наслѣдника“. Въ несовершенномъ политическомъ состояніи избраніе есть вся конституція, въ усовершенствованномъ — конституція есть избраніе, лишенное того, что въ послѣднемъ есть страстнаго, анархическаго и инсуррекціоннаго. Посредствомъ избранія приходятъ, правда, къ перемѣнѣ царствующей расы, что „можетъ быть иногда полезно“, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходятъ также къ умноженію королевскихъ династій, къ гражданскимъ войнамъ (въ Польшѣ), къ выборному наслѣдованію военныхъ тирановъ (римская имперія). „Принципъ порядка непостояненъ въ избраніи, такъ какъ онъ не связанъ съ семьею постоянно управляющею“, почему самъ принципъ этотъ является переходнымъ въ личности королевской. Ему недостаетъ „солидности“ и онъ влечетъ, смотря по ха-

[1]) *Chateaubriand* — брошюра «Aux lecteurs», Paris, 21 Novembre 1831 г., стр. 7—8.

[2]) *De Brigueville* — письмо къ Шатобріану, стр. 9—10.

рактеру лица, призваннаго на престолъ, къ анархіи или же развивается до деспотизма. Если же къ избранію прибавить, для избѣжанія указанныхъ опасностей, наслѣдственность, то создается „политическая форма амфибіи—съ королемъ во главѣ, съ народомъ во хвостѣ—„*имѣющая двойное неудобство избранія* и *легитимизма* и не обладающая выгодами той и другой“. Изъ іюльскихъ дней могутъ въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху произойти или „постоянныя республики или преходящія военныя правительства“ [1]). Видимъ, слѣдовательно, что Шатобріанъ не отрицаетъ полезныхъ сторонъ избранія; указанныя же имъ бѣды нѣсколько преувеличены и могутъ произойти только при *частомъ* употребленіи этого способа измѣненія царствующей династіи, что будетъ случаться только въ самыхъ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ, лишенный участія въ управленіи по праву, будетъ добиваться его перемѣною династіи. Но Шатобріанъ наносилъ началу народнаго суверенитета только косвенный, притомъ слабый ударъ. Гентцъ пытался поразить его въ самомъ центрѣ. Онъ не хочетъ даже допустить, чтобы можно было говорить о легитимизмѣ, „обнимающемъ права народовъ въ одинаковой степени, какъ и права династій“; только нѣкоторые французскіе публицисты, „авторитетъ которыхъ не признается ни въ наукѣ, ни въ языкѣ, выставили легитимизмъ вещей, націй и *національныхъ правъ*“. Но отнять у націи ея независимость или *пріобрѣтенныя ею права* можетъ быть названо насиліемъ, злодѣяніемъ, но *это не будетъ преступленіемъ противъ легитимизма*“ [2]). Начало народнаго суверенитета находитъ въ немъ рѣшительнаго противника. Онъ отрицаетъ, чтобы попытки, сдѣланныя въ нѣкоторыхъ странахъ для того, чтобы поставить качества и пригодность народнаго суверенитета выше всякихъ сомнѣній и сдѣлать правительства склонными воздать должное этой догмѣ, оказались удовлетворительными. Въ Англіи, правда, уже давно отмѣнено революціею божественное право и признанъ принципъ народнаго суверенитета. Но въ Англіи для народной власти создана была посредствомъ до сихъ поръ непоколебимыхъ учрежденій могущественная преграда, и правительство нашло въ нихъ „крѣпкую опору противъ подвижности демократическаго принципа“. Принципъ этотъ былъ благотворно

[1]) *Châteaubriand* «De la Restauration et de la monarchie élective». Genève, 31 марта 1831 г., стр. 14—15.

[2]) *V. Gentz*—изд. Schlesier'a, Theil V, стр. 83—84.

умѣренъ даже въ республикахъ учрежденіями, не проистекавшими изъ самаго принципа. Монархическій принципъ во всякомъ случаѣ имѣетъ преимущество предъ первымъ: онъ унаслѣдованъ отъ мудрости предшествующихъ вѣковъ и сохранился опытами столѣтій“ [1]). Разсужденія эти крайне односторонни; начало народнаго суверенитета получало нѣкоторое практическое осуществленіе и во времена Гентца въ Швейцаріи и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки; теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что оно практикуется въ широкихъ размѣрахъ въ современной Швейцаріи. Мнѣніе Гентца можетъ быть принято только съ ограниченіями и поправками. Теорія народнаго суверенитета *не можетъ быть принята* во всей ея абсолютности со всѣми ея логическими послѣдствіями, и во всякомъ случаѣ не для монархій. Въ противномъ случаѣ она явилась бы такою же одностороннею и крайнею, какъ и легитимистическій принципъ. Въ монархіяхъ можетъ и должна идти рѣчь объ умѣреніи и ограниченіи правъ королевской власти, основанныхъ на традиціонномъ династическомъ наслѣдованіи, правами народа на участіе въ управленіи, вытекающими изъ принципа народнаго суверенитета. Въ разсмотрѣнной нами эпохѣ требованія времени проводились именно къ гармоническому сочетанію легитимныхъ правъ монарховъ съ легитимными правами управляемыхъ. Въ общемъ и цѣломъ съ большею или меньшею сознательностью къ этому стремились „революціонеры“ Неаполя, Пьемонта и Испаніи, либералы Франціи и Германіи. При этомъ были, конечно, увлеченія и крайности, но они были вызваны скорѣе самимъ абсолютизмомъ. Строго легитимистическому ученію приходилось отказаться отъ принципа божественнаго происхожденія княжеской власти и сопряженной съ нимъ неограниченности и непогрѣшимости носителя верховной власти. Конечно, фикцію „божественнаго происхожденія“ можно было сохранить какъ почетное украшеніе короны, какъ историческую традицію, съ которой не легко разстаться. Но приходилось отбросить всѣ юридическія построенія неограниченности правъ князей и, признавъ и принявъ право народа на участіе въ управленіи, которое было неотвратимымъ результатомъ и порожденіемъ революціонной эпохи, сочетать этотъ ограниченный легитимизмъ князей съ этими правами народа. Въ ученіи легитимистическомъ приходилось еще выбросить и гражданско-правовое представленіе о правахъ собственности верховной власти

[1]) *V. Gentz*— изд. Schlesier'a, Theil V, § XVII (нѣчто въ родѣ политическаго завѣщанія Gentz'a), стр. 200—202.

на территорію и ея жителей. Оставался, слѣдовательно, одинъ принципъ правомѣрнаго династическаго наслѣдованія въ извѣстной семьѣ, сложившійся въ исторіи и признанный тою эпохою необходимымъ для охраненія принципа порядка, который сочетался бы съ началомъ свободы посредствомъ правомѣрнаго же и неотъемлемаго права участія подданныхъ въ управленіи. Въ окончательномъ итогѣ получился бы *конституціонный легитимизмъ*, осуждающій всѣ революціи и насильственныя потрясенія внутри государства. Они могли бы найти мѣсто какъ неотвратимый фактъ въ исключительныхъ случаяхъ, если верховная власть покушается на права управляемыхъ или послѣдніе на права носителя верховной власти, т. е. когда первая стремится вернуться къ принципу абсолютнаго легитимизма, а вторые — къ водворенію начала исключительнаго народнаго суверенитета. Интересы и духъ разсмотрѣннаго нами времени требовали этого сочетанія двухъ принциповъ, какъ законной уступки революціонной эпохѣ и историческимъ правамъ верховной власти князей. Международный союзъ, если допустить за нимъ право вмѣшательства, долженъ былъ стать на высоту предстоявшей ему задачи, поддерживать и охранять своимъ авторитетомъ законныя права монарховъ и управляемыхъ. Но онъ охранялъ только первыя, оставляя безъ вниманія послѣднія, даже противодѣйствовалъ имъ; защищалъ порядокъ, но не хотѣлъ и слышать о свободѣ, шелъ не по пути прогресса, а регрессировалъ къ дореволюціоннымъ, средневѣковымъ и династическимъ принципамъ политики. Но подавленіе стремленій къ развитію и усовершенствованію человѣка и общества противно природѣ человѣка. Человѣческій типъ улучшается, потребности его растутъ и осложняются, способности увеличиваются. Поэтому необходимы учрежденія, которыя удовлетворяли бы и охраняли эти вновь нарождающіяся потребности и развивающіяся способности, т. е. приходили къ прогрессу въ учрежденіяхъ. Руководители международнаго союза признали только потребности и способности *прошлаго человѣка* и связанныя съ ними учрежденія и правовыя нормы, но не видѣли *человѣка новаго*, почему и не хотѣли ничего слышать о реформахъ. Результатъ — самый жалкій: жизненная сила человѣческаго развитія оказалась много могущественнѣе *традицій стараго человѣка*. Нужно ли перечислять факты и не достаточно ли оглянуться кругомъ?!

Разсуждая такъ, мы далеки отъ мысли отрицать у международнаго союза, обязаннаго охранять независимость и свободу государствъ, право бороться противъ государствъ, явно покушаю-

щихся на независимость другихъ. Нисколько; мы признали за союзомъ даже право низлагать легитимныхъ монарховъ и узурпаторовъ, съ завоевательною политикою которыхъ не уживаются интересы Европы, на охраненіе самостоятельности членовъ международнаго союза (напр. Наполеонъ I). Но отсюда еще далеко до права вмѣшательства во внутренній режимъ государствъ. Каковъ бы ни былъ послѣдній, находится ли верховная власть въ рукахъ законнаго монарха или узурпатора — должно быть безразлично для международнаго союза, какъ безраличны для него всѣ формы государственнаго устройства, потому уже, что узурпаторъ, котораго народъ допустилъ захватить верховную власть, является представителемъ государства, по крайней мѣрѣ терпимымъ подданными. Вопросъ же о томъ, поскольку законно такъ-называемое право завоеванія, отторженія части территорія сосѣда и присоединеніе ея послѣ войны, можетъ быть рѣшенъ правильно только въ связи съ изученіемъ *принципа національности*, съ которымъ онъ долженъ находиться въ тѣсной связи.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Начало національности.

ГЛАВА I.

Національность въ исторіи и въ оффиціальныхъ актахъ.

1. Появленіе и развитіе національностей въ политической исторіи.

„Существованіе націй до сихъ поръ основано еще на трактатахъ, но можно наблюдать уже ростъ новаго *права* націй. Прежде чѣмъ его опредѣлили, новый принципъ (національный), только вчера родившійся, уже потрясаетъ міръ. Новый догматъ столь сильно овладѣлъ сознаніемъ, что *безусловно необходимо считаться съ нимъ*. Онъ приводитъ въ движеніе королей и народы, и вѣроятно, что у многихъ изъ тѣхъ, которые отталкиваютъ его, существуетъ предчувствіе, что будущее принадлежитъ ему“ [1]).

Такъ писалъ Кошутъ въ 1866 году, по поводу войны Австріи съ Пруссіей и Италіей; съ тѣхъ поръ событія въ Италіи, Германіи и Турціи принесли съ собою подтвержденіе его мысли. Новое начало восторжествовало въ Италіи и Германіи, а за послѣдніе годы оно почти стерло съ лица земли европейскую Турцію, столь долго оберегавшуюся западною дипломатіей, которой пришлось-таки „считаться съ новымъ принципомъ“. Другой писатель (Кü-

[1]) *André Cochut*. «Des nationalités»; см. «Revue des deux mondes», vol. 64, 1866 г., стр. 689-690.

diger), констатируя *космополитическое* направленіе современной исторіи, стирающее различія между народами, приводимыми къ одному *нераздѣльному человѣчеству,* констатируетъ однако и другое параллельное первому явленіе современной исторіи. Указанному имъ космополитическому направленію противодѣйствуетъ, говоритъ онъ, „другое — національное стремленіе, которое хочетъ удержать различія между народами и даже увеличить (?) ихъ". Но, разсматривая обстоятельства, споспѣшествовавшія возникновенію національной идеи, авторъ принужденъ допустить, что національность принадлежитъ *настоящему столѣтію,* такъ какъ она зиждется на уничтоженіи религіозныхъ, династическихъ, мѣстныхъ и сословныхъ различій; послѣднія же устранены, благодаря побѣдѣ демократическаго принципа. Правда, „принципъ національности не нашелъ еще нигдѣ [1]) справедливаго и честнаго признанія", но это доказываетъ, по мнѣнію автора, только „силу и распространеніе этой идеи" [2]).

Отчего же національная идея, играющая теперь столь важную роль, появилась такъ поздно? Какія причины препятствовали появленію національностей какъ самостоятельныхъ политическихъ тѣлъ?

Древній міръ не зналъ никакихъ національностей. Даже среди республикъ Греціи и долгое время въ Римѣ права личности признавались только за гражданами; остальное, относительно большее количество населенія было безправно или обладало ничтожнымъ количествомъ скорѣе фактической индивидуальной свободы. Рабство, ведущее къ насильственному труду и обезчещивающее работу, презирающее человѣческую личность, тоже было препятствіемъ національному движенію [3]). Оно родилось изъ завоеванія; война была постояннымъ, нормальнымъ состояніемъ древности, въ которой мы знаемъ привилегированныхъ гражданъ-солдатъ, а не индивидуумовъ съ равными человѣческими правами на свободу и уваженіе къ ихъ личности. Древній міръ зналъ только государства, сложившіяся путемъ завоеванія, явившіяся агломератомъ самыхъ разнохарактерныхъ племенъ. Какъ отдѣльный человѣкъ поглощался государствомъ, терялъ въ немъ свою индивидуальную

[1]) Rüdiger писалъ въ 1865 году.

[2]) «Ueber Nationalität», статья dr. Rüdiger'a въ Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, herausgegeben von Lazarus und Steinthal, III-er Band, Berlin, 1865 г., стр. 96—102.

[3]) *Eugène Richard.* «Étude sur les nationalités». Genève et Bâle. 1870 г., стр. 33—34.

физіономію, такъ и отдѣльныя покоренныя племена, слѣдуя строгому и неумолимому праву войны, насильственно сцѣплялись въ составѣ одного государства, теряли въ немъ свободу и независимость, т. е. свою личность. Иногда участь побѣжденныхъ облегчалась, но это являлось случайностью, слѣдствіемъ политическихъ соображеній данной минуты и извѣстнаго лица. Это смѣшеніе различныхъ племенъ въ одномъ политическомъ тѣлѣ подъ однимъ обыкновенно тяжелымъ режимомъ имѣло свою полезную сторону. Только завоеваніе могло сблизить различныя племена, лишенныя современныхъ намъ способовъ сближенія между народами, дать имъ возможность усвоить извѣстную культуру и, скрещиваясь, создать медленнымъ историческимъ процессомъ лучшій типъ, способный къ высшей культурной жизни. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что элементы національностей лежатъ въ глубокой древности. Но отъ этого еще очень далеко до смѣлаго предположенія итальянца Palma, видящаго въ древней исторіи начало отдѣленія и *установленія границъ* для будущихъ національностей въ раздѣленіи императоромъ Августомъ римской имперіи на двѣнадцать провинцій, число, низведенное Адріаномъ до шести, а Діоклетіаномъ до четырехъ префектуръ (Италія, Иллирія, Галія и Востокъ). Въ этомъ-то дѣленіи центростремительныя силы, пытавшіяся противодѣйствовать искусственному единству имперіи, нашли себѣ, по мнѣнію Пальма, свободное поприще для развитія, которое было пріостановлено въ средніе вѣка ленною и муниципальною системою [1]). Но приведенное дѣленіе было мѣрою чисто административнаго характера и сравненіе трехъ принятыхъ разными императорами системъ неопровержимо указываетъ на отсутствіе въ нихъ всякой національной подкладки. Такъ, напр., система Діоклетіана даетъ четыре префектуры, но ни въ одной изъ нихъ, кромѣ Италіи, нѣтъ никакого единства, такъ какъ въ одной и той же префектурѣ можно было найти провинціи и діоцезы, обитаемыя племенами различныхъ традицій съ разнообразными языками, нравами, обычаями.

Идеаломъ древняго міра, не понимавшаго свободы и независимости сосѣдняго народа, было всемірное государство. Всемірной монархіи добивались вавилоняне, ассиріяне и персы, позднѣе Александръ Македонскій и римляне, осуществившіе ее (говоря

[1]) *L. Palma.* «Del principio di nazionalità nella moderna società Europea». 1868 г. См. мой «Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву», С.-Петербургъ, 1876 г., глава III.

относительно); средствомъ для этого было завоеваніе. Но самое понятіе о всемірномъ государствѣ противорѣчитъ уже природѣ человѣка, свободѣ и самостоятельности государствъ и національностей.

Такимъ образомъ, древній міръ, въ совершенствѣ развившій идею государства въ ущербъ идеѣ личности, поглощавшейся государствомъ, давшій намъ рабство съ завоеваніемъ и всемірное государство какъ идеалъ, не былъ благопріятенъ ни развитію *личной свободы индивидуума* (въ современномъ пониманіи принципа индивидуальной свободы), ни установленію начала свободы національностей, какъ коллективныхъ индивидуумовъ.

Средніе вѣка начались великимъ переселеніемъ народовъ, перемѣшавшимъ различныя племена; изъ этой-то смѣси и вышли современныя національности: варварскія племена, наводнивъ западную Европу, смѣшались мало-по-малу съ элементомъ романскимъ и положили зачатокъ будущихъ національностей. Индивидуальный принципъ, стѣсненный древнимъ государствомъ, былъ выдвинутъ *германскими народами и христіанствомъ*. Соединеніе этихъ двухъ силъ должно было нанести ударъ принципу *единства*, выдвинутаго Римомъ. Дѣйствительно, христіанство рѣзко отдѣляетъ вѣрующаго отъ язычника и еретика. Образуются два враждебные лагеря — міръ языческій и міръ христіанскій. Но какъ христіанство проникало все существованіе человѣка, то связь, привязывавшая вѣрнаго къ церкви, поглощала собою ту, которая соединяла его съ отечествомъ: вѣрующій представлялъ собою все, а гражданинъ не имѣлъ болѣе основанія для существованія [1]). Правда, христіанство уравняло въ идеѣ раба съ господиномъ и должно было такимъ способомъ могущественно повліять на развитіе принципа личной свободы и возвести его къ началу свободы коллективныхъ индивидуумовъ. Постепенныя смягченія въ институтѣ рабства вели къ этому. Но развитіе логическихъ послѣдствій этого начала было задержано новымъ стремленіемъ католической церкви къ единству, которое должно было быть достигнуто пропагандою христіанства и насильственнымъ обращеніемъ язычниковъ и магометанъ; истребительная война проповѣдывалась противъ тѣхъ изъ нихъ, которые не хотѣли соединиться съ церковью. Единство всего міра, обращеннаго въ христіанскій, съ папою во главѣ было идеальною цѣлью среднихъ вѣковъ. Свѣтская власть въ лицѣ императора являлась властью подчиненною духовной вла-

[1]) *Laurent*—«Etudes», tome I, стр. 504.

сти первосвященника, получавшею отъ послѣдняго мечъ на защиту церкви и для распространенія христіанства. Единство: „totius mundi christianorum" разсматривалось какъ совершенство, а разнообразіе, слѣдовательно, какъ несовершенство: „чѣмъ болѣе вещь едина, говоритъ святой Ѳома, тѣмъ болѣе она имѣетъ цѣны и достоинства" [1]). Цѣль же церкви—вести человѣка къ вѣчному благу; а этотъ духовный идеалъ воплощался въ единствѣ, какъ въ средствѣ для достиженія цѣли. Фактически тоже старались по возможности достигнуть единства вѣры, подавляя всякую ересь и національные языки. Латинскій языкъ, общій для литературы и богослуженія, сталъ языкомъ „единаго міра"; онъ игнорировалъ мѣстные языки. Слѣдовательно и въ идеѣ и въ реальномъ ея осуществленіи, національности, какъ выраженіе принципа разнообразія и свободы, должны были стушеваться предъ напоромъ грандіозной идеи средневѣковаго единства, опиравшагося на мечи духовный и свѣтскій [2]). Съ точки зрѣнія католической, націи, по выраженію Лорана, суть „уклоненія отъ идеала и почти революція противъ Бога: національное разнообразіе ввелось посредствомъ грѣха, различіе языковъ было послѣдствіемъ паденія" [3]). Католическое единство было въ идеѣ всемірною монархіею, убивающею всякую индивидуальную жизнь. Но, претендуя на власть надъ душами и тѣлами не во имя грубой матеріальной силы, какъ это было въ древнемъ мірѣ, католическое единство требовало себѣ этой власти во имя Бога. Т. е. признало, что въ природѣ человѣческой есть элементъ, не подлежащій никакому временному господству; признало, слѣдовательно, индивидуальность человѣка, т. е. основной принципъ національной индивидуальности [4]). А это начало, подкрѣпленное осужденіемъ рабства, уравнившимъ всѣхъ людей во имя высшихъ духовныхъ идеаловъ, дало зародышъ для будущей упорной борьбы съ самою идеею единства и всемірнаго государства. Борьба велась при содѣйствіи новаго элемента—германскаго, не понимавшаго единства; принципомъ его существованія была самая абсолютная индивидуальность. Германцы поразили римскую имперію и съ нею ложное единство языческаго Рима; они же призваны были разрушить господство христіанскаго Рима. Они явились новымъ элементомъ, смѣшаннымъ со старымъ

[1]) *Laurent*—tome X (Les Nationalités), о всемірной монархіи и національностяхъ, и tome XVIII, «La Philosophie de l'Histoire», Paris, 1870 г., chap. III, стр. 504.

[2]) Ibidem, § 3.

[3]) Ibidem, 506.

[4]) Ibidem, 509—510.

посредствомъ завоеванія. Для образованія новыхъ національностей, для котораго уже имѣлся принципъ индивидуальности, нужно было еще скрещеніе различныхъ племенъ, давшее намъ французовъ, испанцевъ и пр. Для этого, какъ и въ древности, оказалось необходимымъ соединеніе разноплеменныхъ народовъ въ одномъ государствѣ для ихъ сближенія и созданія лучшаго типа, болѣе разносторонняго и способнаго устоять въ борьбѣ за существованіе. Образуется имперія Карла Великаго. Но единство опять же было только временное: отдѣленіе лежало въ обычаяхъ, желаніяхъ и стремленіяхъ народовъ. Италія самою природою была предназначена къ отдѣльному существованію; галлы составили зерно имперіи карловинговъ. Германія была завоеваніемъ. И вотъ въ срединѣ IX вѣка верденскій трактатъ освятилъ раздѣленіе, которое уже совершилось въ обычаяхъ. Этотъ же вѣкъ увидѣлъ первыя попытки къ національнымъ литературамъ во Франціи и Германіи [1]). Но этому національному возрожденію противится новый элементъ—феодализмъ. Онъ закрѣпляетъ человѣка къ землѣ посредствомъ войнъ, оканчивающихся завоеваніемъ территоріи и ея населенія. Рабство смягчено, конечно, церковью; военноплѣнные уже не подлежатъ смерти, какъ въ древности, а жители завоеванной территоріи, привязанные къ землѣ, обращаются въ крѣпостное состояніе, но сохраняютъ свои обычаи, мѣстные общинные законы. Но дѣло въ томъ, что принципъ индивидуальной свободы признается и распространяется только на сеньеровъ, т. е. на привилегированное меньшинство, которое занимается войною, грозящею перейти въ нормальное состояніе. Противъ этого вооружаются церковь и общины. Движеніе общинъ, отмѣняющихъ постепенно рабство, распространяется на всѣ страны. Въ Германіи оно начинается въ городахъ въ XII столѣтіи и идетъ crescendo въ XIII и XIV вѣкахъ. Въ городахъ Германіи, Италіи, Франціи понемногу образуется такъ-называемое третье сословіе, концентрирующее въ своихъ рукахъ движимыя богатства, противодѣйствующія земельному богатству сеньеровъ. Гильдіи корпораціи Германіи постепенно освобождаются отъ феодальнаго гнета; города ведутъ сообща войны противъ феодаловъ, вынуждаютъ у нихъ разныя льготы и признаніе мѣстнаго самоуправленія (хартіи). То же въ Италіи; во Франціи королевская власть соединяется съ городами противъ феодаловъ и скоро торжествуетъ надъ ними, оставляя въ наслѣдство феодализму всѣ элементы, необходимые

[1]) *Laurent*—tome XVIII, стр. 511—513.

для образованія третьяго сословія. Только въ Испаніи обновленіе феодализма встрѣчаетъ препятствіе въ преобладаніи духовенства, визиготскаго по происхожденію, и арабской цивилизаціи. Но и здѣсь кортесы составляются изъ депутатовъ отъ дворянства, духовенства и городовъ, и только Карлу V и Филиппу II удается подавить ихъ. Даже въ Швеціи крестьяне и города съ успѣхомъ борятся съ феодализмомъ. Въ Англіи же города издавна добились извѣстныхъ правъ на участіе въ самоуправленіи [1]).

Все это можно резюмировать такъ: принципъ личной свободы понемногу распространяется все на большее количество индивидуумовъ. Отъ привилегированнаго дворянства и духовенства онъ переходитъ къ городскому сословію. Остается еще распространить пользованіе личною свободою, начало индивидуальности на все населеніе извѣстной территоріи, чтобы подготовить его такимъ образомъ къ сознанію національной самостоятельности. Для этого нужно было окончательно разбить идею католическаго единства. Это сдѣлано реформаціей XVI вѣка. Съ внѣшней стороны она разбила католическое единство, а слѣдовательно и идею всемірнаго государства. Разсматриваемая по существу, реформація провозгласила свободу совѣсти, сдѣлала религію индивидуальнымъ чувствомъ. Лютеръ „объявилъ вѣрующаго слугою Бога, но свободнымъ по отношенію къ людямъ“ [2]). Новая религіозная догма не могла не коснуться области политической; сами Лютеръ и Меланхтонъ, Кальвинъ же въ особенности перенесли принципы новой религіи въ область политическую. Свобода критики, признанная за человѣкомъ въ дѣлѣ религіи, перешла въ сферу государственную. Политическая свобода индивидуума есть конечный выводъ изъ протестантизма, вступившаго въ предѣлы политической жизни. Отсюда же только одинъ шагъ до демократіи и признанія свободы національностей, закрѣпощенныхъ средневѣковымъ единствомъ. Реформація оставила слѣдъ даже среди народовъ романскихъ, болѣе приверженныхъ къ идеѣ единства и католицизму: сами папы ищутъ защиты у государей противъ завоеваній религіозной революціи. Германскіе же народы, и прежде носившіе въ себѣ принципъ индивидуализма, приняли реформацію, удовлетворявшую этому началу. Націямъ, казалось бы, оставалось только воспользоваться новыми началами и, проникшись ими, идти по пути укрѣпленія и развитія свободныхъ національныхъ политическихъ тѣлъ. Но исторія

[1]) *E. Richard.* «Étude sur les nationalités», chap. III.
[2]) *Laurent*—tome XVIII, стр. 519.

положительно была злою мачихою для національной идеи. Реформаціи пришлось прежде всего выдержать упорную и продолжительную борьбу съ католическими державами. Она вышла побѣдительницею изъ ряда кровопролитныхъ войнъ и 1648 годъ (вестфальскаго конгресса) былъ годомъ, принесшимъ за собою санкцію вѣротерпимости. Далѣе пришлось бороться противъ вновь появившихся стремленій къ осуществленію всемірныхъ монархій, представленныхъ исторіею XVI, XVII и начала XVIII вѣка въ лицѣ австрійскаго дома, Карла V, Филиппа II, Людовика XIV. Это стремленіе объясняется усиленіемъ королевской власти въ Европѣ. Освободившись при помощи городовъ и общинъ отъ феодализма, королевская власть, собравъ и объединивъ земли, стала всесильною и абсолютическою. Средневѣковыя традиціи сдѣлали королей сплоченныхъ и единыхъ государствъ собственниками территоріи и населенія, которое было безправно и не участвовало, за рѣдкими исключеніями, въ управленіи.

Усилившись дома и не встрѣчая препятствія внутри, королевская власть обратила свои силы на внѣшнія предпріятія. Начались войны съ завоевательною цѣлью для увеличенія территоріи и населенія, переходившихъ какъ собственность въ руки побѣдителя. Эта же „собственность“ монарховъ обмѣнивалась, покупалась, продавалась и переходила по наслѣдству по всѣмъ правиламъ гражданской сдѣлки, причемъ контрагентами были одни короли, народы же не имѣли голоса въ предполагавшейся сдѣлкѣ, совершавшейся по большей части подъ вліяніемъ династическихъ соображеній. И вотъ путемъ завоеваній, наслѣдованія, мѣны и купли-продажи почти всѣ государства образовали изъ себя совокупность провинцій, населенныхъ разнообразными національностями, которыя сбрасывались въ одну кучу, въ которой водруженъ былъ флагъ извѣстнаго государства. Абсолютизмъ, не признававшій личной свободы и правъ индивидуума въ предѣлахъ государства, не могъ признавать и внѣ ихъ правъ національностей. Либеральный абсолютизмъ средины и конца XVIII вѣка пытался дать политическія реформы безъ признанія начала политической свободы въ самомъ принципѣ. Изъ этого не могло произойти свободы ни внутри, ни внѣ. Только великая революція провозгласила смѣло *права человѣка*, дала *политическую санкцію принципу человѣческой личности;* прямо и категорически ею сдѣлано то, что религіозная революція XVI вѣка сдѣлала только посредственно въ видѣ конечнаго результата основной идеи религіозной свободы. Первымъ послѣдствіемъ доктрины, выставленной фран-

цузскою революціею, былъ суверенитетъ (верховенство) націй; суверенная же нація есть индивидуумъ, личность котораго столь же священна, какъ и индивидуальность человѣка. Революція XVIII вѣка открываетъ собою эру національностей [1]. Ниже увидимъ, что эпоха революціи впервые всенародно и оффиціально провозгласила начало свободы и братства между націями и государствами. Революціонную эпоху упрекаютъ въ томъ, что она скоро фактически отказалась отъ признанія принципа независимости націй, объявивъ войну Европѣ, выродившуюся постепенно въ завоевательную, и въ томъ, что она присоединяла къ себѣ чужія территоріи. Но война была вызвана эмигрантами и самими иностранными державами; французы въ большинствѣ случаевъ принимаемы были какъ освободители; несомнѣнно также, что жирондисты и даже монтаньяры уважали въ принципѣ суверенитетъ другихъ народовъ настолько же, насколько они требовали, чтобы монархическая Европа уважала свободу Франціи. Обѣ партіи были миролюбиво настроены; даже Робеспьеръ говорилъ, что „французская территорія есть граница революціи"; а если національное собраніе соединило Авиньонъ съ Франціей, а конвентъ бельгійцевъ съ республикой, то это свершилось во имя согласія жителей присоединяемыхъ территорій и подобное соединеніе имѣетъ громадное и существенное отличіе отъ завоеванія [2]. Вѣрно замѣтилъ Лоранъ, что республика сдѣлалась завоевательною только послѣ паденія террора [3]. Республиканскій принципъ началъ вырождаться, „чистота первоначальной республиканской идеи стала исчезать", а побѣды республиканскаго оружія породили жажду къ увеличеніямъ или вновь пробудили ихъ. Консульство и имперія являютъ изъ себя рядъ грубыхъ нарушеній идеи независимости сосѣдей; первый консулъ, а потомъ императоръ даже не пытается маскировать поползновеній на завоеваніе и нарушеніе свободы націй [4]. Но сила національной идеи оказалась могущественнѣе Наполеона, котораго „побѣдили національности, а не русскіе морозы и проигранныя имъ битвы". Коалиція, справившись съ Наполеономъ при содѣйствіи націй, посредствомъ воззванія къ національному чувству независимости, заступила мѣсто „корсиканскаго чудовища" и, забывъ обѣщанія, данныя народамъ, безцеремонно распорядилась судьбами націй на вѣнскомъ конгрессѣ. Вскорѣ потомъ новое на-

[1] *Laurent*—tome XVIII, стр. 531.
[2] Ibidem—tome XVIII, стр. 534.
[3] Ibidem.
[4] Примѣры у *Laurent*, ibidem, стр. 539—543.

чало (легитимизмъ) смѣнило собою устарѣлую идею равновѣсія, вступило въ разсмотрѣнную уже нами борьбу съ началомъ свободы, давило національности. Но конецъ испытаніямъ, ниспосланнымъ исторіею на идею національности, приближался. Въ 1828 году, испуганный абсолютизмъ въ лицѣ самого Меттерниха боязливо соглашается на освобожденіе Греціи. Чрезъ два года одно изъ „роскошнѣйшихъ и величественнѣйшихъ“ созданій конгресса вѣнскаго — Соединенные Нидерланды — рушится съ трескомъ и Бельгія отдѣляется отъ Голландіи. Въ Германіи съ начала XIX столѣтія идетъ сперва глухая борьба за единство. Она сдерживается темною, но страшною силою — Австріей, но сопротивленіе послѣдней разбивается войною 1866 года (послѣ неудачной попытки 1848—49 годовъ во Франкфуртѣ), Австрія изгоняется изъ Германіи, образующей два союза — сѣверный и южный, объединяющіеся въ формѣ союзной имперіи въ 1871 году. Въ Италіи подавлены инсуррекціонныя движенія 1820—21 годовъ. Но весь полуостровъ глухо стонетъ подъ игомъ Австріи и владѣтельныхъ князьковъ, навязанныхъ Италіи блаженной памяти вѣнскими трактатами. Карбонаріи усиленно работаютъ. Попытка 1848 года внѣшнимъ образомъ не удалась: Радецкій вновь привелъ Миланъ и Венецію подъ „отеческое управленіе Габсбурговъ“. Но объединеніе Италіи и тогда уже было рѣшеннымъ вопросомъ. Сопротивленіе и неудача только разжигали страсти итальянцевъ. Сардинія стоитъ во главѣ національнаго дѣла, во главѣ Сардиніи — графъ Кавуръ. Война 1859 года принесла съ собою виллафранкскій миръ; погибли мелкія княжества Италіи, а въ 1870 году Римъ прекратилъ свое независимое существованіе въ качествѣ столицы церковной области и сталъ столицею единой Италіи. Въ Турціи съ XVIII вѣка рядъ трактатовъ, заключенныхъ по большей части Россіей, ослабляетъ подчиненное и порабощенное состояніе національностей европейской Турціи. Рядъ упорныхъ войнъ съ временными пораженіями приводитъ въ 1872 году почти къ полному уничтоженію Турціи какъ европейской державы и на ея мѣстѣ стоятъ независимыя Сербія, Румынія, Черногорія, почти независимая Болгарія, близкая къ независимости Восточная Румелія. Въ настоящемъ году Греція, усиленная Іоническими островами, присоединенными къ ней въ 60-хъ годахъ во имя національнаго начала, получаетъ во имя того же принципа часть Ѳессаліи и Эпира. Критъ волнуется и готовъ повторить попытку къ соединенію съ Греціей, неудавшуюся нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Ирландіи національное движеніе къ широкой автономіи и даже къ

отдѣленію отъ Англіи, имѣющее еще глубокое основаніе въ экономическомъ порабощеніи страны, даетъ себя чувствовать весьма ощутительно и грозитъ единству соединеннаго королевства. Приходилось „считаться съ національной идеей“ и еще придется считаться съ нею и въ Австріи, гдѣ славянскій элементъ ($^2/_3$ всего населенія) не на шутку требуетъ широкой автономіи въ федеральномъ государствѣ, ропщетъ на порабощеніе венграми и кучкою нѣмцевъ. Еще вѣнскій и веронскій конгрессы, не признававшіе національныхъ стремленій, осудили негроторговлю, т. е. признали права человѣческой личности. Такимъ образомъ сами реакціонные дѣятели проложили въ принципѣ путь къ торжеству національностей. Что именно послѣднія десятилѣтія оказались особенно благопріятными для національной идеи—легко объясняется почти повсемѣстнымъ и окончательнымъ торжествомъ въ Европѣ конституціонныхъ учрежденій, установившихъ начало личной свободы и неприкосновенности и участіе народа по праву въ управленіи. Сама сфера политическихъ правъ расширилась и захватила собою ту массу населенія, которая прежде не смѣла и мечтать о политическихъ правахъ. Установленіе конституціонализма въ Пруссіи и другихъ государствахъ Германіи быстро повело ее по пути къ объединенію, попытки къ которому, сдѣланныя въ неконституціонной Германіи конца 40-хъ годовъ, не привели ни къ какому положительному результату. Національное сознаніе и требованія, основанныя на національной идеѣ, увеличились въ Австріи съ того момента, когда въ ней водворились конституціонныя учрежденія. Укрѣпленіе же и развитіе національной идеи въ государствахъ конституціоннаго режима давало толчекъ къ развитію этой же идеи у сосѣдей, необладавшихъ представительными учрежденіями (напр. среди народовъ Турціи).

2. Процессъ выдѣленія, объединенія и измѣненія государственныхъ формъ подъ вліяніемъ національной идеи.

Справедливо замѣчаютъ нѣкоторые писатели (напр. Моль и Бульмеринкъ), что широкое распространеніе національной идеи въ международной сферѣ влечетъ за собою массу послѣдствій, иногда опасныхъ и даже гибельныхъ для нѣкоторыхъ государствъ, территоріальныя владѣнія которыхъ покоятся на признанныхъ и не разъ подтверждавшихся трактатахъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ стоитъ только прослѣдить процессъ выдѣленія и объединенія на-

ціональностей. Слѣдя за судьбою политическихъ тѣлъ, подвергшихся дѣйствію новаго начала, увидимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, составленныя путемъ разновременныхъ завоеваній, представляютъ изъ себя искусственное сцѣпленіе національностей, различныхъ по происхожденію, степени культуры и по историческимъ судьбамъ. Надъ ними господствуетъ одно племя, часто низшей культуры; является государственное тѣло, въ которомъ отдѣльныя національности не слились между собою, а стоятъ другъ подлѣ друга съ рѣзко опредѣленнымъ, постепенно развивающимся и усиливающимся сепаратистическимъ стремленіемъ. Такова Турція конца XVIII и начала XIX столѣтія. Еще въ 40-хъ годахъ собственно турецкаго населенія европейской Турціи насчитывалось не болѣе $2^1/_2$ милліоновъ, притомъ вырождающагося подъ вліяніемъ многоженства. Въ концѣ 70-хъ годовъ господствовавшее племя турокъ насчитывало уже не свыше 1 милліона съ небольшимъ. Племя это по своимъ основамъ религіознымъ и соціальнымъ являло изъ себя низшій культурный типъ въ сравненіи со многими изъ порабощенныхъ имъ народовъ. Тѣмъ не менѣе трактаты, заключенные и поддерживаемые подъ вліяніемъ эгоистическихъ интересовъ сильныхъ державъ, пытались удержать это тѣло въ состояніи statu quo и противодѣйствовать естественному процессу его распаденія. Но національная идея, никогда не умиравшая среди порабощенныхъ, даетъ себя чувствовать въ постоянныхъ возстаніяхъ племенъ. Начинается процессъ ихъ выдѣленія при помощи Россіи, облегчаемый естественнымъ упадкомъ энергіи и жизненныхъ силъ вымирающаго господствующаго племени (турокъ). Кучукъ-кайнарджійскій миръ (1774 г.), букарештскій (1812) и адріанопольскій (1828 г.), и рядъ другихъ договоровъ отстаиваютъ въ пользу отдѣльныхъ составныхъ частей Турціи сперва свободу совѣсти, потомъ автономныя мѣстныя права въ большей или меньшей степени. Ослабляя понемногу узы, связующія эти племена (румынъ, сербовъ, грековъ) съ единымъ государственнымъ тѣломъ, трактаты эти насаждаютъ тамъ принципъ индивидуальной свободы, переходящій въ логическомъ развитіи идеи въ начало ограниченной автономіи племенъ. Болѣе или менѣе самостоятельная автономная жизнь племенъ, скрѣпивъ чувство солидарности интересовъ между индивидуумами единокровными, обладавшими однѣми традиціями и опредѣленной территоріей, укрѣпило въ нихъ національное сознаніе и мысль *о единствѣ цѣлей* ихъ существованія. Послѣ этого оказалось уже невозможнымъ ограничиться мѣстною автономіею; племена, пользовавшіяся ею, хотѣли довести ее до полной

политической самостоятельности. Этому противятся „интересы“ другихъ державъ, но національное движеніе не отвратимо. Идутъ на компромиссы, самое содержаніе которыхъ являетъ въ себѣ зародышъ полной будущей независимости племенъ и гибели *единаго* тѣла. Война 1854—55 годовъ хотѣла спасти это единство, но шестидесятые года застаютъ уже Сербію, Черногорію, Румынію (Молдаво-Валахію) такъ-называемыми полусамостоятельными государствами (états mi-souverains), ограниченными во внѣшнихъ правахъ (въ отношеніи къ международнымъ соглашеніямъ) и совершенно независимыми въ сферѣ внутренне-государственной, причемъ платежъ дани въ Константинополь остается символомъ вассальническихъ отношеній къ суверену—султану. Греція, поставленная въ болѣе благопріятныя условія, получаетъ независимость ранѣе прочихъ національностей (еще въ 1828 г.). Мало-по-малу турки теряютъ всѣ свои права надъ полу-самостоятельными особями, выдѣлившимися изъ единаго уродливаго тѣла. Берлинскій конгрессъ (1878 г.) обратилъ Румынію, Сербію, Черногорію въ вполнѣ самостоятельныхъ членовъ международнаго союза, увеличилъ ихъ территоріи. Болгарія же, пользовавшаяся только крайне ограниченною мѣстною автономіей, переходитъ въ разрядъ полу-самостоятельныхъ державъ, т. е. ей прійдется испытать на себѣ тотъ же процессъ постепенной политической индивидуализаціи. Но врядъ ли кто будетъ серьезно оспаривать полную ея независимость въ недалекомъ будущемъ. Восточная Румелія, отторгнутая интригами и ненавистью къ національной идеѣ отъ Болгаріи, получаетъ значительную автономію съ тѣмъ, конечно, чтобы перейти въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ къ типу полу-самостоятельной политической особи и соединиться съ единой Болгаріей. Греки требуютъ себѣ во имя національной идеи Ѳессаліи, Эпира и части Македоніи; идутъ на компромиссъ и удовлетворяютъ ихъ только отчасти, но всякій понимаетъ, что недалекъ часъ полнаго удовлетворенія.

Таковъ процессъ *выдѣленія* постепеннаго и медленнаго, разрушающій одно государственное тѣло и созидающій нѣсколько новыхъ. Когда Турція развалится окончательно, что не долго заставитъ ждать себя, и наслѣдство „больного человѣка“ окончательно распредѣлится, останутся новыя живучія государства. Трудно предсказать теперь, останутся ли они независимыми особями или образуютъ изъ себя федерацію вполнѣ независимыхъ внутри державъ, соединенныхъ для общей защиты отъ внѣшняго врага. Къ послѣдней формѣ они покуда еще мало подготовлены: все сознаніе ихъ,

всѣ силы ихъ были устремлены исключительно на борьбу съ Турціей и достиженіе національной независимости, сознаніе же общей связи ихъ и солидарности интересовъ во внѣ еще не достаточно выяснились. Скорѣе даже замѣчается покуда рознь между этими отдѣльными тѣлами. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта федерація невозможна была въ будущемъ, когда мирная работа сосуществующихъ государствъ упрочитъ связи ихъ между собою, и сблизитъ ихъ и выработаетъ сознаніе необходимости образовать крѣпкое тѣло для самообороны отъ внѣшней опасности.

Обратимся теперь къ Австріи. Эта монархія, соединившая въ себѣ путемъ завоеванія, но болѣе наслѣдованія, различныя племена, представляла изъ себя до 60-хъ годовъ тоже агломератъ самыхъ разнохарактерныхъ племенъ „двунадесяти языковъ“. Но Австрія держава *высшаго культурнаго типа;* подавленіе національныхъ стремленій существовало въ ней не въ столь рѣзкихъ формахъ и степеняхъ, какъ въ Турціи. Въ Австріи охраненъ закономъ тотъ minimum правъ личности, который не былъ защищенъ въ Турціи. Понятно, что подобное государство прочнѣе и жизненнѣе Турціи. Но Австрія до послѣднихъ дней была абсолютистическимъ государствомъ, военною монархіей, всегда стояла за легитимизмъ и противъ національности. Она боролась за существованіе *извѣстныхъ государственныхъ формъ,* въ которыхъ нѣтъ санкціи національнымъ стремленіямъ. Трактаты подарили ей лучшія области Италіи—Миланъ и Венецію; но процессъ выдѣленія отнялъ у нея Миланъ по вилла-франкскому договору, укрѣпленному цюрихскимъ трактатомъ 1860 года; Венеція выдѣляется послѣ несчастной для Австріи войны 1866 года. Австрія, лишенная итальянскихъ земель (кромѣ южнаго Тироля), обладаетъ еще громаднымъ славянскимъ элементомъ (болѣе 23 мил.), незначительнымъ венгерскимъ и нѣмецкимъ (вмѣстѣ не болѣе 10 мил.), венгерскій элементъ пытался выдѣлиться въ 1848 г., что едва не удалось ему. Но это было бы конечною гибелью Австріи, которая съ 60-хъ годовъ принимаетъ форму федеративной системы; но венгерцы, добившись почти полной самостоятельности въ этой сложной государственной машинѣ, стали господствующимъ и даже давящимъ всѣ прочіе элементомъ, соперничествующимъ въ этомъ давленіи съ элементомъ нѣмецкимъ. Венгры измѣнили прежнюю государственную форму Австріи въ томъ смыслѣ, что они образуютъ теперь почти отдѣльное государство „австро-венгерской“ сложной монархіи, съ полною внутреннею автономіею, отдѣльнымъ министерствомъ, правомъ рѣшать вопросы войны и мира, и т. д., но

связаны съ остальной монархіей узами *наслѣдственной уніи* въ династіи габсбургскаго дома. Это положеніе Венгріи не есть вполнѣ и совершенно обособленное, какое мы встрѣчаемъ среди племенъ Турціи; но все же независимость достигнута венграми въ степени достаточной для удовлетворенія національной идеи. Но послѣдняя не удовлетворена у славянъ Австріи; движеніе въ этомъ смыслѣ, стремленіе добиться національныхъ автономій близкихъ къ независимости становится тамъ ощутительнѣе съ каждымъ днемъ, питается и поддерживается духомъ конституціонныхъ учрежденій. Монархія страдаетъ теперь вслѣдствіе неудовлетворенія этихъ законныхъ стремленій, которыя не менѣе, конечно, легитимны, чѣмъ удовлетворенныя стремленія венгровъ. Повидимому, Австрія стала сознавать это; во всякомъ случаѣ безспорно, что она преобразуется въ новый типъ федеральнаго государства, въ которомъ всѣ племена будутъ пользоваться самою широкою автономіею. Она сдѣлается, вѣроятно, союзомъ государствъ почти независимыхъ, соединенныхъ наслѣдственною уніею съ династіей габсбурговъ. Въ этомъ-то смыслѣ можемъ мы сказать, что настоящая Австрія разрушается и что изъ нея образуется новая форма, въ которой будутъ существовать отдѣльные элементы съ болѣе самостоятельною національною жизнью, которые соединятся до извѣстной степени съ цѣлью защиты отъ общаго врага, что необходимо въ виду трудности, представляющейся маленькимъ государствамъ для защиты своего существованія въ борьбѣ съ колоссальными государствами новаго времени. Въ этомъ процессѣ Австрійская монархія неминуемо должна потерять элементъ нѣмецкій, который возсоединится съ Германіей, и сербскій, естественно идущій на встрѣчу къ соединенію съ независимой Сербіей.

Но рядомъ съ процессомъ *выдѣленія* и измѣненія формъ, мы наблюдаемъ и обратный процессъ *объединенія* (въ *Италіи и Германіи*). Части одной и той же національности раздроблены, образуютъ, благодаря династической политикѣ и завоеванію, укрѣпленнымъ трактатами, особыя государственныя тѣла. Въ средніе вѣка, Италія была раздроблена между самостоятельными республиками и монархіями; на нее нападаютъ и совершаютъ въ ней завоеванія нѣмецкіе императоры, потомъ французы. Французская революція принесла и въ Италію идею правъ человѣка и положила въ ней основаніе будущему объединенію, о которомъ въ средніе вѣка и даже въ началѣ XIX столѣтія мечтали только отдѣльные умы. Вѣнскіе трактаты, уничтоживъ республики Италіи, закрѣпили ее, по частямъ, за отпрысками бурбонскихъ и габсбург-

скихъ домовъ, т. е. привели ее, въ общемъ цѣломъ, къ дореволюціонному состоянію. Но съ этого же времени искра національнаго сознанія не потухаетъ болѣе. Идея единства концентрируется вокругъ Сардиніи, наиболѣе живучей и сильной изъ всѣхъ итальянскихъ монархій. Карбонаріи и другія секты покойно работаютъ для ниспроверженія абсолютизма въ Неаполѣ, Пьемонтѣ и папскихъ владѣніяхъ, на пользу конституцій и личной свободы, т. е. въ конечномъ результатѣ для національнаго объединенія, сознаніе о которомъ, однако, еще не проникло въ массы, чѣмъ отчасти объясняется и неудача національныхъ стремленій въ 1848 году. Идея итальянскаго единства еще не сдѣлалась популярною политическою формулою; въ раздѣленіи партій съ ихъ различными тенденціями, можно было найти слѣды муниципальнаго духа среднихъ вѣковъ, давшаго много для артистическаго и литературнаго величія Италіи, но поведшаго къ антагонизму между городами и ея униженію [1]). Въ 50-хъ годахъ Сардинія, получивъ за участіе въ войнѣ противъ Россіи право засѣдать въ совѣтѣ великихъ державъ, становится въ лицѣ Кавура открытою защитницею идеи національности противъ Австріи, абсолютистическаго режима папы и неаполитанскаго правительства. Съ 1859 года около Сардиніи-Пьемонта быстро концентрируются области Италіи. При помощи Франціи, выступавшей за рѣдкими исключеніями (съ самой революціи) защитницей новой идеи, Сардиніи удается выдѣлить изъ Австріи Миланскую область (трактатъ цюрихскій 1860 г.). *Дипломатически* думали сохранить за суверенами средней Италіи права, уничтоженныя единодушіемъ населеній. Но Романья отказывается возвратиться вновь къ режиму кардиналовъ — легатовъ; населенія Тосканы и Эмиліи объявляютъ низверженіе ихъ государей и провозглашаютъ во имя принципа народнаго суверенитета, неразрывно связаннаго съ идеею національности, свое желаніе соединиться съ Пьемонтомъ-Сардиніей. Народъ голосуетъ въ этомъ смыслѣ. Возстаетъ Сицилія. Гарибальди бьетъ неаполитанскія войска. Франдискъ II думаетъ спасти свое дѣло возстановленіемъ конституціи 1848 года, но „слову государя больше не вѣрятъ“. Неаполь, Базиликата, Абруццы поднялись противъ маленькаго, но свирѣпаго деспота. Король вынужденъ бѣжать [2]). Всѣ эти движенія, окончившіяся сліяніемъ этихъ земель съ Сардиніей, совершились подъ вліяніемъ одной идеи—итальянскаго единства подъ скипетромъ Виктора-Эммануила.

[1]) *M. Deloche* «Du principe des nationalités». Paris, 1860, стр. 13.
[2]) Ibidem, стр. 17—20.

Уже черезъ шесть лѣтъ „центръ итальянскаго объединенія“ притягиваетъ къ себѣ Венецію и ея область по мирному договору съ Австріей отъ 1866 года. Одна папская область, политическая независимость которой столь неблагоразумно поддерживается Наполеономъ, попавшимъ подъ вліяніе клерикальной клики во Франціи, еще держится и папа воображаетъ противиться закону исторіи, поглотившему гораздо болѣе могущественныя государства. Но 1870 годъ разочаровалъ покойнаго Пія IX. Италія, хотя и не могла „fara da se“, но объединилась окончательно.

Такъ шелъ прогрессъ уничтоженія государствъ въ Италіи, являвшихъ изъ себя какъ бы искусственныя разновидности одного великаго типа (всей Италіи), собравшихся вокругъ одного изъ нихъ, наиболѣе свободнаго, лучше охранявшаго принципъ личной свободы, государства конституціоннаго. Сліяніе бывшихъ независимыхъ тѣлъ полное, обусловленное географическимъ положеніемъ Италіи, единствомъ языка и религіи, солидарностью въ страданіяхъ отъ иностранныхъ деспотовъ, посаженныхъ въ различныхъ ея земляхъ.

Процессъ объединенія Германіи представляетъ собою рѣзкій типъ явленія діаметрально противоположнаго процессу выдѣленія національностей, типичное выраженіе котораго мы имѣли въ Турціи. Въ послѣдней, національности изъ состоянія рабства переходятъ въ извѣстной постепенности къ состоянію автономіи, полусамостоятельности и полной самостоятельности. Въ Германіи же, объединяющей нѣкогда совершенно независимыя политическія индивидуальности одного обширнаго племени, самостоятельность особей переходитъ въ полусамостоятельность, стремится, наконецъ, перейти въ типъ такого союзнаго государства, въ которомъ отдѣльные члены нисходятъ до внутренней автономіи, теряя внѣшнюю самостоятельность (въ международной сферѣ). Но въ обоихъ случаяхъ, этими противоположными процессами одинаково руководитъ національная идея. Древняя германская имперія носила въ себѣ принципъ полнѣйшей внутренней и внѣшней независимости членовъ „священной римской имперіи германской націи“. Они свободно воевали между собою по праву; императоръ имѣлъ власть и авторитетъ почти фиктивный и только личныя качества его могли на время привести къ признанію за нимъ нѣкотораго рѣшающаго значенія. Внутри имперіи отдѣльныя государства не знаютъ никакихъ ограниченій и они почти чужды другъ другу. Положеніе дѣлъ мало мѣняется послѣ вестфальскаго мира. Имперскій судъ не имѣетъ никакого объединяющаго значенія, власть императора попрежнему незначительна

de facto, объемы ея спорны de jure. Въ *единой* имперіи освящается даже расколъ религіозный, усиливающій вражду между отдѣльными членами и вліявшій на образованіе различныхъ союзовъ между членами имперіи, которые часто соединяются съ иностранными державами для борьбы съ императоромъ и его союзниками. Только языкъ, принятый Лютеромъ для священнаго писанія, нѣсколько еще поддерживаетъ идею единства, сперва только среди избранныхъ, а не въ массахъ, раздѣленныхъ въ различныхъ государствахъ, обладавшихъ особыми законами, слѣдовавшихъ особой политикѣ и подвергавшихся различнымъ судьбамъ. *Единая въ идеѣ*, но въ существѣ совершенно раздробленная Германія влачитъ жалкое существованіе, являясь безсильною во внѣ вплоть до французской революціи, которая занесла и сюда идею національнаго единства. Развитію послѣдней помогли походы и завоеванія французовъ въ Германіи и образованіе, хотя и скоротечное, рейнскаго союза. Идея національнаго объединенія, подавлявшаяся еще нестерпимымъ, абсолютистическимъ режимомъ государствъ Германіи, разомъ сдѣлала громадные успѣхи подъ вліяніемъ идей революціи. Въ 1813—14 годахъ, сами правительства воззвали къ идеѣ національной свободы и обѣщали конституціонныя учрежденія. Намъ извѣстны мечты нѣмцевъ во время вѣнскаго конгресса, неоправдавшаго ихъ ожиданій. Зная планы державъ, руководившихъ конгрессомъ, можно только присоединиться къ Шауманну, который говоритъ, что въ предполагавшейся тогда государственной системѣ Европы, Германіи не было законнаго мѣста какъ *цѣлому* и судьба ея могла проистекать только изъ того права, которое четыре державы оставили ей послѣ того, какъ онѣ сперва позаботились о себѣ [1]). Создана была форма „Staatenbund'а (союза государствъ), въ которой за отдѣльными членами признавалась полная внутренняя автономія, внѣшнія сношенія ихъ были мало ограничены (въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ и шаткихъ), право войны отнято у нихъ относительно членовъ конфедераціи, что было уже большимъ прогрессомъ, но сохранено относительно иностранныхъ государствъ. Новая машина дѣйствовала плохо: права союзной власти (сейма), выражавшей собою единство, были ограничены и даже не точно опредѣлены, и мы знали уже, что карлсбадскія и вѣнскія конференціи истолковали, вѣрнѣе—выработали новые законы съ цѣлью усилить власть центральную. Работы этихъ со-

[1]) *A. Schaumann* «Geschichte der Bildung des deutschen Bundes auf dem Wiener Congress» въ *Raumer's*. Historisches Taschenbuch, за 1850 г., стр. 169.

браній предприняты въ реакціонныхъ цѣляхъ, но полезная ихъ сторона въ томъ, что они являли изъ себя шаги по пути къ достиженію единства, возможнаго только при усиленіи власти центральной и ограниченіи суверенитета отдѣльныхъ державъ конфедераціи. Въ 30-хъ годахъ вновь дополнили союзный актъ постановленіями въ томъ же направленіи, но до самаго 1848 года, т. е. въ теченіи 33-хъ лѣтъ, всѣ попытки объединить Германію на основахъ, созданныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, не удались. Шауманнъ объясняетъ это тѣмъ, что попытки и стремленія къ объединенію возложены были *односторонне* на неограниченное усмотрѣніе дворовъ, которые руководились больше своими интересами. Усиленная же, безъ участія народа, а одними дворами, власть союзнаго совѣта приходила все болѣе въ противорѣчіе съ земельными устройствами державъ, отчего происходили столкновенія и приходилось „дѣлать измѣненія или дома или во Франкфуртѣ“ [1]. Думали создать единство, не пригласивъ для этой работы народъ, массу населенія; но національное единство не можетъ быть создано *сверху;* прибавимъ къ этому, что сами правительства-руководители соперничали между собою во вліяніи на сеймѣ, представляя на немъ одно только единство — абсолютистическихъ стремленій. Въ 1848 году по всей Германіи стоитъ одинъ вопль о необходимости объединенія и богатыя надежды возлагаются прессою, летучими листками и рѣчами на парламентъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ. Изъ этого шума ничего не вышло *положительнаго,* хотя невозможно отрицать той заслуги собранія, что оно *впервые* выразило, въ формѣ представительства всей нѣмецкой земли, идею національнаго единства и подвергло ее всестороннему обсужденію. Шауманнъ приписываетъ эту неудачу національнаго собранія во Франкфуртѣ тому обстоятельству, что оно также „узурпаторски-односторонне сдѣлало изъ вопроса о національномъ объединеніи дѣло одного народа“, устранивъ отъ участія въ немъ правительства [2]). Взглядъ Шауманна тоже одностороненъ и фактически не совсѣмъ вѣренъ. Собраніе сознавало, что рѣшеніе великой задачи объединенія было возможно только при участіи сильнаго и прогрессивнаго правительства. Оно предложило королю Фридриху-Вильгельму прусскому скипетръ германской имперіи, но въ рѣшительный моментъ король, страшась столкновенія съ Австріей и Россіей, тогдашней союзницы Австріи, оказался не на высотѣ пред-

[1]) A. *Schaumann.* «Geschichte», стр. 245.
[2]) Ibidem, стр. 247—249.

лагаемой ему роли и Пруссія ограничилась нравственною поддержкою Гессенъ-Касселю, введшему у себя либеральныя учрежденія [1]).

Во всякомъ случаѣ и тогда, какъ и въ 60-хъ годахъ, объединеніе Германіи не могло быть достигнуто до тѣхъ поръ, пока Австрія оставалась въ союзѣ, притомъ съ первенствующею ролью. Австрія — элементъ легитимистическій, противившаяся идеѣ прогресса и конституціонныхъ учрежденій—должна была быть изгнана изъ Германіи. Съ 1848 по 1866 годъ, идея объединенія дѣлаетъ послѣдніе громадные успѣхи, становится общимъ достояніемъ литературы и народа. Въ 60 году, прусское правительство почти открыто присоединяется къ національнымъ желаніямъ, высказаннымъ въ нѣдрахъ избирательнаго собранія, засѣдавшаго въ Берлинѣ [2]). Война 1866 года была послѣднею попыткою Австріи задержать объединеніе Германіи. Пражскій миръ изгналъ ее навѣки изъ состава германскихъ государствъ. Земля нѣмецкая подѣлена на два союза—сѣверо и южно-германскій; предсѣданіе въ первомъ de jure и фактически перешло къ Пруссіи, во второмъ рѣшающее значеніе получила Баварія. Право войны отнято у державъ сѣвернаго союза; оба союза соединены общимъ Zollverein'омъ. Казалось, Германія, стремившаяся къ единству, подѣлилась на два отдѣльныя союзныя тѣла, образованныя для противодѣйствія достиженію полнаго единства. Но эта дуалистическая Германія явилась фактомъ отчасти случайнымъ: Франція, несмотря на то, что отдѣльные передовые умы ея высказывались противъ всякихъ помѣхъ національному объединенію Германіи [3]), боялась германскаго единства и Наполеонъ III въ то время не согласился бы на соединеніе южныхъ государствъ съ сѣвернымъ союзомъ и соображенія политическія взяли временно верхъ надъ требованіями болѣе совершеннаго удовлетворенія идеѣ національнаго единства. Наконецъ результатомъ пражскаго мира явилось *сплоченіе*, хотя и въ двухъ союзахъ, отдѣльныхъ государствъ, еще недавно разрозненныхъ; получилась форма, въ которой легко возможенъ былъ переходъ къ единой организаціи, къ сліянію двухъ союзовъ во-едино. Война 1870—71 годовъ слила оба союза въ одну сложную государственную машину въ формѣ союзной имперіи. Отдѣльныя го-

[1]) *M. Deloche* «Du principe des nationalités», стр. 22.

[2]) Ibidem, стр. 23.

[3]) *Ernest Renan* «La guerre entre la France et l'Allemagne», въ «Revue des deux Mondes» tome 89, 1870 г., стр. 273; *M. Deloche*—стр. 21—24; *Dupont-White*—Revue Contemporaine, за 1867 г., январь, стр. 264. Онъ совѣтуетъ даже Франціи помочь Германіи окончить свое объединеніе.

сударства совершенно потеряли право войны между собою и съ иностранными державами; право заключать трактаты ограничено до nec plus ultra, посольское же право хотя и сохранено за ними, но больше какъ внѣшній, несущественный признакъ, эмблема свободы государствъ имперіи, потерявъ прежнее свое самостоятельное значеніе. Съ этой минуты непрерывно продолжается и внутреннее— законодательное объединеніе страны. Прослѣдивъ съ нѣкоторымъ безпристрастіемъ и вниманіемъ ходъ процесса объединенія нѣмецкой національности, нельзя не убѣдиться въ прочности самой идеи объединенія, пустившей глубокіе корни въ германскомъ народѣ. Безспорно, и въ послѣднее время особенно замѣчаются проявленія неудовольствія южныхъ нѣмцевъ противъ Пруссіи и ея правительственной системы. Южно-германская пресса и показанія компетентныхъ лицъ подтверждаютъ это. Но эти неудовольствія, даже ненависть переходятъ въ сепаратистическія стремленія только у отдѣльныхъ лицъ, что и естественно въ виду новизны самого созданія единой имперіи. Но въ массахъ недовольны не объединеніемъ, а *давящею* ролью Пруссіи, часто деспотически навязывающей свою волю союзникамъ. Пруссія создала послѣ 1870 — 71 гг. для Германіи форму переходную отъ Staatenbund'а къ Bundesstaat'у, въ которой она сама играетъ подавляющую и часто рѣшающую роль. Это, конечно, для Германіи состояніе не нормальное, но объясняемое политическою силою и ролью Пруссій въ послѣднихъ войнахъ, поведшихъ за собою объединеніе. Вѣрно замѣчаетъ Ренанъ, что юнкерская партія въ Пруссіи не потерпѣла бы и мысли о томъ, „чтобы цѣль Пруссіи не заключалась въ пруссофицированіи всей Германіи“ [1]). „Но“, продолжаетъ онъ, „въ исторіи перестанетъ существовать всякая аналогія, если Германія завоеванная (Пруссіею) не завоюетъ въ свою очередь послѣднюю и не поглотитъ ее. Германія, даже Берлинъ имѣютъ буржуазію и эта буржуазія будетъ, какъ и у всѣхъ современныхъ народовъ, основаніемъ настоящей германской націи. Пруссія, окончивъ свое дѣло при помощи арміи, основанной на юнкерствѣ, поглотится Германіею“. Мы тоже думаемъ, что это поглощеніе весьма вѣроятно, но его слѣдуетъ понимать въ ограниченномъ смыслѣ. Пруссія уравняется въ правахъ со всѣми другими членами имперіи, потеряетъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними свою особую, внѣшнюю автономію. Но всѣ государства имперіи сохранятъ, по возможности,

([1] *Ernest Renan* «La guerre entre la France et l'Allemagne», стр. 272—273, 275—276.

полную внутреннюю независимость, предъ лицомъ же международнаго союза они будутъ представляться *единою* властью, въ которой Пруссія не должна имѣть перевѣса по вліянію внутри и внѣ. Въ этой формѣ болѣе чистаго образца союзнаго государства—имперіи (Bundesreich), Германія можетъ просуществовать очень долго, пока продолжительная совмѣстная жизнь и однѣ судьбы не выработаютъ болѣе прочнаго сближенія между отдѣльными государствами, изъ которыхъ мельчайшія поглотятся большими и не приведутъ къ сближенію въ правахъ, не изгладятъ традиціонныхъ различій.

Рѣшительно нечего удивляться тому, что Италія окончательно объединилась скорѣе и прочнѣе Германіи. Въ Италіи давно былъ и у всѣхъ на виду центръ объединенія (Сардинія-Пьемонтъ), у котораго не было достаточно сильныхъ соперниковъ. Между тѣмъ, въ Германіи двѣ одинаково могущественныя державы (Пруссія и Австрія) стояли другъ противъ друга и враждовали по поводу господствующей роли въ союзѣ и нужно было много времени, чтобы ослабить Австрію настолько, чтобы удалить ее изъ союза. Италія вѣками обладаетъ единствомъ религіи; въ Германіи это единство разбилось въ XVI вѣкѣ, привело къ ряду войнъ, посѣявшихъ рознь, препятствовавшихъ сближенію между членами одной національности. Въ Италіи отдѣльныя государства имѣли династіи чужестранныя, навязанныя народу насильно и введшія нестерпимый абсолютизмъ. Отсюда—незначительная, чисто внѣшняя и искусственная связь между подданными и суверенами, легко порываемая общенаціональными симпатіями и цѣлями объединенія. Въ Германіи видимъ въ отдѣльныхъ государствахъ династіи нѣмецкія, связанныя съ подданными узами одного происхожденія, нравовъ и языка. И здѣсь режимъ суровъ, абсолютизмъ подавляетъ свободу мысли и дѣйствія; но формы его и само содержаніе мягче, съ нимъ легче примириться. Всѣ эти различія объясняютъ, почему объединеніе Италіи совершилось легче и полнѣе, чѣмъ въ Германіи.

Намѣченные нами процессы выдѣленія, объединенія и видоизмѣненія государственныхъ формъ подъ вліяніемъ прогресса національной идеи достаточно характеристичны, служатъ образцами разсмотрѣнныхъ нами явленій. Въ другихъ случаяхъ процессы эти не столь рѣзки и типичны. Напр. Бельгія, отдѣлившись въ 1831 г. отъ Голландіи, тоже являетъ изъ себя примѣръ выдѣленія; изъ состава Нидерландовъ, созданныхъ вѣнскимъ конгрессомъ, обособляется новое политическое тѣло, обладающее особенностями въ историческихъ тра-

диціяхъ, религіи, доведенной здѣсь до фанатизма и частью въ языкѣ. Можно спорить о томъ, насколько въ фактѣ отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи можно усматривать прогрессъ образованія новаго государства на національныхъ основахъ, подъ вліяніемъ національной идеи, но вѣрно то, что Бельгія совсѣмъ не подходила къ соединенію съ кальвинистской Голландіей и что въ выдѣленіи ея изъ Нидерландовъ осуществленіе національной идеи высказывается гораздо болѣе, чѣмъ въ противоестественномъ сліяніи ея съ Нидерландами. Эмиль Лавелэ и Роленъ-Жакменъ оплакиваютъ это раздѣленіе и думаютъ, что соединеніе Бельгіи съ Голландіею было лучшимъ дѣломъ вѣнскаго конгресса, уничтоженіе же этого соединенія „величайшею ошибкою". Желательна федеральная связь между Бельгіей и Голландіей безъ нарушенія обоюдной автономіи во внутреннихъ дѣлахъ [1]). Но что созданіе Нидерландовъ не было хорошимъ твореніемъ трактатовъ 1815 года, доказывается неопровержимымъ фактомъ революціи въ Бельгіи и ея *отдѣленіемъ* чрезъ какихъ-нибудь 15 лѣтъ послѣ закрытія конгресса. Если же принять въ соображеніе французскій языкъ и культуру, все болѣе распространяющіеся въ Бельгіи, умственную ея зависимость отъ Франціи, прошлое ея соединеніе съ нею, попытка къ которому была сдѣлана бельгійскимъ національнымъ собраніемъ и въ 1830 г., если принять къ свѣденію общность религіи и численно подчиненное положеніе фламандскаго населенія къ валлонскому, то нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Бельгія или, по крайней мѣрѣ, часть ея (французская) соединится современемъ съ Франціей.

3. Попытки къ оффиціальному признанію начала національности.

Солидарность, существующая между свободою или суверенитетомъ національнымъ и уваженіемъ къ иностраннымъ націямъ, впервые открыто высказана въ эпоху французской революціи философомъ Volney, предложившимъ декларацію о правахъ народовъ. Въ ней весь человѣческій родъ разсматривается какъ одно общество, существующее для счастія всѣхъ и каждаго изъ его членовъ; въ немъ народы разсматриваются какъ индивидуумы, пользующіеся

[1]) *Em. Laveleye.* «Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage», стр. 130; мнѣніе Роленъ-Жакмена см. въ «Revue de droit international», tome V, 1873 г., стр. 539, выноска I; противъ *Amari*—ibidem, стр. 539.

тѣми же естественными правами и подчиненные тѣмъ же законамъ справедливости, какъ и индивидуумы въ отдѣльныхъ обществахъ; поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ права ни завоевать собственность другихъ народовъ, ни лишать ихъ свободы [1]. *Кондорсэ* предлагаетъ конвенту декларацію, въ которой объявляется, что „французская нація не будетъ нарушать природныхъ правъ другихъ людей и не нанесетъ ущерба независимости другихъ націй“. Франція отказывается отъ соединенія иностранныхъ земель со своею территоріею за исключеніемъ свободно выраженнаго желанія большинства жителей. Въ странахъ, занятыхъ французскими войсками, гарантируется безопасность лицъ и собственности и пользованіе естественными гражданскими и политическими правами; Франція будетъ уважать учрежденія, гарантированныя согласіемъ всего народа [2]. Ясно, что въ обѣихъ деклараціяхъ права индивидуума переносятся на націи, за которыми признается право на свободу и самоуправленіе, хотя въ первой изъ нихъ мысль эта не точно вложена въ понятіе о „народѣ“, которое есть понятіе *государственное;* впрочемъ, строго отдѣлять понятіе *народа* отъ понятія о націи стали только недавно, почему, характеризуя и анализируя содержаніе документовъ и декларацій болѣе отдаленныхъ эпохъ, въ которыхъ идея національности только-что зарождалась, слѣдуетъ всегда обращать вниманіе на самое содержаніе ихъ, поскольку оно соотвѣтствуетъ идеѣ національности, не обращая вниманія на безразличное употребленіе выраженій „народъ“ и „нація“. Въ періодъ господства монтаньяровъ новая идея провозглашается еще категоричнѣе. Такъ *Карно* признаетъ за „каждой націей неизмѣнное право жить отдѣльно или слиться съ другими; французы знаютъ сувереновъ только въ самихъ націяхъ и система ихъ есть система братства“ [3]. Въ деклараціи международнаго права, составленной аббатомъ Грегуаромъ и принятой конвентомъ (1795 г.), тоже говорится о „независимыхъ и суверенныхъ народахъ“ (націяхъ), каково бы ни было „количество индивидуумовъ и пространство территоріи, занимаемой ими“; суверенитетъ этотъ неотчуждаемъ, даетъ право организовать и измѣнять формы правительства; ни одинъ народъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ управленіе другого, а предпріятія, противныя сво-

[1] *Laurent*—tome XVIII, стр. 532.
[2] *A. Cochut*—Revue des deux Mondes, vol. 64, за 1866 г., стр. 693.
[3] *Laurent*—tome XVIII, стр. 533—534.

бодѣ народа, суть покушенія противъ всѣхъ другихъ народовъ“ [1]). Въ этомъ же смыслѣ права національностей формулированы конвентомъ въ органѣ Робеспьера: „притѣсняющій одну *націю* есть врагъ всѣхъ; ведущій противъ *народа* войну съ тѣмъ, чтобы остановить успѣхи свободы и уничтожить *права человѣка* долженъ быть преслѣдуемъ какъ убійца и разбойникъ“ [2]).

Въ 1813—1814 годахъ монархи взываютъ въ прокламаціяхъ „къ свободѣ и независимости нѣмецкой“ для сверженія наполеоновскаго ига. Но, какъ извѣстно, не отъ вѣнскаго и не отъ послѣдующихъ конгрессовъ можно было ожидать освобожденія національностей и тѣмъ менѣе оффиціальнаго признанія ихъ правъ на самостоятельное существованіе. Но въ 1828 году великія державы вынуждены признать свободу Греціи послѣ упорной борьбы послѣдней, объявившей (конгрессъ въ Эпидаврѣ) 27-го января 1822 года „независимость греческой націи“ [3]). Сперва было державы желали, чтобы греки „находились въ зависимости отъ султана, какъ отъ суверена“, хотя они и будутъ „управляться властями, которыхъ они сами изберутъ и назначатъ“, но при извѣстномъ вліяніи Порты [4]); но уже въ 1832 году вынуждены провозгласить полную *независимость* Греціи подъ главенствомъ принца Оттона Баварскаго [5]). Іоническіе острова были поставлены подъ *исключительный* протекторатъ Англіи (трактатъ 5 ноября 1815 года), гарантированный Австріей, Пруссіей и Россіей для „обезпеченія независимости, свободы и счастія жителей семи соединенныхъ Іоническихъ острововъ“. Лордъ-коммиссаръ отъ англійскаго правительства управлялъ фактически островами и „непосредственно управлялъ дѣйствіями законодательнаго собранія“ этихъ острововъ; Англія занимала всѣ крѣпости [6]). Недовольство англійскимъ управленіемъ и жажда возсоединенія съ Греціей постоянно возрастали. Но только въ 1863 году Іоническимъ островамъ удалось добиться осуществленія ихъ завѣтной мечты. Въ протоколѣ лондонской конференціи (отъ 1 августа 1863 г.), выражено, что Англія разсматриваетъ соединеніе Іоническихъ остро-

[1]) *A. Cochut.*—«Revue des deux Mondes», vol. 64, за 1866 г. стр. 693—694.
[2]) *Laurent*—tome XVIII, стр. 537—538.
[3]) *Martens et Cussy*—tome IV, стр. 104.
[4]) Ibidem—трактатъ отъ 6-го іюля 1827 г. между Франціей, Великобританіей и Россіей, art. II, стр. 105.
[5]) Ibidem—трактатъ тѣхъ же трехъ державъ, отъ 7-го іюля 1832 г., art. IV, стр. 339
[6]) *Jonathan Elliot.* «The american diplomatical code», Waschington, 1834 г., II томъ, № 27, стр. 183—186.

вовъ съ королевствомъ Эллиновъ, какъ рѣшеніе „самое согласное съ обоюдными интересами обѣихъ странъ, *связанныхъ между собою общностью происхожденія и религіознаго вѣрованія*". При этомъ іоническому парламенту предоставляется „высказаться въ пользу этого плана". Естественно, что законодательное собраніе высказалось *единодушно* въ пользу соединенія съ Греціей [1]). Но благоразумная Англія, примиряясь съ неотвратимымъ фактомъ, и здѣсь не упустила изъ виду *своихъ* интересовъ: art. II трактата 14 ноября 1863 г. объявляетъ острова въ состояніи вѣчнаго нейтралитета, т. е. ограничиваетъ естественныя оборонительныя силы Греціи; впрочемъ, въ слѣдующемъ году Англія, въ измѣненіе art. II, условилась съ прочими державами о признаніи нейтралитета только за островами Корфу и Таксо. Постановленіе это, конечно, исчезнетъ и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ. Въ прошломъ году берлинская конференція признала въ принципѣ права Греціи на „исправленіе границъ въ Ѳессаліи и Эпирѣ", но не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что великія державы вполнѣ сознавали, что это право Греціи зиждется на національной теоріи; о ней говорилось слишкомъ громко Греціей, чтобы можно было игнорировать эту подкладку греческихъ требованій, которыя удовлетворены только въ настоящую минуту и не сполна. Менѣе счастлива Греція относительно Крита, который подымался во имя національной идеи въ 1833, 41, 58 и 66 годахъ, чтобы сбросить съ себя иго трактатовъ, которымъ онъ былъ подчиненъ „обманчивой дипломатіей" [2]). Но и послѣднее геройское возстаніе не принесло съ собою желаннаго результата, т. е. „нераздѣльнаго и вѣчнаго соединенія съ Греціей". Дипломатія не привыкла еще относиться съ послѣдовательностью къ пугающему ее, да и новому національному вопросу и несчастный Критъ обрѣченъ еще на совмѣстное государственное сожитіе съ Турціей. На парижской конференціи 1869 года представители державъ, подписавшихъ парижскій трактатъ 1856 года, не хотѣли даже допустить уполномоченнаго Греціи на конференцію въ качествѣ полноправнаго члена, а только съ совѣщательнымъ голосомъ [3]).

[1]) *Martens*—N. R. tome XVIII (Continuation), № 25, стр. 53; № 27, стр. 57; № 28, стр. 60.

[2]) Ibidem,—№ 34—декретъ національнаго критскаго собранія изъ Сфакіи, отъ 2 сентября 1866 г., стр. 77—78.

[3]) Ibidem—№ 36, Протоколы конференцій въ Парижѣ по поводу столкновенія между Турціей и Греціей, стр. 81—109.

Мы знаемъ уже, что спустя три года по освобожденіи Греціи лондонскія конференціи (1831 года) признали *невозможность* дальнѣйшаго совмѣстнаго существованія Бельгіи и Голландіи, „столь необходимаго для Европейскаго равновѣсія". Революція 1848 года во Франціи, вновь обостривъ національное движеніе въ Италіи и Германіи, оффиціально провозглашаетъ принципъ національностей. Въ прокламаціи Ламартина говорится о томъ, что „французская республика уважаетъ иностранныя *національности*". Слово „національность" впервые употреблено въ оффиціальномъ языкѣ, что безспорно указуетъ на значительный успѣхъ, сдѣланный національною идеею въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ 1859 году, объявляя войну Австріи, Наполеонъ III пишетъ въ прокламаціи о цѣли войны „дать Италію ей самой и имѣть на границахъ Франціи народъ, который будетъ обязанъ намъ своею независимостью"; въ Миланѣ Франція провозглашаетъ, что „желаніе независимости столь долго стѣсненное и часто обманутое реализируется, если вы, миланцы, покажете себя достойными ея и соединитесь въ одной мысли объ освобожденіи вашей страны [1]). Цюрихскій трактатъ отдалъ Миланскую область Италіи. Съ этого момента (1859—60 года) публичное право Европы начинаетъ возвращаться къ принципамъ великой революціи, хотя медленно и крайне осторожно. Такъ, въ трактатѣ о присоединеніи Савойи и Ниццы къ Франціи, который король Викторъ-Эммануилъ оправдывалъ въ своей прокламаціи къ жителямъ уступаемыхъ областей *сродствомъ расъ, языка и нравовъ,* дѣлающимъ отношенія ихъ къ Франціи все болѣе интимными и естественными [2]), уступка эта поставлена въ зависимость отъ *воли народа.* Присоединеніе должно быть произведено „безъ всякаго насилія" надъ волею народонаселеній, которыя должны подтвердить свое согласіе на присоединеніе общинъ *голосованіемъ* (suffrage universel) [3]), которое и высказалось за соединеніе съ Франціей. Соединеніе Тосканы и Эмиліи съ Сардиніей-Пьемонтомъ совершилось (въ 1859 г.) тоже на основаніи всеобщаго голосованія, давшаго едва одинъ отрицательный голосъ на тысячу утвердительныхъ [4]). Трактатъ Австріи и Италіи (въ Вѣнѣ, отъ 3-го октября 1866 г.) уступаетъ *Венеціанскую область*—послѣднее владѣніе Австріи въ Италіи — императору Французовъ, который переуступаетъ ее ко—

1) *Laurent*—tome XVIII, стр. 544.
2) *M. Deloche*—стр. 69.
3) *E. Richard.* «Étude sur les nationalités», стр. 55 (art. I трактата).
4) *M. Deloche*—стр. 46—47.

ролю Италіи. Странная сдѣлка, въ которой территорія уступалась третьей державѣ (Франціи), даже не участвовавшей въ войнѣ. Но не прямою передачею Венеціи Италіи хотѣли „conserver les apparences“, спасти честь Австріи; но этимъ существо дѣла нисколько не измѣнялось. Это соединеніе съ Италіей тоже обставлено „оговоркою согласія населенія, правильно о томъ спрошеннаго“ [1]). Декретомъ (изъ Турина) 4-го ноября 1866 года Венеція и ея область введены въ королевство Италію, какъ интегральная ея часть, принявъ въ соображеніе „результатъ всеобщаго голосованія гражданъ освобожденныхъ провинцій“ [2]). Въ 1870 году (8-го сентября) король Викторъ-Эммануилъ пишетъ папѣ Пію IX письмо, въ которомъ, извѣщая его о занятіи папской территоріи, называетъ себя „королемъ Итальянскимъ“, охранителемъ „судебъ всѣхъ Итальянцевъ“ и проситъ папу „удовлетворить національнымъ стремленіямъ“ (къ соединенію Рима съ Италіей). Въ прокламаціи предводителя итальянской арміи къ жителямъ занимаемыхъ областей, армія выставляется „символомъ и доказательствомъ согласія и *національнаго единства*, охранительницей безопасности и *свободы*“ жителей [3]). Кардиналъ-легатъ протестовалъ противъ оккупаціи, ссылаясь на обязательства Италіи предъ Франціею не покушаться на завладѣніе папскою территоріею и на права святаго престола [4]). Но Римъ все же должна была постигнуть участь общая другимъ итальянскимъ землямъ: декретомъ (2-го октября 1870 года), вѣчный городъ съ цѣлою областью соединены навѣки съ Италіей „результатомъ плебесцита“, которымъ граждане Римскихъ провинцій вслѣдъ за итальянскимъ парламентомъ выразили „желаніе закончить національное объединеніе“ [5]).

Италія, непосредственно заинтересованная въ проведеніи и торжествѣ національной идеи, всегда откликалась на предложенія, которыя могли, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, измѣнить трактаты, враждебные правамъ національностей. Еще въ 1863 году императоръ французовъ пригласилъ государей Европы на конгрессъ. Въ приглашеніи сказано, что „политическое зданіе Европы покоится теперь на трактатѣ 1815 года, но зданіе это рушится со всѣхъ сторонъ“. Сознавая „права государей и *легитимныя*

[1]) *Martens*—N. R., tome XVIII, № 105, стр. 405.
[2]) Ibidem, № 110, стр. 420.
[3]) Ibidem, № 14 и 16, стр. 33—35.
[4]) Ibidem, № 18, стр. 38—39 (протестъ отъ 20 сентября 1870 г.).
[5]) Ibidem, № 19, стр. 40—41.

стремленія народовъ", Наполеонъ желаетъ путемъ конгресса „внести въ международный совѣтъ, безъ предвзятой системы, духъ умѣренности и справедливости". На это приглашеніе, содержаніе котораго не представляло изъ себя никакого прочнаго фундамента для будущаго зданія, Русскій и Прусскій дворы отвѣчали (изъ недовѣрія къ цѣлямъ Наполеона III) уклончиво и требовали указанія „основаній для руководства при рѣшеніяхъ и постановленіяхъ конгресса" [1]). Но Викторъ-Эммануилъ не только откликнулся на воззваніе Наполеона, но категорически выставилъ въ своемъ отвѣтѣ и принципы, которыми Италія должна руководствоваться на конгрессѣ. „Въ Европѣ установилась постоянная борьба между *политическою совѣстью* и *положеніемъ вещей*, созданнымъ трактатами 1815 года". Отсюда *эпидемія*, которая постоянно будетъ усиливаться, пока „Европейскій порядокъ не будетъ построенъ *на основѣ принципа національности* и *свободы*, которыя суть сама жизнь современныхъ народовъ". Поэтому цѣлью конгресса должно быть „соглашеніе правъ государей и справедливыхъ стремленій народовъ". Реализація этого проекта была бы большимъ „прогрессомъ въ исторіи человѣчества" и Италія убѣждена, что это есть настоящее основаніе, на которомъ можно создать новое Европейское равновѣсіе [2]).

Что касается объединенія Германіи, то эпоха 1870—71 годовъ даетъ намъ нѣкоторый оффиціальный матеріалъ, въ которомъ идея національнаго объединенія, рѣзко и неоспоримо проявившаяся въ исторіи Германіи, въ фактахъ 1866 и 1870—71 годовъ, въ сочувствіи всего нѣмецкаго общества, не находитъ себѣ столь же категорическаго выраженія, если принять въ соображеніе безразличное употребленіе словъ „Volk" (народъ—въ государственномъ смыслѣ) и „nation" (нація), въ однихъ и тѣхъ же актахъ. Въ прокламаціи короля прусскаго къ германской націи (Версаль, 17-го января 1871 г.) императоръ, соглашаясь на принятіе новаго титула, обращается „къ нѣмецкому народу" и надѣется, что „нѣмецкой націи" будетъ ниспослана Богомъ богатая благословеніемъ будущность. Король принимаетъ императорскую корону въ сознаніи обязанности „защищать независимость Германіи, опирающуюся на соединенную силу ея *народа*" [3]). Въ рѣчи своей къ

[1]) *Das Staatsarchiv*. Sammlung der officiellen Acten-Stücke zur Geschichte der Gegenwart, von *Aegidi und Klauhold*; V Band, № 918, стр. 459—460, № 974 и 975.

[2]) Ibidem, № 979, стр. 527.

[3]) *Martens*—N. R., tome XVIII, № 133, стр. 581—582.

германскимъ князьямъ (18-го января того же года) въ Версали, императоръ говоритъ „о народѣ", а въ приказѣ по арміи новое достоинство императора выставлено какъ принятое „съ согласія всѣхъ нѣмецкихъ народовъ" [1]). Бульмеринкъ замѣчаетъ, что слово „народъ" *очевидно* было принято „въ смыслѣ различныхъ государствъ или политическихъ народовъ". Но это объясняется тѣмъ, что самое объединеніе въ одной имперіи (см. актъ конституціи Германской имперіи, обнародованный 16-го апрѣля 1871 г.) предполагало *формальное согласіе* отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ Германіи, являвшихъ изъ себя независимыя особи. Всѣ же эти документы вмѣстѣ взятые, разсмотрѣнные въ связи съ безспорными, намъ извѣстными фактами, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что германскіе князья, императоръ и вся нація отлично сознавали, что новое твореніе есть дѣло германскаго національнаго объединенія, почему противорѣчивое употребленіе словъ „nation" и „Volk", изъ которыхъ послѣднее употребляется даже чаще перваго, отнюдь не можетъ служить доказательствомъ того, чтобы руководящія сферы Германіи не сознавали отчетливо или боялись признать оффиціально принципъ національностей, на которомъ онѣ сознательно строили германское единство.

Вообще же и въ настоящее время еще трудно ожидать широкаго и послѣдовательнаго оффиціальнаго признанія національной идеи всѣми государствами Европы. Кромѣ Италіи и Германіи, наиболѣе заинтересованныхъ въ торжествѣ новаго принципа, остальныя державы или прямо заинтересованы въ томъ, чтобы бороться противъ него, или же являлись непослѣдовательными въ его примѣненіи подъ вліяніемъ случайныхъ политическихъ мотивовъ и цѣлей. Странно было бы требовать отъ Турціи и Австріи оффиціальнаго признанія начала, клонящагося къ разрушенію первой и совершенному пересозданію второй. Англія, съ ея массою колоній и вѣковымъ ирландскимъ вопросомъ, въ общемъ и цѣломъ тоже противъ новой идеи, хотя по государственному строю своему она вынуждена поддерживать и поддерживала нерѣдко принципъ народнаго суверенитета въ его борьбѣ съ легитимизмомъ и абсолютною властью. Противорѣчіе, нерѣдко встрѣчавшееся въ политикѣ, которое можетъ изгладиться только временемъ. Еще въ 1860 году лордъ Джонъ Россель (въ депешѣ къ Тувенелю, отъ 22-го мая 1860 года), протестуя противъ инкорпораціи Савойи и Ниццы Франціей, называетъ идею національности и естественныхъ границъ

[1]) *Bulmerincq*—стр. 63.

аргументами, „которые не могутъ не вызвать самыхъ серьезныхъ размышленій“, хотя Тувенель очень ловко избѣгалъ въ своей депешѣ ссылокъ на принципъ національностей и сродство расъ, а подкрѣплялъ необходимость соединенія соображеніями „защиты и безопасности Франціи“. Но та же Англія въ вопросѣ итальянскомъ была противъ Австріи и за Пьемонтъ [1]), Франція, выдвинувшая идею національности и поддерживавшая ее въ Италіи, грубо нарушала ее относительно Мексики, въ вопросѣ о Римѣ (гдѣ она съ 1867 года содержала гарнизонъ для защиты папскихъ владѣній отъ Гарибальди и поползновеній Италіи) и особенно относительно Германіи. Императоръ французовъ призналъ національную идею для Германіи въ письмѣ своемъ къ Друэнъ-де-Льюису (отъ 4-го іюля 1866 года), но послѣдующія толкованія его министровъ и скандальная переписка (съ 1865 по 1870 г.) этого министра съ Пруссіей, обнародованная Прадье-Фадере, доказываютъ, что Франція, примиряясь съ совершавшимися фактами по пути къ объединенію Германіи, требовала себѣ вознагражденія, способнаго увеличить ея оборонительную силу (для „равновѣсія силъ“ [2]). Что касается до Россіи, то она неизмѣнно и насколько обстоятельства допускали это поддерживала національную идею относительно народовъ Турціи. Во всякомъ случаѣ отъ державъ европейскихъ можно ожидать только тогда послѣдовательнаго поддержанія и охраненія этого принципа, когда онъ завоюетъ себѣ фактически признаніе тамъ, гдѣ національныя стремленія еще не удовлетворены, и тогда, когда большинство вліятельнѣйшихъ государствъ окажется построеннымъ на этомъ началѣ и поэтому солидарнымъ въ интересѣ оффиціальнаго и безбоязненнаго его признанія.

ГЛАВА II.

Установленіе начала національности и его опредѣленіе.

Гвидо-Паделетти, упрекая своихъ соотечественниковъ, итальянскихъ публицистовъ, въ крайнемъ увлеченіи національною теоріею, говоритъ, что сама теорія далека „отъ единодушія и единообразія“, почти всюду „неопредѣленна“ въ развитіи и „не-

[1]) *M. Deloche*—стр. 64—66.

[2]) «Revue de droit international», tome IV, за 1872 г., статья Роленъ-Жакмена, стр. 18; смотри также «Documents pour l'histoire contemporaine», стр. 518.

практична въ ея крайнихъ выводахъ". Итальянцы, вѣрные увлеченію, не чуждому самимъ великимъ публицистамъ, хотѣли съ величайшею добросовѣстностью представить „всеобщимъ и постояннымъ то, что было только продуктомъ случайныхъ (?) и совершенно частныхъ обстоятельствъ" (объединеніе Италіи) [1]. *Геффтеръ* думаетъ даже, что международное право въ цѣломъ и общемъ не затрогивается національнымъ принципомъ, *хотя послѣдній и угрожаетъ составу нѣкоторыхъ государствъ и династій*. Національныя движенія являются для международнаго права „только фактами". Бульмеринкъ, хотя признающій безспорные факты этого рода, но все же являющійся противникомъ національной идеи, справедливо возражаетъ на это замѣчаніе Геффтера, что для него не понятно, какъ международное право, *гарантирующее составъ государствъ*, можетъ не быть затронуто принципомъ, угрожающимъ этому составу. Впрочемъ, ему кажется несомнѣннымъ, что принципъ этотъ „не входитъ въ международное право" [2]; а Гвидо-Паделетти хотѣлъ бы изгнать національный принципъ какъ *безполезный и опасный* [3]). Всѣ эти мнѣнія сами представляютъ собою крайности. Что итальянцы склонны придавать началу національности крайнее развитіе, слишкомъ широко обобщаютъ его — безспорно, хотя и въ этомъ ихъ обвиняютъ слишкомъ огуломъ, ложно истолковывая постановку, данную нѣкоторыми изъ нихъ національной теоріи. Но въ высшей степени ошибочно видѣть въ событіяхъ недавняго прошлаго простые факты и отказываться отъ разумнаго и *осторожнаго* ихъ обобщенія. Прежде всего поражаетъ уже *самое количество этихъ фактовъ:* рядъ крупныхъ событій въ Италіи, освобожденіе Румыніи, Греціи, Черногоріи, Сербіи, Болгаріи, событія въ Германіи, ирландское движеніе, и т. п., всѣ они одухотворены единою мыслью, сочувственно поддержанною наукой и литературой. „Простые факты" оказываются потрясающими всю Европу въ различныхъ ея концахъ и затрогивающими многія государства. Сравнивъ политическую карту Европы 1815 года съ картою 1870 года, мы не узнаемъ прежней Европы. Указанный нами процессъ выдѣленія, объединенія и видоизмѣненія государственныхъ формъ положительно подтверждаетъ намъ существованіе извѣстной законосообразности въ рядѣ явленій, проникнутыхъ одною господствующею идеею. А

[1]) *Guido Padelletti*. «L'Alsace et la Lorraine et le droit des gens», см. «Revue de droit international», tome III, 1871 г., стр. 477—478.

[2]) *Bulmerincq*—стр. 66.

[3]) *Guido Padelletti*—ibidem, стр. 483.

если такъ, то остается только внимательно изучить существенно общіе признаки указанныхъ явленій и свести ихъ къ общему принципу. Отказывающійся отъ этой задачи не долженъ бы и причислять себя къ приверженцамъ положительнаго метода изслѣдованія, о которомъ такъ много говорятъ и которымъ такъ увлекаются въ наше время. Но этотъ методъ въ примѣненіи къ соціальнымъ наукамъ требуетъ изученія фактовъ *въ ихъ взаимной связи*. Обобщать же факты не значитъ пускаться въ метафизическія построенія, а начало національности, высказывающееся въ массѣ этихъ фактовъ, представляющихъ извѣстную законосообразность, не взято изъ измышленія, а изъ дѣйствительной исторической жизни народовъ.

Конечно, разсматриваемый принципъ во многомъ еще не выясненъ, имѣетъ свои слабыя стороны; съ нимъ легко увлечься и дойти до абсурдовъ. Но все это проистекаетъ отъ относительной новизны, особенно же отъ крайней сложности явленій, охватываемыхъ этимъ принципомъ. Поэтому нечего удивляться, что самыя опредѣленія, данныя въ разное время національному принципу, разнообразны и часто неудовлетворительны. Можно бы насчитать, дѣйствительно, около 100 опредѣленій начала національности. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ въ основѣ одинъ какой-нибудь признакъ, принимаемый за существенный (напр. *расса* у Deloche'а, *языкъ* у Воеск'а, *единство цѣли* у Buchez, и т. д.); другія кладутъ въ основаніе опредѣленія *совокупность* признаковъ, причемъ одни изъ писателей этой группы преимущественно напираютъ на совокупность нравственныхъ и духовныхъ признаковъ (Джонъ Стюартъ Миль, Фіоре и отчасти Маміани), другіе—преимущественно на признаки физическіе (матеріальные элементы національности), напр. *Манчини*; третьи, наконецъ, на правильномъ сочетаніи духовныхъ и матеріальныхъ элементовъ, среди которыхъ тотъ или другой, напр., языкъ, историческія традиціи и единство правительственной власти могутъ въ ихъ совокупности составить національность какъ политическое тѣло (напр. Dupont-White). Но при всей многочисленности и видимомъ разнообразіи между многими изъ извѣстныхъ опредѣленій національности, безъ труда можно подмѣтить между ними черты ближайшаго сходства и такимъ образомъ ослабить то возраженіе противъ національнаго принципа, которое видитъ во множествѣ противоположныхъ и разнохарактерныхъ опредѣленій его едва ли не доказательство противъ возможности построить самый принципъ и дать его опредѣленіе. Напр., опредѣленіе Pasqual'я Fiore прибли-

жается къ опредѣленію Мамiани, а формула Ferrero-Gola къ формулѣ Манчини [1]). Наконецъ, неудачность и разнообразіе опредѣленій сложнаго понятія ничего сами по себѣ не опровергаютъ. Стоитъ, напримѣръ, подумать только о томъ, что многое множество попытокъ, сдѣланныхъ въ физіологіи и біологіи для опредѣленія того, что такое „жизнь", бывали часто крайне неудачны и до сихъ поръ еще не имѣется общепризнаннаго опредѣленія, благодаря крайней сложности самаго понятія.

Чтобы дать опредѣленіе національности въ *политическомъ смыслѣ*, нужно разобраться въ *различныхъ элементахъ*, которые мы наблюдаемъ въ процессахъ выдѣленія, объединенія и видоизмѣненія государственныхъ формъ, анализировать ихъ вліяніе и значеніе въ отдѣльности и совокупности, и затѣмъ уже путемъ обобщенія общихъ и существенныхъ изъ нихъ построить опредѣленіе, которое можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности ихъ или близко приближаться къ ней.

Для образованія національности, какъ независимаго политическаго тѣла, прежде всего необходимая извѣстная, *опредѣленная территорія*, на которой живутъ и дѣйствуютъ солидарно индивидуумы, составляющіе населеніе страны. Національность всегда останется только культурнымъ понятіемъ, если она разсѣяна по различнымъ территоріямъ. Евреи, напр., соединяя въ себѣ всѣ признаки національности самобытной, не могутъ претендовать на образованіе независимаго политическаго тѣла: у нихъ нѣтъ своей территоріи; они раскинуты по всему міру, ассимилировались въ нѣкоторыхъ государствахъ съ мѣстнымъ элементомъ (напр. во Франціи и Англіи), въ другихъ же (напр. въ Россіи), сохранивъ всѣ особенности своего національнаго типа, они раскинуты по обширнымъ пространствамъ и подавляются массою туземнаго населенія. Намъ кажется очень неосновательнымъ ссылаться на еврейскую національность, какъ доказательство противъ націоналистической теоріи [2]). Обладай евреи своей опредѣленной территоріей, уже трудно было бы отрицать у нихъ право на самостоя-

[1]) *Pasquale Fiore.* «Di un nuovo diritto internazionale publico secondo i bisogni della civiltà moderna», франц. переводъ Pradier-Fadéré, 1868—69 года, II тома. Итальянскій текстъ tome I, стр. 50—52. См. нашъ «Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву», глава III; *Ferrero-Gola.* «Corso del diritto internazionale», II части, 1866 г., I часть, стр. 25; *Mamiani*—въ «Очеркѣ новѣйшей литературы», глава III и у *Pierantoni* «Geschichte des italienischen Völkerrechts-Litteratur», Wien, 1872 г., стр. 134—141; *Mancini*—«Della nazionalità come fondamento del dritto delle genti», Torino, 1851 г., стр. 41.

[2]) См. *Bulmerincq*—главу о «Nationalitäts-princip».

тельное государственное существованіе, если бы у нихъ имѣлось сознательное къ этому стремленіе и единство цѣлей. Территорія, какъ физическая основа государственнаго бытія, всегда признавалась существеннѣйшимъ признакомъ государства. Взглядъ этотъ доводился даже въ наукѣ и въ политикѣ до самыхъ крайнихъ послѣдствій въ такъ-называемой *теоріи естественныхъ границъ*. Еще Бональдъ явился въ эпоху вѣнскаго конгресса ея защитникомъ; во французской литературѣ она получила свое основаніе и развитіе, ею оправдывалось стремленіе Франціи къ рейнской границѣ. Существо этой теоріи можетъ быть сведено къ слѣдующему: рѣки, горы, моря составляютъ естественныя условія для территоріальныхъ предѣловъ государствъ. Они затрудняютъ сношенія, являются внѣшними и осязательными границами различій въ климатическихъ условіяхъ, раздѣляютъ страны по почвѣ и произведеніямъ. Мало того — сама природа какъ бы указываетъ въ горахъ, рѣкахъ и моряхъ естественные предѣлы распространенія для извѣстныхъ племенъ. Въ политико-стратегическомъ смыслѣ эти „естественныя границы" даютъ какъ бы большую компактность населенію, легче приводимому къ единству; страну легче оберегать отъ внѣшняго врага. Напр., Рейнъ — естественная граница Франціи на сѣверо-востокѣ, Пиренеи же не менѣе естественно отдѣляютъ Испанію отъ Франціи, Альпы — Италію отъ Швейцаріи и Тироля. Это ученіе, столь простое и покоящееся на естественныхъ географическихъ основаніяхъ, удовлетворяло разнымъ эгоистическимъ притязаніямъ на сосѣднія земли. Не удивительно, что нѣкоторые писатели перестраивали по этому шаблону „естественныхъ границъ" политическую карту Европы. Но при этомъ получался чистѣйшій произволъ: разселеніе племенъ часто вовсе не совпадало съ этими „естественными границами"; само понятіе о естественности той или другой границы очень спорно и подлежитъ субъективному истолкованію. Напр., если французъ указываетъ на Рейнъ, какъ на естественную границу Франціи, то нѣмецъ съ одинаковымъ основаніемъ можетъ сказать, что „естественная граница Франціи въ Вогезахъ и Арденнахъ" [1]). Предѣлы этихъ „естественныхъ границъ", какъ замѣчено въ исторіи, расширяются путемъ естественнаго распространенія извѣстной государственной особи; широкое внутреннее развитіе ея и распространеніе вліянія во внѣ отодвигаютъ границу впередъ. Напр.,

[1]) *Robert von Mohl* «Die Nationalitätsfrage», въ его «Staatsrecht, Völkerrecht und Politik», 2-er Band. Politik, Tübingen, 1862 г., стр. 351.

Дюпонъ-Уайтъ замѣчаетъ, что естественная граница Франціи XV вѣка была скорѣе рѣка Somm'a [1]). Обратно, извѣстны не малочисленные примѣры того, что границы отодвигаются назадъ, какъ у племенъ низшей культуры съ несовершенными формами государственной жизни (напр., Индійцы въ Соединенныхъ Штатахъ), такъ и среди государствъ высшей культуры (напр., постепенное отодвиганіе границъ Швеціи и Папской области). Нѣкоторые писатели пытались поставить теорію естественныхъ границъ въ связь съ распространеніемъ той или другой расы, или, вѣрнѣе, племени. Они ограничиваютъ ее предѣлами распространенія извѣстнаго племени; самая же теорія національности, которую они основывали на различіяхъ происхожденія, тоже ограничивалась у нихъ естественными географическими предѣлами. Такъ, Deloche, говоря о законѣ расъ, предназначенномъ служить фундаментальнымъ основаніемъ для возрожденія народовъ и новаго распредѣленія государствъ, утверждаетъ, что законъ этотъ долженъ будетъ, при разграниченіи ихъ территорій, комбинироваться съ принципомъ естественныхъ границъ [2]). Иллюстрируя эту мысль, онъ полагаетъ, что Пиренеи — барръеръ, воздвигнутый между Галлами и Иберами — не позволяетъ первымъ требовать себѣ населенія, которое сдѣлалось иберійскимъ, благодаря географическимъ обстоятельствамъ, вопреки его происхожденію [3]).

Теорія естественныхъ границъ въ крайнемъ ея развитіи даетъ оправданіе чудовищнымъ государственнымъ тѣламъ, составленнымъ изъ самыхъ разнообразныхъ національностей. Теорія, послѣдователемъ которой является Deloche, уже ограничиваетъ произволъ въ распредѣленіи государственныхъ территорій приростомъ племеннаго происхожденія. Mohl тоже говоритъ о „естественныхъ границахъ“, которыя народъ долженъ имѣть *прежде всего;* а этими границами будутъ тѣ, которыя удобны для защиты и внутри которыхъ есть условія, необходимыя для экономическаго развитія и споспѣшествующія цѣлямъ государственнаго единства (не должно быть, напр., чрезполосности владѣній). Но признаніе національности какъ исключительнаго единства можетъ стоять со всѣми этими условіями „въ рѣшительномъ противорѣчіи“; стремленіе Россіи завладѣть Финляндіею было *правомѣрно;* равно правомѣрно было бы и стремленіе Франціи къ рейнской границѣ,

[1]) *Dupont-White*—стр. 280.
[2]) M. *Deloche*—стр. 43.
[3]) Ibid., стр. 37.

еслибъ эта рѣка дѣйствительно являлась этою границею [1]). Такимъ образомъ, этотъ писатель скорѣе долженъ быть причисленъ къ той группѣ ученыхъ, которые подчиняютъ вопросъ о границахъ территоріи началу географическому, а послѣднему всѣ остальныя соображенія (националистическія). Но гдѣ же правда?

Безусловно и прежде всего необходима какая-нибудь *территорія* со значительнымъ населеніемъ; но самое пространство территоріи и количество жителей можетъ быть весьма различно; первое будетъ опредѣляться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ распространеніемъ національности, пользующейся ею. Безспорно, что извѣстное свойство пространства, напр. очертаніе территоріи, имѣетъ довольно большое значеніе для судебъ націй. Гумбольдтъ подмѣтилъ это вліяніе, которое можетъ быть значительнѣе вліяній климатическихъ, подмѣченныхъ Монтескьё (особенно важно вліяніе приморскаго положенія, напр. для полуостровов Греціи и Италіи). Но наше время нашло уже національности подготовленными къ образованію политическихъ тѣлъ, пережившими всѣ тѣ климатическія и географическія вліянія. Намъ нужно, слѣдовательно, только констатировать присутствіе элементовъ, изъ которыхъ образовалась политическая національность, *не мыслимая прежде всего безъ земли, предѣлы которой должны совпадать съ предѣлами распространенія національности, образующейся изъ элементовъ, которые мы проанализируемъ ниже.* Разъ же имѣется такая національность, она имѣетъ право на всю территорію, обитаемую индивидуумомъ этой же національности при условіи согласія послѣднихъ на присоединеніе. Но при этой постановкѣ вопроса теорія естественныхъ границъ падаетъ сама собою, такъ какъ національно-политическое тѣло не останавливается въ своемъ образованіи ни горами, ни рѣками. Національность можетъ перейти ихъ и можетъ не дойти до нихъ: все будетъ находиться въ зависимости отъ географической распространенности національности въ томъ смыслѣ, какой мы придаемъ этому понятію.

Обращаемся къ расѣ. Если національную теорію строить на происхожденіи, то пришлось бы прежде всего установить число расъ, а слѣдовательно коснуться и самаго вопроса происхожденія рода человѣческаго. Еще недавно (въ 60-хъ годахъ) итальянецъ Pedercini становился на библейскую точку зрѣнія о происхожденіи различныхъ расъ [2]). Болѣе научно за первоначальное

[1]) *R. von Mohl* «Die Nationalitätsfrage», стр. 350—351.

[2]) *Fortunato Pedercini.* «Studi sopra nazioni l sopra l'Italia», см. у *Pierantoni*, стр. 168—169.

единство рода человѣческаго высказывался въ концѣ XVIII вѣка еще Блуменбахъ, а потомъ (въ началѣ XIX вѣка) Lawrence; за первоначальное развитіе расъ высказались братья Гумбольдты и извѣстный антропологъ Broca (еще въ 60-мъ году). Но раздаются голоса, которые и по настоящее время считаютъ вопросъ не рѣшимымъ при современномъ состояніи человѣческихъ знаній; напр. Waitz [1]). Если принять теорію Дарвина о постепенномъ прогрессивномъ развитіи низшихъ организмовъ въ высшіе путемъ естественнаго подбора, то она, объясняя намъ процессъ образованія высшихъ животныхъ типовъ, опять же положительно не разрѣшаетъ намъ спора: выработался ли первоначально единый человѣческій типъ, сдѣлавшійся разнообразнымъ подъ вліяніемъ разселенія и жизни при различныхъ условіяхъ, или же прямо—въ различныхъ пунктахъ земнаго шара появились разнообразные человѣческіе типы, образовавшіе расы съ ихъ различіями. Современная наука склоняется повидимому къ допущенію первоначальнаго разнообразія родоначальниковъ человѣческаго рода, что выражается въ точно обозначенныхъ органическихъ различіяхъ. Анатомія указываетъ на такія различія въ человѣческихъ расахъ, что ихъ трудно свести къ единству происхожденія. Можно допустить нѣсколько параллельныхъ или послѣдовательныхъ развитій (эволюцій), приведшихъ къ образованію человѣческаго организма. Сравнительная филологія, открывая тѣсное родство между языками одной расы *независимо* отъ ихъ древности и разсѣянія, не можетъ связать два языка, принадлежащіе двумъ различнымъ расамъ. [2]) Но и на это можно бы возразить, что человѣчество могло развиться изъ *одного* органическаго типа, который, разселившись въ отдаленнѣйшей древности по разнымъ странамъ, получилъ въ медленномъ историческомъ ростѣ и подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ условій столь различныя измѣненія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, передававшіяся потомъ путемъ естественнаго подбора отъ предковъ къ потомству, что современная анатомія, дѣйствительно, встрѣчая громадныя различія въ расахъ, нисколько не опровергаетъ этимъ теоріи единства происхожденія человѣческаго рода. Мы знаемъ одинъ безспорный фактъ—*существованія различныхъ расъ*, самое число которыхъ еще спорно (по мнѣнію Кювье, принимаемому главнымъ образомъ ученымъ міромъ,—три). Но построеніе національнаго

[1]) *Waitz*. «Anthropologie der Naturvölker», Leipzig, 1859 г., томъ I, стр. 90 и слѣд.

[2]) *Ch. Mismer*. «Essais sociologiques», см. въ «La Philosophie positive», Renne, Juillet—Août, 1881 г., стр. 81.

начала на различіи расъ было бы физическою невозможностью. Допуская невозможное, т. е., что расы сохранились въ первоначальной чистотѣ и не смѣшивались между собою, мы получили бы построеніе извѣстнаго числа государствъ, соотвѣтствующихъ опредѣленному числу расъ. Но главное дѣло въ томъ, что народы высшей культуры, среди которыхъ родилась и даетъ себя чувствовать національная идея, суть результатъ смѣшенія различныхъ племенъ, которыя въ свою очередь произошли отъ фузіи расъ. Поэтому можно остановиться на мнѣніи Вальтера Беджгота (Bagehot), согласно которому великія расы образовались подъ вліяніемъ „неизвѣстной, таинственной операціи“. Онѣ начали свое существованіе въ очень отдаленныя эпохи и съ тѣхъ поръ новыя расы не образовывались иначе, какъ путемъ скрещенія прежнихъ [1]). Эта неизвѣстная сила дѣйствовала съ необыкновенною энергіею въ эпоху примитивную и бездѣйствовала въ ближайшія къ намъ эпохи [2]). Это скрещеніе расъ, продолжавшееся очень долго, производилось путемъ завоеванія. Новыя расы распространялись по землѣ, частью уничтожали по завоеваніи земли древнія расы и поглощали неизбитую часть населенія. Иногда это скрещеніе удавалось, иногда не удавалось подъ вліяніемъ многообразныхъ и трудно объяснимыхъ условій. Но когда скрещеніе оказывалось достигнутымъ и давало особенно счастливые результаты, нисходящее потомство превосходило качествами обѣ первоначальныя расы, изъ которыхъ оно составилось: новая раса обладала большею измѣняемостью, лучшими способностями и могуществомъ для прогресса. Раса болѣе многочисленная и прочнѣе организованная ассимилировала менѣе численную и низшую по организаціи, давала въ результатѣ большую способность къ усовершенствованію [3]). Та организація оказывалась наиболѣе сильною, которая обладала властью, порождавшею обычаи, т. е. авторитетомъ, способнымъ ввести и установить опредѣлнныя правила жизни, создававшей извѣстныя достижимыя цѣлие будущаго [4]). Затѣмъ, образовавшіяся правила (обычаи) передавались потомству. Такимъ образомъ у племенъ, вышедшихъ изъ смѣшенія расъ, являются зародыши первоначальныхъ учрежденій, которыя постепенно развиваются и придаютъ имъ своеобразную физіономію. Такъ-то постепенно образо-

[1]) *W. Bagehot.* «Lois scientifiques du développement des nations», troisième édition, Paris, 1870 г., стр. 148.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem, стр. 76—78.

[4]) Ibidem, стр. 149.

вывались націи, процессъ политическаго освобожденія которыхъ намѣченъ былъ нами въ своемъ мѣстѣ. Усматривая различія между націями, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло въ той стадіи ихъ развитія, когда онѣ, происшедшія путемъ ассимиляціи различныхъ расъ и племенъ, образуютъ уже готовое культурное бытіе съ рѣзкими различіями, думали объяснить эти различія тѣмъ, что сами націи уже созданы были различными. Но для принятія этого объясненія должно бы въ явномъ противорѣчіи съ фактами доказать наличность значительнаго количества первоначальныхъ расъ. Можно, напр., поддерживать мнѣніе, что всѣ націи арійской расы имѣютъ общее и отличное отъ другихъ происхожденіе, но было бы нелѣпостью настаивать на томъ, что Спарта и Аѳины имѣли по своему Адаму и по своей Евѣ. Невозможно также выводить происхожденіе націй отъ простого естественнаго подбора. Послѣдній означаетъ сохраненіе индивидуумовъ наиболѣе счастливо борющихся противъ силъ, противодѣйствующихъ имъ. Но спартанцы, аѳиняне, римляне отличались между собою весьма существенно, хотя естественныя препятствія для человѣческой жизни существенно не отличались въ Спартѣ, Аѳинахъ и Римѣ. Недавно еще воображали, что совокупность физическихъ условій (дѣйствіе климата, земли, моря, воздуха и т. д.) образовывали различія между людьми и расами. Но и противъ этого можно представить возраженія: эмигрантъ—англичанинъ, напр., живетъ въ однихъ климатическихъ условіяхъ съ австралійцемъ или тасманійцемъ, но не сдѣлался похожимъ на послѣднихъ и этого сходства не получится и чрезъ 1000 лѣтъ. Wallace положительно удостовѣряетъ, что Борнео и Новая Гвинея почти совершенно схожи по физическимъ условіямъ; и однако зоологически они совершенно различны, и даже діаметрально противоположны. Проблема относительно образованія націй въ настоящемъ ихъ видѣ сводится Беджготомъ къ двумъ взаимно дѣйствовавшимъ силамъ: продуктивная сила расъ, дѣйствовавшая въ древнія времена и почти прекратившая свое дѣйствіе въ настоящее время,—и созидающая сила націй, дѣйствующая теперь и создающая больше, чѣмъ она дѣйствовала и созидала прежде [1]).

Мы имѣемъ дѣло и доказываемъ права націй уже ассимилировавшихся, какимъ бы путемъ и когда бы ни произошла эта ассимиляція. Всѣ современныя національности суть результаты ассимиляціи первобытныхъ племенъ, изъ которыхъ впослѣдствіи

[1]) *W. Bagehot*—стр. 92—95.

сложилась одна народность. Напр.: въ Англіи кельты, саксы, скандинавы и галлы послѣ долгаго и сложнаго процесса ассимилировались въ одну національность (англійскую), рѣзко отличающуюся отъ французской, напр., происшедшей тоже вслѣдствіе ассимиляціи франковъ съ галлами [1]). Националистическая идея находитъ обѣ націи готовыми, обладающими массою своеобразностей, индивидуальныхъ особенностей, крайнею живучестью. Образуется опредѣленный національный типъ настолько прочный, что даже перенесеніе массы индивидуумовъ этого типа на другую территорію и въ другія условія не измѣняетъ, по крайней мѣрѣ очень долгое время, этого типа, продолжающаго удерживать свои индивидуальныя черты. Народности, образовавшіяся ассимиляціею, могутъ служить основою, зародышемъ для образованія національностей, какъ политически независимыхъ тѣлъ; но народности уже образовавшіяся и достаточно окрѣпшія часто соединялись въ одно государство, поддерживавшееся насильственными мѣрами. Этому-то и противится національная теорія, но она не имѣетъ ничего общаго съ фантастическимъ желаніемъ „признать права каждаго первобытнаго племени на образованіе государства, ибо тогда пришлось бы разчленять существующія народности на ихъ первобытные этнологическіе элементы, т. е. возвращаться ко времени великаго переселенія народовъ“ [2]).

Процессы скрещенія расъ и ассимиляціи племенъ, уже совершившіеся въ эпоху появленія и распространенія національной идеи, даютъ намъ въ итогѣ фундаментъ для образованія различныхъ національностей, которыя не могутъ быть, въ силу своеобразностей организовавшихся такимъ путемъ національныхъ типовъ, смѣшиваемы между собою и искусственно соединяемы въ одномъ государствѣ. Если ассимиляція не совершилась еще, а у народности появилось сознаніе своей индивидуальности, то и будущее не дастъ шансовъ для ассимиляціи. Напр., изъ европейскихъ народностей быстро, на нашихъ глазахъ выростаетъ новая народность— сѣверо-американская [3]); но, говоритъ пр. Градовскій, „при самомъ смѣломъ воображеніи нельзя предположить, что изъ австрійскихъ и турецкихъ народовъ сложится новая и цѣльная народ-

[1]) *А. Градовскій.* «Національный вопросъ въ исторіи и въ литературѣ». С.-Петербургъ, 1873 г., стр. 21—22.

[2]) *Градовскій*—ibidem, стр. 21.

[3]) *A. Quatrefage* «Bulletin de la société de géographie», tome XIII, стр. 119—120.

ность“ [1]). Но есть писатели, которые, весьма увлекаясь идеею племеннаго различія, хотятъ перестроить политическую карту Европы исключительно по началамъ расовымъ, вѣрнѣе—племенныхъ различій, то обращая вниманіе на совершившійся процессъ ассимиляціи первобытныхъ племенъ, то игнорируя его послѣдствія. Такъ, Deloche считаетъ основаніемъ національности расу, видитъ въ національныхъ движеніяхъ инстинктъ, влекущій извѣстныя населенія къ сближенію съ другими *сродными по происхожденію*, которому онъ отдаетъ *исключительное* мѣсто. Этотъ элементъ долженъ быть на первомъ планѣ при возрожденіи государствъ и начало расовое ограничивается у него только принципомъ „естественныхъ границъ“ [2]).

Онъ допускаетъ, что аналогія и особенно тождество языка есть могущественная связь между населеніями, но думаетъ, что связь по происхожденію обладаетъ характеромъ большей продолжительности, не принадлежащей языку [3]). По этому масштабу Deloche даетъ намъ весьма своеобразный, иногда вѣрный, но часто и произвольный планъ новаго дѣленія государствъ Европы, причемъ, напр., Россія, въ которой „*значительнѣйшій* элементъ есть татарскій и финскій“, должна выдѣлить изъ себя всѣ славянскіе элементы, Италія получаетъ Гризонъ, Тессинъ и итальянскій Тироль, Франція, конечно, рейнскую границу и французскую Швейцарію, и т. д. [4]). Авторъ часто не замѣчаетъ, что отчуждаемыя имъ населенія уже ассимилировались съ тѣми, отъ которыхъ онъ отрываетъ ихъ, восходя для оправданія своихъ плановъ иногда къ показаніямъ Тацита, Цезаря и другихъ древнихъ писателей. Общность инстинктовъ, склонностей, генія, наконецъ, чувство національной солидарности суть, по его мнѣнію, гораздо болѣе характеристичныя черты общности происхожденія и въ случаѣ противорѣчія между этими признаками и языкомъ предпочтеніе должно быть отдано первымъ потому, что „частые и рѣшающіе примѣры доказываютъ, что языкъ и оригинальное построеніе націй видоизмѣняются и даже совершенно измѣняются, подъ вліяніемъ климатовъ и непостоянства націй [5]) (онъ ссылается на Alfred'a Meury и Quatrefages). Въ развитіи этой мысли упущено изъ виду, что общность инстинктовъ, чувство націо-

[1]) *А. Градовскій*. «Національный вопросъ», стр. 22.
[2]) M. *Deloche*. «Du principe des nationalités», глава II-я.
[3]) Ibidem, стр. 132.
[4]) Ibidem, глава V.
[5]) Ibidem—Note M. (къ стр. 132).

нальной солидарности, и пр., суть уже духовныя проявленія образовавшейся или образующейся національности, сознающей свое коллективное „я", выросшей изъ процесса ассимиляціи, уже закончившагося [1]).

Языкъ же, безспорно, одинъ изъ самыхъ существенныхъ матеріальныхъ признаковъ національности. Такъ Rüdiger установляетъ даже формулу, что „языкъ менѣе основываетъ національное различіе, но скорѣе указываетъ на него" [2]). Хотя каждый языкъ безспорно выражаетъ способъ мышленія своего народа и оказываетъ воздѣйствіе на этотъ способъ мышленія, но въ общей сложности „общечеловѣческое содержаніе въ языкахъ имѣетъ перевѣсъ", какъ это ясно изъ почти одинаковыхъ синтаксисовъ различныхъ языковъ. Но Rüdiger нисколько не оспариваетъ, что въ языкѣ — „важнѣйшее средство отличія націи: народы узнаются по ихъ языкамъ, какъ отдѣльные люди по ихъ именамъ". Общность языка играетъ столь значительную роль, что она можетъ привести къ духовной зависимости слабѣйшаго или менѣе дѣятельнаго народа (Бельгія отъ Франціи, Соединенные Штаты отъ Англіи). Однако, продолжаетъ Rüdiger, среди всѣхъ составныхъ частей національности „языкъ измѣняется легче всего" [3]): можно во многихъ мѣстностяхъ подмѣтить процессъ вытѣсненія одного языка другимъ; напримѣръ, французскій языкъ въ Канадѣ и Луизіанѣ уступаетъ давленію англійскаго; въ Тиролѣ нѣмецкій языкъ вытѣсняется итальянскимъ. Въ Буковинѣ рутинскій языкъ вытѣсняетъ валлахскій, но самъ гибнетъ отъ соприкосновенія съ польскимъ. Самъ Rüdiger объясняетъ это направленіемъ и силою сношеній: напримѣръ, французы Канады и Луизіаны внѣ всякихъ сношеній съ Франціей, но въ постоянныхъ сношеніяхъ съ англійскими жителями тѣхъ странъ, образующихъ даже большинство населенія [4]). Такимъ образомъ, самъ авторъ опровергаетъ въ цѣломъ и общемъ принятое и слишкомъ широко поставленное имъ мнѣніе о томъ, что изъ всѣхъ составныхъ частей національности легче всего измѣняется языкъ. Указанные имъ случаи—рѣдкія исключенія, но и въ нихъ можно бы подмѣтить крайнюю медленность процесса вытѣсненія одного языка другимъ и упорство, съ которымъ вытѣсняемый языкъ

[1]) См. еще возраженія противъ исключительнаго построенія начала національности на расовыхъ отличіяхъ у *Rüdiger'a*—«Zeitschrift für Völkerpsychologie», III-er Band, 1865 г., стр. 105—107.

[2]) *Rüdiger*—ibidem, стр. 108.

[3]) Ibidem, стр. 108.

[4]) *E. Richard*—Étude, стр. 18. Онъ опровергаетъ мнѣніе, приписывающее языку вліяніе на образованіе единства мысли и нравовъ.

борется за свое существованіе. У всѣхъ же націй высшей культуры языки настолько сложились, обособились въ своей индивидуальности и опутали способы мышленія населенія, что о погибели ихъ въ общемъ и цѣломъ или вытѣсненіи другимъ языкомъ не можетъ быть и рѣчи. Они существуютъ сотни лѣтъ, подлежатъ процессу развитія, но продолжаютъ отдѣльное существованіе и рѣзко характеризуютъ національность, отдѣльные члены которой (индивидуумы) близки другъ къ другу уже потому, что понимаютъ себя взаимно и въ массѣ случаевъ совсѣмъ или мало понимаютъ индивидуумовъ, говорящихъ на другомъ языкѣ. Взаимное же пониманіе—первое условіе для сближенія массъ. Духовная солидарность труднѣе находитъ себѣ мѣсто среди разноязычныхъ индивидуумовъ. Указываютъ на заимствованія языковъ другъ у друга, на проникновеніе въ нихъ массы иностранныхъ словъ, и т. п. Но національныя возрожденія литературъ вездѣ принесли съ собою скорѣе очищеніе и обособленіе языка отъ словъ, формъ и вліяній чуждаго языка (напримѣръ, въ Германіи послѣ реформаціи и затѣмъ послѣ французской революціи) и до сихъ поръ еще рѣшительно не доказано, чтобы различные языки стремились къ сближенію, тѣмъ менѣе къ слiянію въ одну или нѣсколько группъ языковъ, имѣющихъ поглотить всѣ прочіе. Путешественники по Африкѣ приводили намъ замѣчательные примѣры быстрой измѣнчивости языка у дикихъ населеній тѣхъ малоизвѣстныхъ земель. Положительно, напримѣръ, извѣстно, что миссіонеры не узнавали языка племенъ, среди которыхъ они жили, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ перваго посѣщенія этихъ племенъ, причемъ на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ говорилось на языкахъ совершенно различныхъ или мало схожихъ. Но не слѣдуетъ забывать, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ племенами самыхъ низшихъ культуръ, которымъ предстоитъ еще пройти длинный и сложный процессъ скрещенія и ассимиляцій, чтобы подняться потомъ постепенно до высшихъ культурныхъ ступеней. Національный же вопросъ родился и поставленъ покуда только для націй бѣлой расы, а относительно нихъ безспорно, что языкъ есть характерный, стойкій и могучій признакъ различія между націями, выработавшійся тоже постепеннымъ, но почти уже пережитымъ нынѣ процессомъ скрещенія разныхъ языковъ, на которыхъ нѣкогда говорили отдѣльныя ассимилировавшіяся племена. Постороннія, какъ-то политическія, соображенія заставляли нѣкоторыхъ ученыхъ, напр. Legoyt, утверждать, что языкъ не есть существенный признакъ національности. Этотъ французскій статистикъ (авторъ сочиненія

„Emigration européenne“) проводилъ на лондонскомъ конгрессѣ статистиковъ ту мысль, что наибольшее число жителей Лотарингіи и Альзаса говорятъ охотнѣе по-нѣмецки, особенно въ сельскихъ общинахъ, но *могутъ говорить* и на французскомъ, почему сохраненіе ими нѣмецкаго языка отнюдь не должно служить фактомъ, могущимъ пролить *значительный свѣтъ* на степень ассимиляціи этихъ провинцій, завоеванныхъ Франціею, какъ это полагалъ герцогъ Stanhope, президентъ конгресса [1]. Richard Böckh, воюя противъ этого взгляда Legoyt [2], утверждаетъ категорически, что національное единство лежитъ въ языкѣ. Послѣдній есть „неотрицаемая связь, соединяющая всѣхъ членовъ націи для духовнаго общенія, вліяющая продолжительно на возможность *пониманія*, которая есть необходимая потребность перваго человѣческаго союза“. Изученіе чужого языка приближаетъ онъ къ чужому духу и уясняетъ намъ чужой способъ воззрѣнія, даетъ намъ возможность поднять его до нашего домашняго (семейнаго) языка; въ этомъ изученіи лежитъ даже нѣкоторая опасность для національности. Отличая далѣе *языкъ* отъ *діалекта* (языкъ всегда отличается отъ другого, діалектъ не выражается съ опредѣленностью у каждаго индивидуума) и національный языкъ (народный, *языкъ семьи*) отъ культурнаго (письменнаго языка цѣлой страны—Landessprache), онъ признаетъ за языкомъ признакъ національной особенности въ томъ случаѣ, когда онъ употребляется народомъ какъ языкъ *семейный* [3]).

Противоположное положеніе, т. е., что національный языкъ есть письменный, не можетъ быть допущено, такъ какъ въ этомъ случаѣ не принадлежали бы къ націи тѣ, языкъ которыхъ не узналъ еще литературнаго развитія, а среди націй, даже обладающихъ письменнымъ языкомъ, индивидуумы неграмотные не обладали бы признаками ихъ національности. Поэтому, при разсмотрѣніи особенностей и вопроса о единствѣ націи не можетъ имѣть значенія то, что рядомъ съ языкомъ семьи народность пользуется еще услугами другого, выработаннаго языка. Точно также наличность нѣсколькихъ письменныхъ языковъ у одной національности не есть доказательство ея распаденія на нѣсколько націй: письменный языкъ, являясь результатомъ духовной дѣятельности

[1]) *Richard Böckh* «Die statistische Bedeutung der Volkssprache als Kennzeichen der Nationalität», см. въ «Zeitschrift für Völkerpsychologie», tome IV, 1866 г., стр. 373—377.

[2]) Ibid, стр. 291—295, 297—299.

[3]) Ibidem, стр. 304—310.

внутри народа, не исчерпываетъ собою всего языка, являетъ собою скорѣе выработанный діалектъ въ цѣломъ языкѣ, и національное единство языка все же остается [1]). А что языкъ культурныхъ народовъ мало поддается вытѣсненію другими языками—видно изъ того, что колонисты (нѣмцы, англичане, ирландцы), поселявшіеся въ чужой странѣ, сохраняютъ свою національность, если они занимали обособленныя мѣста для жительства и брачились исключительно между индивидуумами ихъ національности, хотя бы даже они и были вынуждены въ теченіи цѣлыхъ столѣтій пользоваться услугами языка окружающаго населенія, языка, который разсматривался ими, какъ чужой [2]).

Можно примкнуть къ этому мнѣнію, но въ то же время констатировать, что въ исключительныхъ случаяхъ литературный языкъ есть лучшая національная связь, чѣмъ языкъ семейный. Это относится къ странамъ, въ которыхъ нѣсколько національностей, соединившихся духовно въ одно тѣло для общихъ цѣлей, обладаютъ различными семейными языками, но вполнѣ подпали духовному вліянію одной изъ нихъ,—высшей культуры, и усвоили себѣ ея литературный языкъ (напр., въ Бельгіи). Но это рѣдкія исключенія, съ которыми національной теоріи въ общемъ и цѣломъ мало приходится имѣть дѣло.

Многіе изъ приверженцевъ національной теоріи даютъ языку выдающееся мѣсто среди признаковъ національности; сюда должно, напр., отнести Манчини [3]), Ferrero-Gola [4]), и т. д. Но опять же не слѣдуетъ и здѣсь доходить до крайностей. Вѣрно замѣчаетъ Guido Padelletti, что языкъ никогда не долженъ быть разсматриваемъ какъ *единственный* признакъ принадлежности человѣка къ тѣмъ группамъ, которыхъ называютъ націями [5]). Въ подтвержденіе онъ ссылается на евреевъ, у которыхъ „всѣ физическія свойства національности видны, но исчезли языкъ и чувство этой національности [6]); то же съ цыганами. Но тѣ и другіе давно разбросаны по всей землѣ оторванными другъ отъ друга массами, издавна подлежали дѣйствію чуждыхъ имъ, притомъ высшихъ культуръ. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, что они сохранили бы свой языкъ, если бы жили на сплошной территоріи своею само-

[1]) *Richard Böckh*—ibidem, стр. 310-311.
[2]) Ibidem, стр. 337—338.
[3]) *Mancini*. «Della nazionalità», стр. 37.
[4]) *Ferrero-Gola* «Corso», t. I, стр. 25.
[5]) *Guido-Padelletti* «L'Alsace et la Lorraine», въ «Revue de droit international», tome III, стр. 476.
[6]) Ibidem.

стоятельною жизнью. Во всякомъ же случаѣ, ни тѣ, ни другіе ничего не доказываютъ противъ національной территоріи въ политическомъ ея смыслѣ [1]). У нихъ нѣтъ своей территоріи и они не могутъ поэтому уже возвыситься до самостоятельнаго политическаго существованіи [2]).

Сказаннаго нами о значеніи языка далеко нельзя примѣнить въ той же степени къ религіи, нравамъ, обычаямъ и законодательству въ обширномъ смыслѣ. Религія имѣла значительное вліяніе въ идеѣ и фактически на народы древняго міра и еще большее въ средніе вѣка, когда она соединяла различныя національности и надолго разъединяла индивидуумовъ одной національности. Религіозныя начала, имѣвшія въ древности и средніе вѣка громадное вліяніе на нравы, обычаи, законодательство и учрежденія, были могущественными факторами при образованіи національныхъ группъ, для выработки извѣстнаго типа. Для всѣхъ очевидно, напр., что религія монотеистическая и политеистическая, христіанство, осуждавшее полигамію и магометанство, принявшее эту форму брака, должны были произвести глубокое различіе въ устройствѣ семьи [3]). Но въ результатѣ исторіи распространенія религій оказалось, что одна и та же религія обнимаетъ часто многія національности, и наоборотъ, и границы религіи не легко совпадаютъ съ границами націй. Въ настоящее время при религіозной терпимости и свободѣ совѣсти у культурныхъ націй и нѣкоторомъ индифферентизмѣ къ религіи, религіозныя различія не оказываютъ существеннаго вліянія тамъ, гдѣ имъ не удалось прежде повліять на образованіе извѣстнаго національнаго типа. Прежде она имѣла это вліяніе и мы, встрѣчаясь съ готовыми національностями, опять же имѣемъ дѣло съ этими группами, какъ продуктомъ разныхъ условій, среди которыхъ религія *играла* извѣстную, часто очень могущественную роль. Но въ наше время вѣра является только тамъ сильнымъ средствомъ къ поддержанію національности, гдѣ она соединяется съ готовою національностью [4]), какъ, напр., въ Ирландіи и у христіанскихъ народовъ Турціи: въ первомъ случаѣ она усиливаетъ сепаратистическое движеніе къ отдѣленію отъ Англіи, во второмъ — къ выдѣленію изъ Турціи. Во

[1]) Противное, но ничѣмъ не доказываемое мнѣніе у *Bulmerincq'a*, стр. 67.

[2]) *Исключенія* относительно языка племенъ, входящихъ въ составъ одного политическаго тѣла, несомнѣнно удовлетворяющаго требованіямъ національной теоріи, см. у *Laurent*—«Etude», tome XVIII, стр. 480.

[3]) *Mancini*. «Della nazionalità», стр. 38.

[4]) *Rüdiger*. «Ueber Nationalität», стр. 108.

всякомъ же случаѣ *какъ общее правило* можно выставить, что религія давно уже не создаетъ національностей и не служитъ въ настоящее время их характернымъ признакомъ; самый принципъ религіи стоитъ выше различій между націями и цѣль ея—все человѣчество [1]). *Обычаи*, коренящіеся первоначально въ религіи и вліяющіе на законадательство, имѣютъ значеніе въ совокупности съ другими культурными условіями. Тому или другому національному типу свойственны своеобразные обычаи, сохраняющіеся до извѣстной степени и при соприкосновеніяхъ съ другими національностями. У національностей рѣзко опредѣлившихся и давно образовавшихся обычаи отличаются особенною устойчивостью. Но все же подъ вліяніемъ сношеній, вызванныхъ экономическими и духовными потребностями общенія между націями, обычаи одной націи начинаютъ восприниматься другими, хотя до сихъ поръ еще не доказано, чтобы эти заимствованія могли привести къ полному отождествленію обычаевъ среди всѣхъ или многихъ культурныхъ народовъ. Этому препятствуютъ различія климатическія, географическія и въ историческихъ традиціяхъ, сильно вліяющія на разнообразіе самихъ обычаевъ. *Нравы*, или способъ жизни народа, т. е. отношенія къ пищѣ, одеждѣ и жилищу, подлежатъ измѣненіямъ во времени, различія же въ нихъ явились по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ результатомъ мѣстныхъ вліяній. Такъ, пища населенія отнюдь не обусловливается вкусомъ, а продуктивною способностью страны, потребностями ея эксплуатаціи и отношеніями, вытекающими изъ экономическихъ сношеній. Изъ матеріала для постройки жилищъ, изъ ихъ формы и положенія трудно дѣлать заключенія о національности ихъ обитателей, такъ какъ все это обусловливается для каждой мѣстности множествомъ условій (напр. защитою отъ врага, урагана, воды), ведущихъ къ однообразію жилищъ у различныхъ національностей и къ разнообразію ихъ у населенія безспорно одной національности. Вообще, говоритъ Böckh, „способъ жилья опредѣляется способомъ дѣятельности населенія, у земледѣльческихъ же населеній онъ существенно связанъ съ системою хозяйства“ [2]). *Различія въ законахъ и во всей юридической жизни* представляютъ собою продуктъ множества культурно-историческихъ условій и положительно невозможно разсматривать то или другое законодательство, напр. государственные законы и самую форму политическаго устройства, какъ свой-

[1]) *E. Richard*—Etude, стр. 21.
[2]) *Richard Böckh*. «Die statistische Bedeutung», стр. 283.

ственныя той или другой національности. Многія націи весьма часто мѣняли формы политическаго устройства, качества которыхъ прямо пропорціональны степени культуры, на которой находится извѣстная нація.

Есть писатели, отвергающіе значеніе разсмотрѣнныхъ нами элементовъ національности, которымъ можно бы дать названіе *матеріальныхъ* (въ обширномъ смыслѣ). Такъ, Кошутъ видитъ только абсурды во всѣхъ попыткахъ, ищущихъ опредѣлить національность по ея матеріальнымъ элементамъ [1]). Но есть цѣлая группа писателей, которые отвергаютъ даже всѣ разобранные нами матеріальные признаки и пытаются указать на духовные признаки, существенно или единственно образующіе національность. При этомъ одни изъ нихъ прямо хватаются за одинъ изъ этихъ послѣднихъ признаковъ и строятъ прямо на немъ одномъ свое опредѣленіе національности. Такъ, по Buchez, всякое общество и нація существуютъ только тогда и до тѣхъ поръ, пока они обладаютъ *общею цѣлью дѣятельности*. Націи образуются при посредствѣ „единства воли и дѣйствія между людьми, направленнаго къ цѣли усовершенствованія", на которую каждый народъ долженъ работать. Т. е. „общая цѣль дѣятельности"—созидаетъ и сохраняетъ націи [2]). Только эта общая цѣль даетъ людямъ возможность самопроизвольно чувствовать, разсуждать, желать и дѣйствовать вмѣстѣ, какъ если бы они имѣли одну душу и тѣло. Если общая цѣль преслѣдовалась въ продолженіе извѣстнаго времени и дала мѣсто извѣстной смѣнѣ дѣйствій (d'actes), образуется традиція, являются воспоминанія о славѣ, общія дружбы и ненависти, страсти, которымъ никто не чуждъ, и т. п. Образуется національное чувство, которое есть самое могущественное между людьми; общая цѣль дѣятельности дѣлается въ націи источникомъ правъ и обязанностей, порождаетъ и измѣняетъ законодательство, образованіе, воспитаніе, интересы, источникъ власти. Національность есть только родъ большаго семейства, всѣ члены котораго принимаютъ участіе въ однихъ интересахъ, въ однѣхъ традиціяхъ и т. д. [3]).

Національности не образуются ни изъ тождества расы или

[1]) *A. Cochut*. «Des nationalités», стр. 702.

[2]) *Buchez*. «Introduction à la science de l'histoire», tome I, глава II и IV; его же «Histoire parlementaire de la révolution française», Paris, 1834 года, tome I, introduction, стр. 7—8; его же «Formation de la nationalité française», introduction, стр. 15—18, 180—184.

[3]) *Buchez*. «Formation de la nationalité française», стр. 17—18, 181—182.

языка, ни изъ сходства климатовъ: видѣли и видятъ населенія, имѣющія все это, но образующія различныя націи [1]). Большая человѣческая ассоціація, обладающая общею цѣлью дѣйствія, смѣшивающая свою кровь во всѣхъ направленіяхъ браками въ теченіи цѣлаго ряда поколѣній и имѣющая вслѣдствіе того одни привычки и нравы, установляетъ среди нисходящихъ извѣстнаго рода общее сходство не только во внѣшнемъ видѣ, но и въ органическихъ склонностяхъ. Тогда-то раса появляется и получаетъ свое основаніе; прибавивъ къ этимъ вліяніямъ дѣйствія климата будутъ понятны и крайнія различія, существующія среди человѣческихъ расъ [2]).

Этотъ взглядъ встрѣтилъ сочувствіе писателей (къ опредѣленію Buchez примыкаетъ, напр., Ott, издатель и комментаторъ Klüber'а [3]). Но опредѣленіе Buchez и вся его аргументація очень односторонни. Въ отдаленныя времена государства, соединяя различныя національности завоеваніемъ, могли при нѣкоторой долговѣчности прійти къ общей цѣли о дѣятельности, которая могла повліять на образованіе обще-національнаго чувства, на созданіе національности, но при помощи прогресса ассимиляціи. Но это удавалось только въ рѣдкихъ случаяхъ; большею же частью національности оставались враждебными другъ другу, отдѣлялись или насильственно удерживались отъ выдѣленія изъ одного цѣлаго, хотя великіе завоеватели преслѣдовали общую цѣль дѣятельности и имъ удавалось даже установить ее на извѣстное время. Но затѣмъ, искусственное единство распадалось съ распаденіемъ общей цѣли дѣятельности, погибавшей *благодаря* тому, что для одной цѣли приходилось работать различнымъ національностямъ, обладавшимъ отличными другъ отъ друга матеріальными элементами національности, различіе которыхъ препятствовало созданію единаго сознанія. Признавать формулу Buchez, значитъ допустить невѣрное предположеніе, что конечный результатъ и болѣе сложный признакъ національности (общая цѣль дѣятельности), резюмирующій цѣль національныхъ созданій, есть основаніе этого начала.

Во всякомъ случаѣ научныя требованія противятся допущенію мысли, чтобы комбинаціи физическихъ и физіологическихъ элементовъ не лежали въ *основѣ* соціальныхъ группъ. Если бы это

[1]) *Buchez*—ibidem, стр. 17.
[2]) Ibidem, стр. 183—184.
[3]) *Klüber*. «Droit des gens, par A. Ott», Paris, 1861 г., 1-re partie, § 20, примѣчаніе 6.

было такъ, то пришлось бы допустить какъ общее правило, что высшія (духовныя) функціи человѣка и соціальныхъ группъ порождаютъ непосредственно физическія и физіологическія условія существованія человѣческаго и соціальнаго организмовъ. Но этому предположенію противорѣчатъ физіологія, біологія и новѣйшая школа соціологовъ (Спенсеръ, въ послѣднее время Fouillée), указавшая на связь между законами животнаго организма и человѣческихъ обществъ, разсматриваемыхъ какъ организмы. Можно представить себѣ такой случай: по нѣсколько тысячъ или сотенъ тысячъ русскихъ, испанцевъ и англичанъ живутъ вмѣстѣ на одной территоріи, но особыми, отдѣльными поселеніями. Допустимъ далѣе, что сильная власть соединила ихъ искусственно и даже насиліемъ въ одно единство и указала имъ общую цѣль дѣятельности. Что произойдетъ тогда? Русскіе, испанцы и англичане будутъ стремиться идти врознь и при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ общая цѣль дѣятельности окажется нарушенною. Они не сольются въ одну національность, пока браки между ними и рядъ генерацій не выработаютъ изъ нихъ ассимилированнаго новаго типа, въ которомъ сольются извѣстные всѣмъ индивидуумамъ характерные признаки, пока не сложатся общіе нравы, обычаи, законодательство. Уже тогда на этой матеріальной почвѣ можно будетъ создать душевное единеніе въ общей цѣли дѣятельности. При менѣе благопріятныхъ условіяхъ (и это случится чаще) отдѣльные уже сильно установившіеся и характерные матеріальные типы останутся таковыми на своей обособленной территоріи; но тогда рушится и духовная связь ихъ, „общая цѣль дѣятельности“ и мы получимъ три отдѣльныя поселенія трехъ различныхъ національностей. Наконецъ, можетъ случиться, что интересъ общей защиты и другія причины вынудятъ ихъ внѣшнее соединеніе (напр. въ формѣ федераціи), но въ этомъ послѣднемъ случаѣ нарождается уже новая „общая цѣль дѣятельности“ болѣе узкая противъ первоначальной, призывавшей ихъ къ всесторонней общей цѣли; отдѣльныя же національности, соединившіяся съ этою ограниченною цѣлью, сократятъ свою автономію, т. е. здѣсь все же не получится той слитой, компактной національности, о которой говоритъ Buchez. Другое дѣло тотъ исключительный случай (въ Соединенныхъ Штатахъ), гдѣ индивидуумы различныхъ національностей, массами эмигрирующіе на чужую территорію, находятъ здѣсь подавляющее количество населенія другой національности (англичане въ Соединенныхъ Штатахъ), съ вполнѣ законченнымъ своеобразнымъ типомъ — законодательствомъ, обычаями и т. д.

Тутъ пришельцы (меньшинство) ассимилируются быстро; но и здѣсь должно замѣтить, что пришельцы раздѣляются по автономнымъ штатамъ, не чуждымъ извѣстныхъ сепаратистическихъ поползновеній.

Другой писатель (Richard) видитъ въ національности организацію для свободы, которая есть осязаемое (sensible) выраженіе нравственной воли. Цѣль ея — гарантировать усовершенствованіе индивидуума, улучшая совокупность отдѣльныхъ личностей. Санкція ея — любовь ея членовъ. Опредѣленіе національности будетъ слѣдующее: „соединеніе людей, соціально организованныхъ съ цѣлію *реализировать лучшее выраженіе нравственнаго закона,* который одинъ только можетъ удовлетворить основнымъ элементамъ человѣческаго существа". Различія между національностями создаются различіемъ въ нихъ степеней пониманія нравственнаго закона [1]). Очевидно, формула эта близка къ опредѣленію Buchez: „реализированіе лучшаго выраженія нравственнаго закона" есть та же „общая цѣль дѣятельности" о которой говоритъ Buchez, но первое опредѣленіе еще одностороннѣе послѣдняго, потому что заключаетъ въ себѣ только одну сторону (нравственную) „общей цѣли дѣятельности"; съ этой точки зрѣнія оно еще отдаленнѣе отъ истины.

Противъ него можно представить тѣ же возраженія, что и противъ формулы Buchez, но послѣдній все же болѣе на исторической почвѣ, чѣмъ Richard. Односторонность и историческую невѣрность формулы можно исправить вносимою Richard'омъ оговоркою: „*группы* общей расы", говоритъ онъ, „языка, религіи, традиціи, интересовъ имѣютъ значительное число нравственныхъ и раціональныхъ принциповъ и соединяются въ общей дѣятельности къ цѣли — лучшаго удовлетворенія закона справедливости" [2]). Если же такъ, то самъ Richard кладетъ уже совокупность матеріальныхъ элементовъ въ основу національности, но невѣрно и односторонне обобщаетъ только цѣль духовной дѣятельности націй, что плохо гармонируетъ со второстепеннымъ значеніемъ, придаваемымъ имъ этой матеріальной сторонѣ національности. Непонятно послѣ того, почему онъ видитъ въ „матеріализаціи идеи національности только предлогъ въ рукахъ завоевателя" [3])

Обобщеніе одного признака національности и возведеніе его къ

[1]) *E. Richard*—«'Etude sur les nationalités», стр. 29—30.
[2]) Ibidem, стр. 29.
[3]) Ibidem, стр. 19.

опредѣленію самаго принципа не удовлетворяетъ многихъ ученыхъ. Такъ Дж. Ст. Милль видитъ уже въ національности „единство историческихъ антецедентовъ, обладаніе національною исторіею". Противъ писателей этой школы возражаютъ, что нельзя допустить теоріи, самый меньшій недостатокъ которой тотъ, что она приковываетъ настоящее къ прошедшему и предписываетъ уваженіе къ завоеванію и совершившимся фактамъ [1]). Замѣчаніе это не вѣрно потому уже, что самъ Милль указалъ на близкое сродство принципа свободы съ принципомъ національности и на общее условіе прочности свободныхъ учрежденій, лежащей въ томъ, чтобы границы государствъ болѣе или менѣе совпадали съ границами ихъ національностей [2]). Опредѣленіе Милля не есть, однако, въ сущности опредѣленіе національности: слишкомъ оно широко и скорѣе только объясняетъ понятіе о національности какъ о сложившемся фактѣ, совершенно устраняя перечисленіе и обобщеніе признаковъ ея. Совершенно понятно, что національности выросли при условіи сознанія единства „историческихъ антецедентовъ", но важно знать, какую именно роль играютъ при этомъ происхожденіе, языкъ, религія, общность цѣли, какъ они должны комбинироваться, какіе элементы имѣютъ рѣшающее значеніе при созданіи національностей? На эти вопросы формула великаго мыслителя не даетъ достаточнаго отвѣта. Идея *связи принципа свободы* съ *началомъ національности* даже не намѣчена въ опредѣленіи, хотя Милль придаетъ ей важное значеніе. Этотъ пробѣлъ восполненъ итальянцемъ Pasquale-Fiore, который дѣлаетъ попытку основанія національности на свободѣ. Нація не есть продуктъ физическихъ и естественныхъ условій, „но скорѣе продуктъ права соединяться въ одно общеніе". Это право ассоціаціи присуще человѣку, и, если люди при образованіи общежитія ставятъ себѣ одну и ту же *конечную цѣль* и достигаютъ сознанія своей личности, то они дѣлаются націей. Нація есть „свободное и изъ свободной воли произошедшее соединеніе людей. Настоящая нація существуетъ только подъ условіемъ признанія принципа самоопредѣленія и свободы" [3]). Два признака, слѣдовательно, образуютъ центръ тяжести у Фіоре—*свободная воля* людей и *конечная цѣль* ассоціацій; соединеніе же этихъ признаковъ, въ которыхъ главнымъ является *свободная* воля, возводитъ націю къ сознанію своей

[1]) *E. Richard*—ibidem, стр. 20.
[2]) См. у *Pierantoni*—стр. 151.
[3]) *Pasquale-Fiore*. «Un nuovo diritto», v. I, стр. 50.

личности. Ученіе это крайне шатко и влечетъ къ опаснымъ и неотвратимымъ послѣдствіямъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на возможность представить себѣ ученую, акціонерную и всякую другую ассоціацію, которыя тоже образовались по свободной волѣ ихъ членовъ и могутъ преслѣдовать извѣстныя, очень опредѣленныя цѣли, хотя ни одно изъ нихъ не будетъ имѣть ничего общаго съ національностью. Возражая своему соотечественнику, Пьерантони говоритъ, что основу національнаго принципа должно скорѣе искать въ пробужденномъ и живо сохраняемомъ стремленіи къ обществу и соединенію, охраняемомъ чрезъ посредство элементовъ языка, происхожденія, нравовъ, исторіи, религіи и законовъ. Національное объединеніе Италіи было вызвано названными элементами, среди которыхъ моментъ *воли* являлся дѣйствительно опредѣляющимъ и сильнѣйшимъ. Допуская мнѣніе Фіоре, можно бы только спросить: отчего ни одинъ народъ изъ чуждыхъ Италіи національностей не чувствуетъ стремленія образовать съ Италіей одно государство? Если же справедливо, что стремленіе къ общежитію само по себѣ достаточно, чтобы дать національности право на бытіе, то каждая провинція единаго національнаго государства (напр. Италіи) имѣла бы право, оторвавшись отъ цѣлаго, образовать изъ себя націю; каждая провинція имѣла бы право присоединиться къ сосѣднему государству и обязанность политической нераздѣльности не могла бы противостоять этому сепаратистическому стремленію [1]).

У Фіоре мы встрѣчаемся съ тою же замѣчательною чертою, которая характеризуетъ большинство писателей, обращающихся исключительно къ духовнымъ элементамъ для созданія національности. Они *вынуждены* обращаться и къ элементамъ матеріальнымъ, хотя и дѣлаютъ это нехотя и пытаются поставить ихъ въ подчиненное первымъ положеніе. Такъ и Фіоре, опредѣляя національность какъ „свободное и изъ свободной воли происшедшее соединеніе людей, предназначенныхъ къ тѣснѣйшему общественному соединенію“, прибавляетъ, пораженный, очевидно, неотвратимою дѣйствительностью — „посредствомъ одного и того же происхожденія, языка, основы и направленія ума, одного и того же темперамента и интеллектуальнаго стремленія“ [2]).

Послѣ всего изложеннаго неудивительно, что Кошутъ, пора-

[1]) *A. Pierantoni*—Geschichte, стр. 221—224.
[2]) *Pasquale Fiore*, «Un nuovo diritto», v. I, стр. 52; *Pierantoni*—Geschichte, стр. 221.

женный различіемъ основаній матеріальныхъ и духовныхъ, но взятыхъ авторами для опредѣленія національностей, резюмируетъ анализъ этихъ различныхъ опредѣленій словами: „ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ строгой критики, хотя въ каждомъ изъ нихъ есть доля правды“. Причину же трудности въ опредѣленіи смысла слова „національность“ онъ видитъ въ томъ, что слово это разсматриваютъ какъ выраженіе существующаго факта, какъ будто оно имѣетъ дѣйствительную цѣну, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно соотвѣтствуетъ только неопредѣленному стремленію, pium desiderium. Въ настоящее время вошло въ обычай называть принципомъ то, что есть только еще идея, призванная, правда, сдѣлаться принципомъ. Въ настоящее время (въ 1866 году) нельзя сказать, что такое есть національность; но можно сказать, что она будетъ, когда идеалъ демократіи получитъ тѣлесную оболочку, породитъ новое международное право; тогда національность будетъ автономіею въ полномъ смыслѣ этого слова и сдѣлается въ извѣстномъ смыслѣ антитезой начала, вытекающаго изъ завоеванія, давшаго Европѣ современную политическую организацію [1]). Такъ писалъ въ 1866 году извѣстный революціонеръ, сражавшійся за національную идею въ Венгріи; но послѣдовавшія вскорѣ за тѣмъ войны и крупныя событія въ Германіи, Италіи, Турціи даютъ уже намъ фактическій матеріалъ, чрезъ который проходитъ одна мысль — національная идея,—изъ котораго уже можно и должно дѣлать обобщенія и извлекать принципы.

Разобравшись въ совокупности данныхъ, изъ которыхъ образуется національность, мы приходимъ къ заключенію, что для нея необходима прежде *всего территорія,* ибо безъ нея національность можетъ быть только культурнымъ понятіемъ, не могущимъ возвыситься до смысла политическаго; далѣе, необходимо общее происхожденіе, но не въ смыслѣ происхожденія отъ извѣстной расы, а какъ продуктъ пережитаго прогресса ассимиляціи и скрещенія племенъ, образовавшаго извѣстный физическій устойчивый типъ, оригинальный, способный къ самоуправленію, къ органическому прогрессу. Необходимъ и языкъ, какъ признакъ существенный, причемъ языкъ семьи играетъ первенствующую роль и только весьма рѣдко онъ можетъ быть замѣненъ языкомъ литературнымъ. Нравы и обычаи, какъ результаты культурной исторіи, уже болѣе измѣнчивы, играютъ второстепенную роль, но въ нихъ все же выражается національная физіономія. Религія, споспѣшествовавшая

[1]) *A. Cochut.* «Des Nationalités», стр. 703.

прежде образованію національныхъ типовъ, теперь уже перестала имѣть рѣшающее значеніе и удерживаетъ его въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

Но всѣ эти элементы во всей ихъ даже гармонической совокупности (или при перевѣсѣ одного или нѣсколькихъ изъ нихъ надъ прочими) сами по себѣ еще не могутъ поднять національность въ культурномъ смыслѣ до степени національности, имѣющей право на самостоятельное политическое бытіе. Наличность этихъ основъ можетъ и должна влечь за собою признаніе со стороны государства мѣстныхъ правовъ, обычаевъ, языка, даже опредѣленной и болѣе или менѣе широкой автономіи этихъ національностей. Напр., чуваши, мордва, черемисы, татары и пр. народности обладаютъ въ большей или меньшей степени своею территоріею, часто компактною и легко разграничиваемою отъ территорій сосѣднихъ племенъ, обладаютъ также своимъ языкомъ, своими нравами, обычаями, даже религіей и общностью происхожденія; этого, очевидно, недостаточно для признанія за ними права на независимое политическое бытіе. Они слишкомъ малочисленны сравнительно съ окружающимъ ихъ русскимъ элементомъ, культура ихъ ниже культуры господствующаго племени, у нихъ нѣтъ достаточныхъ духовныхъ силъ, чтобы выработать сознаніе *своего* національно-политическаго „*я*". Они постепенно подвергаются ассимилирующему дѣйствію высшей культуры численно, духовно и исторически превосходящаго ихъ народа, имѣющаго богатыя историческія традиціи и сознаніе единства цѣли дѣятельности, проявившагося въ созданіи государства, выразителя этой послѣдней идеи, ея охранителя и развивателя. Перечисленные нами національные элементы суть, выражаясь словами Манчини, какъ бы „прирожденная матерія, способная жить, но въ которую еще не былъ вдунутъ духъ жизни". Этотъ-то живой духъ націи, принципъ ея видимаго существованія состоитъ въ *сознаніи національности* (la conscienza della nazionalità). Это есть чувство, которое нація находитъ въ себѣ самой, и которое дѣлаетъ ее способною устроиться внутри и проявить себя извнѣ. Это не что иное, продолжаетъ Манчини, какъ „cogito ergo sum" Декарта, перенесенное на націю; безъ этой силы существуетъ, правда, тѣло, но неспособное еще отправлять функціи національной личности (di funzionare come una personalità nazionale) [1]. Это *сознаніе національности*, зарождающееся при наличности выше-анализированныхъ, существенно необ-

[1]) *Mancini*. «Della Nazionalità», стр. 38—39.

ходимыхъ элементовъ, не можетъ быть навязываемо и не появляется тамъ, гдѣ нѣтъ или слабо представлены эти элементы, такъ какъ совокупность ихъ производитъ особую психическую связь между индивидуумами, передаваемую отъ предковъ къ потомству путемъ естественнаго подбора, даетъ нравственную и духовную физіономіи національности, отличающуюся отъ подобныхъ же физіономій другихъ націй, члены которыхъ обладаютъ несообразностями и оригинальностями. А такъ какъ нельзя создать искусственно или насильственно этой *психологіи національностей* и этой психологической связи между индивидуумами одной національности, то понятно, что *свобода* — необходимое условіе для образованія національностей. Въ національности мы имѣемъ понятіе „о свободѣ индивидуума, распространенной на общеніе индивидуумовъ, образующихъ націю; національность есть не что иное, какъ коллективное выраженіе начала свободы“ [1]). *Свободное сознаніе своей личности* можетъ сложиться и поддерживаться только „общею цѣлью дѣятельности“. Когда у соціальной группы начинаетъ свободно зарождаться сознаніе своего „я“, нарождается и сознаніе о совмѣстной цѣли дѣятельности, для которой высшимъ учрежденіемъ будетъ государство, какъ институтъ, совмѣщающій въ себѣ всѣ интересы и всю совокупность цѣлей частныхъ и подчиненныхъ, выражающихся въ единой цѣли. Въ послѣдней сказываются характерныя индивидуальныя, психическія особенности соціальной группы и „общая цѣль дѣятельности“ у различныхъ національностей имѣетъ свои особенности, хотя у всѣхъ и можно подмѣтить общечеловѣческія черты, благодаря тому, что соціальныя группы составлены изъ индивидуумовъ, обладающихъ при всемъ ихъ видимомъ разнообразіи и оригинальности нѣкоторыми чертами, свойственными каждому человѣку, къ какой бы группѣ онъ ни принадлежалъ. Скажутъ, что государства, не построенныя на національномъ началѣ, все же выразители „общей цѣли дѣятельности“ всѣхъ его національностей. Но исторія не подтверждаетъ этого въ наше время (Турція и Австрія); она доказываетъ скорѣе, что въ отдаленныя времена, когда существовали только зародыши національностей, искусственно связанные въ одномъ государствѣ, племена могли быть соединены при извѣстномъ искусствѣ и умѣньи для „общей цѣли дѣятельности“. Послѣднее, однако, чаще не удавалась, составные элементы государства распадались; если же бывали благопріятные результаты,

[1]) *Mancini*—ibidem, стр. 41.

то благодаря процессу скрещенія и ассимиляціи. Какъ только отдѣльныя національности достаточно подготовлены, онѣ не могутъ соединиться для указанной „общей цѣли“, такъ какъ у каждой изъ нихъ эти цѣли могутъ быть различны. Тогда онѣ порвутъ связь, ведущую ихъ къ этой „общей цѣли“: въ послѣдней невозможно будетъ соединить гармонически противорѣчныя „общія цѣли“ отдѣльныхъ національностей. При наличности же чертъ сходства матеріальныхъ элементомъ между ними, если притомъ и психическая физіономія національностей имѣетъ точки соприкосновенія, тогда (и то при особенно благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ) возможно соединеніе въ одну государственную организацію, но не иначе, какъ въ различныхъ формахъ федераціи, въ которой „общая цѣль дѣятельности“ будетъ отвлеченіемъ *общихъ признаковъ* у всѣхъ отдѣльныхъ цѣлей каждой изъ національностей, составляющихъ единое федеральное государство, въ которое не войдутъ *специальныя* „общія цѣли дѣятельности“, остающіяся у каждой національности, какъ свойственныя ей одной и охраняемыя болѣе или менѣе полною и широкою внутреннею автономіею. Національность же, разчлененная по отдѣльнымъ государствамъ, можетъ сознавать необходимость и имѣть влеченіе къ слѣдованію по пути достиженія „общей цѣли дѣятельности“, не достигаемой благодаря раздробленію на отдѣльныя государства. Тогда (напр. въ Италіи) наступаетъ процессъ объединенія, при которомъ всѣ эти отдѣльныя политическія тѣла сознательно преслѣдуютъ эти „общія цѣли“.

Для сознательнаго стремленія къ этой „общей цѣли“ необходимо еще, чтобы національность оказалась обладающею въ извѣстной степени высшею культурою; зародыши національностей, стоящихъ на низшихъ культурныхъ степеняхъ, быстро вырождаются (напр. нѣкоторыя племена дикарей, входящія въ соприкосновеніе съ европейцами) или поглощаются народами высшей культуры. Кромѣ того, національность должна обладать достаточной энергіей физической и духовной, чтобы сохранить себя въ борьбѣ съ условіями жизни, враждебными сохраненію національности и препятствующими ей возвыситься до степени независимой политической индивидуальности. Та національность легче и скорѣе добьется послѣдней цѣли, которой прогрессъ подъема свободныхъ индивидуумовъ до свободной коллективной личности проникъ въ массы и гдѣ имѣются учрежденія, благопріятствующія личной свободѣ индивидуума; поэтому введеніе демократическаго принципа въ

управленіе всегда должно вести за собою и усиленіе національнаго движенія.

Послѣ всего сказаннаго правильнымъ опредѣленіемъ національности можетъ быть только то, въ которомъ будутъ до извѣстной степени гармонически сочетаться элементы матеріальные и духовные (въ обширномъ смыслѣ). Мы можемъ установить слѣдующую формулу національности въ политическомъ смыслѣ: „тѣсное естественное соединеніе людей, обладающихъ опредѣленной территоріей, сознающихъ общее происхожденіе (явившееся результатомъ ассимиляціи и скрещиванія различныхъ племенъ), имѣющихъ общій (по преимуществу семейный) языкъ, нѣкоторое сходство въ нравахъ и обычаяхъ, свободно сознающихъ свою коллективную личность, преслѣдующихъ общія цѣли дѣятельности и способныхъ энергично бороться за образованіе и сохраненіе организуемаго ими соціальнаго сожитія". Эту формулу можно выразить, опуская нѣкоторыя подробности и объясненія, кратче въ такомъ видѣ: *„тѣсное естественное соединеніе на опредѣленной территоріи людей общаго происхожденія, языка, отчасти обычаевъ и нравовъ, сознающихъ свою коллективную личность, свободно и энергично преслѣдующихъ общія цѣли дѣятельности въ организованномъ соціальномъ сожитіи"*. Опредѣленіе это подходитъ къ формуламъ Манчини и Маміани, но пытается избѣгнуть односторонностей и восполнить неполноту опредѣленія послѣднихъ [1]).

Въ наше опредѣленіе не внесена религія, потому что она не есть существенный для настоящаго времени факторъ при созданіи національности. Если же она въ исключительныхъ случаяхъ играетъ выдающуюся роль, то тогда національность является еще рѣзче выраженною. Вообще же мы не претендуемъ на непогрѣшимость даннаго нами опредѣленія, но думаемъ, что оно вѣрно въ общемъ и цѣломъ; охотно допускаемъ, что въ исключительныхъ случаяхъ оно не *вполнѣ* подойдетъ къ фактамъ изъ окружающей насъ дѣйствительности. Позволительно усумниться, чтобы какое-нибудь опредѣленіе *сложнаго* понятія въ области соціальной могло пре-

[1]) *Mancini*. «Della nazionalità», стр. 41: «естественное соединеніе людей съ общностью территоріи, происхожденія, обычаевъ и языка, соединенныхъ къ совмѣстной жизни и соціальному сознанію». *Mamiani*—«свободное соглашеніе мыслей и волей, твердо рѣшившихся образовать одну совершенную и нераздѣльную личность (persona moralis) съ цѣлью сообща жить одною соціальною жизнью» (см. *Pierantoni*—Geschichte, стр. 134—141; сжатое изложеніе ученія Маміани, очень односторонняго, формула его скорѣе подходитъ къ извѣстному намъ опредѣленію Фіоре).

тендовать на абсолютную приложимость ко всѣмъ случаямъ жизни и чтобы неприложимость его въ частныхъ случаяхъ могла служить опроверженіемъ самой вѣрности или самаго существованія начала, получающаго опредѣленіе.

ГЛАВА III.

Возраженія противъ начала національности.

Логическимъ послѣдствіемъ начала національности будетъ признаніе за націей, совмѣщающей въ себѣ вышеприведенные признаки, права образовать путемъ выдѣленія и объединенія независимое политическое бытіе, формы котораго будутъ вращаться между вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ и федераціями (Staatenbund'а и Bundestaat'а), смотря потому, насколько сильно выражены, интенсивны всѣ элементы національности (во всей ихъ совокупности); прогрессивный же подъемъ сознанія національнаго и „общей цѣли дѣятельности" можетъ постепенно привести формы федераціи къ полному единству.

Международный союзъ, который долженъ споспѣшествовать охранѣ личной свободы индивидуума, не можетъ препятствовать и національнымъ стремленіямъ, если онъ желаетъ слѣдовать закону историческаго прогресса; онъ долженъ воспринимать и новыя формы, служащія выраженіемъ новыхъ и неотвратимыхъ жизненныхъ потребностей. Если при современномъ состояніи международныхъ сношеній и права еще нельзя требовать отъ международнаго союза, чтобы онъ оказывалъ непосредственную помощь національнымъ стремленіямъ, то во всякомъ случаѣ распространенность этихъ стремленій и извѣстная послѣдовательность даютъ уже право разсчитывать на *невмѣшательство* союза или отдѣльныхъ его членовъ въ дѣло образованія національныхъ группъ. Послѣднее требованіе долго игнорировалось, — хотя мы знаемъ и факты противоположнаго характера. Враждебное же отношеніе нѣкоторыхъ государствъ и многихъ публицистовъ къ національной идеѣ объясняется, до нѣкоторой степени, традиціями, отчасти опасностью разсматриваемой теоріи для состава нѣкоторыхъ государствъ современнаго международнаго союза, а также крайностями увлеченій защитниковъ національности; невозможно однако оспаривать и того,

что самая новизна и сложность начала много содѣйствовали враждебному къ нему отношенію. Совершенно понятно, напр., что итальянецъ Pedercini, связанный личными узами съ одною изъ изгнанныхъ династій Италіи, стоящій всецѣло на почвѣ легитимистическихъ традицій, не только силится подорвать національный принципъ, но приглашаетъ даже итальянцевъ вновь призвать изгнанныхъ князей [1]. Другіе писатели, напр. Bluntschli и Bulmerincq, не отрицая несомнѣнныхъ фактовъ образованія политическихъ тѣлъ на національныхъ началахъ, опасаются признать логическія послѣдствія начала въ его примѣненіи къ другимъ государствамъ при равныхъ условіяхъ, что не совсѣмъ послѣдовательно, такъ какъ, признавъ право извѣстныхъ національностей, нельзя отрицать его за другими національностями, обладающими всѣмъ, что составляетъ націю, призванную къ самостоятельной жизни. Впрочемъ, самъ Блунчли не отрицаетъ, что „современное образованіе государствъ имѣетъ преимущественно національный характеръ". Если это такъ, то остается только допустить распространеніе этого права на національности еще не воспользовавшіяся имъ. Тѣмъ не менѣе Блунчли отрицаетъ у націй „прававой характеръ, пока онѣ не получили правовой оболочки въ государствѣ" [2], при стремленіи же къ образованію національныхъ государствъ націи „обязаны уважать историческій правовой порядокъ въ такой степени, въ какой онъ не препятствуетъ естественному развитію національности" [3]. Вѣрно; но сама нація должна быть судьею въ рѣшеніи этого вопроса и никакія формулы, никакой историческій порядокъ не отвратятъ выдѣленія или объединенія національностей, чему яркимъ примѣромъ служатъ Италія и Германія, нарушившія „историческій правовой порядокъ", созданный вѣнскимъ конгрессомъ и поддерживавшійся насиліемъ. Всѣ эти „историческіе порядки" оговорены въ династическихъ интересахъ, если не въ средневѣковыхъ, то все же въ обветшалыхъ документахъ, которымъ самъ Блунчли не придаетъ значенія, когда дѣло идетъ о правѣ націй браться за оружіе ради своего національнаго единства [4]. Блунчли, хотя съ

[1]) *F. Pedercini*—«Studi sopra gli nazioni»; у *Pierantoni*—Geschichte, стр. 167—178.

[2]) *Bluntschli*. «Völkerrecht», § 25, стр. 70—71.

[3]) *Bluntschli* - Staatswörterbuch, Band II «Nation und Volks Nationalitätsprincip» стр. 656.

[4]) *Bluntschli*. «Völkerrecht», стр. 291, § 517. См. его ученіе о національности въ его «Die Nationale Staatsbildung und der moderne deutsche Staat» Berlin. 1870 г. (помѣщено въ «Virchow und Holtzendorf's - Samlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge», serie V, за 1870—71 г.; стр. 3—32.

большими ограниченіями и оговорками, допускаетъ національную теорію. Bulmerincq же склоненъ видѣть въ примѣрахъ національнаго образованія государствъ одни факты [1]); то же и Guido-Padelletti, называющій принципъ національности „безполезнымъ и опаснымъ" [2]). Опасность, несомнѣнно предстоящая нѣкоторымъ государствамъ при торжествѣ національнаго принципа, вполнѣ объясняетъ намъ недоумѣніе Bulmerincq'a, не видящаго „ни общихъ, ни спеціальныхъ трактатовъ или декларацій, которые установили бы правовыя опредѣленія насчетъ примѣненія принципа національности въ международномъ правѣ". Указавъ на то, что Лоранъ хочетъ приписать человѣчеству стремленіе замѣнить государства, образованныя силою или трактатами, государствами, основанными на естественномъ элементѣ національности, Bulmerincq возражаетъ: „международное право, право мира и поддержанія правового состоянія, гарантирующаго государствамъ ихъ существованіе, не можетъ имѣть указанной Лораномъ задачи; право національности отнюдь не сильнѣе права, признавшаго соединеніе различныхъ государствъ въ одно государство" [3]). R. v. Mohl раздѣляетъ также эту мысль: желаніе соединить цѣлую національность въ единое государство не узаконяетъ устраненія каждаго правительства, стоящаго на пути его осуществленія и ниспроверженія каждаго состоянія, несогласимаго съ этимъ соединеніемъ. Революція, если она не оправдывается безусловно нравственнымъ закономъ, есть величайшее преступленіе и грубѣйшая ошибка. Поэтому, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно быть доказано, что на-лицо имѣются всѣ условія, оправдывающія такое стремленіе, и что есть вѣроятность ожидать „разумно достижимаго" отъ соединенія раздѣленныхъ частей какого-нибудь племени [4]). Дѣло въ томъ, однако, что большинство защитниковъ національнаго начала и не требуютъ ничего большаго и весь вопросъ заключается въ томъ, какъ понимать послѣднюю формулу и насколько можетъ быть широко придаваемое ей толкованіе. Національность и не будетъ стремиться къ независимости (путемъ выдѣленія или объединенія), если на-лицо не будетъ указанныхъ условій; если же они имѣются на-лицо, то получается уже и *вѣроятность* ожидать „разумно достижимаго". Обращаясь къ международной точкѣ зрѣнія, Mohl отрицаетъ, чтобы международное право допускало установленіе

[1]) *Bulmerincq*—«Praxis, Theorie und Codification des Völkerrechts», стр. 70.
[2]) *Guido Padelletti*—стр. 483.
[3]) *Bulmerincq*—ibidem, стр. 69—70.
[4]) *R. v. Mohl*. «Politik», стр. 352—353.

границъ государствъ только непосредственно заинтересованными сторонами. Государственныя границы должны быть опредѣлены „общими трактатами, при содѣйствіи отчасти всѣхъ европейскихъ государствъ; односторонней воли населенія недостаточно для правомѣрнаго измѣненія ихъ“. Требуется согласіе державъ, заключившихъ въ свое время основной трактатъ. Святость трактатовъ есть важнѣйшее средство охраны ненарушимаго состоянія владѣнія и все, что вредитъ имъ, должно разсматриваться, какъ большое зло [1]). Намъ кажется, что при небольшой натяжкѣ замѣчанія эти можно бы въ одинаковой степени примѣнить и къ ненарушимости правового легитимнаго порядка, построеннаго на трактатахъ эпохи легитимизма и на договорахъ, въ основаніи которыхъ лежало такъ-называемое политическое равновѣсіе. Вообще же вся совокупность приведенныхъ нами возраженій ничего не опровергаетъ, какъ и ничего не доказываетъ. Въ нихъ много путаницы и недоразумѣній, объясняемыхъ въ значительной степени неточностью и крайностью итальянскихъ писателей, взявшихся за защиту національностей. Такъ Ронкали, Манчини, Пьерантони [2]) не только желали бы видѣть современное международное право основаннымъ на національностяхъ, а не на государствахъ, но склонны вообще требовать отъ *настоящаго* международнаго права, чтобы субъектами его разсматривались не всѣ существующія уже государства, а только государства національныя. Мнѣніе это ведетъ, во-первыхъ, къ крайне неразумнымъ, хотя и логическимъ выводамъ въ родѣ того, напримѣръ, что Австрія и Турція не суть въ настоящемъ ихъ видѣ полноправные субъекты международнаго права. Указанная постановка вопроса крайне ошибочна. Въ ней смѣшиваются безспорныя и на фактѣ подтверждаемыя права *всѣхъ* государствъ дѣйствовать въ международномъ союзѣ, пока они существуютъ и могутъ проявлять свою жизнь внутри и внѣ съ правомъ національностей созидать независимыя тѣла, получающія признаніе и начинающія свою жизнь только по ихъ освобожденіи и по разрушеніи или измѣненіи государствъ, изъ которыхъ онѣ вышли. Желательно и полезно и при наличности извѣстныхъ условій вполнѣ правомѣрно образованіе государствъ по національнымъ началамъ даже въ томъ случаѣ, если это сопряжено съ потрясеніемъ или гибелью стараго порядка. Международный союзъ не

[1]) *Robert v. Mohl*, стр. 353—354.

[2]) См. *предисловіе Roncali* къ нѣмецкому переводу сочиненія *Pierantoni*—Geschichte, и *Mancini*—«Della nazionalità».

долженъ противиться этимъ образованіямъ, не долженъ вмѣшиваться въ это дѣло, въ которомъ работаетъ и дѣйствуетъ принципъ личной свободы индивидуальной и коллективной, охраненіе котораго должно быть задачею международнаго права. Но покуда старый порядокъ еще существуетъ, пока государства, лежащія въ его основѣ, еще достаточно сильны, чтобы представлять себя въ международномъ союзѣ, послѣдній признаетъ ихъ. Онъ остается пассивнымъ зрителемъ борьбы начала національнаго со старымъ порядкомъ, основанномъ на трактатахъ, и можетъ вмѣшаться только тогда, когда новее національное образованіе есть уже совершившійся фактъ жизни и дѣеспособное, требующее признанія со стороны международнаго союза. Такимъ образомъ установляется граница между уваженіемъ къ порядку, основанному на трактатахъ и къ свѣжимъ жизненнымъ началамъ, проникающимъ въ международный союзъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ случаѣ столкновенія между правомъ національностей и трактатами, послѣдніе должны уступить первому. Этого требуетъ идея исторической справедливости: жизнь индивидуума и націй не можетъ быть скована договорами *вѣчными* и неизмѣнными. Допустить послѣдніе—значитъ прійти къ освященію легитимизма, отъ чего, конечно, отказалось бы и большинство противниковъ начала національности. Наконецъ, сопротивленіе національной идеѣ со стороны трактатовъ въ большинствѣ случаевъ оканчивается побѣдою первой, хотя и послѣ упорной борьбы, часто кровопролитныхъ войнъ, нарушающихъ идею международнаго права, которая есть „право мира и охраненія порядка“, которое не можетъ имѣть претензій на вѣчность. И зачѣмъ опасаться нарушенія трактатовъ, когда результатомъ этого нарушенія является новый порядокъ, тоже покоящійся на трактатахъ, но съ тѣмъ преимуществомъ, что новые договоры, удовлетворяя жизненнымъ условіямъ и идеѣ историческаго прогресса, въ которомъ всегда замѣчается борьба стараго порядка съ новымъ, заканчивающаяся взаимными уступками, перестраиваютъ международное зданіе или исправляютъ его на началахъ болѣе здоровыхъ, устраняютъ ненормальныя построенія, а слѣдовательно и насильственные перевороты въ будущемъ.

Высказываясь въ этомъ смыслѣ, мы осуждаемъ всѣ увлеченія итальянцевъ, идущія дальше этихъ предѣловъ. Въ 1849 году, въ пьемонтскомъ парламентѣ, а затѣмъ и въ сочиненіи Gioberti былъ поднятъ вопросъ о законности вмѣшательства между народами принадлежащими къ одной національности. Gioberti доказывалъ, что вслѣдствіе національнаго права, которое выше всякаго другаго

права и служитъ ему основаніемъ, различныя итальянскія провинціи юридически не отдѣляемы и не представляются независимыми другъ отъ друга. Онѣ соединены между собою связью, проистекающею изъ нуждъ и обязательствъ общей національности. Политическое раздѣленіе различныхъ государствъ не стоитъ выше этой связи, но подчинено ей, ибо первое—произвольное созданіе людей, вторая—неизмѣнный порядокъ природы. При столкновеніи политической независимости провинцій съ интересами націи, послѣдніе должны преобладать надъ первыми. Итальянскія провинціи не обладаютъ абсолютною независимостью, которая несовмѣстима съ національнымъ единствомъ [1]).

Крайности этой аргументаціи, объясняемыя тою степенью увлеченія національной идеей, которая царила въ Италіи послѣ революціи 1849 года, отождествляютъ націю, какъ культурное понятіе, условія существованія которой влекутъ ее къ образованію національности политической, съ понятіемъ о послѣдней. Но въ ней опущены начала свободы, моментъ *воли*, образующій національность [2]). По этому если отдѣльныя провинціи, не вошедшія еще въ общую національную связь, не хотятъ ея, а продолжаютъ свое самостоятельное существованіе, то онѣ и не могутъ быть насильно соединены въ одно цѣлое и лишены своей автономіи [3]). Утверждать, что Римъ принадлежитъ Италіи, и что сами римляне не могли бы противиться ихъ соединенію съ нею, значило бы „отнять всякій авторитетъ у народнаго голосованія“. Съ большимъ основаніемъ можно сказать—„Римъ Римлянамъ [4])“. Допустить въ такомъ случаѣ насиліе—отрицать начало свободы личности и національности, т. е. вернуться къ тому порядку, который хотятъ уничтожить во имя національнаго права. Въ насиліи этомъ и не представляется надобности, такъ какъ при совокупности элементовъ національности послѣдняя сама, по свободной инициативѣ, не остановилась предъ разрушеніемъ нестерпимаго порядка и пойдетъ по пути объединенія или выдѣленія. Въ этихъ процессахъ погибнутъ нѣкоторыя и совершенно измѣняли формы другія государ-

[1]) См. у *Amari* — «Revue de droit international», 1873 г., tome V, стр. 541 (§ XVII).

[2]) Ibidem, стр. 542.

[3]) Ibidem, стр. 542; также Mamiani «Dell'ottima congregazione umana, стр. 218—228 (*Amari*, ibidem) и *L. Palma* «Del principio di nazionalità», стр. 27, 60, 268 (*Amari*—ibidem, стр. 243) и *Vidari* «Del principio de intervento e di non intervento», въ сочиненіяхъ Vidari, tome V, стр. 126 (*Amari*—ibidem).

[4]) *Amari*—ibidem, стр. 543.

ства. Какое можетъ быть до него дѣло международному союзу, если мы не допускаемъ за нимъ права охранять извѣстный строй на вѣки вѣчные, отрицаемъ самую разумность и возможность послѣдняго?! Плачъ и вопли князей, непосредственно заинтересованныхъ и пострадавшихъ отъ переворотовъ въ Неаполѣ, Римѣ, Турціи и Германіи, не достаточно законныя основанія для пріостановки мірового процесса, имѣющаго современемъ перейти и на государства азіятскія, африканскія и другія, по мѣрѣ образованія въ нихъ національностей, которыя, конечно, не преминутъ вступить въ борьбу со старымъ порядкомъ. Что индійцы въ Азіи удалятъ, напр., англичанъ и образуютъ современемъ независимое государство—такъ же вѣрно, какъ и то, что всѣ области Италіи составляютъ нынѣ нераздѣльное цѣлое.

Мы разсмотрѣли и оцѣнили возраженія, представляемыя національной теоріи съ точки зрѣнія опасности ея для существующихъ государствъ и международнаго порядка, основаннаго на трактатахъ [1]). Кромѣ этого, указываютъ еще большую опасность этой теоріи, угрожающую, будто бы, началу солидарности народовъ, духу общенія, все болѣе и болѣе установляющемуся между народами, сглаживающему индивидуальныя различія. Это общеніе между народами, поддерживаемое сношеніями экономическими, духовными и нравственными, ведетъ къ образованію космополитическаго человѣческаго типа, въ которомъ нѣтъ мѣста рѣзкой обособленности между націями, ведущей ко враждѣ, а не къ миру.

Въ этомъ смыслѣ, напр., высказался, извѣстный намъ, Rüdiger, хотя и не въ столь рѣшительной формѣ, которую мы излагаемъ здѣсь только какъ обобщеніе наиболѣе рѣзкихъ по этому поводу мнѣній [2]). Rüdiger рѣшается утверждать, что „различія между народами все больше теряются, что уже не итальянецъ населяетъ Аппенинскій полуостровъ, и не французъ—Францію, а *образованный человѣкъ* населяетъ всю Европу“ [3]). Въ дальнѣйшемъ же изложеніи этотъ публицистъ самъ указываетъ на развитіе въ наше время національной идеи, какъ на естественное и только въ наше время возможное, и, слѣдовательно, сдерживающее вышеупомянутое стремленіе [4]). Въ концѣ концовъ самъ же онъ приходитъ къ заключенію, что единственный прогрессъ, который будущее можетъ принести національностямъ, есть *поли-*

[1]) См. еще *Laurent*—tome XVIII. глава IV, стр. 483—485.
[2]) См. *А. Градовскій* «Національный вопросъ», стр. 18—19.
[3]) *Rüdiger*—Ueber Nationalität, стр. 96.
[4]) Ibidem, глава II.

тическій. Человѣчество не можетъ образовать изъ себя единаго государства, поэтому, согласно съ разумомъ, оно не можетъ распасться иначе, какъ на національныя части [1]). Въ существѣ своемъ представленное возраженіе прежде всего грѣшитъ тѣмъ, что главная его посылка еще сполна и далеко не доказана, чтобы исторія человѣческой культуры безусловно вела человѣчество къ полному индивидуальному обезличенію, къ образованію средняго, вездѣ одинаковаго, человѣческаго типа. До настоящаго времени всѣ народы, несмотря на непомѣрно развившіяся сношенія, продолжаютъ сохранять свои индивидуальныя особенности и вносить каждый свою лепту въ общее дѣло. Однимъ словомъ, до сихъ поръ исторія безусловно благопріятна идеѣ „разнообразія", представляемаго отдѣльными личностями (единичными и коллективными) въ „единствѣ", представляемомъ международнымъ союзомъ, хотя бы до настоящаго времени и въ несовершенной степени. (На это указалъ еще Лоранъ). Допуская противное, прійдемъ ко всемірному государству въ какой бы то ни было формѣ; но исторія всегда противилась этому; нигдѣ и никогда не представляла она примѣра подобнаго государства, и всѣ попытки къ образованію всемірной монархіи потерпѣла полное фіаско. Другіе говорятъ, что человѣчество можетъ распасться на множество крошечныхъ общинъ съ полною автономіею. Но это прежде всего гадательно, и должно быть пока отнесено къ области фантазій,— такъ какъ та же неумолимая исторія даетъ совершенно обратныя указанія. Но пусть будетъ такъ; тогда для достиженія этого „идеала" потребуется не мало столѣтій, въ теченіи которыхъ все измѣнится, и формы общежитія и самъ человѣкъ. Къ тому времени человѣчество станетъ волноваться множествомъ другихъ вопросовъ, которыхъ мы теперь не можемъ и предугадать. Научно же можно и должно стоять только на почвѣ прошлаго и настоящаго, изучать историческія явленія, уже имѣющіяся. Сомнительно также, чтобы и въ этой идеальной формѣ далекаго будущаго принципъ личности могъ быть совершенно поглощенъ началомъ общенія. „Ни одна форма общенія не предполагаетъ уничтоженія индивидуальности отдѣльнаго народа" (и человѣка); отдѣльный человѣкъ не перестаетъ и не можетъ перестать быть *личностью* нигдѣ — ни въ семьѣ, ни въ общинѣ, ни въ государствѣ, ни въ человѣчествѣ" [2]). Древнія государства, стре-

[1]) *Rüdiger*. «Ueber Nationalität», стр. 129.
[2]) *А. Градовскій*,—ibidem, стр. 18.

мившіяся вполнѣ поглотить личность, не успѣли въ этомъ и должны были дѣлать уступки началу индивидуальному. Христіанство и германскій элементъ помогаютъ развитію принципа личности; новая исторія во всѣхъ государствахъ даетъ намъ длинный рядъ примѣровъ борьбы за свободу и права личности противъ подавленія ея государствомъ и верховною властью. Все идетъ къ установленію возможной гармоніи между началами личной свободы и порядка, поддерживаемаго общеніями различныхъ формъ. Права личности, индивидуальной свободы завоевываются сперва „третьимъ сословіемъ"; понемногу ими завладѣваетъ по праву и „четвертое сословіе", законно требующее при этомъ не тольо политической, но и экономической свободы, которой оно не находитъ въ современномъ государствѣ. Вездѣ—движеніе къ свободѣ личной, къ заполученію возможно широкихъ и полныхъ личныхъ правъ, ограниченныхъ единственно лишь до степени безусловно необходимой для достиженія путемъ союзовъ (общеній) высшихъ и сложныхъ цѣлей человѣческихъ, не достижимыхъ врозь и внѣ организованнаго порядка. Сами союзы (общенія) всегда гибнутъ при подавленіи начала свободы индивидуума; идеалъ человѣческихъ союзовъ—развить въ полнотѣ *человѣка* со всѣми его способностями и удовлетворить всѣмъ его потребностямъ; поэтому, не союзъ (общеніе)—цѣль человѣка, а *человѣкъ*—цѣль „общенія", прогрессирующаго вмѣстѣ съ культурнымъ прогрессомъ человѣка, типъ котораго постепенно совершенствуется въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ. Наконецъ, исторія международныхъ сношеній послѣдняго времени не только не подтверждаетъ, а опровергаетъ приводимое возраженіе. Италія, сдѣлавшись единою, не потеряла сознанія связи съ остальными человѣческими группами, не стала эгоистичнѣе, не идетъ къ разрѣзъ съ духомъ времени. Напротивъ того, она лучше гарантировала личную свободу, экономическое благосостояніе подданныхъ, энергичнѣе, цѣльнѣе дѣйствуетъ въ международномъ союзѣ, участвуя въ этомъ космополитическомъ общеніи съ большею разумностью, чѣмъ въ то время, когда она была подѣлена на мелкія государства, вносившія въ международный союзъ хаосъ противорѣчивыхъ, притомъ личныхъ интересовъ нѣсколькихъ владѣтельныхъ князей. Кто же возьметъ на себя смѣлость доказывать, что прежняя Италія была ближе къ интересамъ международнаго общенія, чѣмъ Италія въ настоящемъ ея видѣ? Между тѣмъ, если бы разбираемое возраженіе было вѣрно, то пришлось бы встрѣтиться именно съ явленіемъ обратнымъ противъ замѣчаемаго на самомъ дѣлѣ.

Мнѣніе, будто національное начало есть элементъ раздора и войны между народами, имѣетъ не мало приверженцевъ среди публики и въ ученомъ лагерѣ. Для этого имѣются, повидимому, вѣскія основанія: національная свобода покупалась цѣною кровопролитныхъ войнъ, цѣною громадныхъ матеріальныхъ и другихъ жертвъ. Изъ этого логика могла бы вывести такое заключеніе: не будь національныхъ стремленій, сократилось бы по всѣмъ вѣроятіямъ и число войнъ, въ основѣ которыхъ лежала національная идея, а слѣдовательно, и количество затратъ, пожранныхъ войнами [1]). Вообще же, даже при полномъ торжествѣ національнаго принципа, войны между націями будутъ отличаться большею свирѣпостью, чѣмъ войны прежняго времени, ибо національная вражда менѣе примирима. Между индивидуумами, говоритъ Dupont-White, мораль зиждется на томъ, что они не нуждаются въ уничтоженіи другъ друга ради того, чтобы жить; наконецъ, индивидуумы не имѣютъ и права вредить другъ другу. Но это не прилагается къ націямъ, у которыхъ нѣтъ морали, созданной для того, чтобы сдѣлаться закономъ. Жизнь націи—это ея независимость, сводящаяся къ числу населенія и пространству территоріи; въ этихъ условіяхъ лежитъ относительная сила народовъ, ихъ абсолютная жизнеспособность. Изъ нихъ же рождается „vae victis“. Нужда жизни однихъ—смертельна для другихъ (меньшихъ государствъ), инстинкты націй и, наконецъ, чувство чести, присущее націямъ, какъ и индивидуумамъ—вотъ три источника войны, всегда существующіе. Вопросъ жизни для однихъ народовъ, законной защиты для другихъ—всегдашнія причины войнъ между націями [2]).

Невозможно отрицать несомнѣнныхъ бѣдствій, которыя влечетъ за собою война; все же приходится имѣть съ ней дѣло, какъ съ фактомъ, анализируя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ степень ея законности и важности затрогиваемыхъ ею интересовъ. Какъ бы ни были велики жертвы войны, онѣ оправдываются невыносимостью положенія національностей, прибѣгающихъ къ ней для своего освобожденія или объединенія. Война была только крайнимъ средствомъ для достиженія этой цѣли, средствомъ, которое будетъ употребляться все рѣже, благодаря смягченію нравовъ и прогрессу въ

[1]) Колоссальныя цифры стоимости содержанія армій и войнъ даютъ намъ классическія изслѣдованія *Леруа-Больё* (Recherches économiques et statistiques sur les guerres con-temporaines) и *Patrice-Larroque* «Des guerres et des armées permanentes», 3-me édition, Paris, 1870 г. (см. особенно стр. 198—247).

[2]) *Dupont-White*. «Les droits et les devoirs de la France», стр. 256—263.

образованіи; оно потеряетъ современемъ свое raison d'être и замѣнится международнымъ судомъ. При отсутствіи же этого послѣдняго условія, націямъ остается или прибѣгать къ оружію, или жить въ прежнихъ условіяхъ, неудовлетворительность которыхъ лучше всего доказывается тѣмъ, что онѣ рѣшаются на самыя тяжелыя жертвы для достиженія независимости. Упрекъ, дѣлаемый національной теоріи [1]), скорѣе долженъ быть обращенъ на политику, подавлявшую національныя стремленія и препятствовавшую мирному освобожденію національностей. Если бы, напр., вѣнскіе и другіе трактаты благопріятствовали правамъ національностей, число войнъ могло бы значительно сократиться; уменьшились бы, слѣдовательно, жертвы и затраты на войны. Всѣ крупныя войны XIX столѣтія носили на себѣ въ большей или меньшей степени отпечатокъ національныхъ стремленій; нельзя, конечно, сказать, что война безусловно не существовала бы, если бы трактаты своевременно удовлетворили національнымъ стремленіямъ, такъ какъ имѣются и другія причины для войнъ [2]); тѣмъ не менѣе законы логики допускаютъ предположеніе, что многихъ изъ нихъ не было бы и впредь не будетъ, если національное начало получитъ достаточное признаніе и удовлетвореніе. Въ частности Италія, напр., имѣетъ въ настоящее время гораздо меньше шансовъ на войну съ Австріей, чѣмъ она имѣла ихъ еще въ недавнемъ прошломъ, а войны 1859 и 1866 годовъ не имѣли бы raison d'être, если бы Ломбардо-Венеціанская область досталась Піемонту по трактатамъ 1815 года, а Австрія не вмѣшивалась бы въ дѣла Италіи.

Странно слышать объ отсутствіи морали у націй, состоящихъ изъ массы индивидуумовъ, за которыми допускаютъ моральныя начала. Предположимъ, однако, что этотъ пессимистическій взглядъ, оправдывающійся прежними традиціями дипломатіи, мнившей представлять собою націи и народы, вполнѣ вѣренъ. Изъ этого всетаки не слѣдуетъ, чтобы указанныя Dupont-White'омъ отсутствіе морали у націй и другія причины были вѣчны и неизмѣнны, и чтобы прогрессъ не коснулся области международныхъ сношеній. Въ исторіи долго господствовала эгоистическая политика династическаго характера, часто даже безнравственная; но народы были втягиваемы въ нее, пріобщаемы къ ней насильственно и искусственно; ихъ личность и воля не принимались въ разсчетъ. Въ

[1]) *Bulmerincq*—«Praxis», стр. 69.
[2]) См. Em. de Laveleye «Des causes actuelles de guerre en Europe et de l'arbitrage» (см. первую часть).

настоящее время политика становится болѣе народною и теперь уже немыслимо многое, что считалось правомѣрнымъ и честнымъ въ „доброе старое" время. Національности будутъ развиваться физически и *нравственно*. Только тотъ, кто отрицаетъ эту элементарную истину, можетъ плакаться надъ неизмѣнностью своекорыстныхъ и нечестныхъ побужденій, свойственныхъ націямъ. Самый взглядъ грѣшитъ нѣсколько и противъ исторической правды: войны безспорно гуманизируются. Сравнивая любую не національную войну XVII и XVIII столѣтій съ самой свирѣпой изъ національныхъ войнъ переживаемаго нами вѣка, увидимъ замѣтную разницу въ пользу послѣднихъ, какъ въ способахъ веденія войны, такъ и въ обращеніи съ ранеными, больными и плѣнными, съ жителями занятой территоріи и съ самой территоріей.

Конечно, нѣкоторыя національныя войны нашего столѣтія отличались, сами по себѣ, жестокостью; безспорно, онѣ могли и должны бы вестись гуманнѣе. Но именно неудовлетвореніе національной идеи, встрѣчавшей препятствіе со стороны противника, объясняетъ это „скопленіе національной вражды", разразившейся излишними жестокостями. Справедливо говоритъ M. Deloche, что въ послѣднее время націи выказываютъ себя все болѣе терпимыми и расположенными къ уступкамъ во всемъ, что не касается ихъ обоюдной независимости; онѣ сознаютъ, что должны работать сообща на пользу непрестаннаго усовершенствованія человѣческаго существа и соціальнаго строя [1]). По окончаніи работы возстановленія европейскихъ національностей „континентъ быстро пойдетъ къ полному умиротворенію". Торжество національнаго принципа поведетъ, по его мнѣнію, къ поддержанію между націями того, что образуетъ характеристическія ихъ черты и весьма драгоцѣнное различіе въ ихъ способностяхъ и продуктахъ ихъ дѣятельности [2]). Laurent идетъ еще дальше и утверждаетъ, что „начало національности есть лучшая гарантія мира". Война будетъ естественнымъ состояніемъ человѣчества только до тѣхъ поръ, пока имѣются государства, которыя образуются, увеличиваются и разрушаются чрезъ посредство завоеванія. Если бы на мѣстѣ этихъ государствъ были національности, не было бы „болѣе и рѣчи о завоеваніяхъ" [3]).

Кромѣ всѣхъ этихъ по преимуществу теоретическихъ возраженій, выставляются еще возраженія изъ области *дѣйствитель-*

[1]) *M. Deloche*. «Du principe des nationalités», стр. 143—144.
[2]) Ibidem, стр. 145—147.
[3]) *Laurent*—tome I, стр. 486.

ной практической жизни. Указывается на существованіе нѣкоторыхъ государствъ, въ которыхъ „условія благоденствія" не нарушаются тѣмъ, что государства состоятъ изъ многихъ народностей въ настоящемъ, культурномъ смыслѣ. „Главнымъ боевымъ орудіемъ", говоря словами профессора Градовскаго, служитъ примѣръ Швейцаріи [1]) и, прибавимъ отъ себя, отчасти и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Послѣдній примѣръ, впрочемъ, мало пригодное оружіе для нападеній. Подавляющій численно элементъ населенія ихъ —англійскій; французы массами живутъ почти исключительно въ Луизіанѣ и, окруженные количественно подавляющимъ англійскимъ элементомъ, теряютъ уже свой языкъ; нѣмецкій элементъ значителенъ, но, приходя въ готовое уже государство, разсѣянъ по всѣмъ штатамъ. Типъ „янки" вполнѣ сложился; у всѣхъ штатовъ есть „общая цѣль дѣятельности", у всѣхъ индивидуумовъ—туземцевъ, успѣвшихъ создать своеобразный культурно-политическій типъ, есть свободное сознаніе своей національности, процессъ образованія которой быстро заканчивается. Соединенные Штаты находились и въ условіяхъ, особенно благопріятныхъ. Около первыхъ штатовъ, положившихъ начало будущему союзу, концентрировались понемногу другіе, сохранявшіе значительную свободу, только понемногу переходившіе отъ полной почти независимости къ болѣе тѣсному единству въ формѣ союза государствъ, обращавшагося постепенно въ союзное государство (съ болѣе сильною центральною властью и уменьшенною автономіей штатовъ) по мѣрѣ того, какъ росло и укрѣплялось сознаніе своего „я" и „общей цѣли дѣятельности". Наконецъ, въ Соединенныхъ Штатахъ издавна обезпечена полная свобода личности. Лучшіе американскіе юристы, оффиціальные документы, союзныя конституціи всѣ и притомъ издавна разсматривали Соединенные Штаты какъ націю; это обстоятельно доказывается Fr. Lieber'омъ. Онъ видитъ въ своей націи органическое единство, которое онъ считаетъ главнымъ отличіемъ націи отъ народа; всѣ американцы всегда чувствовали, „что они были націею" и „стараются остаться ею". Послѣдняя война съ южными конфедератами велась для болѣе крѣпкаго „соединенія и устроенія американской національности" [2]). Намъ думается, что на эту ужасную войну, въ основѣ которой лежали экономическія условія юга,

[1]) *А. Градовскій.* «Національный вопросъ», стр. 23.
[2]) *Francis Lieber.* «Fragments of political science on Nationalism and Inter-nationalism». New-York, 1868 г., стр. 8, 14, 17—18.

построенныя на рабскомъ трудѣ, должно смотрѣть какъ на явленіе, свидѣтельствующее о недостаточномъ въ то время развитіи у южныхъ штатовъ чувства сознанія національнаго единства, *окрѣпшаго* послѣ уничтоженія ненормальныхъ экономическихъ условій (въ которыхъ жили южане), имѣвшихъ рѣшительное вліяніе на слабость узъ, соединявшихъ сѣверъ и югъ. Съ уничтоженіемъ этихъ условій пресѣклись и причины, препятствовавшія тѣсному единенію и сознанію „общей цѣли дѣятельности". Мы думаемъ даже, что если бы югъ одержалъ верхъ надъ сѣверомъ и образовалъ независимое государство, то рано или поздно, онъ въ концѣ концовъ пришелъ бы снова къ соединенію съ сѣверомъ, послѣ того какъ естественный прогрессъ гуманности и политической идеи привелъ бы къ отмѣнѣ рабства, служившаго преградою для соединенія сѣвера и юга въ одной „общей цѣли дѣятельности".

Примѣръ Швейцаріи опровергается профессоромъ Градовскимъ. Примѣръ этотъ, единственный въ своемъ родѣ, доказываетъ только то, что при исключительно-благопріятныхъ условіяхъ, различныя народности могутъ ужиться въ одной государственной формѣ, но не составить новой національности. Главное условіе слѣдующее: дѣйствительная равноправность всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ союза. Въ немъ нѣтъ господствующей народности; федеративная форма устройства съ весьма значительной политической самостоятельностью отдѣльныхъ кантоновъ: „Нѣмцу", говоритъ профессоръ Градовскій, „не грозитъ офранцуженіе, а итальянцу онѣмеченіе; Швейцарія не испытывала съ давнихъ поръ нужды въ строгомъ народномъ единствѣ. Ей гарантированъ вѣчный нейтралитетъ; она поддерживается, главнымъ образомъ, „своимъ политическимъ ничтожествомъ"; географическое и стратегическое положеніе ея такъ важно, что „сильные сосѣди (Италія, Германія и Франція) не рѣшаются давать другъ другу доступа въ страну". Въ итогѣ выходитъ, что Швейцарія не составляетъ исключенія изъ общаго правила; есть швейцарскіе французы, нѣмцы и итальянцы, но нѣтъ швейцарской народности"; т. е. государственное общеніе не создало, какъ то воображаютъ и въ наше время, національности. Отдѣльныя народности Швейцаріи и не желаютъ слиться въ одинъ народъ. Народъ швейцарскій не разъ отвергалъ проекты измѣненія въ конституціи, которыми предполагалось придать союзу большее національное единство [1]). Не-

[1]) *А. Градовскій.* «Національный вопросъ», стр. 23—25.

давно еще возбужденъ былъ въ Швейцаріи вопросъ о возстановленіи смертной казни, отмѣненной для всего союза. Партія автономистовъ добилась разрѣшенія для кантоновъ права возстановленія этого наказанія, и теперь уже доказано, что вся борьба была поводомъ къ усиленію самостоятельности кантоновъ въ ущербъ власти федеральной.

Имѣются еще возраженія, касающіяся способовъ осуществленія принципа. Есть мѣстности, въ которыхъ народности такъ перемѣшаны, что нельзя причислить ихъ къ тому или другому національному государству (напр. Моравія и Силезія). Подобные случаи, впрочемъ, рѣдки и исключительны; національная теорія и не претендуетъ на абсолютную непогрѣшимость и полное практическое примѣненіе, не знающее никакихъ ограниченій и исключеній. Политическія же науки вообще „не терпятъ безусловнаго, безпощаднаго примѣненія извѣстныхъ принциповъ къ практической жизни“ [1]). Кто же мѣшаетъ, въ подобныхъ случаяхъ, прибѣгнуть къ народному голосованію, обставивъ оное по возможности лучшими условіями, обезпечивающими свободное и дѣствительное выраженіе воли населенія. Помощь народнаго голосованія особенно необходима послѣ войнъ, когда ставится вопросъ объ отторженіи и присоединеніи извѣстной территоріи къ побѣдителю, опирающемуся на капризъ и ссылающемуся на интересы самозащиты или на начала „національнаго права“.

ГЛАВА IV.

Національность и право завоеванія.

Вопросъ этотъ поднятъ вновь во время франко-прусской войны по поводу Альзаса и Лотарингіи. Онъ вызвалъ обширную научную и политическую литературу, въ которой какъ бы сконцентрированы всѣ доказательства за и противъ присоединенія съ правовой, политической и исторической точекъ зрѣнія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ нѣмецкіе писатели стояли за присоединеніе; въ подкрѣпленіе права Германіи на упомянутыя выше области, одни изъ этихъ писателей приводили безусловное *пра-*

[1]) *А. Градовскій.* „Національный вопросъ“, стр. 27—28.

во завоеванія (например҃ъ, историкъ Зибель) [1]), долженствующее существовать пока существуетъ война, послѣдствіемъ которой является завоеваніе. Другіе, отвергая эту исключительную точку зрѣнія, или не придавая ей особеннаго значенія защищали присоединеніе съ точки зрѣнія гарантій для государства, подвергшагося несправедливому нападенію, оправдываемыхъ, какъ международнымъ правомъ, такъ и политическими соображеніями (напр., Holtzendorf и за нимъ Роленъ Жакменъ, а также итальянецъ Гвидо Паделлетти [2]). Среди нѣмцевъ и писателей другихъ національностей, выступившихъ за требованія Германіи, находились, однако, и такіе, которые, признавая недостаточность всѣхъ предшествовавшихъ основаній или прямо отрицая ихъ законность, ставили рѣшеніе вопроса въ зависимость отъ національной теоріи. Оправдывали присоединеніе началомъ національности, которое толковалось и понималось крайне произвольно, а нѣмецкими писателями всегда почти въ пользу видовъ Германіи (напр., pr. Wagner, Menzel, Maurenbrecher) [3]). Французскіе писатели всѣ поголовно стали на почву отрицанія права завоеванія, какъ несоотвѣтствующаго современному международному праву (напр., Achille Morin и Montluc). Затѣмъ, эксплуатируя національный принципъ въ свою пользу, и тоже произвольно толкуя его, они прикрывались имъ для того, чтобы отстаивать права Франціи на Альзасъ и Лотарингію, которые давно сроднились съ Франціей, ненавидятъ Германію и стремятся добровольно и сознательно къ тому, чтобы остаться провинціями французскими. Истинныя національныя симпатіи, говорятъ эти писатели, могутъ быть узнаны только при посредствѣ обращенія къ населенію, которое и выразитъ голосо-

[1]) *Henri Sybel*. „Les droits de l'Allemagne sur l'Alsace et la Lorraine", Bruxelles, 1871 г., особ. стр. 119.

[2]) *Franz v. Holtzendorf*. «Eroberung und Eroberungsrecht», Berlin, 1872 г. (отдѣльная брошюра, но можно найти ее и въ видѣ статьи въ его «Sammlung gemeinverständlicher wissenschaftlicher Vorträge», Heft 144; противъ Rolin-Jacquemyns. «Revue de droit international», tome IV (стр. 481—525), tome II (за 1870 г.). «La guerre actuelle», стр. 625—697, tome III. «Essai contemporain sur la guerre franco-allemande dans ses rapports avec le droit international», *особенно же* стр. 583—584; *Guido-Padelletti*—въ извѣстной намъ статьѣ его, глава III.

[3]) *Wagner* (пр. полит. экономіи въ Берлинѣ). «Elsass und Lothringen und ihre Wiedergewinnung für Deutschland». Leipzig, 1871 г. Ссылается на прежнюю принадлежность этихъ провинцій Германіи и на общность германскаго языка и происхожденія жителей Альзаса и части Лотарингіи, *W. Menzel*. «Elsass und Lothringen sind und bleiben unser», Stuttgart, 1870 г. Та же точка зрѣнія. Сильно взываетъ къ нѣмецкому патріотическому чувству. *A. Maurenbrecher* (prof. zu Koenigsberg). «Elsass—eine deutsche Provinz», Berlin, 1870 г.

ваніемъ (suffrage universel) свою принадлежность къ той или другой національности. Никакое отторженіе территоріи не мыслимо и не законно безъ согласія населенія требуемой страны и согласіе это должно свободно выразиться во всеобщемъ голосованіи (напр., Morin, Montluc, американецъ Sumner; въ этомъ же смыслѣ изъ нѣмцевъ d-r Jacoby) [1]. Такимъ образомъ, присоединеніе Альзаса и Лотарингіи могло имѣть мѣсто только съ согласія жителей, спросъ которыхъ привелъ бы къ результатамъ вполнѣ несовмѣстимымъ съ видами Германіи. Почти всѣ нѣмецкіе писатели и многіе иностранные выступили противъ принципа народнаго голосованія, нѣкоторые безусловно (Holtzendorff, Rolin-Jacquemyns, Guido Padelletti и Lieber) [2]; другіе, не признавая голосованіе безусловно необходимымъ, считали его, однако, полезнымъ (Bluntschli) [3].

Въ общемъ итогѣ получается такой хаосъ противоположныхъ началъ и аргументовъ, среди которыхъ страсть и увлеченія играли значительную, иногда же и рѣшающую роль, что въ немъ можно оріентироваться только съ большими трудностями. Наша задача облегчается тѣмъ, что, не касаясь непосредственно Альзаса и Лотарингіи, мы можемъ выбросить весь лишній для насъ хламъ и, не будучи заинтересованы личными симпатіями или антипатіями, можемъ поставить къ разрѣшенію слѣдующіе вопросы:

I) На чемъ остановилась исторія международныхъ сношеній и военнаго права по вопросу о законности завоеванія, т. е. отчужденія непріятельской территоріи послѣ войны и присоединенія ея къ территоріи побѣдителя; II) если это отчужденіе должно быть допущено, то при какихъ условіяхъ, т. е. должна ли уступка быть поставлена въ зависимость отъ согласія населенія; III) въ чемъ будетъ заключаться при этомъ роль международнаго союза?

I. Съ точки зрѣнія исторической для насъ кажется несомнѣннымъ, что право завоеванія удержалось до сихъ поръ въ международномъ правѣ какъ остатокъ, традиція древняго міра; оно быстро идетъ къ исчезновенію и скоро совсѣмъ не будетъ имѣть raison d'être. Древній міръ съ его войною, какъ естественнымъ

[1]) *Ach. Morin*, «Lois relatives à la guerre», 2 volumes; *De Montluc*, «Le droit de conquête», см. въ «Revue de droit international», tome III, стр. 531—536; *Charles Sumner*, «The duel between France and Germany». Boston, 1871 г. Высказывается вообще противъ территоріальной уступки и видитъ для Германіи достаточную гарантію въ *обезоруженіи Франціи*.

[2]) *Fr. Lieber*. «De la valeur des plébiscites dans le droit international». См. въ «Revue de droit international», tome III, стр. 139—145.

[3]) *Bluntschli*. «Völkerrechtliche Betrachtungen ueber den französisch-deutschen Krieg», 1870—71 гг., см. въ «Jahrbuch für Gesetzgebung des deutschen Reichs», I Hälfte, 1871 г., стр. 340.

состояніемъ, рождавшимъ права, міръ, въ которомъ царили начала „vae victis“ и „adversus hostem aeterna auctoritas“ *смѣшивалъ территорію съ ея населеніемъ.* Права войны были равно абсолютны и жестоки относительно территоріи, какъ и относительно населенія. Война, рождавшая для побѣдителя крѣпкія права собственности на вещи, землю и людей, одинаково освящала разореніе и опустошеніе территорій, убійство или плѣнъ съ рабствомъ, какъ его послѣдствіемъ для жителей, насильственное ихъ переселеніе въ чуждыя имъ страны (напр., переселеніе евреевъ). Средніе вѣка, слѣдуя вначалѣ строгимъ постановленіямъ и взглядамъ римскаго права, начинаютъ понемногу подъ вліяніемъ христіанства, смягчавшаго права и гуманизировавшаго идею войны, отдѣлять понятіе о личности человѣка, населяющаго покоренныя территоріи, отъ понятія о населяемой имъ территоріи. Послѣдняя еще разсматривается какъ вещь, пріобрѣтенная завоеваніемъ въ полную собственность побѣдителя, который не знаетъ правъ жителей на нее, распоряжается произвольно, даритъ, покупаетъ, обмѣниваетъ, отдаетъ въ приданое, и т. д. Но *житель* покоренной страны изъ состоянія рабства возвышается до состоянія крѣпостного, потомъ полусвободнаго, восходя въ новѣйшее время до степени совершенно свободнаго человѣка, который уже не разсматривается какъ вещь, подлежащая куплѣ и продажѣ. Постепенный прогрессъ идеи свободы привелъ къ тому, что личность вообще сдѣлалась свободною и понятіе это всецѣло распространяется уже на обитателя покоренной страны. Самая же страна, благодаря феодализму, крѣпко сидѣвшему „на землѣ“, а затѣмъ благодаря династической политикѣ въ международныхъ сношеніяхъ, все еще упорно разсматривается какъ собственность феодала или государя, почему войны, которыя велись собственно для увеличенія политическаго могущества, всецѣло распространяютъ еще на территорію строго римское понятіе о рождающихъ право собственности послѣдствіяхъ войны. Въ итогѣ выходитъ, что отношенія права войны къ территоріи и жителямъ дѣлаются постепенно неодинаковыми: относительно территоріи оставались въ силѣ законы и традиціи древняго военнаго права, а личность жителей побѣжденной страны все болѣе и болѣе эмансипировалась. Въ ней нуждались въ качествѣ податной и рекрутской единицы, но ее все больше и больше уравнивали въ правахъ и обязанностяхъ съ остальными подданными. Въ эпоху революціи это древнее единство судебъ территоріи и ея жителей окончательно

рушится и между отношеніемъ побѣдителя къ землѣ и жителямъ является огромная разница.

Имперія старалась сдѣлать жителей побѣжденныхъ и присоединяемыхъ провинцій французами и распространить на нихъ всѣ тѣ права, которыми пользовались французскіе граждане. Съ вѣнскаго конгресса замѣчается ослабленіе права завоеванія; оно проявляется рѣже; такъ какъ династическая политика стушевывается, политическое равновѣсіе съ его хищническими поползновеніями на территорію сосѣда теряетъ подъ собою почву; военное право гуманизируется. Территорія не есть уже собственность князя, а собственность государства, всего народа. Тѣмъ временемъ права личности начинаютъ достигать высшей степени развитія въ государствѣ и принципъ свободы индивидуума переносится на націи, обитающія на извѣстной территоріи. Судьбы территоріи (послѣ войны) начинаютъ вновь пріурочиваться къ признаннымъ и уже укрѣпившимся понятіямъ о свободѣ личности, за которою во всѣхъ почти государствахъ признаютъ уже право перемѣнять подданство. Территорія, переставшая быть матеріаломъ—собственностью правителя, разсматривается какъ собственность населенія его занимающаго, неразрывно съ нимъ связанная, необходимая ему для удовлетворенія его экономическихъ нуждъ. *Личность* становится снова связанною съ территоріею, *но подъ условіемъ свободы* (ибо она можетъ покинуть его и даже перейти въ подданство другой страны); а такъ какъ индивидуумъ—человѣкъ и индивидуумъ—нація все болѣе признаются свободными и самостоятельными, то, слѣдовательно, распоряженіе территоріей безъ согласія ея жителей становится противнымъ праву, которое охраняетъ личную свободу. Поэтому-то позднѣйшіе трактаты настоящаго столѣтія переносятъ право перемѣны подданства на *цѣлыя массы* обитателей присоединяемой страны; имъ предоставляется въ договорахъ опредѣленный срокъ, обыкновенно годовой, въ теченіе котораго они могутъ заявить о своемъ желаніи остаться гражданами того государства, которому принадлежала отчуждаемая территорія. Относительно самой территоріи удерживаются еще старыя традиціи — еще считается возможнымъ присоединить ее и безъ согласія жителей.— Въ этомъ послѣднемъ отношеніи замѣтенъ, однако, значительный прогрессъ: войны, предпринятыя изъ-за національныхъ стремленій, оканчиваются иногда трактатомъ, въ которомъ уступка провинціи становится въ зависимость отъ явно выраженнаго согласія ея населенія. Ясно, что постепенный прогрессъ въ международныхъ сношеніяхъ и гуманизація права войны приведутъ насъ къ тому, что

право массъ (въ принципѣ) рѣшать свою судьбу, т. е. сохранять прежнее подданство или переходить въ новое, тѣсно сольется съ правомъ этой массы рѣшать и судьбу самой территоріи; иными словами, уступка послѣдней станетъ въ безусловную зависимость отъ согласія населенія, которое имѣетъ право на свою страну и не можетъ быть оторвано отъ нея безъ собственнаго, свободно выраженнаго желанія. Торжество національнаго принципа непремѣнно поведетъ къ такому конечному результату. Покуда старыя традиціи уже расшатаны, но новыя еще не вытѣснили первыхъ. Новое направленіе выразилось въ нѣкоторыхъ договорахъ; напр., трактатъ объ уступкѣ Савойи и Ниццы (въ Туринѣ, отъ 24-го марта 1860 г.) и всѣ извѣстныя намъ событія, поведшія къ объединенію Италіи, т. е. соединеніе съ нею Милана, Венеціанской области, Мархіи, Рима, и т. д., имѣли мѣсто послѣ народнаго голосованія и Австрія ставила уступку въ непосредственную зависимость отъ явно выраженной голосованіемъ воли населенія. Въ послѣднее время даже мирныя уступки территорій, не вынужденныя войною, оговариваются „согласіемъ населенія" страны. Такъ, напр., островъ св. Варѳоломея, уступленный Швеціи въ 1784 году Людовикомъ XVI, возвращенъ Франціи по трактату 1 августа 1877 года съ присоединеніемъ упомянутой выше оговорки [1]). Что же касается оставленія за населеніемъ права сохранять старое подданство, обусловленное извѣстнымъ срокомъ для переселенія со всѣмъ движимымъ имуществомъ, то это право можетъ остаться общепризнаннымъ въ современныхъ трактатахъ. Такъ, напр., оно сохраняется въ сейчасъ приведенномъ трактатѣ Швеціи и Франціи (§ II—срокъ одинъ годъ); во франкфуртскомъ трактатѣ при присоединеніи Альзаса и Лотарингіи (§ 2 договора 2 мая 1871 г.); въ туринскомъ договорѣ (срокъ — 1 годъ) [2]). Въ этихъ договорахъ, однако, имѣются различія въ условіяхъ; въ туринскомъ говорится, что рожденные (originaires) и имѣющіе мѣстопребываніе (domiciliés) въ графствахъ Ниццѣ и Савойѣ переходятъ въ подданство Франціи, если не заявятъ о противномъ въ теченіи 1 года; то же условіе, повидимому, и во франкфуртскомъ трактатѣ, но нѣмецкія власти толковали спорный параграфъ (§ 2) трактата въ такомъ смыслѣ, что достаточно быть рожденнымъ на уступаемыхъ территоріяхъ, чтобы стать германскимъ подданнымъ, хотя бы мѣ-

[1]) См. § 1 трактата 1877 г. у G. *Cogordan* «La nationalité au point de vue des rapports internationaux». Paris, 1879 г., стр. 376—279.

[2]) Ibidem, стр. 378, 341 и 324—325.

стожительства (domicil) и находилось въ другомъ департаментѣ. Французскія же власти считали необходимымъ оба условія, вмѣстѣ взятыя [1]). Наконецъ, по трактату 1877 года только имѣющіе жительство (domiciliés), а не рожденные на островѣ св. Варѳоломея подлежали присоединенію [2]).

Исторія ведетъ насъ, очевидно, къ совершенному уничтоженію права завоеванія и уступки территоріи безъ явно и свободно выраженнаго согласія населенія; это вполнѣ совпадаетъ съ демократическимъ направленіемъ нашего вѣка, который не разсматриваетъ уже населеніе какъ безгласное стадо, а признаетъ за нимъ права личности. Даже среди публицистовъ, допускающихъ въ исключительныхъ случаяхъ (напр. изъ соображеній самообороны и гарантій на будущее время) насильственное отчужденіе части вражеской территоріи, мы видимъ безусловное осужденіе войнъ, имѣющихъ завоевательныя цѣли [3]); они склонны допустить въ исключительныхъ случаяхъ завоеваніе какъ фактъ, оправдываемый несправедливымъ нападеніемъ, какъ кару несправедливо нападающему, вознагражденіе за прошлое и гарантію будущаго [4]). По мнѣнію нѣкоторыхъ (нѣмецкіе писатели и Rolin Jacquemyns), присоединеніе возможно въ томъ случаѣ, когда почти все населеніе уступаемой территоріи соединено съ новымъ оккупантомъ могущественными историческими и этнографическими связами (напр. Альзасъ и Лотарингія) [5]). Дѣлая всѣ эти оговорки, смягчающія строгое понятіе о правѣ завоеванія, писатели этого лагеря тѣмъ не менѣе высказываются съ большею или меньшею рѣзкостью противъ народнаго голосованія, какъ фактора необходимаго, чтобы уступка территоріи была законной.

II) Аргументы, которыми обыкновенно поражаютъ принципъ народнаго голосованія, особенно рельефно выставлены Гвидо-Паделлетти и Фр. Либеромъ, отчасти и Гольцендорфомъ [6]). Ихъ можно свести къ возраженіямъ принципіальнымъ, историческимъ и, наконецъ, къ возраженіямъ, касающимся способовъ осуществленія народнаго голосованія.

[1]) *G. Cogordan.*—Ibidem, стр. 341—343 и 344—346.
[2]) Ibidem, стр. 378—379.
[3]) *Fr. v. Holtzendorf.* «Eroberung», стр. 32.
[4]) *Rolin-Jacquemyns.* «Revue de droit intern.», tome IV, стр. 517, особенно tome II, стр. 696—697; tome III, стр. 384; *Guido-Padelletti*, «L'Alsace et la Lorrain».
[5]) Rolin Jacquemyns—Revue, tome III, стр. 384.
[6]) *Bluntschli* держится средняго, болѣе умѣреннаго мнѣнія: онъ находитъ голосованіе полезнымъ, но не необходимымъ.

Съ принципіальной точки зрѣнія возражаютъ, что самый принципъ народнаго голосованія, при рѣшеніи вопроса объ уступкѣ территоріи, есть логическое развитіе вполнѣ ложной идеи. Когда требуется для легитимизаціи уступки части государственной территоріи согласіе каждаго гражданина, что сводится къ согласію большинства жителей, то „смѣшивается случайное образованіе государства съ существованіемъ и самой идеей государства". Можетъ, конечно, случиться, что государство образуется добровольнымъ согласіемъ извѣстнаго числа индивидуумовъ. Но какъ только оно образовалось, оно уже нѣчто совершенно различное отъ простой ариѳметической агломераціи индивидуумовъ. При требованіи для народовъ свободы располагать собою игнорируется „органическая природа государства". Международное право знаетъ и можетъ знать „только государства", а указанное требованіе имѣетъ въ виду „націи" и связано съ принципомъ національности. Государство же, по самой природѣ своей, авторитетно принимать всѣ рѣшенія, которыя оно считаетъ необходимыми или удобными для своего прогресса, безопасности или самаго существованія своего. Рѣшенія эти должны быть приняты въ легальныхъ формахъ установленными публичными властями [1]. Разъ же принявъ начало плебисцита, невозможно было бы отвергать претензію, которую можетъ предъявить часть государства для абсолютнаго отдѣленія отъ другихъ провинцій, съ цѣлію присоединиться къ другому государству или образовать изъ себя независимую державу [2]! Это крайнее послѣдствіе принципа естественно отталкиваетъ отъ себя каждаго публициста, не потерявшаго „il ben dell'intellecto" (даръ разума): оно повело бы къ полному расторженію политическихъ связей, къ хаосу въ публичномъ правѣ [3]).

Слабость этого возраженія заключается въ томъ, что оно игнорируетъ историческую сторону вопроса о связи территоріи съ судьбою ея обитателей, которую мы выше старались разъяснить и установить. Приведенное мнѣніе силится дать *абсолютный* принципъ для политической науки, игнорирующій живую дѣйствительность и массу фактовъ, проникнутыхъ одною руководящею идеею (національнымъ принципомъ), съ которыми, такъ или иначе, но приходилось же считаться. Сама идея государства можетъ и должна оставаться съ ея понятіемъ о цѣльности и единствѣ; но отсюда

[1]) *Guido-Padelletti*. «L'Alsace et la Lorraine», стр. 489—490.
[2]) *Fr. Lieber*. «De la valeur des plébiscites», стр. 144.
[3]) Ibidem, стр. 491.

вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы ради ея должно было приносить въ жертву не менѣе святую идею свободы въ ея примѣненіи къ индивидууму и коллективнымъ индивидуумамъ, сроднившимся съ извѣстной территоріей, эксплуатирующимъ ее, привязаннымъ къ ней во многихъ отношеніяхъ. Само государство существуетъ ради человѣка и его нуждъ, а не человѣкъ для государства. Это признается современнымъ правомъ, допускающимъ единичные и массовые переходы въ чужое подданство (см. вышеприведенные нами трактаты). А если это допускается, то отчего же не допустить право тѣхъ же личностей распорядиться судьбою территоріи, входящей въ это „государственное, органическое единство“, ради котораго не должно приносить въ жертву индивидуумовъ и цѣлыя ихъ массы идеѣ (праву завоеванія), переданной намъ по наслѣдству изъ древняго міра, существовавшаго при совершенно особенныхъ условіяхъ. Приведенный взглядъ грѣшитъ и большою непослѣдовательностью. Онъ опирается на идею „единства“, полноправнаго и безусловно компетентнаго въ рѣшеніи участи провинцій государства; изъ послѣдовательности онъ отрицаетъ ради этого „единства“ право населенія провинцій, но тутъ же нарушаетъ эту же идею (единство) въ пользу третьяго, т. е. государства, требующаго уступки провинціи послѣ войны. Люди, ради которыхъ существуетъ государство, сами не въ правѣ рѣшить свою участь, но ее рѣшаетъ третья, непосредственно заинтересованная въ уступкѣ сторона!

Когда ставится вопросъ о народномъ голосованіи уступки, прежде всего дѣло идетъ о сохраненіи „единства“ государственнаго, ибо результатъ его можетъ быть благопріятенъ державѣ, отъ которой требуютъ уступки. И онъ всегда будетъ благопріятенъ сохраненію стараго подданства, если дѣло не идетъ о національныхъ стремленіяхъ; если же затронуты послѣднія, то, согласно всему предъидущему изложенію, можно только желать отдѣленія при свободномъ согласіи населенія. Отвергать его потому только, что это было бы нарушеніемъ самой идеи государства и смѣшеніемъ ея съ фактами случайнаго образованія государства, было бы несправедливо, ибо слѣдуетъ примиряться съ событіями, вынужденными обстоятельствами, извѣстная совокупность которыхъ всегда приведетъ къ извѣстнымъ же результатамъ; оно было бы и непрактично, такъ какъ построеніе абсолютныхъ политическихъ принциповъ не остановитъ естественнаго развитія условій для образованія новыхъ государствъ и отторженія провинцій во имя націо-

нальнаго начала. Допустимъ, что въ теоріи принципъ плебисцита, дѣйствительно, ведетъ къ праву провинцій на отдѣленіе отъ цѣлаго. Никто, однако, не могъ еще указать многихъ примѣровъ злоупотребленія этимъ правомъ. Это стремленіе къ отдѣленію по общему правилу всегда имѣлось только тамъ, гдѣ налицо были условія, образующія національность, стремившуюся къ выдѣленію или объединенію. А гдѣ имѣется національность, тамъ она приходила и будетъ еще приходить въ столкновеніе съ трактатами и идеею ,,органическаго единства государства", если договоры противорѣчатъ національной идеѣ. Изъ этого столкновенія, заключающагося чаще всего побѣдою послѣдней, нарождается новое право, новыя государства, болѣе нормальныя, въ которыхъ нечего бояться ,,отторженія провинцій". Ни одна провинція Франціи не захочетъ отдѣлиться отъ нея и присоединиться, напр., къ Англіи или Германіи, даже въ томъ случаѣ, если бы въ этихъ странахъ былъ идеально совершенный государственный и экономическій строй; Ломбардо-Венеціанская область никогда не пожелаетъ возсоединенія съ Австріей, если бы даже ей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и жилось лучше съ Австріей. Вообще же, приведенное возраженіе скорѣе направлено противъ самой національной теоріи, почему и не нуждается въ дальнѣйшемъ опроверженіи. Во всѣхъ возраженіяхъ этого рода видно нѣкоторое недовѣріе и опасеніе предъ логическими послѣдствіями начала свободы и народнаго суверенитета и то, что приводилось въ былыя времена противъ права участія народа въ управленіи и теперь уже опровергнуто, удерживается еще какъ неопровержимое доказательство противъ права того же народа располагать своей территоріей. Въ трактатахъ же, обычаяхъ и государственныхъ законахъ многихъ странъ, допускающихъ перемѣну подданства, можно усматривать ,,уже нѣкоторую уступку элементу индивидуальной воли, подвижность котораго смягчается сочетаніемъ его" съ пребываніемъ на извѣстной территоріи, къ которой индивидуумъ привязанъ естественными и многообразными условіями. Самъ Блунчли признаетъ, напр., что государственная территорія, или часть ея можетъ быть взята во владѣніе другимъ государствомъ и правомѣрно инкорпорирована, если населеніе имѣло достаточныя основанія къ устраненію прежде бывшей государственной власти и добровольно соединялось съ пріобрѣтающимъ государствомъ. Оно можетъ также имѣть мѣсто, какъ результатъ необходимаго шага впередъ въ развитіи національнаго государства. Въ чемъ же будетъ лежать гарантія желанія населенія устранить старое и присоединиться къ новому

государству и того, что населеніе территоріи дѣйствительно одержимо національнымъ стремленіемъ, какъ не въ свободно выраженномъ поголовномъ голосованіи населенія? Не государство присоединяющее можетъ, конечно, быть безпристрастнымъ и компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ оно будетъ руководствоваться эгоистическими интересами и злоупотреблять словомъ „національность“; держава же, отъ которой хотятъ оторвать частицу, тоже непосредственно заинтересована, чтобы удержать ее за собою. Споръ долженъ быть рѣшонъ, или грубою силою, или же постановленіемъ населенія, занимающаго территорію, такъ какъ оно во всякомъ случаѣ лучше знаетъ свои интересы и сознаетъ свои національныя стремленія. Народное голосованіе будетъ посредникомъ между крайностями обѣихъ пристрастно относящихся къ дѣлу сторонъ.

„Въ пользу плебисцита“, говоритъ Либеръ, „международное право не можетъ быть приводимо. Нѣтъ никакого обычая или правила этого рода“. Часто, можетъ быть даже въ большинствѣ случаевъ, плебисцитъ былъ бы невозможенъ; ему нельзя довѣряться ни въ какомъ случаѣ, а если стать на философскую точку зрѣнія, „нѣтъ ничего, что бы оправдывало его“. На какомъ основаніи простое большинство людей опредѣленнаго возраста „рѣшило бы національность всѣхъ, включая сюда и меньшинство, которое можно предположить значительнымъ“? Почему не требовать $^2/_3$ и даже $^3/_4$ голосовъ? Еще труднѣе отвѣчать на вопросъ—кто установилъ въ столь основномъ вопросѣ „право живущихъ рѣшать о національности будущихъ генерацій“? Самый принципъ большинства „есть недавнее нововведеніе въ исторіи націй“. Въ извѣстныя эпохи у нѣкоторыхъ народовъ преобладалъ принципъ единогласія, въ средніе вѣка почти повсюду установлено $^2/_3$ голосовъ. Безъ сомнѣнія, всякая нація имѣетъ безспорное право рѣшать для себя самой—желаетъ ли она быть управляемой во внутреннихъ дѣлахъ большинствомъ; но никогда это большинство, будь оно велико или мало, не можетъ претендовать на jus divinum [1]).

Все это разсужденіе только кажется сильнымъ. Если современникамъ принадлежитъ право рѣшать самые существенные вопросы о формѣ государственнаго устройства, внутренней организаціи и т. д., то логика не полагаетъ предѣловъ этому праву, когда рѣчь идетъ объ отдѣленіи провинціи. И почему то, что признается разумнымъ и обязательнымъ въ сферѣ государственной

[1]) *Fr. Lieber*. «De la valeur des plébiscites», стр. 143—144.

жизни, перестало быть таковымъ для международной, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы принадлежать государству А или В? Либеръ, всеконечно, не станетъ оспаривать у представительныхъ учрежденій страны права рѣшать въ качествѣ послѣдней, высшей истанціи объ уступкѣ части территоріи, а изъ этого явствуетъ вся несостоятельность его аргументаціи, такъ какъ постановленія въ этомъ родѣ имѣются во всѣхъ почти современныхъ конституціяхъ. Слѣдовательно, если палаты согласились на уступку, она законна, хотя и связываетъ будущія поколѣнія; въ палатахъ могутъ быть и бывали разногласія и рѣшенія большинства, быть можетъ тоже весьма незначительнаго, но рѣшенія котораго тѣмъ не менѣе обязательны для будущихъ поколѣній. Въ этихъ постановленіяхъ палатъ голоса избранныхъ изъ среды жителей уступаемыхъ провинцій могутъ быть численно подавлены. Тѣмъ не менѣе рѣшенія представительныхъ собраній при этихъ именно условіяхъ съ большимъ основаніемъ могутъ обязать будущія поколѣнія, чѣмъ постановленія хотя бы громаднаго большинства жителей самой провинціи, наиболѣе заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Думается намъ, что послѣдніе скорѣе имѣютъ право принять на себя отвѣтственность за свое рѣшеніе предъ будущими генераціями.

Не ясно ли, что упомянутая выше аргументація въ логическомъ своемъ послѣдствіи приведетъ къ признанію большей компетентности (въ качествѣ отвѣтчика предъ будущими генераціями) завоевателя, можетъ быть, чуждаго населенію и интересамъ провинціи, руководимаго часто желаніемъ „округлить владѣнія“, увеличить число податныхъ душъ и солдатъ, и т. п. мотивами, чѣмъ жителей земли, о судьбѣ которыхъ идетъ рѣчь. Завоеватель и само государство, у котораго требуютъ уступки, признаются имѣющими право связывать будущія генераціи, и не признается то же право за жителями, рождающими эти генераціи на землѣ, съ которою они сроднились и при посредствѣ государства, котораго подданными они, быть можетъ, желаютъ оставаться? Нисколько не удивительна и ссылка на произвольность числа требуемыхъ голосовъ. Признанныя въ былыя времена $^2/_3$ и $^3/_4$ голосовъ суть историческіе факты, отжившіе свое время, любопытные и поучительные для изслѣдователя прошлаго, но и только. Новое время выработало принципъ простаго большинства, хотя и допускаетъ въ исключительныхъ случаяхъ большинство въ $^2/_3$ и $^3/_4$ голосовъ; послѣднее самимъ Либеромъ не требуется какъ безусловно необходимое во внутреннихъ дѣлахъ. Духъ порядка и миролюбія, свойственный нашему времени, указываетъ на число, наиболѣе

подходящее для уменьшенія розни между членами соціальнаго сожитія. Далѣе, въ значительномъ большинствѣ случаевъ окрѣпшее національное стремленіе дастъ всегда поражающій результатъ при голосованіи (какъ это было въ Италіи). Если даже допустить, что меньшинство будетъ значительно, то справедливѣе оградить хоть сколько-нибудь его права предоставленіемъ ему, напр., права выселенія изъ уступаемой области, чѣмъ связывать судьбу большинства съ нежеланіемъ этого меньшинства, которое можетъ еще уменьшиться предоставленіемъ ему права выселенія изъ уступаемой территоріи.

Не болѣе убѣдительны и возраженія историческаго свойства. Приводится масса примѣровъ распространенія и расширенія государствъ путемъ завоеванія или добровольныхъ уступокъ территорій безъ спроса о согласіи на то ихъ населенія. Такъ Либеръ цитируетъ пять случаевъ изъ практики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Техасъ, считавшійся независимымъ государствомъ, былъ присоединенъ къ союзу по трактату; Калифорнія—завоеваніемъ, Новая Мексика — куплею-продажею; Луизіана куплена у Наполеона I за 15 милліоновъ долларовъ; Флорида (въ 1821 г.) уступлена Испаніею; въ 1790 году часть Мэриланда и Виргиніи были уступлены союзу законодательною властью этихъ двухъ штатовъ. Ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ никто, однако, не прибѣгалъ къ плебисциту, никто не думалъ о немъ [1]). Еще недавно русскія американскія владѣнія проданы Россіей Соединеннымъ Штатамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобныхъ фактовъ можно бы насчитать не мало; если обратимся къ древнимъ временамъ, то увидимъ завоеваніе и насиліе нормальными, постоянными явленіями, къ которымъ въ средніе вѣка присоединились купля-продажа, дареніе, обмѣнъ. Но мы имѣемъ дѣло съ новымъ, слагающимся еще направленіемъ международныхъ сношеній, начинающимъ вытѣснять прежнее. То, что совершалось прежде и имѣло свое разумное основаніе въ естественныхъ по тому времени условіяхъ для образованія государствъ, среди которыхъ завоеваніе играло даже роль начала, сближавшаго народы, можетъ быть несправедливымъ и вреднымъ для настоящихъ условій существованія націй, требующихъ признанія за ними права на независимость и свободное распоряженіе своими судьбами. Если бы новыя условія не измѣнили прежняго взгляда на это дѣло, мы, конечно, не встрѣтили бы не

[1]) *Fr. Lieber*. «De la valeur des plébiscites», стр. **141—143**.

только примѣровъ плебисцита, но и самой національной теоріи. Либеръ, Роленъ Жакменъ и другіе утверждаютъ еще, что всѣ державы пользовались и пользуются при благопріятныхъ случаяхъ правомъ завоеванія. Франція, напр., не спрашивала у народовъ завоеванныхъ о ихъ желаніи [1]) и, конечно, не преминула бы воспользоваться имъ въ случаѣ побѣды надъ Пруссіей. Совершенно вѣрно; но изъ того, что всѣ державы пользовались правомъ завоеванія, не спрашивая согласія жителей отчуждаемыхъ областей, и будутъ еще пользоваться имъ, не вытекаетъ еще ни справедливость этого права, ни невозможность прослѣдить въ современную эпоху нарожденія новаго обычая, имѣющаго вытѣснить прежній.

Разумность и законность вновь слагающагося права населенія рѣшать плебисцитомъ вопросъ объ уступкѣ нисколько не опровергается и соображеніями, приводимыми противъ историческихъ способовъ осуществленія этого права и его послѣдствій для заинтересованныхъ сторонъ. Всѣ извѣстные плебисциты этого рода совершались исключительно ради проформы; напр. голосованіе Венеціи и Рима было опережено совершившимся фактомъ [2]). Начало „политическаго равновѣсія" легло въ основаніе уступки Савойи и Ниццы, которая „была условлена трактатомъ прежде, чѣмъ она могла быть ратификована народнымъ голосованіемъ" [3]). И если бы голосованіе дало результаты противные видамъ Франціи, Наполеонъ III, понятно, не допустилъ бы савойцевъ остаться пьемонтскими подданными. „Устроено было такъ, что этого и не могло случиться": существовало противорѣчіе между либеральной формой и антилиберальнымъ существомъ того плебисцита, „который былъ только горькимъ фарсомъ" [4]), хотя уступка и была добровольная, не порожденная завоеваніемъ. Въ послѣднемъ же случаѣ государство—побѣдитель не станетъ связывать себя волею населенія, если напередъ не увѣрено въ исходѣ голосованія.

Вполнѣ допуская существованіе всѣхъ этихъ злоупотребленій мы настаивали на томъ, что злоупотребленіе правомъ или принципомъ никогда еще не доказывало ни отсутствія, ни непригодности ихъ или несправедливости. Въ разсмартиваемыхъ же случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ новымъ, еще не окрѣпшимъ понятіемъ, встрѣчавшимъ громадныя преграды въ старыхъ традиціяхъ и въ

[1]) *Lieber* «De la valeur des plébiscites», стр. 141; *Rolin-Jacquemyns*—Revue, tome II, стр. 696—697.

[2]) *Lieber*—ibidem, стр. 141.

[3]) *Rolin-Jacquemyns*. «Revue de droit international», tome IV, стр. 517.

[4]) *Fr. Lieber*. «De la valeur des plébiscites», стр. 141.

интригующей дипломатіи авантюристовъ. Пока удовлетворимся тѣмъ, что новый принципъ народился, встрѣчаетъ сочувствіе въ наукѣ и что на него уже начинаютъ ссылаться въ международныхъ трактатахъ. Съ дальнѣйшимъ успѣхомъ въ международныхъ отношеніяхъ и въ наукѣ новое начало постепенно станетъ прочно и завоюетъ себѣ законное мѣсто и признаніе.

Высказанная сейчасъ мысль доказывается и тѣми уступками, которыя начинаютъ дѣлать публицисты, допускающіе еще право завоеванія, но съ большими смягченіями и оговорками для обезпеченія законныхъ интересовъ жителей отчуждаемыхъ провинцій. Такъ Гвидо-Паделлетти полагаетъ, что право эмиграціи и свобода, которую трактаты всегда оставляютъ жителямъ въ выборѣ (въ теченіи извѣстнаго времени) той или другой національности, достаточныя гарантіи для индивидуальной свободы [1]. Блунчли же допускаетъ, что признаніе со стороны политически правоспособнаго государства не составляетъ необходимости для фактическаго подчиненія и господства, но „оно необходимо, чтобы наложить печать права на новое пріобрѣтеніе“. Въ признаніи открывается „и продолжительная необходимость, т. е. право измѣнившихся обстоятельствъ. Оно создаетъ право“ [2]) Говоря о юридическомъ значеніи уступки, Блунчли въ другомъ мѣстѣ установляетъ для него 4 пункта, изъ которыхъ для насъ существенный интересъ представляетъ третій“: признаніе уступки со стороны по крайней мѣрѣ политически правоспособнаго населенія“ [3]). Населеніе“ не есть предметъ отчужденія, лишенный воли и правъ, „а живая составная часть государства и безъ согласія его страна не можетъ быть мирно занята. Но „можно довольствоваться и признаніемъ выраженнымъ необходимостью; свободное и радостное желаніе народа, хотя и желательно, но не безусловно нужно. Это признаніе выражается *уже въ повиновеніи, оказываемомъ новому правительству и въ прекращеніи всякаго противодѣйствія ему;* наоборотъ, добровольное согласіе есть уже активное одобреніе уступки“ [4]). Послѣднюю ошибку повторяетъ и Гвидо-Паделлетти; узурпаціи и нарушеніе правъ народа возможны, но только „на нѣсколько дней“ а если народъ терпитъ правительство, котораго не желаетъ, то онъ заслуживаетъ имѣть его; воля народовъ всегда

[1]) *Guido-Padelletti.* «L'Alsace et la Lorraine», стр. 492.
[2]) *Bluntschli.* Völkerrecht, § 288, п. 6, с. примѣчаніе 1.
[3]) Ibidem, 286, 173.
[4]) Ibidem, пунктъ 2 къ с.

выражается въ самыхъ событіяхъ: плебисцитъ есть всегда только излишнее выраженіе этой воли" [1]). Стоитъ, однако, припомнить событія въ Пьемонтѣ, Неаполѣ, Испаніи, въ Германіи (послѣ вѣнскаго конгреса), и всю плачевную исторію Италіи, чтобы убѣдиться, какъ грубая сила можетъ заставить молчать и надолго, на десятки лѣтъ, а не на десятки дней, волю народа, которая иногда не можетъ проявиться въ самыхъ событіяхъ, и такимъ образомъ, плебисцитъ не всегда былъ бы излишнимъ выраженіемъ этой воли. Это вѣрно во внутренней политикѣ, о которой собственно и говоритъ Гвидо-Паделлетти, но не менѣе вѣрно и въ международныхъ сношеніяхъ. Въ частности Блунчли признаетъ три формы согласія: 1) выборъ между подданствомъ старому и новому государству; 2) народное голосованіе, „соотвѣтствующее демократическому направленію нашего времени и льстящее самолюбію народныхъ массъ, но дающее поводъ къ злоупотребленіямъ и къ искусственному вербованію голосовъ" и 3) выраженіе народнаго мнѣнія чрезъ представителей [2]). Во всякомъ случаѣ „*окончательное рѣшеніе* не можетъ зависѣть отъ произвола мѣстнаго населенія, которое все-таки представляетъ только часть извѣстнаго цѣлаго, а не само цѣлое"; оно лежитъ во власти государства и народовъ, которые распоряжаются своими отдѣльными частями. „Если, однако, признаніе должно быть даваемо личностями не лишенными воли и права", то нельзя уже довольствоваться признаніемъ „вынужденнымъ необходимостью, хотя бы противъ воли и неохотно". Пассивное признаніе вовсе не равносильно признанію, предполагающему въ самомъ понятіи своемъ свободное, добровольное выраженіе согласія, обладающаго правомъ и волею, тѣмъ не менѣе оно признается достаточнымъ при уступкѣ территоріи. Если рѣшающій голосъ принадлежитъ всему государству, цѣлому, которое можетъ распоряжаться своими частями, то нѣтъ надобности и говорить о необходимомъ условіи для уступки, формулируемомъ Блунчли въ „участіи политически правоспособнаго населенія отчуждаемой территоріи". Нѣтъ также основанія усматривать начало признанія со стороны населенія въ простомъ фактѣ повиновенія новому правительству. Можно ли располагать судьбами народовъ лишь на основаніи какого-то предположенія о безмолвномъ согласіи на присоединеніе, причемъ пассивное и активное согласіе являются понятіями

[1]) *Guido-Padelletti*, «L'Alsace et la Lorraine», стр. 488.
[2]) *Bluntschli*, «Völkerrecht», § 286, примѣчаніе 2 b и с.

тождественными и равноправными факторами для юридическаго значенія уступки. Ясно, что всякое согласіе, особенно въ вопросахъ публичнаго права столь большой важности, должно быть формально и открыто выражено. Молчаніе и повиновеніе — состоянія чисто фактическія, не имѣющія юридическаго значенія въ подобныхъ крупныхъ явленіяхъ публично-правоваго, международнаго характера. Весьма вѣроятно, что такая форма народнаго голосованія (плебисцитъ) „льститъ самолюбію народныхъ массъ" и во всякомъ случаѣ вѣрно, что она соотвѣтствуетъ „демократическому направленію нашего времени". Но она есть результатъ высокаго понятія о личной свободѣ индивидуума и широкомъ участіи его въ государственныхъ дѣлахъ. Естественно, что голосъ народонаселеній долженъ имѣть тѣмъ большее значеніе, чѣмъ существеннѣе и значительнѣе его свобода, конституціонныя права въ предѣлахъ государства, къ которому принадлежитъ территорія, предполагаемая къ отчужденію. Если же наше время отличается демократическимъ направленіемъ, то согласіе населенія при отчужденіи территоріи тѣмъ понятнѣе и естественнѣе. Форма плебисцита можетъ быть „чрезвычайно" подвержена злоупотребленіямъ и искусственному вербованію голосовъ. Но противъ этихъ злоупотребленій всегда возможно принять мѣры (сообща обоими правительствами), напримѣръ, организовать смѣшанную коммисію, состоящую изъ уполномоченныхъ отъ обоихъ заинтересованныхъ правительствъ, которая будетъ наблюдать за правильностью плебисцита. Желательно и не трудно осуществить также приглашеніе третьей, незаинтересованной державы, которая могла бы слѣдить чрезъ посредство своихъ делегатовъ за правильностью и порядкомъ организаціи народнаго голосованія. Во всякомъ же случаѣ возможныя злоупотребленія принципомъ плебисцита не могутъ ни уничтожить, ни существенно ослабить значенія самой идеи, лежащей въ его основѣ, коренящейся въ началѣ свободы и независимости личности и національностей, столь благопріятствуемыхъ XIX вѣкомъ. Формѣ плебисцита во всякомъ случаѣ должно отдать предпочтеніе предъ формою „выбора между подданствомъ старому и новому государству", часто практикуемою въ современныхъ трактатахъ. Выборъ подданства — больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное на практикѣ средство для полнаго удовлетворенія начала личной свободы при перемѣнѣ подданства. Это искусственный, мало практичный способъ выраженія согласія народонаселенія и, главное, не связанъ интимно съ судьбами территорій. Народонаселеніе, жившее на извѣстной территоріи, привязанное къ ней рожденіемъ, воспита-

ніемъ, историческими воспоминаніями, часто чувствомъ патріотизма, и т. д. — вообще тою привязанностью, которая характеризуетъ нормальнаго человѣка, въ его отношеніяхъ къ мѣсту, на которомъ онъ живетъ, — можетъ быть поставлено въ необходимость, слѣдуя этимъ своимъ привязанностямъ и чувствамъ, оставаться на территоріи, присоединяемой къ государству, съ которымъ населеніе не имѣетъ ничего общаго и которое оно, быть можетъ, даже ненавидитъ. Жертвуя же этими привязанностями и чувствами къ населяемой имъ территоріи ради высшаго патріотизма и естественнаго, симпатичнаго желанія оставаться подданнымъ излюбленнаго стараго отечества, раздѣлить съ нимъ его судьбы, радости и горе, населеніе покидаетъ родную землю и вынуждено искать пристанища въ другихъ, незнакомыхъ и часто неблагопріятныхъ для его дальнѣйшаго процвѣтанія провинціяхъ прежняго своего отечества. Эти противоположныя, наталкивающіяся здѣсь стремленія и симпатіи дробятъ массу населенія отчуждаемой провинціи, поражаютъ его національную цѣльность, отрывая часть населенія отъ его территоріи. На практикѣ замѣчено, что правомъ свободнаго выбора подданства фактически могутъ пользоваться только богатые классы населенія, притомъ по преимуществу капиталисты, высшіе и средніе чиновники, отчасти крупные землевладѣльцы и т. п., т. е. меньшинство населенія. Большинство же (рабочіе, и особенно мелкіе земельные собственники) оказывается по бѣдности и безпомощности своей болѣе прикрѣпленнымъ къ землѣ; поэтому оно и не въ состояніи воспользоваться предоставленнымъ ему въ трактатѣ правомъ свободнаго перехода въ подданство прежняго отечества, не рискуя полнымъ или значительнымъ разореніемъ своего экономическаго благосостоянія. Это очевидная несправедливость, такъ какъ привилегіей выбора подданства можетъ воспользоваться только меньшинство, не выражающее собою большинства народонаселенія; между тѣмъ, справедлива можетъ быть только та форма согласія политически-правоспособнаго населенія, которая дала бы большинству возможность избрать извѣстное подданство. Самые сроки, установленные въ трактатахъ, обыкновенно ограничены, что также можетъ повліять на уменьшеніе числа лицъ, пользующихся сомнительными благодѣяніями этой переходной формы выраженія согласія, представляющей компромиссъ между безусловною обязанностью населенія оставаться прикованнымъ къ территоріи и правомъ его рѣшать о своемъ подданствѣ неразрывно съ судьбою территоріи. Это—компромиссъ между старымъ, отживающимъ обычаемъ, предоставляющимъ отчужденіе территоріи на исключительное благоусмо-

трѣніе заинтересованныхъ въ этой уступкѣ правительствъ, безъ всякаго участія населенія этихъ провинцій и вновь нарождающимся обычаемъ отчуждать территорію не иначе, какъ съ согласія ея населенія. Въ этомъ компромиссѣ еще преобладаетъ средневѣковое воззрѣніе, устраняющее народъ отъ непосредственнаго выраженія своей воли при переходѣ населяемой имъ территоріи отъ одного государства къ другому [1]).

Посмотримъ теперь, чѣмъ оправдываютъ публицисты отчужденіе территоріи по завоеванію, смягченное столь недостаточными гарантіями свободнаго выбора между старымъ и новымъ подданствомъ?

„Разъ допущено право войны, какъ крайнее средство, къ которому прибѣгаютъ націи за недостаткомъ способа болѣе гуманнаго, нужно, конечно, выносить и послѣдствія ея". Въ этомъ порядкѣ идей оправдывается и жертва территоріальная, которая налагается на виновника *несправедливаго нападенія*, является „poena temere litigantis, которую судья можетъ наложить на виновную сторону". Здѣсь — „примѣненіе принципа коллективной отвѣтственности націи", безъ которой невозможна международная юстиція [2]). Государство, подвергшееся несправедливому нападенію, вправѣ требовать вознагражденія и уступки территоріи (очевидно, безъ согласія населенія), какъ гарантіи для своей безопасности на будущее время [3]). Отнять у побѣдителя это право, значило бы забыть, что у войны, если и можетъ быть своя хорошая сторона, то именно въ томъ, что она подвергаетъ нападающаго риску серьезнаго уменьшенія въ могуществѣ [4]). Это уменьшеніе могущества не должно, однако, доходить до совершеннаго уничтоженія государства; это было бы смертнымъ приговоромъ надъ націею, а смертная казнь еще болѣе незаконна въ примѣненіи къ націямъ, чѣмъ къ „индивидуумамъ" [5]). Никакого права завоеванія не существуетъ, и побѣдитель можетъ „требовать отъ побѣжденнаго его согласія на уступку территоріи только тогда, когда это требованіе „оправдывается очевидными соображеніями *нравственности* и *общей пользы*" [6]).

[1]) Противъ плебисцитовъ высказывался и *Тьеръ*; см. «Revue de droit international», tome II, стр. 174 (рѣчь Тьера отъ 18 марта 1867 г. въ законодательномъ корпусѣ).

[2]) *Rolin-Jacquemyns*—«Revue», tome II, стр. 697; *Holtzendorf*—ibidem, стр. 517.

[3]) *Rolin-Jacquemyns* «Revue», tome III, стр. 583.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem, tome II, стр. 697.

[6]) Ibidem, tome III, стр. 538.

Montluc, возставая противъ правомѣрности присоединенія Альзаса и Лотарингіи къ Германіи, говоритъ, что сама идея наказанія не существуетъ между націями, такъ какъ націи равны, а наказывать могутъ только высшіе; если же допустить завоеваніе какъ наказаніе, то оно имѣетъ отношеніе только къ прошлому; если же оно гарантія на будущее время, то оно можетъ быть сдѣлано только въ виду будущаго. Слѣдовательно, ссылаясь на завоеванія какъ на необходимость для будущаго, должно отказаться отъ взгляда на него какъ на наказаніе [1]). Роленъ-Жакменъ отвѣчаетъ на это такъ: „идеи наказанія и гарантіи не противорѣчатъ другъ другу, а только взаимно восполняютъ одна другую". Согласно теоріи общепринятой лучшія наказанія тѣ, которыя поражаютъ настоящаго виновника и, не превосходя мѣры его виновности, гарантируютъ общество отъ опасности рецидивизма. Обѣ идеи постепенно связуются въ случаѣ, когда несправедливое нападеніе одной изъ сторонъ указываетъ разомъ на справедливость наказанія и необходимость гарантіи [2]). Обѣ идеи равно оправдываются и въ ихъ примѣненіи къ условіямъ возстановленія мира. Чѣмъ болѣе желателенъ послѣдній, тѣмъ болѣе необходимо, чтобы тотъ, кто нарушаетъ его, не былъ увѣренъ въ безнаказанности, безъ чего вся выгода была бы на сторонѣ націи, которая подъ пустымъ предлогомъ вздумала бы попытать счастья въ битвахъ. Побѣдительница—она дала бы свободное теченіе своему честолюбію; побѣжденная—она ссылалась бы на международное право, чтобы претендовать на неприкосновенность [3]).

Наконецъ, въ интересахъ мира и сохраненія государства должно допустить уступку части территоріи. Въ государственномъ правѣ она разсматривается часто (въ конституціяхъ) какъ „нераздѣльная и неотчуждаемая". Если бы это было такъ на самомъ дѣлѣ, то миръ былъ бы невозможенъ и война закончилась бы только совершеннымъ уничтоженіемъ независимости побѣжденнаго [4]).

Возражая на приведенныя, повидимому, неопровержимыя аргументы, прежде всего можно сказать, что допущеніе завоеванія, какъ результата войны, не есть само по себѣ требованіе логики; можно бы въ такомъ случаѣ доказывать, что и совершенное уничтоженіе государственной независимости можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть логическимъ послѣдствіемъ войны. (Роленъ-

[1]) *De Montluc*, ibidem, стр. 533.
[2]) Ibidem, стр. 537.
[3]) *Rolin-Jacquemyns*—«Revue», tome III, стр. 537—538.
[4]) *Bluntschli* «Völkerrecht», стр. 396—397, примѣч. 1, къ § 706.

Жакменъ, однако, самъ отрицаетъ послѣднее). Понятіе о справедливости или несправедливости войны — весьма относительное; каждая сторона и часто съ полною добросовѣстностью полагаетъ, что право и справедливость на ея сторонѣ, и кто же явится судьею при рѣшеніи этого спора? Нейтральные рѣдко вмѣшиваются въ опредѣленіе результатовъ войны; вмѣшательство ихъ большею частью нравственнаго свойства. Нравственное неодобреніе общественнаго мнѣнія при отчужденіи территоріи не остановитъ, однако, побѣдителя въ томъ случаѣ, когда онъ увѣренъ въ фактическомъ невмѣшательствѣ нейтральныхъ. Война и теперь стоитъ еще такъ, что не законность и не справедливость ея рѣшаютъ споръ о конечныхъ результатахъ ея для побѣжденнаго, а фактическая сила даетъ элементы для рѣшенія вопроса въ трактатахъ. Въ такомъ случаѣ желательно, по возможности, гуманизировать войну и сдѣлать ее насколько можно менѣе привлекательною для желающихъ прибѣгать къ ней. Если бы воюющіе знали, что отчужденіе территоріи безъ согласія населенія не можетъ быть конечнымъ послѣдствіемъ войны, а такое согласіе возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ (при войнахъ за выдѣленіе или объединеніе національностей), то, несомнѣнно, война не представлялась бы имъ столь заманчивою. Къ тому же завоеваніе — обоюдо острое оружіе и легко можетъ быть обращено противъ побѣжденной, но вполнѣ правой стороны, чему имѣются безчисленные примѣры. Идя далѣе и допуская право наказанія, положимъ, что завоеваніе будетъ всегда исходомъ только войны законной и будетъ примѣняться только къ обидчику — побѣжденному.

Остается все же недоказаннымъ, почему это право наказанія, не восполняемое идеею гарантіи на будущее время, можетъ разростись до права отнятія части территоріи, причемъ и приблизительно даже нельзя указать и разсчитать количество и качество ея, умаляющее могущество побѣжденнаго государства, или количество обезсиливающее его, и не уничтожая его независимости, могущее низвести его къ разряду второстепенныхъ государствъ. Послѣдній же результатъ, навязанный волею одного побѣдителя, можетъ нарушать интересы всего международнаго союза; но по праву его трудно оспаривать, если признать за побѣдителемъ право отторгать угодное ему количество территоріи. Право наказанія и гарантіи должны подчиняться началу „est modus in rebus“. Государство побѣдившее, справедливо или нѣтъ начало оно войну, хочетъ гарантировать себя на будущее время. Для этого оно въ правѣ требовать отъ побѣжденнаго — срытія нѣкоторыхъ

или всѣхъ крѣпостей, денежной контрибуціи [1]), уменьшенія флота, уступокъ въ свою пользу торговлѣ и т. д., т. е. всего того, что можетъ, дѣйствительно, наказать государство и дать обезпеченіе на будущее время, все безъ отчужденія территоріи. Исключеніе — случаи войнъ за національную независимость или объединеніе; въ такихъ случаяхъ вопросъ населенія рѣшаетъ уступку, и тогда это будетъ не завоеваніемъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаютъ обыкновенно, а торжествомъ національной идеи, выразившимся въ фактѣ отчужденія извѣстной провинціи при помощи военныхъ дѣйствій, причемъ согласіе населенія рождало и обусловливало собою новое право побѣдителя на обладаніе отнятою провинціею. Возможно на это возраженіе, что при подобныхъ унизительныхъ условіяхъ мира, всякое государство считало бы себя не менѣе униженнымъ, чѣмъ въ случаѣ потери какой-нибудь провинціи и стало бы искать случая отдѣлаться отъ столь унизительныхъ условій [2]). При такомъ разсужденіи имѣется въ виду интересъ побѣжденнаго, и игнорируются интересы жителей провинцій отчуждаемыхъ, ради которыхъ, главнымъ образомъ, и не должно допускать отчужденія безъ явно выраженнаго ихъ согласія. Наконецъ, и отчужденіе территоріи нисколько не удерживаетъ государство побѣжденное отъ попытокъ вернуть современемъ утраченное. Народъ тоже безспорно отвѣтственъ за войну и ея послѣдствія, особенно въ странахъ съ широкими представительными учрежденіями. Эта отвѣтственность выражается въ томъ, что населеніе несетъ тягости войны, а въ случаѣ пораженія оно же платитъ контрибуцію и терпитъ нравственныя униженія. Въ этомъ случаѣ отвѣтственность за войну распредѣляется, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторою равномѣрностью между населеніемъ всѣхъ провинцій побіеннаго государства, тогда какъ въ случаѣ отчужденія территоріи по чистому праву завоеванія, не обусловленному согласіемъ населенія, главная тяжесть отвѣтственности падаетъ на населеніе одной лишь отчуждаемой провинціи.

Отмѣна завоеванія была бы прогрессомъ въ международныхъ сношеніяхъ въ правѣ войны. Послѣднее смягчается постепенно и отчего бы не исключить изъ него завоеванія, привлекающаго алчность державъ и дающаго войнѣ лишнее raison d'être. Исчезновеніе завоеванія не увеличитъ числа войнъ потому уже, что каждое государство, начиная войну, не можетъ быть заранѣе увѣрено въ

[1]) *Charles Sumner*. «Revue de droit international», tome III, стр. 692.
[2]) Ibidem (Роленъ-Жакменъ).

томъ, что ему выпадетъ пользоваться имъ, а возстановленіе status quo ante bellum не искупаетъ, конечно, жертвъ, сопряженныхъ съ самою войною.

Резюмируя все изложенное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: право завоеванія понемногу исчезаетъ; современная наука дожна осудить его. Отчужденіе территоріи (среди мира или послѣ войны) возможно только послѣ поголовнаго голосованія населенія, обставленнаго всѣми гарантіями для правильной и добросовѣстной организаціи свободной подачи голосовъ (гарантіи эти выше намѣчены нами). Воля побѣдителя и государства побѣжденнаго не достаточны для юридической обязательности уступки, которая можетъ найти мѣсто только относительно территоріи, населеніе которой, совмѣщая въ себѣ всѣ элементы національности, сознательно стремится къ выдѣленію изъ стараго государства и къ соединенію съ другимъ, которому хотятъ уступить территорію во время мира или послѣ войны. Это стремленіе населенія выскажется въ плебисцитѣ, результатъ котораго будетъ лучшимъ доказательствомъ присутствія или отсутствія въ данномъ населеніи опредѣлившагося сознанія своей національности.

Данная постановка вопроса была бы единственно практическимъ способомъ узнать настоящія симпатіи населеній во многихъ спорныхъ провинціяхъ; эти симпатіи соотвѣтствовали бы въ большинствѣ случаевъ дѣйствительной наличности элементовъ національности въ той или другой мѣстности. Меньшинство, недовольное рѣшеніемъ большинства, должно пользоваться правомъ въ теченіи извѣстнаго, по возможности продолжительнаго срока покинуть территорію, перешедшую къ иному или оставшуяся за прежнимъ государствомъ, избрать подданство новаго или стараго правительства.

Роль международнаго союза можетъ быть при этомъ весьма почетная и достойная миролюбивыхъ идеаловъ нашего времени. Порядокъ, построенный на солидарности интересовъ между народами, не терпитъ, чтобы воля и частный интересъ одного члена господствовали надъ интересами другихъ. Такимъ образомъ, международный союзъ долженъ удалять всѣ факторы, сѣющіе раздоръ среди членовъ. Онъ не долженъ допускать начала завоеванія, какъ противнаго указанному выше порядку, если завоеваніе не имѣетъ юридической санкціи въ согласіи населенія. Выступая въ качествѣ посредниковъ между заинтересованными сторонами (обоими враждующими государствами и населеніемъ оспариваемой территоріи), члены международнаго союза должны охранять своимъ беспристрастнымъ посредничествомъ право національностей на независи-

мое существованіе (въ выдѣлившемся или объединенномъ національномъ государствѣ), т. е. должны охранять индивидуальный принципъ свободы; въ то же время, признавая совершившіеся въ силу несокрушимой національной идеи факты, международный союзъ долженъ охранять начала порядка наблюденіемъ надъ тѣмъ, чтобы отторженія провинцій, разрушеніе и образованіе государствъ не совершались по капризу сильныхъ, безъ согласія населенія. Такимъ-то образомъ можно сочетать принципъ свободы съ началомъ порядка, начало независимости націй съ принципомъ порядка, основаннымъ на солидарности интересовъ всѣхъ членовъ союза, уступающихъ частицу своей свободы и самостоятельности для созданія международнаго порядка, удовлетворяющаго высшимъ жизненнымъ потребностямъ человѣка и человѣческихъ обществъ.

КОНЕЦЪ.

Bayerische Staatsbibliothek München

100

120

100
661826/119

6-8

1907/92

Сочиненія того же автора:

1) Очеркъ новѣйшей литературы по международному праву; С.-Петербургъ 1876 г.

2) Историческій очеркъ нейтралитета и критика Парижской морской докларацiи 1856 г. Москва 1879 г.

3) О каперствѣ и морской войнѣ. Москва, 1878 (брошюра).

Продаются въ книжныхъ магазинахъ Анисимова въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

4) Принципы международнаго права. Москва 1880 г. (брошюра).

5) Парижская декларація 16 апрѣля 1856 г. (брошюра).

У книгопродавца Сыхра въ Харьковѣ.

6) La Russie et l'Angleterre en Asie centrale. London, 1881 г.

7) Opinion impartial d'un russe sur l'extradition des nihilistes. Paris, 1881 г.

У книгопродавца Ghiot въ Парижѣ.

10. Dez. 2001

Buchbinderei
H. Pantele
85376 Massen
Tel.: 08165

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Danevskij, Vsevolod P.

Sistemy političeskago ravnověsija i legitimizma i načalo nacional'nosti v ich vzaimnoj svjazi istoriko-dogmatičeskoe izslědovanie

S.-Peterburg 1862

4 Pol.g. 258 v

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10688269-2